

Рк Ц, 123
Л 63

1556

С. И. Лисенко.

Краєве рільниче товариство господарське
„Сільський Господар“ у Львові

ОЧЕРКИ

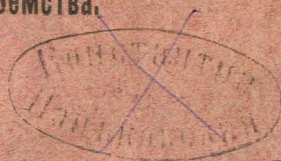
ДОМАШНИХЪ ПРОМЫСЛОВЪ И РЕМЕСЛЪ

ПОЛТАВСКОЙ ГУБЕРНІИ.

ВЫПУСКЪ III-Й.

Промыслы Лохвицкаго уѣзда.

Издание Полтавскаго Губернскаго Земства.

ПОЛТАВА.

Типо-Литографія Торгов. Дома „Л. Т. Фришбергъ“, Александр. улица.

1904.

КОРОТКИЙ ПАСПОРТ КНИГИ

+

Шифр Щ123 163 Инв. № 2671348

Автор Мищенко С.И.

Назва Очерки домашних промыслов и ремесл Полтавской губернии

Місце, рік видання Полтава: 1904

Кіл-ть стор. Вып. 3: Промыслы Лохвиц-

-"- окр. листів коро. чезда. - 1904.

-"- Ілюстрацій [2], 194 с.: табл.

-"- карт _____

-"- схем _____

Том _____ частина _____ вип. 3

Конволют _____

Примітка: 10.07.97г. П. Дрозд

2000

8.06 - 6837н

2001

3.04 - 16400н

2006

18.02 - 5226 9⁵

2011
 2.02. Миколаївська

1
2
3
4
5
6

Б302252 -3

4412
Л63

Краєве вільниче товариство господарське
"Сільський Господар" у Львові

С. И. Лисенко.

ОЧЕРКИ

ДОМАШНИХЪ ПРОМЫСЛОВЪ И РЕМЕСЛЪ ПОЛТАВСКОЙ ГУБЕРНИИ.

ВЫПУСКЪ III-й.

~~КОНСТАНТИН
КАПАНОВСКИЙ~~

Промыслы Лохвицкаго уѣзда.

Издание Полтавскаго Губернскаго Земства.

Рк 2671348

НАЦІОНАЛЬНА
ПАРЛАМЕНТСЬКА
БІБЛІОТЕКА
УКРАЇНИ

Власність Бібліотеки
Тов-ва
"СІЛЬСЬКИЙ ГОСПОДАР"
У ЛЬВОВІ.

ПОЛТАВА.

Типо-Литографія Торгов. Дома „Л. Т. Фришбергъ“, Александр. улица.

1904.

Корпусе Имперскихъ Губернскихъ
Товариществъ въ Полтавѣ
и въ губерніяхъ Полтавской
и Харьковской

ОПЕЯКИ

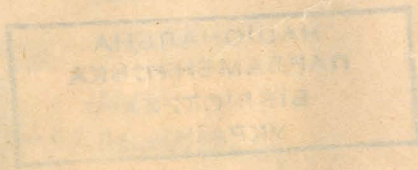
ДОМАШНИХЪ ПРОМЫСЛОВЪ И РЕМЕСЛЪ

ПОЛТАВСКОЮ ГУБЕРНІЮ

ВЫДАЮСЯ Ш.Н.

Печат. съ разр. и д. Г. Полтавскаго Губернатора.

Надпись Полтавскаго Губернскаго Замѣстителя

ПОЛТАВА

Оглавленіе.

	<i>Стран.</i>
Плетеніе рыболовныхъ сѣтей въ м. Воронькахъ	1
С. Поставмуки Вороньковской волости	46
Плетеніе кошелей изъ рогоза въ Вороньковской волости	78
Ткачество въ м. Воронькахъ	103
Сапожничество въ м. Воронькахъ	108
Прочіе промыслы м. Вороньковъ	114
Ткацкій и др. промыслы въ с. Мелехахъ	118
Гончарный промыселъ въ м. Сенчѣ	124
Овчинники въ Бодаквѣ, Сенчѣ и Пескахъ	134
а) Овчинники въ с. Бодаквѣ	—
б) Овчинники въ м. Сенчѣ	136
в) Овчинники въ с. Пескахъ	139
Сапожный промыселъ въ Сенчанской и Песковской волостяхъ	141
А. Сапожничество въ д. Хруляхъ	142
Б. Сапожники въ с. Бодаквѣ	145
В. Сапожный промыселъ въ с. Пескахъ	149
Г. Сенчанскіе сапожники	153
Д. Сапожники въ Сенчанскомъ Засульи	157
Кузнечный промыселъ въ г. Лохвицѣ	161
Плетеніе волосяныхъ ситъ въ Харсикахъ Чернухской вол.	168
Гончары въ м. Городицѣ Вороньковской волости	174
Колесный промыселъ въ Харсикахъ Чернухской волости	185
Таблицы распредѣленія хозяйствъ с. Поставмукъ по земле- владѣнію и промысламъ	188

I. Плетеніе рыболовныхъ сѣтей въ м. Воронькахъ.

Промыселъ плетенія рыболовныхъ сѣтей въ Вороньковской волости существуетъ съ незапамятныхъ временъ—съ прадѣдовъ, какъ говорятъ сами кустари. В. П. Василенко *) отмѣчаетъ нѣкоторые періоды въ развитіи этой отрасли промышленности: по его словамъ, послѣ перехода м. Вороньковъ изъ рода Милорадовичей въ казенное вѣдомство (въ 1832—1833 г.), промыслѣмъ стали заниматься меньше и то главнымъ образомъ многосемейные; но затѣмъ, по мѣрѣ прироста населенія, когда жить стало „сутужнѣше“, снова многіе взялись за заброшенное плетенье, и оно мало по малу распространилось на окружающія поселенія—„настолько, что уже лѣтъ 15 (т. е. примѣрно съ конца 60-хъ годовъ, такъ какъ изслѣдованіе г. Василенко относится къ 1884 году) Вороньковцы испытываютъ значительное стѣсненіе и конкуренцію—„пачалы підпіраты зъ другихъ сілъ“. Сосѣди вороньковцевъ—мелеховцы—говорили намъ, что лѣтъ 50 назадъ плетеньемъ сѣтей занимались только дѣти, а взрослые были „въ работѣ“; тогда занимались всего дворахъ въ 10; послѣ крѣпостного права, „якъ усе те отнялось“, стали больше плести,—передъ самою волею занимались дворовъ 20—30; уже лѣтъ 10, какъ въ Мелехахъ занимаютъ плетеньемъ сѣтей около 50 дворовъ (около 150 душъ) и число это съ приростомъ населенія понемногу возрастаетъ. По словамъ тѣхъ-же мелеховцевъ, до отмѣны крѣпостного права сѣтевязальщики были почти только въ Воронькахъ и Мелехахъ, теперь же есть они и въ Позникахъ, и въ Коваляхъ, и въ Чернухахъ, и въ Сухоносковкѣ, и въ Загребельи. **) Времени, когда скупщиковъ сѣтей не было бы, жители не помнятъ: были они и лѣтъ 50—70 назадъ, но раньше скупщики были болѣе мелкіе и преимущественно мѣстные жители; „було чумакуе“—возьметъ подводу, наберетъ хлѣба, захватитъ сотню или двѣ плашекъ, „сімъ-тымъ перебиваетця“ и продаетъ товаръ въ Кременчугъ, а теперь уже не то: съ проведеніемъ желѣзныхъ дорогъ сами жители возить стали меньше (возять преимущественно

*) Смotr. прилож. 3-е „Производство рыболовныхъ сѣтей“ (стр. 41—42) въ его изслѣдованіи кустарныхъ промысловъ Полтавской губ.

**) В. П. Василенко въ районъ производства включалъ: Вороньки, Мелехи, Позники, Ковали, Козловку, Харски и Чернухи (послѣднее въ незначительныхъ размѣрахъ).

скупщики) да и прїѣзжихъ покупателей стало мало. Еще одно вліяніе, на историческія судьбы промысла отмѣчаетъ г. Василенко: во время его изслѣдованія было замѣчено сокращеніе производства сѣтей „вслѣдствіе вздорожанія сырья и упадка цѣнъ со времени Турецкой войны 1878 г., когда Черноморское рыболовство было прекращено и накопилась масса запасныхъ сѣтей, закупленныхъ по чрезвычайно низкой цѣнѣ“. Ко времени нашего изслѣдованія 1898 г. этотъ фактъ оставался, конечно, только историческимъ воспоминаніемъ, и на современномъ состояніи промысла отражаются уже новыя, болѣе позднія вліянія, о которыхъ будетъ сказано ниже. Наше изслѣдованіе застало промыселъ сильно развитымъ численно.

Во главѣ селеній, занимавшихся плетеніемъ сѣтей, всегда стояли Вороньки. В. П. Василенко въ 1884 г. насчитывалъ, изъ 817 хозяйствъ въ Воронькахъ 308 такихъ, которыя занимались плетеніемъ. Основное статистическое изслѣдованіе по Лохвицкому уѣзду, произведенное въ 1888 г., числа сѣтевязальщиковъ въ Воронькахъ не дало и лишь отмѣтило, что „почти всѣ жители,—мужчины, женщины и дѣти,—занимаются плетеніемъ сѣтей; только въ очень зажиточныхъ семьяхъ не занимаются этимъ промысломъ (стр. 222 и 364)“. Намъ въ 1898 г. волость дала число занимающихся плетеніемъ хозяйствъ 550 изъ общаго числа хозяйствъ въ Воронькахъ 909, что составляетъ болѣе 60⁰/₀. Наконецъ, данныя статистическаго бюро, собранныя также при помощи вол. правленія и относящіяся къ 1900 г., устанавливаютъ число хозяйствъ сѣтевязальщиковъ 574, а въ нихъ 1365 душъ, занимающихся этимъ дѣломъ. *) Съ послѣднею цифрою мы и будемъ считаться, какъ съ наиболѣе точно установленною и болѣе близкою къ намъ по времени. Скажемъ лишь нѣсколько словъ, какъ считали себя сами кустари на нашемъ опросѣ 6 октября 1898 г., на которомъ присутствовало ихъ 8 человекъ. Они увѣряли, что промысломъ занимаются даже очень земельные хозяева, потому что это легкое и нехлопотливое занятіе, а доходъ все-таки оно даетъ нѣкоторый. Работаютъ и такіе, что живутъ „въ сусїдахъ“: они только съ этого зимой и живутъ, но на лѣто уходятъ; жены же ихъ и дѣти работаютъ и лѣтомъ, пока кто не покличетъ на огородъ или на табаки. Мастера считали, что плетутся сѣти примѣрно въ 600 дворахъ; лицъ же обоего пола, занятыхъ этимъ дѣломъ, наберется до 2000 въ этихъ 600 дворахъ. Нѣкоторые высказывали мнѣніе, что если посчитать всѣхъ, кто когда-либо въ теченіи года берется за плетеніе, то наберется и до 3000 душъ (при населеніи въ 5034 души). Такой, повидимому, нѣсколько преувеличенный счетъ

*) См. книгу: „Кустари и ремесленники Полтавской губ.“, изд. Полт. стат. бюро въ 1901 г.

основанъ на необыкновенной доступности промысла: плетеніе сѣти настолько несложно, что поручается и дѣтямъ; пастушки, выходя въ поле, берутъ съ собою работу, которую и ковыряютъ сидя или на ходу. Старики говорили, что они иногда ночью, когда не спится, плетутъ сѣть впотьмахъ, чтобы не зажигать свѣтла. Сообщали даже, будто-бы есть такіе искусники, которые одновременно ногою на прялкѣ ссучиваютъ нитку, а руками въ это время плетутъ изъ нитки сѣть. На наши опросы въ Воронькахъ и Мелехахъ, кустари являлись съ своими „човниками“ и проворно работали, давая свои отвѣты; къ концу опроса свечерѣло и стало темно, а они все работали впотьмахъ, чтобы не терять времени. Даже у одного изъ мѣстныхъ священниковъ домашніе плетутъ плашки, а иногда батюшка заставляетъ плести и работника, когда у того выберется свободная минута.

Впрочемъ, такихъ, чтобы работали непрерывно, не отрываясь даже на жнива, очень мало,—насчитываютъ не болѣе десятка; громадное большинство, около 500 дворовъ, хотя и работаютъ „разъ у разъ“, но все-же на 2 мѣсяца полевыхъ работъ отъ сѣтей отрываются. Зимой почти каждый „при свѣтлѣ“ дѣлаетъ сѣти, даже и „дуже заможні“. Однако изъ того факта, что почти всѣ сѣтевязальщики лѣтомъ имѣютъ земледѣльческіе заработки, еще не слѣдуетъ, что сѣтевязаніе является лишь подсобнымъ промысломъ при земледѣліи; наоборотъ, чуть не у половины сѣтевязальщиковъ ихъ промыселъ составляетъ главное занятіе. Данныя статистическаго бюро за 1900 г. (стр. 53) заключаютъ указанія на то, что въ Воронькахъ въ 291 хозяйствѣ сѣтевязальщиковъ существовало и занятіе хлѣбопашествомъ (50,7%) а въ 283 хозяйствахъ хлѣбопашествомъ не занимались. Въ Мелехахъ говорятъ, есть до 10 семей, которыя только отъ промысла живутъ, такъ какъ имъ „негдѣ зацѣпиться“ даже на чужой землѣ.

Имѣющіяся у насъ свѣдѣнія о размѣрѣ землевладѣнія у сѣтевязальщиковъ достаточно объясняютъ взаимныя отношенія промысла и земледѣлія:

Распределение жителей м. Вороньковъ по группамъ землевладѣнія.

				Данная В. И. Василенка за 1884 г. для оцѣны сѣтевязальщиковъ. *)	Данная стат. подворн. переписи 1888 г. для всѣхъ жителей м. Вороньковъ.	Наши данныя за 1898 г.:			Данные стат. бюро за 1900 г. для сѣтевязальщиковъ м. Вороньковъ.
						для всѣхъ жителей м. Вороньковъ.	для сѣтевязальщиковъ.	для чистыхъ хабфонашевъ	
I группа Безземельные	Число	абсол.	—	5	35	21	1	—	
	хозяевъ.	въ %-ахъ.	—	0,6 ⁰ / ₀	3,8 ⁰ / ₀	3,8 ⁰ / ₀	0,5 ⁰ / ₀	—	
II „ До 1 дес. огород. и поля.	Число хозяйствъ.	абсолют.	12	107	96	80	1	90	} По зани. земл. 283 хоз. или 49,3 ⁰ / ₀ .
		въ %-ахъ	3,2 ⁰ / ₀	12,4 ⁰ / ₀	10,6 ⁰ / ₀	14,5 ⁰ / ₀	0,5 ⁰ / ₀	15,7 ⁰ / ₀	
	Колич. земли.	абсолют.	—	—	57,4 ¹	48,6 ⁶	0,5	—	
		въ %-ахъ.	—	—	1,5 ⁰ / ₀	3,0 ⁰ / ₀	0,03	—	
III „ Отъ 1 до 3 дес. зем.	Число хозяйствъ.	абсолют.	150	332	313	236	22	248	} По зани. земл. 291 хоз. или 50,7 ⁰ / ₀ .
		въ %-ахъ.	40,3 ⁰ / ₀	38,5 ⁰ / ₀	34,4 ⁰ / ₀	42,9 ⁰ / ₀	10,7 ⁰ / ₀	43,2 ⁰ / ₀	
	Колич. земли.	абсолют.	—	—	654,4 ³	486,5 ⁶	51,6 ⁷	—	
		въ %-ахъ.	—	—	17,5 ⁰ / ₀	30,0 ⁰ / ₀	3,2 ⁰ / ₀	—	
IV „ Отъ 3 до 6 дес. земли.	Число хозяйствъ.	абсолют.	161	282	295	165	80	162	} По зани. земл. 291 хоз. или 50,7 ⁰ / ₀ .
		въ %-ахъ.	43,3 ⁰ / ₀	32,7 ⁰ / ₀	32,5 ⁰ / ₀	30,0 ⁰ / ₀	38,8 ⁰ / ₀	28,2 ⁰ / ₀	
	Колич. десятинъ.	абсолют.	—	—	1266,8 ⁹	698,9 ²	366,1 ³	—	
		въ %-ахъ.	—	—	33,9 ⁰ / ₀	43,1 ⁰ / ₀	22,7 ⁰ / ₀	—	
V „ Свыше 6 десятинъ.	Число хозяйствъ.	абсолют.	49	135	170	48	102	74	} По зани. земл. 291 хоз. или 50,7 ⁰ / ₀ .
		въ %-ахъ.	13,2 ⁰ / ₀	15,7 ⁰ / ₀	18,7 ⁰ / ₀	8,7 ⁰ / ₀	49,5 ⁰ / ₀	12,3 ⁰ / ₀	
	Колич. десятинъ.	абсолют.	—	—	1762,7 ¹	386,6 ¹	1198,	—	
		въ %-ахъ.	—	—	47,1 ⁰ / ₀	23,9 ⁰ / ₀	74,1 ⁰ / ₀	—	
Итого во всѣхъ группахъ.		Число хозяйствъ . .	372	861	909	550	206	574	
		Количество десятинъ .	—	3902	3741,4 ⁵	1620,7 ⁴	1615,4 ⁵	—	

*) В. И. Василенко даетъ слѣдующія свѣдѣнія о 372 хозяйствахъ сѣтевязальщиковъ, упоминая лишь, что въ число этихъ 372 хозяйствъ вошли 308 хоз. сѣтевязальщиковъ м. Вороньковъ, 58 хоз. с. Позняковъ и 6 хоз. изъ с. Поставмукъ. Такимъ образомъ, данныя В. И. Василенка не вполне сравнимы съ остальными данными настоящей таблицы, относящимися исключительно къ м. Воронькамъ; однако, въ виду сильнаго численнаго преобладанія м. Вороньковъ, и они имѣютъ свое сравнительное значеніе.

Не претендуя на полную точность выводовъ, таблица наша позволяетъ однако намѣтить слѣдующія приблизительныя заключенія. По даннымъ подворной переписи 1888 г., Вороньки имѣли 861 хозяйство съ 3902 дес. земли, по нашимъ даннымъ—909 хоз. съ 3741 дес.. т. е. число хозяйствъ увеличилось на $5\frac{1}{2}$ процентовъ, что объясняется какъ естественнымъ ростомъ населенія, такъ и включеніемъ въ число 909 пяти еврейскихъ хозяйствъ, не вошедшихъ въ данныя переписи 1888 г.; количество же земли у насъ оказалось на 161 дес. или почти на 4% меньше—вѣроятно, вслѣдствіе исключенія волостью неудобныхъ земель. Во всякомъ случаѣ разница въ числѣ десятинъ не настолько велика, чтобы она могла замѣтно отразиться на распредѣленіи хозяйствъ по группамъ землевладѣнія. Обращаясь къ послѣднему, видимъ, что за 10-лѣтній промежутокъ съ 1888 по 1898 г. въ землевладѣніи м. Вороньковъ произошли слѣд. измѣненія: число безземельныхъ дворовъ возросло съ 5 до 30 (если не считать 5 безземельныхъ евреевъ); выросла на 35 хоз. и послѣдняя V-ая группа лицъ, владѣющихъ свыше 6 дес. земли, т. е. какъ будто-бы произошло усиленіе крайнихъ экономическихъ группъ; среднія группы измѣнились мало, и особенно устойчивой оказалась группа съ 3—6 десят. земли.

Обращаясь къ вопросу о томъ, въ какой мѣрѣ сѣтевязальщики являются вмѣстѣ съ тѣмъ и землепашцами, видимъ, что только цифры статистическаго бюро за 1900 г. даютъ на это прямой отвѣтъ: занимаются 291 хозяйствъ сѣтевязальщиковъ или $50,7\%$, не занимаются ею остальные $49,3\%$. Возможность заниматься земледѣліемъ прежде всего, конечно, зависитъ отъ наличности земли. И вотъ, обращаясь къ группировкѣ сѣтевязальщиковъ по размѣрамъ землевладѣнія, имѣемъ три параллельныхъ ряда цифръ: у В. И. Василенка до 3 дес. земли имѣютъ $43,5\%$ всѣхъ сѣтевязальщиковъ; по нашимъ даннымъ—таковыхъ $61,2\%$; по даннымъ статист. бюро за 1900 годъ—ихъ $58,9\%$. Наши цифры и цифры бюро за 1900 г., очевидно, очень близки,—поэтому мы съ своей стороны поддерживаемъ и выводъ статист. бюро о $49,3\%$ не занимающихся землею. Отмѣтимъ при этомъ, что число имѣющихъ до 3 дес. земли близко подходитъ къ числу не занимающихся землею, т. е. не будетъ особенной ошибкой считать, хотя-бы для даннаго только случая, что размѣръ землевладѣнія ниже 3 дес. исключаетъ возможность занятія хлѣбопашествомъ, какъ основнымъ занятіемъ. Далѣе, слѣдуетъ замѣтить, что цифры наши и бюро уже существенно отличаются отъ цифръ г. Василенка. У него въ общемъ сѣтевязальщики представляются болѣе обеспеченными землею: до 3 дес. имѣютъ лишь $43,5\%$. Это мы склонны понимать въ томъ смыслѣ, что во времена изслѣдованія г. Василенка за 15 лѣтъ до нашего изслѣдованія, промыселъ имѣлъ меньше значенія

для населенія: большее число мастеровъ имѣли возможность обрабатывать землю. Число имѣющихъ до 3 дес. у г. Василенка довольно близко совпадаетъ съ числомъ хозяйствъ безъ рабочаго скота (158 хоз. или 42,5⁰/о); т. е. такихъ хозяйствъ, которыя не имѣютъ возможности самостоятельно вести землепашеское хозяйство.—Какъ видно изъ цифръ бюро за 1900 г. число не занимающихся земледѣіемъ (283 хоз.) составляетъ по отношенію къ числу имѣющихъ до 3 дес. (338 хоз.) почти 84⁰/о.— За всѣмъ тѣмъ мы должны сознаться, что только изученіе сѣтевязальщиковъ, какъ отдѣльной экономической группы населенія, заставляетъ насъ группировать ихъ по размѣрамъ землевладѣнія; безъ этого чуть-ли не правильнѣе было-бы разсматривать землепашцевъ м. Вороньковъ, между прочими признаками, и по тому еще признаку, есть-ли въ ихъ хозяйствѣ занимающіеся сѣтевязаніемъ. Волость намъ особо отмѣтила хозяевъ, которые считаются настоящими землепашцами (смотри 5-ую вертикальную графу), и изъ разсмотрѣнія этой группы мы видимъ, что только 12⁰/о чистыхъ землепашцевъ въ Воронькахъ имѣютъ земли менѣе 3 дес., а цѣлыхъ 49,5⁰/о имѣютъ свыше 6 дес. (въ среднемъ почти по 12 дес. на хозяйство).

Сравнивая землевладѣніе сѣтевязальщиковъ съ землевладѣніемъ остальныхъ хозяевъ, мы замѣчаемъ, что въ число сѣтевязальщиковъ вошли $\frac{2}{3}$ всѣхъ безземельныхъ, $\frac{4}{5}$ имѣющихъ лишь усадьбы и $\frac{3}{4}$ имѣющихъ до 3 дес., съ другой же стороны—лишь $\frac{1}{4}$ имѣющихъ свыше 6 дес. Такимъ образомъ является возможность утверждать, что къ сѣтеплетенію обратились главнымъ образомъ плохо обеспеченныя землею хозяйства: „негдѣ и за снопъ заработать,—жалуются крестьяне“. Обрисовывая промышленную жизнь м. Вороньковъ въ грубыхъ чертахъ, можно сказать, что почти четвертая часть жителей живутъ исключительно отъ земледѣлія; одна треть, не бросая земледѣлія, замѣтную поддержку имѣетъ въ плетеніи сѣтей; еще одна треть живетъ исключительно почти отъ сѣтевязанья, и, наконецъ, остальная почти $\frac{1}{6}$ жителей кормится отъ всякихъ прочихъ занятій. Этимъ опредѣляется та видная роль, которую играетъ въ мѣстной экономической жизни сѣтевязальный промыселъ, соблазняящій возможностью побочнаго заработка даже членовъ зажиточныхъ семей. *)

Сѣти плетутся въ Воронькахъ кусками опредѣленной величины, ко-

*) Корреспондентъ стат. бюро крест. О. Ф. Жаданъ пишетъ: «Домохозяева болѣе зажиточные и имѣющие землю, хотя десятинъ 15, этимъ промысломъ въ теченіе всего года не занимаются, а только въ теченіе зимы, т. е. отъ открытія и до закрытія полевыхъ работъ». А въ Мелехахъ намъ говорили, что имѣющій 5 дес. земли не станеть заниматься сѣтями,—онъ предпочтетъ онахивать землю бѣдняковъ, приметъ земли, займется извозомъ и пр.

торопе называются „плахами или плашками“; это есть счетная единица, принятая и въ продажѣ. Съ теченіемъ времени размѣры плахъ постепенно уменьшаются въ зависимости отъ рыночнаго спроса и различныхъ торговыхъ ухищреній. Намъ говорили, что раньше, лѣтъ 15 назадъ, скупщики не принимали плахъ меньше чѣмъ въ 5 „маховыхъ“ саженой длины (около $10\frac{1}{2}$ аршинт), а шириною въ 40 очковъ, т. е. приблизительно около $1\frac{1}{2}$ аршина. Но затѣмъ мастера, будто-бы, стали плутовать: сверху, на показной сторонѣ плахи, было дѣйствительно 40 очковъ въ ширину, а въ смотанномъ внутри концѣ было 39, 38 и еще менѣе очковъ. Вначалѣ скупщики, обступаемые толпой на базарѣ, не замѣчали обмана, но потомъ и они стали приспособляться: погналы цѣны внизъ *). Въ настоящее время ширина плахи установилась въ 30 очковъ при длинѣ въ $4\frac{1}{2}$ маховыхъ саженой ($10\frac{1}{2}$ арш.); растянутая въ неводѣ такая плаха имѣетъ отъ 16 до 18 вершковъ ширины, а въ спокойномъ, нерастянutomъ состояніи она составляетъ отъ 5 до 12 вершковъ. Очко—также величина непостоянная, зависящая отъ густоты сѣти. По размѣрамъ очковъ плахи раздѣляются на 8 сортовъ, имѣющихъ названія: семерки, восьмерки, девятки, десятки, двѣнадцатки, пятнадцатки, восемнадцатки и двадцатки. Этотъ счетъ основывается на томъ, сколько очковъ сѣти вмѣщается на протяженіи $\frac{1}{4}$ аршина: если 7 очковъ, то плаха называется семерка или „семиразка“ и т. д.; такимъ образомъ, самую рѣдкою сѣтью будетъ семерка, самой густой—двѣнадцатка **). Самые ходкіе въ настоящее время сорта на пришвы или крылья—девятка и 10-тка, болѣе густая сѣть—12-тка и 15-тка—идетъ на мѣшки (матню или куль) въ концѣ сѣти, гдѣ собирается рыба; 18-тка и 20-тка подшиваются рѣдко. Семерка, говорятъ, идетъ только на крупную рыбу въ рѣкахъ и лиманахъ—также и восьмерка; 9-тка, 10-та и 12-тка употребляются всюду и, между прочимъ,—на Черномъ морѣ „для баламута (скупбри)“; самые густые сорта идутъ на Бугъ для мелкой рыбы—„на тульку“. Вообще въ морѣ рыба гораздо мельче, чѣмъ въ рѣкахъ.

*) У В. П. Василенка находимъ на этотъ счетъ такія свѣдѣнія:—„Стеротинная единица въ настоящее время (1884 г.) называется „пришовка“—длинною въ 4 погонныхъ сажени и въ ширину болѣею частью 30—35 рядовъ. Раньше, во времена Арнд аренки, назывались онѣ плахами и шели ихъ въ 10 саж. длины и въ 40 рядовъ, но въ послѣдующее время длину уменьшали ровно на половину. Однако при паденіи цѣны и застоѣ во время Турецкой войны скупщики стали урѣзывать съ пришовокъ на 1 саж., т. е. на 20%, и въ такомъ видѣ урѣзанномъ поставляли на рынки. Конечно, покупатели уменьшили цѣну, а скупщики скрывали истинную причину пониженія; но кустари успѣли разузнать и стали уже сами поставлать плахи въ 4 саж. длины“ (стр. 44).

**) Ширина плахъ въ зависимости отъ величины очковъ будетъ такова (при длинѣ въ 10 аршинт): двадцатки—около 5 вершковъ, 15-тки—7 вершк., двѣнадцатки—8 в., десятки—9 в., девятки—10 вершк. и семерки—12 в. Маховая или ручная сажень равна приблизительно $2\frac{1}{2}$ арш., такъ что, если говорить, что плаха имѣетъ въ длину $4\frac{1}{2}$ саж.,—это составляетъ примѣрно 10 или 11 арш.

Рыболовные снасти состояются из плахъ разныхъ сортовъ. На морской неводъ средней величины, идетъ до 900 плахъ. Въ *волокъ* (или волокушѣ) узкая часть сѣти (куль) дѣлается изъ 15-тки на протяженіи полсажня махового (около 1¹/₄ арш.), далѣе—еще на 1¹/₄ арш. идетъ двѣнадцатка, а потомъ идетъ десятка; „крыла“ дѣлаются уже изъ десятки или девятки. Волока, впрочемъ, бываютъ разные: на малый волокъ, гдѣ не употребляется 15-тка, идетъ 5 плахъ: одна 12-тка, одна 10-тка и три девятки; на большой волокъ: 2 пятнадцатки и одна десятка—въ куль, а на крылья 6 плахъ (3 пары) девятки или десятки. *Сакъ*—это цилиндрической или конусообразный снарядъ, состоящій изъ сѣти, натянутой на обручи одинаковыхъ или разныхъ діаметровъ; по мнѣнію мастеровъ, лучше всего-бы дѣлать саки изъ двадцатки, какъ болѣе густой сѣти, но они ограничиваются двѣнадцаткой—изъ соображеній дешевизны; на сакъ идетъ обыкновенно одна плашка, иногда дополняемая косыми клиньями; иногда сакъ дѣлается не изъ плахи, а плетется цѣльнымъ, не сшивнымъ мѣшкомъ. *Ятиръ*—имѣетъ видъ двухъ усѣченныхъ конусовъ, соединенныхъ основапіями; его устанавливають для ловли болѣе мелкой рыбы; на него обыкновенно идетъ всего 1¹/₂ плашки, но есть и большіе ятира—„паровики“—въ цѣлую плашку; на крылья къ нему идетъ еще плашка. Рыбалки дѣлаютъ еще *кобылы* или *кимлы*—четырёхъугольные саки. Настоящихъ мастеровъ, умѣющихъ сдѣлать всѣ перечисленные рыболовные снаряды, насчитываютъ въ Воронькахъ не болѣе двухъ десятковъ,—вѣроятно, потому что собственно спросъ на готовые снаряды не великъ; остальные же мастера только и знаютъ одну плашку плести, не умѣя составить невода, ни даже не зная, какъ починить прорвавшуюся плашку *). Спросъ регулируется исключительно скупщиками, а скупщики требуютъ почти только девятку и десятку. Саки дѣлаютъ тѣ, что сами ловятъ рыбу,—„у насъ рыба, якъ овесъ—дробная“. В. И. Василенко отмѣчаетъ извѣстную спеціализацію между мастерами—„такъ что, напр., плетущіе густую сѣть (12-тку—20-тку) почти не работаютъ болѣе рѣдкую, и наоборотъ—набившіе руку на 7-кѣ—10-ткѣ не смогутъ успѣшно работать болѣе густую сѣть“; но намъ говорили иное, а именно—что каждый плетущій можетъ сдѣлать любую сѣть, такъ какъ приемы работы совершенно одинаковые, требуются лишь „човники“ разной величины, сообразно желательнымъ размѣрамъ очковъ сѣти. Если иные и не дѣлаютъ никогда семерки, напр., то это лишь потому, что этотъ размѣръ почти не требуется на рынкѣ (есть даже и такой сортъ—

*) Корреспондентъ С. И. Кабаковъ говоритъ, что „болѣе зажиточные крестьяне изготовляютъ не большіе бредники, называемые волоками или волокушами, которые выпускаются въ продажу уже готовыми къ ловлѣ рыбы, т. е. по мѣстному—осаженными. Волокуши плетутся не болѣе, чѣмъ въ 7 саж. (по 2¹/₂ арш.), а отъ 7 саж. и до какихъ угодно размѣровъ волокуши и невода плетутся лишь по заказу“.

пятерка“, но ее лишь немногіе на своемъ вѣку и дѣлали, и то по спеціальнымъ заказамъ). Лучшими мастерами считаются тѣ, кто наиболее быстро и чисто работаютъ; изъ такихъ намъ называли въ Воронькахъ Григорія Ляхна, Степана Мемеля, Якова Сову, Федора Сову, Михаила Яреська, Илька Стешенка, Романа Ковалья и Ивану Середу, послѣдній дѣлаетъ волока, саби и пр.; въ Мелехахъ лучшіе мастера: Андрей Кал. Сидоренко, Павло Клим. Вайло и Вас. Авд. Крискій; дѣлаютъ отъ 12-тки до 20-тки.

Нитка для сѣтей идетъ исключительно пеньковая; льняная совершенно не употребляется. Если у хозяина заведется ленъ, то онъ скорѣе употребитъ его на холстъ, а не на сѣти. Ленъ и по цвѣту сѣрый, неподходящій, и не такой крѣпкій, *) да, наконецъ, его почти нѣтъ и въ продажѣ; если-бы удалось даже найти гдѣ-либо дешево ленъ, то никто его для изготовленія сѣтей не сталъ-бы употреблять: купцы не примутъ сѣти изъ льна; если, говорятъ, по ошибкѣ купишь съ пенькою ленъ и вплетишь его въ сѣть, то купцы „выкидаютъ“,—тогда его гдѣ хочешь, тамъ и дѣвай! Несомнѣнно, изъ собственной конопли дѣлать сѣти выгоднѣе, чѣмъ изъ покупной; поэтому кто изъ хозяевъ имѣетъ возможность, засѣваетъ коноплинникъ. Впрочемъ, отводить много мѣста подъ коноплю также не считаютъ выгоднымъ: „теперь конопли стали меньше сѣять, бо табаки сбили съ толку; а то бывало, есть своя конопелька, такъ онъ сидитъ дома, никуда не рыпается, и выгоды ему больше“. Есть однако указанія и на то, что нѣкоторые многоземельные хозяева не пренебрегаютъ сѣять коноплю, хотя и не въ большихъ количествахъ, спеціально для продажи сѣтевязальщикамъ уже въ видѣ готовыхъ, т. е. спряденныхъ „десяточекъ“. При громадномъ числѣ плетущихъ плахи, конечно, избытка въ сырьѣ не бываетъ, скорѣе наоборотъ: „за пряжею часто дуже сутяжно буває, що нема де купити: одне за однимъ бігає, та зъ рукъ тягне“. Главнымъ мѣстнымъ рынкомъ для закупки сѣтевязальщиками готовыхъ десятокъ являются Городищенскіе субботніе базары, на которые бабы сносятъ десятки изъ окружающихъ селеній; тамъ всегда выборъ больше,—легче подобрать хорошую, полновѣсную десятку. Что касается цѣнъ, то онѣ приблизительно одинаковы и при покупкѣ на центральномъ базарѣ, и при разѣздахъ сѣтевязальщиковъ по окрестнымъ селамъ: потребность сѣтевязальщиковъ въ десяткахъ такъ общеизвестна по селамъ и такъ всѣмъ

*) Замѣчаніе о малой, будто-бы, устойчивости льняной пряжи въ сѣтяхъ,—повидимому, только предразсудокъ. По крайней мѣрѣ, на югѣ, какъ намъ говорили, имѣетъ широкій сбытъ Нижегородская чисто-льняная сѣть. По изслѣдованію кн. Голицына (1888—1889 г.г. въ Нижегород. губ. изъ пеньковой пряжи выдѣлываютъ втрое болѣе, чѣмъ изъ льняной, при чемъ изъ пеньки вяжутъ сѣти морскія и рѣчныя, изъ льна же—исключительно рѣчныя. Пудъ пеньковой пряжи стоилъ отъ 6 р. 40 до 10 руб. (Отчеты М. Г. И., т. 1).

извѣстны цѣны, существующія на коноплю, что никто не станетъ отдавать десятку у себя дома дешевле, чѣмъ онъ могъ-бы продать ее на базарѣ; собственный трудъ хожденія на базаръ бабы не цѣнятъ, развѣ ужъ „подъ большую грязь“ спустятъ иногда копѣйку на десяткѣ, т. е. вмѣсто 10 коп. возьмутъ за десятку 9 коп. Что грязь можетъ играть такую видную роль въ экономическихъ отношеніяхъ, это не покажется удивительнымъ тому, кто хоть разъ колесить по низменнымъ болотнымъ мѣстамъ Вороньковской волости, хотя-бы даже и въ сравнительно сухое время года.

Поставка десятокъ сѣтевязальщикамъ ни для кого изъ мѣстныхъ жителей не составляетъ спеціальнаго занятія. Это, съ одной стороны, видно изъ того, что рѣдкая баба выносить на базаръ больше 3—4 десятокъ сразу; съ другой стороны—нѣтъ и такихъ торговцевъ, которые скупали-бы у бабъ десятки по мелочамъ, а затѣмъ возами вывозили для продажи, наконецъ, ни у одного изъ мѣстныхъ лавочниковъ не держать пеньки для продажи сѣтевязальщикамъ. Но все-же, разъ собственной пеньки у Вороньковцевъ хватаетъ не болѣе, чѣмъ на 10%⁰ всего производства (какъ утверждаетъ одинъ изъ мѣстныхъ свѣдущихъ людей и корреспондентъ стат. бюро С. И. Кабаковъ), все-же остальное приобрѣтается покупкою,—трудно допустить мысль, чтобы въ снабженіе Вороньковцевъ сырьемъ не вмѣшался такъ или иначе торговый капиталъ—въ лицѣ его болѣе или менѣе мелкихъ представителей. Этой сторонѣ дѣла мы отводили достаточно вниманія при нашихъ разспросахъ, и то обстоятельство, что намъ не удалось добыть болѣе или менѣе положительныхъ свѣдѣній о постоянныхъ торговцахъ сырьемъ, говорить за невыясненность еще для самого населенія роли и фізіономіи поставщиковъ сырья. Только г. Кабаковъ опредѣленно указываетъ, что пряжа покупается не только на окрестныхъ базарахъ отъ самихъ производителей, но и отъ „перекупней“, а перекупни покупаютъ пряжу въ болѣе отдаленныхъ городахъ и мѣстечкахъ, на базарахъ и ярмаркахъ. Бываетъ и совмѣстная закупка сырья нѣсколькими хозяевами (очевидно, болѣе зажиточными), но рѣдко. Было-бы желательно, чтобы мѣстные люди на нѣсколькихъ конкретныхъ случаяхъ выяснили роль упоминаемыхъ перекупней, районъ ихъ развѣздовъ и получаемый ими посреднической барышъ по доставкѣ сырья, а затѣмъ добытыя свѣдѣнія опубликовали хотя-бы при помощи издаваемыхъ Полтав. губ. земствомъ „Статистическихъ ежегодниковъ“.

Кромѣ мѣстныхъ базаровъ (въ Воронькахъ, Мелехахъ, Городищѣ и др.), на которые сами бабы сносятъ десятки, изъ окружающихъ сель, намъ перечислили много селеній, куда ѣздить сѣтевязальщики или перекупни за сырьемъ: Жданы, Окопъ, Позники, Чернухи, Сенчу, Юс-

ковцы, Лохвицу, Варву и другія селенія Пирятинскаго и Лубенскаго уѣздовъ, наконецъ—м. Ичню Черниговской губерніи. В. И. Василенко опредѣлялъ районъ развѣздовъ сѣтевязальщиковъ за сырьемъ въ 60 верстъ, а „Очеркъ мѣропріятій Лохвицк. земства по куст. промысламъ“ (стр. 2) указываетъ даже районъ въ 100 верстъ вокругъ Вороньковъ. Очевидно, съ развитіемъ промысла сѣтевязанія, которому не сопутствуетъ въ равной мѣрѣ увеличеніе площади посѣва конопли (на этотъ фактъ мы нигдѣ не слышали указанія, а наоборотъ слышали, что очень развитъ отводъ земли подъ табаки), поиски сырья должны были распространиться на все большую территорію. Наиболѣе специализировавшимся въ продажѣ пеньковой пряжи пунктомъ приходится считать м. Ичню. О значеніи Ични для снабженія валомъ и клочанкою рядовищниковъ м. Смѣлаго мы уже имѣли случай говорить. Такое-же значеніе Ичня пріобрѣтаетъ и для Вороньковскаго сѣтевязальнаго района. По словамъ мастеровъ, тамъ есть три лавочника, занимающіеся скупкою и перепродажею пряжи; мы знаемъ, что эти лавочники имѣютъ уже и своихъ развѣздныхъ агентовъ, объѣзжающихъ сельскія ярмарки и базары. Въ осеннее время, передъ Рождествомъ, въ Ичнѣ скопляются громадныя запасы пеньки. Продажа тамъ идетъ по вѣсу, а не на глазъ, какъ вездѣ по селамъ; даже сельскія бабы пріучаются въ Ичнѣ продавать пряжу по вѣсу. Сѣтевязальщики говорятъ, что въ Ичнѣ и выборъ пряжи лучше: можно купить длинныя и крѣпкія конопли; *) и цѣны лучше, чѣмъ на мѣстныхъ рынкахъ; но за то провозъ оказывается не всѣмъ подъ силу, Цѣну рабочаго съ подводой въ оба конца до Ични считаютъ въ 5 руб. Чтобы окупить такой накладной расходъ, надо на подводу взять 15—20 пудовъ сразу, а это, при цѣнѣ пуда пряжи въ 4—6 руб., доступно только для „капиталиста“ или для товарищескихъ закупокъ, которыхъ въ Воронькахъ почти не водится. Такимъ образомъ, хотя въ Ичнѣ „большіе и длинные півмітки“ продаются, но большинству приходится искать себѣ матеріаль поближе или изъ вторыхъ рукъ, покупая въ одинъ разъ не болѣе, чѣмъ по 1 1/2 пуда, а гораздо чаще по нѣсколько десятковъ. Говорятъ, въ м. Варвѣ также цѣны уже, какъ начали продавать пряжу на фунты, причемъ,—жалуются сѣтевязальщики,—бабы для увеличенія вѣса смачиваютъ иногда пряжу.

Въ настоящее время почти никто не даетъ сѣтевязальщику свой матеріаль для того, чтобы „перероблять“ его въ сѣти (только Мелеховцы

*) По словамъ г. Василенка,—„такъ какъ для плетенія сѣтей употребляется уже въ теченіе нѣлькихъ десятковъ лѣтъ „кочанка“ и кустари Вороньковскаго района постоянно закупаютъ этотъ матеріаль по ближайшимъ ярмаркамъ и базарамъ, то мѣстное населеніе дали кустарямъ прозвище „кочанники“. Кочанка—это очески пеньковой пряжи, т. е. ея грубѣйшая часть.

называли намъ нѣсколько такихъ *земельныхъ* хозяевъ въ Воронькахъ), а раньше, говорятъ, „купцы“ сами давали кустарямъ нитку и платили за трудъ (по 15 коп. за работу 9-саженной маховой плахи десятки), было это лѣтъ 20 назадъ; тогда-же купцы, будто-бы давали впередъ подь сѣти 15—20 руб., а теперь „никто и гривенника не даетъ“. Въ матеріалахъ, собранныхъ Лохвицкою управою, находимъ такое объясненіе этому факту (со словъ скупщика сѣтей въ Мелехахъ Ил. Ив. Саливона): съ крестьянами, говорилъ онъ, выходили постоянныя недоразумѣнія; хорошія нитки, полученныя отъ купцовъ, они брали себѣ, подбавляя въ заказанныя плахи свои плохія нитки, а при сдачѣ плахъ по вѣсу, взамѣнъ полученнаго по вѣсу-же матеріала, постоянно оказывался недочетъ. Объясненіе это неполно. Скупщики всегда напши-бы способы избѣжать „недоразумѣній“ и предохранить себя отъ недочетовъ, какъ предохраняютъ себя, напр., скупщики Кролевецкихъ рупшиковъ, также принимающіе издѣлія по вѣсу; но имъ просто нѣтъ никакого интереса заниматься перекорами съ кустарями и беспокоить себя хлопотливою закупкою сырья по мелочамъ,—всѣ хлопоты лежатъ на самихъ мастерахъ; скупщики-же, имѣя передъ собою тысячи мастеровъ, нуждающихся въ постоянномъ сбытѣ, совершенно спокойно и бѣзъ всякихъ хлопотъ могутъ заниматься своими коммерческими оборотами.

Какъ сказано уже, продажною единицею пеньковой грубой пряжи, идущей на сѣти, является такъ называемая „десятка“. Десяткою называется мотокъ спряденной нитки, состоящій изъ десяти меньшихъ моточковъ или пасмъ; каждое пасмо заключаетъ въ себѣ 30 нитокъ, каждая-же нитка имѣетъ длину отъ 24 до 28 вершковъ, рѣже до 32 вершк. Длина нити зависитъ отъ того, какую длину имѣетъ мотовило (палка съ расщепленными концами), на которое наматывается нитка. Чаше всего мотовило имѣетъ $\frac{3}{4}$ аршина,—въ такомъ случаѣ нитка, охватывающая обѣ стороны мотовила, равна $1\frac{1}{2}$ арш. или 24 вершкамъ; но мотовила бывають и въ 14 вершковъ длиною, и въ 1 аршинъ, хотя и рѣдко. Нормальнымъ и самымъ обычнымъ является мотовило въ $\frac{3}{4}$ арш.; слѣдовательно и десятка пряжи смотанной на такое мотовило, заключаетъ въ себѣ 450 аршинъ нитокъ. Обычная цѣна такой десятки въ настоящее время 10 коп., что составляетъ по 1 коп. за пасмо*). Эта цѣна мало устойчива, хотя отмѣчалась изслѣдователями не только еще во времена изслѣдованія В. П. Василенка (1884 г.), но и за 10—15 лѣтъ до него. Ближайшее крупное повышеніе стоимости сырья, пови-

*) Какъ видно изъ изслѣдованія Н. А. Голосова, совершенно такой-же расчетъ на десятки, пасма и нитки существуетъ и въ Остерскомъ уѣздѣ Чернигов. губ. И тамъ „десятка“ составляетъ 450 арш нитокъ. За то цѣна такой десятки тамъ ниже: 7—8 коп.; въ десять-же копѣекъ цѣнится десятка въ 600 арш., т. е. смотанная на мотовило въ 1 арш. длины.

димому, относится къ эпохѣ отмѣны крѣпостного права. Кустари сообщали г. Василенко, что примѣрно во второй половинѣ 60-хъ годовъ десятка стоила 5—6 коп., а мотовила въ то время были не менѣе 1 аршина. Если вѣрить этому показанію, то окажется, что за истекшіе 30—35 лѣтъ цѣна сырья повысилась чуть не вдвое, въ послѣдніе лѣтъ 10—15 цѣна десятки, говорятъ, возросла на 2—3 копѣйки.

Цѣна десятки въ 10 коп. является однако лишь среднею; какъ сказано, она допускаетъ извѣстныя колебанія въ зависимости отъ времени года, длины мотковъ и т. д. Зимой, когда все женское населеніе сель занято пряденьемъ, цѣны нѣсколько падаютъ, особенно подъ грязную погоду; еще въ срединѣ 90-хъ годовъ маленькіе десяточки гдѣ-либо въ глухомъ уголкѣ можно было выторговать и за 7 коп., и за 15 коп. пару, и выше; весною-же, когда дѣвчата порасходятся на табаки, цѣна хорошей длинной десятки можетъ, будто-бы подняться и до 12 коп. Впрочемъ, указанныя крайнія цѣны теперь уже встрѣчаются рѣдко; обычное-же колебаніе цѣнъ находится въ предѣлахъ 9—10 коп. за десятку. Всѣ десятки—не болѣе $\frac{1}{2}$ фунта „якъ хороша“; плаху, на которую обыкновенно идетъ 2 десятки, взвѣшивали и выходило вѣсу 1 фунтъ, а иногда и $\frac{3}{4}$ фунта, если худшая *). Чѣмъ тоньше пряжа, тѣмъ меньше, конечно, вѣсу въ десяткѣ (по Голосову,—до $\frac{1}{4}$ фунта); но за то самая пряжа дороже. Кустари говорили намъ, что въ Пчпѣ покупаютъ по 4 рубля пудъ самой толстой и по 6 руб. пудъ самой тонкой пряжи. Это составляетъ 5—7 $\frac{1}{2}$ коп. за $\frac{1}{4}$ фунта, т. е. за количество пряжи, идущее на одну десятку; если присчитать къ этому стоимость провоза (5 руб. на возъ въ 15—20 пудовъ), то и тогда окажется болѣе выгоднымъ дѣлать плахи изъ Пчепской пряжи. Къ сожалѣнію, не всѣ могутъ пользоваться этою пряжею непосредственно, безъ помощи „перекушней“. Слѣдуетъ, впрочемъ, оговориться, что сообщенныя кустарями Пчепскія цѣны требуютъ еще провѣрки; въ Острѣ, напр., пряжи указаны г. Голосовымъ въ раздробъ, на фунты, болѣе высокія: отъ 15 до 18 коп. за фунтъ простыхъ сортовъ, а самыхъ тонкихъ—до 25 и даже до 27 коп. (на десятку идетъ $\frac{1}{4}$ фун. такой пряжи). Колебанія цѣнъ въ предѣлахъ отъ 9 до 12 коп. за десятку отмѣчалъ еще и В. П. Василенко, въ зависимости отъ длины мотковъ и времени года (стр. 43).

Обращаясь постоянно съ пряжею, кустари научаются удивительно распознавать ее и экономить на ней, такъ что главный заработокъ

*) Въ Одесскихъ лавкахъ, продающихъ Полтавскія сѣти, намъ показывали вѣсъ плахъ такой: пара девятки двойника вѣситъ $1\frac{5}{8}$ фунта, пара десятки двойника $1\frac{3}{4}$ фун., пара девятки тройника, а также и десятки тройника—почти одинаково по $2\frac{1}{2}$ фунта. Возможно, что вѣсы въ Одесскихъ лавкахъ не совсѣмъ точны, но возможно и то, что мастера склонны были давать показанія въ нѣсколько пессимистическомъ свѣтѣ, т. е. увеличивать цѣну десятки и уменьшать ее вѣсъ

мастера обобывается именно на умѣнши использовать матеріаль—дозволенными и недозволенными средствами. Къ послѣднимъ относится слѣдующее: обыкновенно скупщики требуютъ, чтобы плаха имѣла въ ширину 32 очка, въ крайнемъ случаѣ 30, а кустари поступаютъ такъ: въ томъ концѣ плахи, который они предъявляютъ купцу, они дѣйствительно дѣлаютъ требуемое число очковъ, но къ другому концу плахи, свернутому внутрь, число очковъ уменьшается и чаще всего составляетъ 28 (изрѣдка успѣваютъ всучить и такую, въ которой 25 очковъ); такимъ образомъ, противъ обычнаго нормальнаго количества пряжи получается нѣкоторое сбереженіе—„човника два нитокъ на каждой десяткѣ), что даетъ возможность на 5—6 десяткахъ сэкономить пряжи на цѣлую плаху; эта экономія и даетъ мастеру добавочный заработокъ. При полновѣсныхъ и длинныхъ моткахъ выходитъ и безъ обмановъ на каждыя пять плахъ шестая добавочная, которая, какъ-бы, остается мастеру сверхъ обычной расцѣнки матеріала.

Въ Вороньковскомъ районѣ, согласно преобладающему спросу, дѣлаютъ плахи двойники, т. е. изъ двойной нитки. Тройники плетутся только по заказамъ и стоятъ соответственно дороже *); въ Мелехахъ, говорятъ, тройниковъ совсѣмъ не плетутъ.

Инструментъ сѣтевязальщика очень несложный и недорогой; весь онъ самодѣльный, за исключеніемъ прялки. Если заказывать или покупать, то мотовило для наматыванія десятокъ обойдется копѣекъ въ 5; човники (дощечки или лопатки разнаго размѣра, смотря по предполагаемой величинѣ очка)—по 1 копѣйкѣ; валовень, т. е. большое деревянное веретено для скручиванія нитокъ,—2 копѣйки; мотушки—коп. 15. Въмѣсто валовня многіе уже стали скручивать нитки на прядкѣ. Кромѣ того, слѣдуетъ упомянуть и о деревянныхъ вальцахъ, длиною около 3 четвертей и толщиною въ $\frac{1}{3}$ или $\frac{3}{4}$ вершка, на которыя прикрѣпляется плаха во время плетенія; они также самодѣльныя. Такимъ образомъ дешевизна орудій въ связи съ дешевизной сырья и несложностью техники плетенья дѣлаетъ сѣтевязаніе промысломъ общедоступнымъ.

Для выясненія производительности труда сѣтевязальщика прежде всего коснемся продолжительности времени. Для третьей части жителей м. Вороньковъ сѣтевязаніе, какъ мы видѣли, составляетъ единственное занятіе, такъ какъ они не имѣютъ возможности отрываться для полевыхъ работъ. Но даже въ тѣхъ семьяхъ, въ которыхъ взрослые члены уходятъ на табаки, огороды или въ поле, остается много малолѣтнихъ, которые съ 5—6 лѣтъ начинаютъ сучить нитки, а лѣтъ съ 9 уже за-

*) Въ матеріалахъ Лохвицкой управы читаемъ:—„сѣти плетутся изъ двойной или тройной нитки, для полученія которой десятки надѣваютъ на такъ наз. мотушки, и сматываются 2—3 десятки въ одинъ клубокъ. Клубокъ смачиваютъ въ водѣ и на прядкѣ 2 или 3 нитки сучать въ одну нитку. Тройная нитка выходитъ ровнѣе и толще двойной, а потому и дороже“.

правскимъ образомъ плетутъ сѣти; эти малолѣтніе работаютъ круглый годъ—въ ущербъ школьному обученію, какъ сознаются сами мастера *). Въ 1898 г. земская школа въ Мелехахъ только еще была открыта, а въ церковно-приходской передъ тѣмъ, училось 85 мальчиковъ и 5 дѣвочекъ, но кто-же не знаетъ, какое значеніе имѣютъ эти цифры. Постоянно работающіе считаютъ 250 рабочихъ дней въ году, а тѣ которые работаютъ лишь съ августа по май,—220 дней; рабочее время въ теченіе дня, а иногда и ночи (иногда даже въ темнотѣ—безъ свѣта), опредѣляютъ въ 10—14 часовъ, въ среднемъ 12 часовъ. Изъ взрослыхъ рабочихъ большинство все-таки работаетъ въ зимнюю половину года, а лѣтомъ предпочитаетъ поденщину.

Изготовленіе плахи слагается изъ двухъ операцій: подготовительной—сученья и спусканья нити—и изъ самого плетенья. По словамъ плетушихъ, на подготовительныя операціи уходитъ примѣрно $\frac{1}{4}$ всего времени, необходимаго для полнаго изготовленія плахи; слѣдовательно, $\frac{3}{4}$ уходитъ собственно на плетенье. Обыкновенно суканье нитокъ предоставляютъ дѣтямъ, силою которыхъ начинаютъ пользоваться съ 6—9 лѣтъ. Успѣшность самого плетенья зависитъ не столько отъ искусства плетущаго (такъ какъ и взрослые, и подростки очень быстро достигаютъ извѣстнаго совершенства въ несложной операціи плетенья), сколько отъ его выносливости и усидчивости. Поэтому трудъ бѣдняковъ, для которыхъ промыселъ является единственнымъ источникомъ дохода, будетъ болѣе производительенъ, такъ какъ они и раньше встанутъ и позже лягутъ. Нормальною производительностью рабочаго дня считаютъ одну штуку семерки, восьмерки, девятки или десятки, хотя, разумѣется, семерку легче сдѣлать, чѣмъ десятку. При извѣстномъ напряженіи можно даже и двѣнадцатку сдѣлать въ одинъ день, но при обычныхъ условіяхъ труда этого не сдѣлаютъ. Точно такъ-же и девятки или десятки можно сдѣлать за день $1\frac{1}{2}$ штуки, а наилучшіе мастера и 2 штуки, но также при большемъ напряженіи. При готовой-же ниткѣ самый старый и слабый рабочій выплететъ въ день свободно одну плаху, десятку или девятку; женщина предварительно успѣетъ еще и печь вытоптать. На болѣе мелкія сѣти двѣнадцатку и пятнадцатку требуется по $1\frac{1}{2}$ сутки на каждую, а съ подготовительными операціями—до 2 сутокъ. На 18-тку уходитъ по двое сутокъ. Считая на девятку или десятку, можно сказать, что въ среднемъ хорошей рабочей за недѣлю (6 рабочихъ дней) дѣлаетъ не болѣе 6 плахъ со всѣми подготовительными операціями, худшей—не менѣе 3 плахъ. Годовую производительность труда средняго мастера намъ опредѣляли въ 100—150 плахъ, считая, что часть годо-

*) Конечно, трудъ малолѣтнихъ не настолько доходенъ, чтобы кто-нибудь принималъ къ себѣ ученикомъ или подмастеревъ изъ чужой семьи: „самъ себѣ не заработаешь, а то еще его корми!“

вого рабочего времени уходит не на промысловые занятія, а изъ рабочего промысловаго времени выдѣляя $\frac{1}{4}$ на подготовительныя операціи и $\frac{3}{4}$ собственно на плетеніе; при этомъ оговаривались, что для хорошаго мастера производительность труда ближе къ 150, для кругового— къ 100 плахъ*) девятки или десятки. Громадное большинство работающих выдѣлываютъ въ день не болѣе $\frac{1}{2}$ плахи,—по словамъ самихъ мастеровъ (считая кругомъ).

Четыре мастера, опрошенные отдѣльно г. Пучкою, показали, что, при 200 рабочихъ дняхъ въ году, мастеръ можетъ изготовить: 1) или 50 двадцатокъ на сумму 20 руб., 2) или 70 пятнадцатокъ на 21 руб., 3) или 100 двѣнадцатокъ на 25 руб., 4) или 120 десятокъ на 28 руб., 5) или 150 девятокъ на 33 р., 6) или 150—170 семиразокъ на сумму отъ 30 до 34 рублей.

Чтобы опредѣлить заработокъ кустаря на одной плахѣ, нужно знать стоимость сырья въ каждомъ сортѣ издѣлій и рыночную цѣну самого издѣлія. На плаху „десятку“ идетъ двѣ десяточки нитокъ, стоимость десяточки нитокъ мы опредѣлили выше въ предѣлахъ отъ 7 до 12 коп., смотря по толщинѣ нитокъ и по условіямъ продажи. Стоимость десятки нитокъ, употребляемыхъ на плаху „десятку“, чаще всего колеблется въ предѣлахъ 9—10 коп. **). Слѣдовательно, на одну плаху „десятку“ идетъ матеріала на 18—20 коп. Больше всего идетъ въ продажу плаха „десятка“, поэтому все разсчеты и средніе выводы мы сдѣлаемъ на стоимости десятки. Скупщики платятъ кустарямъ за десятку 23—25 коп., въ лучшее время года до 27—28 коп. Десятку средній мастеръ дѣлаетъ за день. Такимъ образомъ, при самыхъ благоприятныхъ условіяхъ, т. е. если нитки удалось купить за 18 коп., а плаху сбыть скупщику за 28 коп., кустарь получить за 12 часовъ работы 10 коп., не считая труда „дытины“, которая сукаетъ нитки. При неблагоприятныхъ условіяхъ, т. е. когда за двѣ десяточки нитокъ заплачено 20 коп., а плаха продана за 23 коп.,—заработокъ понижается до 3 коп. на одной плахѣ. Но при этомъ сами мастера присчитываютъ

*) В. П. Василенко даетъ слѣд. нормы производительности труда: хорошій мастеръ выплетаетъ въ день 1 плаху 9—10-тки, семерки около $1\frac{1}{2}$ плахи, на пару плахъ 12-тки считаютъ 3 дня, на 1 плаху 15-тки около 2 дней, а 18-тку и 20-тку выплетаетъ въ 3 дня только некусный мастеръ. Въ матеріалахъ Лохвицк. кустари. комитета мы нашли указаніе на двухъ лучшихъ мастеровъ—Конова Крестотня и Дарью Сову, которые дѣлаютъ по 2 плахи въ день (новидимому, десятки). Въ матеріалахъ г. Голосова по г. Остру Черн. губ. находилъ подходящее указаніе: тамъ въ день дѣлаютъ 2 сѣти, длиною въ 5 саж. и шириною въ 25 очковъ каждая, сдѣланныя изъ двойной нитки. Матеріала на такую сѣть уходитъ почти столько же, сколько на Вороньковскую десятку.—Мелеховцы намъ такъ опредѣляли среднюю производительность своего труда: $\frac{1}{2}$ плахи въ день (съ суканьемъ), рабочихъ дней 220, всѣхъ мастеровъ 150,—слѣдовательно, производство сѣтей въ Мелехахъ за годъ опредѣляется въ 16500 плахъ.

**) Чтобы не сбиваться, слѣдуетъ помнить, что „десятью“ называется и мотокъ нитокъ въ 10 пасмъ, и особый размѣръ плахи, имѣющей 10 очковъ на протяженіи $\frac{1}{4}$ аршина. На одну плаху „десятку“ идутъ двѣ десятки или десяточки нитокъ.

къ своему заработку еще стоимость той добавочной плахи, которую они получают. Экономія на матеріалѣ: изъ остатковъ отъ матеріала на 4 плахи получается пятая плаха стоимостью въ 24—25 коп. Эту добавочную пятую плаху вмѣстѣ съ тѣми четырьмя плахами мастеръ сдѣлаетъ за 4—5 дней; такимъ образомъ, къ ежедневному заработку, составляющему въ среднемъ 5—6 коп., можно иногда, у постоянно работающихъ, присчитать еще доходъ отъ пятой плахи въ суммѣ 4—6 коп. въ день. Такимъ образомъ, взрослый рабочій, постоянно работающій, получаетъ на плетеніи сѣтей въ день не болѣе 10—12 коп. Это обычная норма заработка постоянно работающихъ, такъ какъ почти всѣ мастера дѣлаютъ девятку и десятку; другіе сорта дѣлаются сравнительно мало. На болѣе высокихъ сортахъ сѣтей заработокъ выше, но соответственно больше и размѣръ затрачиваемаго на нихъ рабочаго времени*). Есть и такіе, что болѣе 2—3 коп. не выработываютъ: „вонъ Роди-вонько Семень два тыжни одною картоплею питался, хлѣба не имѣлъ“, — слышали мы въ Мелехахъ объ одномъ подобномъ мастерѣ, имѣвшемъ 2¹/₂ коп. въ день.

*) Сами мастера на общемъ опросѣ опредѣляли свой дневной заработокъ въ 4—5 коп., а съ добавочной плахой не свыше 10 коп. Сдѣланный нами подсчетъ близко подходитъ къ показаніямъ другихъ изслѣдователей. Такъ, собиратель матеріаловъ изъ кустарнаго комитета Лохвицкаго уѣзда въ 1895 году считалъ заработокъ на девяткѣ въ 5 коп., на десяткѣ въ 7 коп., а та и другая требуютъ одного рабочаго дня. При самыхъ лучшихъ условіяхъ, говоритъ изслѣдователь, — т. е. если матеріалъ на девятку или десятку обойдется въ 14 коп., а продать плахи удастся хорошо, т. е. девятку за 26 коп., а десятку за 29—30 коп., дневной заработокъ на девяткѣ составитъ 12 коп., на десяткѣ — отъ 15 до 16 коп. Нѣсколько высшія цѣны существовали во время изслѣдованія В. И. Василенка. По его словамъ, матеріалъ идетъ: для семерки, девятки и десятки на 28 коп., для 12-тки на 22¹/₂ коп., для 15-тки на 25 коп. и для 18—20 тки на 30 коп. При продажной цѣнѣ семерки въ 28 коп., заработокъ кустаря въ тыждень составляетъ 54 коп., въ день 9 коп. При цѣнѣ девятки 30 коп., — въ день 10 коп.; при цѣнѣ 10-тки въ 32 коп. — въ день 12 коп. заработка; при цѣнѣ 12-тки въ 40 коп. — въ день 10 коп.; при цѣнѣ 15-тки въ 48 коп. — въ день 11¹/₂ коп.; при цѣнѣ 18-тки въ 65 коп. — заработокъ 13¹/₂ коп.; при цѣнѣ 20 тки въ 75 коп. — дневной заработокъ 15 коп. (Стран. 45). П. А. Голосовъ для г. Остра даетъ слѣдующіе цифры: на трехъ низшихъ сортахъ сѣтей дневной заработокъ составляетъ 7—8 коп., на среднемъ сортѣ — отъ 8 до 9 коп., на высшемъ — отъ 15 до 17 коп. въ день. Лохвицкая управа въ своемъ „Очеркѣ мѣропріятій“ (стр. 3) считаетъ дневной заработокъ на сѣтяхъ въ 5—10 коп. Любопытно еще указаніе на тѣ цѣны, которыя даютъ сами кустари своимъ же соседямъ, если получать заказъ на такое количество сѣтей, котораго силами своей семьи къ назначенному сроку поставить не успѣютъ: они платятъ по 15 коп. за 2 плахи, что соответствуетъ дневной заработной платѣ въ 7¹/₂ коп. (тамъ-же, стр. 4). Въ виду всѣхъ этихъ данныхъ мы полагаемъ, что заработокъ въ 2—3 коп. „за цѣлый день напряженнаго труда“, принимаемый въ изданіи Полт. стат. бюро: „Кустари и ремесл. Полтав. губ.“ — ниже действительнаго *средняго* заработка, но встрѣчается въ дѣйствительности, особенно для дѣтскаго труда. По свѣдѣніямъ Минист. Госуд. Им. за 1888—1889 гг., заработокъ сѣтевязальщика въ день въ Нижегородской губ. не превышалъ 5—6 коп., въ Осташковскомъ уѣздѣ Тверской, Демьянскомъ-Валдайскомъ Новгородской губ. — отъ 5 до 10 коп. Какъ мы уже видѣли, цѣна сырья все возрастаетъ, и, какъ сейчасъ увидимъ, — рыночная цѣна готовыхъ сѣтей все падаетъ; слѣдовательно, тотъ заработокъ въ 12—15 коп. въ день, который существовалъ во времена изслѣдованія г. Василенко и слѣды котораго отмѣчены еще въ дѣлахъ Лохв. куст. комитета за 1895 годъ, въ настоящее время долженъ попадаться все рѣже; за то все чаще долженъ встрѣчаться дневной заработокъ въ 5—6 коп., а для дѣтей даже въ 3 коп.

2671348

НАЦІОНАЛЬНА
ПАРЛАМЕНТОСЬКА
БІБЛІОТЕКА

Мы пытались выяснить цѣны на разные сорта сѣти (провязи) и уловить движеніе этихъ цѣнъ за два послѣднія десятилѣтія, но намъ удалось собрать лишь слѣдующія свѣдѣнія.

Самая рѣдкая (по величинѣ очковъ) сѣть—это *пятерка*; дѣлаютъ ее лишь по особымъ заказамъ. При обычной длинѣ плахи въ $4\frac{1}{2}$ маховыхъ сажени, т. е. около 10 аршинъ, стоитъ она (вмѣстѣ матеріаль и работа) отъ 35 до 40 коп. за пару плахъ или, выражаясь языкомъ русскихъ лавочниковъ, за пару концовъ. Свѣдѣнія объ этомъ сортѣ довольно смутны, такъ какъ никому изъ тѣхъ мастеровъ, которыхъ мы спрашивали, дѣлать пятерки не приходилось.

Семерка или *семиряга* (семиразка)—сѣть болѣе извѣстная, хотя также сравнительно рѣдко требуемая. Длина ея и число очковъ въ ширину—таковы-же, какъ и въ сѣтяхъ всѣхъ другихъ калибровъ (сортъ), а именно— $4\frac{1}{2}$ мах. сажени и 30 очковъ *). Во времена изслѣдованія В. П. Василенка, т. е. въ 1884 году, мѣстная базарная цѣна семиряги была 28 коп. (55—56 коп. за пару). Въ дѣлахъ Лохвицкаго кустарнаго комитета за 1895—1896 гг. мы нашли указаніе на цѣну этого сорта въ 19—20 коп. за штуку. По нашимъ свѣдѣніямъ за 1898 годъ, семерка оплачивалась отъ 20 до 25 коп. лѣтомъ (когда, вслѣдствіе отлива рабочихъ рукъ, цѣны повышаются); среднюю-же цѣну намъ показали въ 23 коп. за штуку или 46 коп. пара. Здѣсь мы имѣемъ первый намекъ на пониженіе цѣнъ во времени. Далѣе интересно отмѣтить стоимость семерки на рынкахъ сбыта. Купецъ Супрунъ изъ Николаева въ 1895 году сообщалъ, что пріобрѣтаетъ семиразку отъ скупщиковъ по 50 коп. за пару. Такимъ образомъ, на этомъ сортѣ сѣти барышъ скупщика колебался въ предѣлахъ отъ 4 до 10 коп. на парѣ. Изъ Херсона и Николаева мы получили въ 1902 году свѣдѣнія, что купцы тамошніе покупаютъ семерку отъ скупщиковъ по 55 коп. за пару, а сами продаютъ рыбакамъ по 60 коп., т. е. берутъ себѣ на парѣ барышу, будто-бы, только по 5 коп. Та-же сѣть, сплетенная втрое (тройникъ), въ 1895 году покупалась Супруномъ отъ скупщиковъ по 65 коп. за пару, а въ настоящее время въ Херсонѣ по 70 коп., а продается по 80 коп. въ Херсонѣ и Николаевѣ.

Самыя употребительныя сѣти—это *девятки* и *десятки*; все производство сѣтей главнымъ образомъ на этихъ сортахъ держится. Въ девяткѣ, вопреки ея названію, обыкновенно 8 очковъ вмѣщается на протяженіи четверти аршина; говорятъ, раньше дѣлали аккуратно 9 очковъ, но теперь „якъ таку цѣну даютъ, то й работа така“,—развѣ по заказамъ только дѣлаютъ сѣть ровно въ 9 очковъ. На цѣнѣ девятки

*) Въ виду одинаковости размѣровъ всѣхъ сѣтей, мы этой стороны уже не будемъ касаться при описаніи сѣтей другихъ размѣровъ.

видно, какъ вообще падаетъ цѣна сѣтей. Во времена Василенка девятка стоила скупщику 30 коп., а покупателю въ кременчугскихъ лавкахъ 35 коп. Намъ мастера говорили, что въ то время, т. е. въ началѣ 80-хъ годовъ, цѣна девятки доходила, будто-бы, даже до 35 и 40 коп. за штуку, но воспоминаніямъ нельзя очень довѣрять. Показаніе-же г. Василенка имѣетъ подтвержденіе въ показаніи Одесской крупной фирмы Пташниковыхъ, агентъ которой скупалъ сѣти въ Воронькахъ въ тѣ годы по 50—60 коп. за пару, а фирма продавала ихъ въ Одессѣ по 70—80 коп. за пару. По свѣдѣніямъ Лохвицкаго комитета за 1895 годъ, цѣна девятки колебалась между 43 и 52 коп. за пару, въ среднемъ 48 коп. Намъ въ 1898 году указали цѣны отъ 20 до 27 коп. (лѣтомъ), въ среднемъ 23 коп. за штуку или 46 коп. за пару. Наконецъ, самыя послѣднія свѣдѣнія, относящіяся къ 1902 году, таковы: купецъ Дубининъ (рыбопромышленникъ) выписываетъ девятку отъ Ойстраха по 57 коп. за пару, считая въ этой суммѣ и 5 коп. за пересылку (безъ пересылки, на мѣстѣ, Ойстрахъ беретъ за пару 52 коп., а такъ какъ онъ долженъ себѣ взять не менѣе 4—5 коп. барыша на каждой парѣ, то, очевидно, кустарь получаетъ за пару девятки не болѣе 47—48 коп.). Въ Херсонѣ купцы получаютъ девятку по 60 коп. за пару и продаютъ по 70 коп. Въ Николаевѣ купцы продаютъ по 65 коп.

Та-же тенденція къ пониженію замѣтна и въ цѣнахъ десятки: г. Василенко далъ цѣну штуки десятки въ 32 коп., Пташниковы—въ 30 и 35 коп., а въ кременчугскихъ лавкахъ въ то время ее продавали по 40 коп., въ одесскихъ по 40—45 коп. Въ 1895 году средняя цѣна колебалась уже отъ 25 до 26¹/₂ коп., максимумъ 30 коп. Въ 1898 г. цѣны колебались отъ 23 до 29 коп. (лѣтомъ), среднія 24—26 коп. Въ 1902 году Дубининъ въ Одессѣ получилъ отъ Ойстраха по 31 коп. (28¹/₂ коп. безъ пересылки); въ томъ-же году херсонскіе купцы получали сѣти отъ скупщиковъ по 32¹/₂ коп. и сами продавали по 35 коп., а николаевскіе продавали по 37¹/₂ коп. (75 к. пару).

Десятку-тройникъ кустари продавали въ 1895 г. по 70—80 коп. пару, а въ 1902 году одесскій рыбопромышленникъ Дубининъ отъ скупщиковъ приобрѣталъ ее по 1 руб. за пару (или 95 к. безъ пересылки); въ Николаевѣ ту-же сѣть лавочники продаютъ по 1 р. 10 к.

Двѣнадцатка-двойникъ, во времена Василенка, давала 40—45 коп. кустарю, а у кременчугскихъ лавочниковъ ее брали иногда даже по 75 коп. за штуку. Въ 1895 году мы уже находимъ цѣны отъ 30 до 38 коп., максимумъ 40 коп. Въ 1898 году показанія еще ниже: отъ 28 до 35 коп., максимумъ лѣтомъ 38 коп. Наконецъ, въ 1902 году херсонскіе лавочники берутъ двѣнадцатку отъ скупщиковъ всего по 35 к.,

а продають по 37^{1/2} коп. (75 коп. пару), николаевскіе-же продають пѣсколько дороже—по 90 коп. пару. Такимъ образомъ, тотъ доходъ, который въ 1884 году получалъ на двѣнадцатки одинъ кустарь, теперь раздѣляется между кустаремъ, скупщикомъ и лавочникомъ.

За двѣнадцатку-тройникъ кустарь въ 1895 году получалъ отъ 70 коп. до 1 руб. за пару, въ 1902 году скупщики продають ее отъ 1 руб. до 1 р. 15 коп., а лавочники сбываютъ покупателю по 1 р. 10 коп. (Одесса), 1 р. 15 коп. (Херсонъ) и 1 р. 20 коп. (Николаевъ) за пару.

За пятнадцатку-двойникъ кустарь въ 1885 году бралъ 48 коп., въ 1895 году уже только 40—42 коп., въ 1898 г.—35 или 40 коп. (въ Воронькахъ говорили, будто цѣна доходить и до 50 коп., но, повидимому, это относится къ тройнику). Въ 1902 году въ Херсонѣ лавочники покупали по 52^{1/2} к., продавали по 60 к., а въ Николаевѣ продавали по 55 коп.

Пятнадцатку-тройникъ въ Одессу скупщики доставляли въ 1902 г. по 1 р. 25 к.—1 р. 30 к. за пару, а лавочники продавали по 1 р. 35 к. и выше; въ Николаевѣ продавали по 1 р. 50 к.

Самая густая сѣть восемнадцатка или двадцатка давала кустарю въ 1885 году отъ 65 до 75 к. за штуку, въ 1895 году уже отъ 50 до 65 к. и даже спускалось до 45 коп. Въ 1898 году она стояла отъ 40 до 45 к. и, въ видѣ исключенія, поднималась до 55—60 к. (собственно двадцатки). Въ настоящее время херсонскіе лавочники получаютъ за двадцатку по 60 коп., а продають по 70 коп.; въ Николаевѣ продають по 75 коп. штуку (1 р. 50 к. за пару).

О двадцаткѣ-тройникѣ мы имѣемъ современныя свѣдѣнія только изъ Херсона и Николаева: въ первомъ лавочники показываютъ, что 20-тку они продають по 1 руб., а въ Николаевѣ—покупають восемнадцатку по 75 коп. и продають по 80 коп. за штуку.

Хотя приводимыя нами цифры нѣсколько шатки, благодаря тому, что не всѣ онѣ заимствованы изъ источниковъ вполне надежныхъ, тѣмъ не менѣе онѣ позволяютъ сдѣлать по крайней мѣрѣ тотъ общій выводъ, что цѣны какъ на рынкахъ сбыта, такъ особенно на мѣстѣ производства значительно понизились впродолженіе тѣхъ 15 лѣтъ, которыхъ касались наши изысканія. Другой, менѣе точный, но болѣе полезный выводъ: что теперь всѣ лица, занятые около сѣтей (кустарь, скупщикъ и лавочникъ) вмѣстѣ получаютъ то, что раньше получалъ одинъ кустарь за свой трудъ.

Какъ сказано уже, цѣны устанавливаются скупщиками, которые, не составляя изъ себя формальнаго товарищества, дѣйствуютъ однако довольно солидарно по отношенію къ сѣтевязальщикамъ.

Чтобы роль скупщичества въ сѣтевязальномъ районѣ Вороньковской волости была яснѣе, необходимо ознакомиться вообще съ условіями сбыта вороньковскихъ сѣтей—какъ самостоятельнаго, такъ и при посредствѣ скупщиковъ.

Всякій мастеръ прекрасно понимаетъ преимущества самостоятельной продажи своихъ издѣлій, непосредственно въ руки потребителя и, по мѣрѣ силъ своего хозяйства, старается избрать наиболѣе выгодный для себя способъ сбыта. Однако, обладаніе лошадьми и оборотнымъ капиталомъ позволяютъ лишь немногимъ изъ мастеровъ вести развозную продажу и притомъ не только своего товара, но и товара, скупленного у сосѣдей. Такимъ образомъ, существуетъ нѣсколько типовъ лицъ, продающихъ сѣти. Наиболѣе распространеннымъ является типъ мастеровъ, продающихъ сѣти собственнаго изготовленія отъ базара до базара, по нѣсколько штукъ, мѣстнымъ или пріѣзжимъ скупщикамъ; ведя производство въ ничтожныхъ размѣрахъ, по 5—10 плахъ въ недѣлю, они, разумѣется, не ищутъ далекихъ рынковъ сбыта: „якъ выплетешъ коп. на 20, то куды ще зѣ імъ носыться,—прямо до купца и несешъ“. Затѣмъ—десятокъ или два мастеровъ сами развозятъ свои сосѣдскія сѣти („десятка два волоківъ“) по окружающимъ ярмаркамъ (лѣтъ 20 назадъ ихъ было гораздо больше), и, наконецъ, собственно въ Воронькахъ имѣется 5, въ Мелехахъ—2 и т. д. болѣе или менѣе „капитальныхъ“ торговцевъ, которые занимаются скупкою и продажею сѣтей на болѣе отдаленные рынки и въ болѣе обширныхъ размѣрахъ, сами не участвуя личнымъ трудомъ въ производствѣ сѣтей.

Итакъ сотни мастеровъ не имѣютъ ни малѣйшаго понятія о томъ, куда и по какимъ цѣнамъ попадаютъ въ концѣ концовъ сдѣланныя ими сѣти. Они довольствуются тѣмъ, что на мѣстныхъ и сосѣднихъ базарахъ находятъ безостановочный сбытъ въ руки скупщиковъ, которые принимаютъ плахи также и у себя на дому; „хоть ночью понеси—примуть“. На домъ къ скупщикамъ мастера, впрочемъ, избѣгаютъ носить сѣти, потому что у себя на дому скупщикъ не торопясь и длину измѣрять, и число очковъ пересчитываетъ въ ширинѣ каждой плахи, такъ что всучить ему неполномѣрную плаху трудно. На базарѣ-же, окруженный толпою бабъ, торопящихся всучить ему плахи, скупщикъ легче премахнется, а это, конечно, имѣетъ большое значеніе для мастеровъ, усчитывающихъ каждый золотникъ пряжи и строящихъ иногда на этомъ свой добавочный заработокъ. Бываетъ, что съ одною и тою-же неполномѣрною сѣтью къ скупщику поочередно трое подходятъ, пока не всучатъ ее наконецъ за настоящую. По соображеніямъ подобнаго-же рода мастеръ несетъ иногда издѣлія не на свой базаръ, гдѣ его больше знаютъ, а въ сосѣднее село—въ Мелехи, Городище. Вообще мастера

предпочитають большіе базары, потому что на такихъ базарахъ иногда одновременно оперируютъ нѣсколько главныхъ скупщиковъ, стараясь перехватить другъ у друга побольше плахъ и повышая при этомъ цѣну плахи на копѣйку. Далеко, однако, конкуренція между скупщиками не заходитъ; высказываютъ предположеніе, что они подѣлили рынки между собою и состоятъ между собою если не въ прямомъ договорѣ, такъ въ молчаливомъ соглашеніи *). Иногда скупщики получаютъ большіе срочные заказы („подряды“) и, спѣша ихъ выполнить, поднимаютъ цѣны,—особенно если это случится въ началѣ уже весны, когда производство сѣтей падаетъ на добрую треть вслѣдствіе отлива молодежи на земледѣльческія работы. На табакахъ, напр., платятъ по 25—30 к. въ день на хозяйскихъ харчахъ и, понятно, что всякій предпочтетъ эту работу изготовленію сѣтей; въ такое время года цѣна плахи поднимается на 2—3 коп. и даже до 5 коп.; за то зимою и осенью, когда даже на вечерницахъ занимаются плахами, цѣны соотвѣтственно падаютъ **). Въ общемъ, говорятъ мастера, остановки въ сбытѣ не бываетъ, но сбывать приходится дешево, получая за дневную работу иногда всего около 3 коп. Если и бываетъ въ Пилипівку, что на базаръ не явится никто изъ скупщиковъ, и баба идетъ, „плачучи, що паляныці ні за що було купувати“, то на слѣдующемъ базарѣ она уже непременно спуститъ плахи, а въ производствѣ все-таки остановки нѣтъ: „снова беремъ пряжу и снова плетемъ“. Въ Воронькахъ 3 базара въ недѣлю: по вторникамъ, четвергамъ и субботамъ, и такъ какъ многимъ нечего ѣсть, пока не сбудутъ товаръ, то они въ среду несутъ уже на базаръ въ Мелехи, гдѣ и плаху продадутъ, и пряжи купятъ, и „пропитаніемъ“ запасутся.

О кредитныхъ отношеніяхъ между мастерами и скупщиками намъ не удалось получить много свѣдѣній; повидимому, такія отношенія мало развиты, и вполне понятно почему: услуги кредита являются тамъ, гдѣ надо вызвать или поощрить производство, а разъ оно уже развито и переходитъ въ перепроизводство, то скупщику выгоднѣе орудовать на наличныя деньги,—во 1-хъ, „живая копѣйка“ дороже стоитъ, а во 2-хъ—нѣтъ риска по кредиту. Въ Воронькахъ намъ говорили, что лѣтъ 20 назадъ кушцы давали мастерамъ подъ сѣти впередъ по 15—20 руб., а теперь и гривенника никто не дастъ; тогда сами кушцы и нитку да-

*) Статистич. бюро Полтав. земства, получившее свѣдѣнія изъ Вороньковъ въ 1900 г., сообщаетъ, что „стачки между 5 вороньковскими скупщиками явленіе не рѣдкое; цѣны на каждый сортъ сѣтей значительно понижаются передъ праздниками Рождества Христова и Пасхи, когда каждый кустарь работаетъ безъ отдыха, чтобы купить къ празднику все необходимое. Цѣны понижаются до того, что на долю кустаря выпадаетъ не болѣе 2—3 коп. за цѣлый день напряженного труда“. (Кустари и ремесл., стр. 89).

**) Въ зимнее время, какъ намъ говорили въ Мелехахъ, оплата поденщины падаетъ до 15 коп. на своихъ харчахъ.

вали мастерамъ, а за трудъ платили дороже, чѣмъ теперь: за 9-саженную (маховую) плаху давали 15 коп. только за работу. Мелеховцы намъ показывали, что оба мѣстные скупщика Саливонъ и Хоружій даютъ изрѣдка „задатки“, но не больше, чѣмъ по рублю, и тогда уже уплачиваютъ воспользовавшимся кредитомъ на копѣйку меньше противъ существующихъ въ данный моментъ рыночныхъ цѣнъ. Легко понять, чего стоитъ эта копѣйка, если иногда вся выручка на плахахъ составляетъ 2—3 копѣйки, а въ плаху вложенъ трудъ чуть не цѣлаго дня. „Почемъ хочетъ, по томъ и беретъ,—у него праздно гроши лежать“. Въ Мелехахъ берутъ такіе задатки хозяевъ двадцать. Въ „Очеркѣ мѣропріятій“ Лохв. земства находимъ такія свѣдѣнія:—„кустари продаютъ свои издѣлія на базарахъ за наличныя въ небольшомъ количествѣ. Въ большинствѣ же случаевъ кустари довѣряютъ свой товаръ скупщикамъ въ кредитъ. Расплата послѣднихъ не всегда бываетъ аккуратна. Зажиточные скупщики иногда кредитуютъ кустарей для покупки матеріала отъ 5 до 6 руб. одновременно. При этомъ цѣна плахъ опредѣляется при заказѣ, и при сдачѣ расчетъ производится не по существующимъ въ данное время цѣнамъ, а по заключеннымъ при условіи, хотя-бы послѣднія были выше или ниже“.

Такимъ образомъ между скупщикомъ и мастерами идетъ постоянная борьба изъ-за каждой лишней копѣйки, но борьба скрытая, глухая и въ одиночку—по крайней мѣрѣ со стороны мастеровъ, которые ни въ какія соглашенія между собою не входятъ да и не могутъ входить, такъ какъ имъ нельзя медлить со сбытомъ издѣлій. Борьба сводится, какъ сказано, къ разнымъ мелкимъ ухищреніямъ. По словамъ мастеровъ, эта борьба отразилась на самомъ качествѣ издѣлій: „якъ таку цѣну даютъ, то такой имъ и товаръ“. Раньше, говорятъ, лѣтъ 15 назадъ, не дѣлали плахъ меньше чѣмъ въ 40 очковъ ширины и длиною въ 5 маховыхъ сажений и брали за девятку отъ 35 до до 40 коп. Это было выгоднѣе и для потребителя—рыбалки: полоски были шире и меньше приходилось ихъ сшивать для невода,—а теперь нехай „попосчалювае“ (посшиваетъ), когда онѣ такія узкія (раньше 1½ арш., теперь 1 арш.). Затѣмъ началось состязаніе кустаря со скупщикомъ; кустари стали плутовать: сѣтъ имѣла, напр., съ казового конца 40 очковъ, а внутри 39 или 38 и того меньше. Теперь спустили до 30 очковъ. *) Соотвѣтственно съ этимъ и скупщики гнали цѣны внизъ. Въ Одессѣ оптовые торговцы говорили намъ, что въ Германіи на фабрикахъ и у турецкихъ кустарей, поставляющихъ бумажныя сѣти черезъ Керчь, выпускаются сѣти шириною до 100 очковъ, и что это сильно сокращаетъ трудъ рыбалки, сшивающаго сѣти въ неводъ, благодаря чему знатоки

*) Дятловъ въ Чернухахъ не принимаетъ, будто-бы, сѣти меньше чѣмъ въ 32 очка.

этого дѣла ставятъ нѣмецкую сѣть выше малорусской, даже при одинаковомъ матеріалѣ (пенькѣ). Очевидно, что рано или поздно это преимущество турецкой и фабричной сѣти должно отразиться на сбытѣ.

Самостоятельно сбываютъ свои издѣлія, какъ сказано, лишь весьма немногіе мастера изъ числа болѣе зажиточныхъ хозяевъ. Развозятъ они не отдѣльныя плахи, а главнымъ образомъ цѣлыя небольшія сѣти ятера, бредни или волокуши,—о величинѣ и составѣ ихъ см. выше), сбывая ихъ непосредственнымъ потребителямъ—рыбалкамъ. Повидимому, этотъ родъ торговли не имѣетъ широкаго распространенія; по крайней мѣрѣ В. И. Василенко (стр. 45—46) рассказываетъ, что во время его изслѣдованія на Полтавскомъ берегу Днѣпра не знали о существованіи производства сѣтей въ Воронькахъ и запасались сѣтьми, либо въ Кременчугѣ, отъ крупныхъ скупщиковъ, либо отъ пріѣзжихъ Черниговскихъ купцовъ, и что г. Василенку пришлось рекомендовать вороньковцамъ (черезъ волость), посѣщать ярмарки въ Гельмязовѣ, Келебердѣ и другихъ селахъ побережья, гдѣ имѣется спросъ на сѣти. Неизвѣстно насколько совѣты г. Василенка способствовали развитію Вороньковской самостоятельной развозной торговли; теперь-же, какъ намъ говорили, лишь десятокъ—другой Вороньковцевъ разѣзжаетъ какъ по ярмаркамъ и базарамъ смежныхъ уѣздовъ Полтавской губ., *) такъ и за предѣлами ея—въ губерніяхъ Черниговской, Харьковской и Екатеринославской, верстъ до 150 въ окружности. Ѣдетъ на ярмарку такой хозяинъ не съ однѣми только волокушами, а прихватитъ также паръ 20 плахъ, нѣсколько десятковъ кошелѣй изъ рогоза и еще что-нибудь,—на одномъ не выручить, такъ другимъ покроетъ. Въ ярмарочный сезонъ такой продавецъ сбываетъ штукъ 400 плашекъ, не считая цѣлыхъ волокушъ и пр. На волокушѣ за работу приходится, при ярмарочной продажѣ отъ 50 коп. до 1 руб. и дороже, на одной плахѣ—пятакъ больше того, что даль-бы крупный скупщикъ дома. Понятно, что для такихъ самостоятельныхъ операцій нужна и своя лошадь, и болѣе или менѣе благоустроенное хозяйство, которое имѣло-бы что сбывать на базарѣ, и нѣкоторыя оборотныя средства. Часто такой торговецъ не имѣетъ денегъ, чтобы взять отъ сосѣда нѣсколько плахъ за наличныя; поэтому онъ беретъ ихъ на комиссію, заранѣе сговорившись относительно цѣны. Указанія на комиссіонную продажу нашли мы и въ рукописныхъ матеріалахъ Лохв. куст. комитета:—„Небогатымъ купцамъ крестьяне часто довѣряютъ свой товаръ безъ денегъ. Такъ напр., при мнѣ

*) Въ Прилуки, подъ Переяславъ и т. д. Описывая Лубенскую Покровскую ярмарку въ 1891 г., Я. Б. Забѣла говоритъ, что „изъ Вороньковъ было привезено 2 воза рыболовныхъ сѣтей, по 300 паръ концовъ на каждомъ возѣ. Цара концовъ имѣетъ 8—9 саж. длины. Продавались онѣ по 10—15 коп. сажень. Всего товара привезено на сумму до 600 руб.“

Воробко Василій въ с. Позникахъ продалъ 15 плахъ по 47 к. на 7 р. 5 коп., приче́мъ купецъ далъ ему только 5 коп., а 7 р. обѣщаль привезти черезъ недѣлю. Условій при этомъ не было заключено никакихъ. Платежи эти со стороны кушцовъ бывають, по словамъ многихъ, несовсѣмъ аккуратны“. Не обладая большими средствами, эти мелкіе торговцы готовы довольствоваться и меньшими барышами. Сравнивая ихъ съ крупными, мастера говорили намъ, что если крупные скупщики не возьмутъ на плахѣ меньше 3 коп. барыша (и не болѣе 5 к.), то эти мелкіе вполне удовлетворяются и 2 копѣйками, и даже одной коп. Мелкіе продавцы жалуются, что, при ихъ постоянныхъ развѣздахъ, имъ приходится наталкиваться и на требованія мѣстовыхъ сборовъ, и на необходимость предъявленія торговыхъ документовъ—промысловыхъ или приказчиныхъ *) свидѣтельствъ (всѣ крупные скупщики такими документами обладаютъ, а трое изъ нихъ—Саливонъ, Хоруженко и Ойстрахъ—имѣють даже гильдейскія свидѣтельства). Къ отрицательнымъ сторонамъ мелкой развозной торговли относится еще и сравнительная слабость ея въ конкуренціи съ крупной, въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ имъ приходится встрѣчаться: потребитель-рыбалка всегда предпочтетъ обратиться за товаромъ къ крупному торговцу, или въ складъ, гдѣ онъ можетъ имѣть болѣе широкій выборъ издѣлій, если только онъ не завязалъ раньше „знакомства“ съ мелкимъ продавцомъ. **) Вотъ почему въ кругъ торговой политики мелкихъ торговцевъ входитъ немаловажною отраслью умѣнье завязывать нужныя знакомства съ рыбалками. Изъ всего этого очевидно, какъ трудно проложить рядовому кустарю дорогу къ самостоятельному сбыту своихъ издѣлій; изъ среды рядовыхъ кустарей выбиваются только наиболѣе приспособленные и обыкновенно сейчасъ-же стараются перейти отъ роли наковальни къ роли молота. Впрочемъ, мѣста молотовъ уже крѣпко заняты раньше пришедшими...

Такимъ образомъ мы подошли къ крупному скупщичеству. Откуда взялись первые скупщики и какъ они прокладывали путь для сбыта сѣтей, намъ не удалось узнать; не сообщаетъ этого и г. Василенко; но относительно недавнихъ сравнительно судебъ скупщичества мы получили довольно достовѣрныя свѣдѣнія, дающія указанія на совершающуюся въ этомъ дѣлѣ эволюцію. Приведемъ сначала дословно сообщеніе мѣстнаго жителя казака Ст. Пв. Кабакова, могущее служить и для общей характеристики промысла:—„Плетеніе сѣтей, если посмотрѣть со стороны, покажется очень страннымъ и ничтожнымъ, но если присмотрѣться къ нему поближе, то мнѣніе сейчасъ переменится. Войдя

*) Приказчиные свидѣтельства. говорили намъ, стоить 12 руб.

**) Кроме того, рыбалка принужденъ иногда покупать сѣти въ кредитъ, до результатовъ улова (какъ, напр., въ Одессѣ), и понятно, что только крупный торговецъ можетъ давать ему такой кредитъ.

въ любую хату, а въ многосемейную въ особенности, вы увидите, что всѣ члены семьи отъ 7 лѣтъ до глубокой старости, и даже слѣпые и увѣчные, заняты какимъ-то несложнымъ дѣломъ: малютки мотають и сучать пряжу; подростки, возмужалые и старики обоого пола занимаются плетеньемъ; всѣ заняты дѣломъ, всѣмъ недосугъ,—но дѣло это не мѣшаетъ вести разговоръ, пѣть пѣсни, выучивать наизусть молитвы, сказки и т. п., а между тѣмъ дѣло идетъ своимъ чередомъ—и въ результатѣ получается, что вся эта семья за день заработала себѣ на хлѣбъ, мясо или на рыбу, смотря по тому, что когда употребляется въ пищу,—и на нитки для продолженія дальнѣйшихъ работъ. Питки—это есть оборотный, разъ на всегда затраченный капиталъ, а капиталъ этотъ самый ничтожный—отъ 20 коп. до 3 рублей, и на этотъ ничтожный капиталъ семья въ 8—10 душъ могла существовать безбѣдно, всегда лакомясь молокомъ, рыбой и мясомъ; на этотъ капиталъ вороньковскій плашникъ въ неурожайные годы не ощущалъ такой голодовки, какъ его сосѣдъ—хлѣборобъ изъ другого села, а въ обильные годы бережливыя семейства имѣли возможность отложить и про черный день. Но все это было въ прошлое время, до проведенія жел. дорогъ. Тогда главный потребитель этихъ издѣлій—Одесса—поручала сборку товара своимъ коммерсантамъ, (коммиссіонерамъ?), жившимъ постоянно въ Лохвицѣ, а эти послѣдніе также поручали вороньковскимъ жителямъ—людямъ зажиточнымъ, которые доставляли собранный ими товаръ въ г. Лохвицу, а изъ Лохвицы въ Одессу товаръ доставлялся одинъ разъ въ годъ,—въ маѣ мѣсяцѣ, по весьма выгоднымъ цѣнамъ,—и при тогдашней дешевизнѣ на пряжу вороньковскіе плашники имѣли хорошій заработокъ. Съ открытіемъ жел. дорогъ дѣло плашниковъ измѣнилось къ худшему. Тѣ-же самые вороньковскіе собиратели плахъ начали собранный ими товаръ доставлять лично въ Одессу и др. города, гдѣ имъ начали платить за товаръ, въ виду избытка таковога *), ничтожную цѣну, что всецѣло пало на производителей. И теперь дѣло доведено до того, что промыселъ идетъ только изъ-за привычки, потому что вороньковскіе жители не привыкли сидѣть безъ дѣла, почему и продолжаютъ свое дѣло, только-что не въ ущербъ себѣ, получая не болѣе 3 коп. за выплетенный ими конецъ въ 4¹/₂ саж., потративъ на это времени не менѣе однѣхъ сутокъ. Доходъ отъ плетенія сѣтей уменьшается ежегодно и доведенъ до крайнихъ размѣровъ. Число занимающихся промысломъ, соотвѣтственно росту населенія, увеличивается,—тѣмъ болѣе, что вороньковскіе жители, кромѣ незначительнаго числа ткачей, ткущихъ простой холстъ для домашняго употребленія, болѣе никакихъ ремеслъ не знаютъ

*) Обращаемъ вниманіе на то, что изъ словъ самого г. Кабакова не слѣдуетъ, будто-бы только жел. дороги сыгралъ отрицательную роль въ исторіи промыс.а.

и сосредоточили свое вниманіе на плетеніи плахъ и волокушъ, даже въ ущербъ школѣ“. Въ дальнѣйшемъ изложеніи г. Кабаковъ высказываетъ мысль, что земство могло-бы помочь промыслу, затративъ капиталъ примѣрно въ 50 тыс. руб. и, объединивъ въ своихъ рукахъ сбытъ сѣтей, но замѣчаетъ при этомъ, что подобная мѣра встрѣтила-бы сильное противодѣйствіе со стороны мѣстныхъ скупщиковъ.

Такимъ образомъ, имѣются указанія на то, что желѣзныя дороги сыграли въ промыслѣ извѣстную роль: онѣ замѣнили пріѣзжихъ скупщиковъ мѣстными, которые сами стали развозить товаръ по всему югу. Во времена изслѣдованія В. П. Василенка, т. е. въ началѣ 80-хъ годовъ, главнымъ торговымъ пунктомъ являлся г. Кременчугъ—„куда отправляется изъ Вороньковъ на Трехсвятительскую ярмарку 25—30 повозокъ, на каждой 700—800 концовъ (купеческій терминъ); на эту ярмарку пріѣзжаютъ 4—5 купцовъ изъ Никополя (Николаева?) и одинъ изъ Херсона, а одесскій купецъ имѣетъ свой складъ въ Воронькахъ; на Ивановскую (29 іюня) и Семеновскую (1 сентября) ярмарки возятъ въ Кременчугъ втрое—вчетверо меньше концовъ. Это объясняется тѣмъ, что закупленные зимою плахи сшиваются въ невода для весенняго лова, а лѣтнія и осеннія покупки предназначаются, очевидно, лишь для ремонта неводовъ“. Теперь этотъ родъ продажи сѣтей, повидимому, сокращается. Насъ мастера увѣряли, что „то було раніишъ, якъ возили плашки до Кременчука, а туды пріиздили купцы зъ Николаеву“. Подтвержденіе того-же факта мы слышали и отъ одесскихъ торговцевъ. Завѣдующій однимъ изъ магазиновъ фирмы Пташникова (той самой фирмы, представитель которой, по словамъ г. Василенка, имѣлъ постоянное мѣстопробываніе въ Воронькахъ для пріемки сѣтей) Иванъ Георгиевичъ Лобовъ, служащій фирмѣ болѣе 30 лѣтъ, говорилъ намъ, что, дѣйствительно, лѣтъ 20 назадъ фирма имѣла своего представителя въ Воронькахъ, который закупалъ ежегодно сѣтей тысячъ на 15 руб. Тогда фирма пользовалась какъ-бы монополіей въ продажѣ сѣтей и получала валового дохода на сѣтяхъ отъ 25 до 30% (за вычетомъ убытковъ по продажѣ въ кредитъ доходъ понижался, но никогда не давалъ менѣе 10% на капиталъ); въ послѣдніе-же годы, пользуясь желѣзн. дорогами, скупщики сѣтей сами являются въ Одессу и по всему побережью, завязывая сношенія непосредственно съ потребителями—хозяевами рыбныхъ ловель и заваливая предложеніемъ своего товара мѣстные магазины. Благодаря этому, торговля раздробилась—и такая крупная фирма, какъ фирма Пташникова, находитъ уже невыгодной торговлю мало-россійскими сѣтями: въ 1901 г. такихъ сѣтей фирмою уже не было куплено ни на одинъ рубль. Торгуютъ болѣе мелкія фирмы. Такимъ образомъ, торговля сѣтями, сравнительно съ недавнимъ прошлымъ,

раздробилась и, съ точки зрѣнія Вороньковскаго скупщичества, стала самостоятельнѣе; разумѣется, съ точки зрѣнія самихъ производителей, она остается также несамостоятельна, какъ и прежде.

На общемъ опросѣ сѣтевязальщики назвали намъ 13 главнѣйшихъ скупщиковъ, орудующихъ въ Вороньковскомъ районѣ; изъ нихъ 6 живутъ, или, имѣютъ главный районъ операций въ самихъ Воронькахъ, двое въ Мелехахъ, двое въ Позникахъ, двое въ Чернухахъ и одинъ въ Загребельи. Намъ указали и приблизительные обороты каждаго изъ скупщиковъ. Въ числѣ лицъ, сообщавшихъ намъ эти свѣдѣнія, былъ одинъ изъ бывшихъ скупщиковъ, прогорѣвшій на этомъ дѣлѣ, и можно думать поэтому, что свѣдѣнія близки къ дѣйствительности; рядовые-же мастера обыкновенно мало освѣдомлены о томъ, что не входитъ въ кругъ ихъ непосредственнаго наблюденія. Косвенную провѣрку полученныхъ нами данныхъ объ оборотахъ скупщиковъ мы сдѣлали путемъ подсчета производительности всѣхъ селеній, вошедшихъ въ сферу операций скупщиковъ, по среднимъ нормамъ. Обѣ суммы—общихъ оборотовъ скупщиковъ и общей производительности селеній—довольно близко сошлись, что говоритъ въ пользу ихъ относительной достовѣрности.

Въ Воронькахъ скупаютъ сѣти: Янкель Ойстрахъ—не менѣе 30000 плахъ или концовъ, Петръ Гавриленко примѣрно 15000, Василій Гавриленко 5000, Зиновій Терещенко 10000, Антонъ Юрь 5000 и Галактионъ Харченко 5000,—всего свыше 70000 плахъ. Въ Мелехахъ: Илья Саливонъ (прозванный Тысяченкомъ за то, будто-бы, что онъ тысячами ворочаетъ)—скупаетъ не менѣе 30000 плахъ и Дмитрій Хоруженко—до 20000, всего около 50000. Въ Позникахъ: Иванъ Комаръ 5000 и Дмитрій Синиченко 5000. Въ Чернухахъ: купецъ Дятловъ—20000 плахъ и Иванъ Червякъ 5000. Наконецъ, въ Загребельи Иванъ Иващенко скупаетъ до 1000 плахъ. Всѣ 13 скупщиковъ скупаютъ около 165 тыс. плахъ ежегодно. Размѣры-же производства сѣтей въ каждомъ изъ селеній посчитаны мастерами (на опросѣ въ Воронькахъ) такъ: въ Воронькахъ, говорятъ, ежегодно вырабатывается не менѣе 150 тыс. плахъ, въ Сухоносовкѣ 5000, Козловкѣ 5000, Позникахъ 5000, Коваляхъ 5000, Харсикахъ 1000, Чернухахъ 2000 и Мелехахъ 5000,—всего до 180 тыс. плахъ. Цифры эти опредѣлялись мастерами „на глазъ“ и имѣютъ, конечно, больше сравнительную цѣнность, чѣмъ абсолютную; вѣроятно, въ общемъ онѣ вѣрно схватываютъ относительное значеніе въ промыслѣ какъ отдѣльныхъ селеній, такъ и орудующихъ въ нихъ скупщиковъ. Не можемъ умолчать о слѣдующемъ противорѣчій, встрѣченномъ нами въ показаніяхъ о суммѣ производительности с. Мелеховъ: въ то время, какъ вороньковцы опредѣляли ее въ 5000 плахъ, сами мелеховцы считали не менѣе 16500. Было-бы печально для нашихъ свѣдѣній, если-бы

признать законнымъ такое разнорѣчіе и по отношенію къ прочимъ селамъ района; но слѣдуетъ замѣтить, что кромѣ Вороньковъ и Мелеховъ единственный еще замѣтный пунктъ производства сѣтой—это Позники. Слѣдовательно, признавъ справедливость поправки, вносимой Мелеховцами, и увеличивъ производительность Позниковъ до 10000, мы можемъ не считаться серьезно съ остальными мелкими селеніями*). Съ этими поправками показанная намъ мастерами производительность всего района, со включеніемъ и Чернухской волости, равна 197500 плахъ. Если производительность района достигаетъ 197500 плахъ, то вполне вѣроятно, что изъ нихъ 165000 проходятъ черезъ руки скупщиковъ; такимъ образомъ эти двѣ цифры провѣряютъ и подтверждаютъ другъ друга.

Но есть и еще способъ провѣрки—по средней производительности труда. Принявъ мелеховскій способъ опредѣленія средней производительности (110 плахъ въ годъ на душу), мы можемъ построить слѣд. таблицу для тѣхъ 4 селеній, относительно которыхъ имѣется матеріалъ для сравненія:

Селенія.	Число душъ.	Производительность (по среднимъ мелех. нормамъ).	Производительность (по словамъ мастеровъ).
Вороньки . . .	1375	150150 плахъ	150000
Позники . . .	97	10670 „	5000
Козловка . . .	8	880 „	5000
Мелехи . . .	150	16500 „	5000
Итого . . .	1620	178200 „	165000

Для насъ важно, что въ Воронькахъ, главномъ центрѣ производства, цифры сошлись почти буквально, не смотря на разницу въ способахъ подсчета. Вороньковскіе мастера подсчитали намъ производительность м. Вороньковъ иначе, чѣмъ мелеховцы, и именно вотъ какъ: въ зимнее время, говорили они, всѣ вороньковцы „щодня“ выносятъ на базарь до 1000 и болѣе „концовъ“, весной—не менѣе 500; въ среднемъ они принимали 300 паръ (600 плахъ) въ день, отсчитавъ то время, какое уходитъ на полевныя работы; а число рабочихъ дней въ году и мастера, бывшіе на опросѣ, и находившійся среди нихъ бывший скупщикъ опредѣлили въ 250; такимъ образомъ и получилась данная мастерами цифра 150000.

Чтобы покончить съ опредѣленіемъ производительности всего рай-

*) Свой подсчетъ Мелеховцы сдѣлали такъ: рабочихъ дней въ году считали 220, производительность труда средняго мастера (старога и малаго) въ день— $\frac{1}{2}$ плахи, а общее число работающихъ въ селѣ—150 душъ, слѣдовательно $220 \times \frac{1}{2} \times 150 = 16500$ плахъ. По этимъ нормамъ средній мастеръ въ годъ производитъ 110 плахъ. Если плаха продается скупщику по 25—28 коп., а стоимость матеріала въ цѣнѣ плахи составляетъ 18—20 коп., то оплата труда составляетъ отъ 8 до 10 руб. Если въ семьѣ плетутъ сѣти трое, то вся семья за годъ выручаетъ на сѣтяхъ отъ 25 до 30 руб.

она, добавимъ къ показаннымъ въ таблицѣ для 4 селеній 178200 плахамъ еще около 2000 для Загребелья (тамъ въ 9 хозяйствахъ работаетъ примѣрно 22 человѣка), по 5000 (какъ говорили мастера) для Сухоносовки, Ковалей и Чернухъ и 1000 для Харсикъ; итого около 195000 для всего района.

Принявъ среднюю плату мастеру за каждую плаху въ 22 коп., получимъ стоимость годоваго производства сѣтей въ Вороньковской и Чернухской волостяхъ равною приблизительно 50 тыс. рублей. Лохвицкая управа опредѣляетъ годовое производство всего въ 30000 р. *). Если даже истину искать въ среднѣ, то все-же не менѣе 40000 р. переходили черезъ руки сѣтевязальщиковъ Лохвицкаго уѣзда еще въ недавнее время. Плетущихъ сѣти мы насчитали примѣрно 1650 душъ; слѣдовательно, средняя стоимость производства на душу составляетъ отъ 25 до 30 р., т. е. опять таки приблизительно столько-же, сколько мы высчитали выше. Лохвицкая управа нѣсколько выше опредѣлила размѣръ годоваго заработка („кустарь, работая съ семьей, въ течение года не вырабатываетъ болѣе 50 руб. Само собою разумѣется, что подобнаго рода заработка слишкомъ не велики даже для зимняго и свободнаго отъ полевыхъ работъ времени; слѣдуетъ, однако, имѣть въ виду, что въ сѣтевязальномъ производствѣ имѣетъ широкое приложение дѣтскій трудъ, почему производство рыболовныхъ сѣтей, не принадлежа къ числу особенно прибыльныхъ занятій, окупаетъ, по крайней мѣрѣ, прокормленіе въ зимнее время и даетъ возможность кустарю утилизировать трудъ цѣлой семьи въ періодъ безработицы,—Очеркъ. стр. 3—4). Но свѣдѣнія Лохвицкой управы относятся къ болѣе раннему періоду, когда вообще заработокъ былъ выше **).

*) Повидимому, эта цифра основана на слѣдующемъ расчетѣ г. Василенка: „Въ Вороньки прѣзжаетъ приказчикъ изъ Одессы, набирающій — какъ онъ самъ сказалъ — до 10,000 „концовъ“ (купеческій терминъ); главный торговецъ въ Лохвицѣ еврей Карасикъ собираетъ до 30,000; второстепенные торговцы въ Воронькахъ и Мелехахъ по 5,000 и мелкіе скушники набираютъ не менѣе 30,000, итого 70,000 концовъ, на сумму, по опредѣленію мѣстныхъ знатоковъ дѣла, не менѣе 30,000 р.“ (стр. 45). Лохвицкій кустарный комитетъ на расчетахъ, намъ неизвѣстныхъ, опредѣляетъ въ докладѣ своемъ земскому собранію 1899 г. размѣръ годоваго производства въ Вороньковскомъ районѣ въ 100 тысячъ концовъ, на сумму болѣе 38,250 руб. Такимъ образомъ среднюю цѣну плахи комитетъ принимаетъ въ 38¹/₄ коп. Возможно, что такая расцѣпка ближе къ дѣйствительности, чѣмъ наша, умышленно низкая (въ 25 коп. въ среднемъ), но за то производительность по нашимъ даннымъ выше. Разумѣется, размѣры производства дѣла шаткое и колеблющееся въ зависимости отъ разныхъ причинъ, но все-же мы не будемъ далеки отъ истины, принимая его въ 40—50 тыс. Одинъ изъ корреспондентовъ бюро г. Кабаковъ, говоря о суммѣ, которая достаточна была-бы для земства, чтобы взять все производство и сбыть въ свои руки, опредѣляетъ ее въ 50,000 руб. Цифра опять приблизительно совпадаетъ съ нашей. Любопытно, что въ 40-хъ годахъ Арендаренко опредѣлялъ производительность Вороньковъ въ 6,000 р., т. е. собственно сѣтей.

**) Сколькими рабочими руками располагаетъ средняя семья сѣтевязальщика? На этотъ вопросъ отвѣчаютъ цифры статистич. бюро за 1900 годъ: въ Воронькахъ, Познिकाхъ и Козловкѣ въ 615 семьяхъ сѣтевязальщиковъ было 1470 души, занимавшихся промысломъ, т. е. по 2,4 чел. на семью. Если сред-

Какая-же часть всего количества производимых сѣтей проходить черезъ руки скупщиковъ и какой посредническій барышь оставляетъ она имъ? На этотъ сложный вопросъ, конечно, можно отвѣчать только приблизительно. Выше мы привели мнѣніе сѣтевязальщиковъ, что всѣ 13 главныхъ скупщиковъ скупаютъ 165 тыс. плахъ (изъ 181 тыс.). Попытаемся подойти къ этому вопросу еще при помощи цифръ стат. бюро 1900 г. („Кустари и ремесл. Полтав. губ.“, стр. 53—54). По способу сбыта сѣтей бюро дѣлитъ хозяевъ на слѣд. категоріи:

Селенія	Сбытають:		
	Скупщикамъ	Скупщикамъ и потребителямъ	Только потребителямъ
м. Вороньки	364	102	108
с. Позники	22	—	14
с. Козловка	4	—	1
Итого	390	102	123

Отбрасывая среднюю группу (т. е. лицъ, сбывающихъ сѣти и непосредственно потребителямъ и скупщикамъ) или раздѣляя ее поровну между крайними группами, отчего выводъ почти не измѣнится, мы видимъ, что отъ 72 до 76% всѣхъ хозяевъ сбываютъ свои сѣти скупщикамъ. Показанія, полученные нами отъ мастеровъ (165 тысячъ изъ 181 тыс. составляютъ 91%), мы считаемъ ближе къ истинѣ; но если, опять таки, избрать средній путь, то во всякомъ случаѣ не менѣе $\frac{4}{5}$ всего количества сѣтей проходятъ черезъ скупщиковъ. Такимъ образомъ, не будетъ преувеличеніемъ сказать, что рыночная оплата труда вязальщика сѣтей устанавливается исключительно скупщиками, которые если и не состоятъ между собою въ формальномъ соглашеніи, то все-же держатся весьма единодушно, лишь изрѣдка набавляя копѣйку-другую на плаху при усилившемся спросѣ на сѣти съ юга.

Усчитать доходы скупщиковъ невозможно, такъ какъ это ихъ коммерческая тайна *); но мастера (и въ ихъ числѣ одинъ бывший мелкій скупщикъ) пытались опредѣлить ихъ намъ сравнительно. Если скупаютъ нашъ братъ, мелкій скупщикъ, — говорили они, — то онъ удо-

ній рабочий продаетъ на 30 руб. въ годъ сѣтей, то вся семья продаетъ, пригѣрно, на 72 руб. Около $\frac{2}{3}$ этой суммы уходитъ на покупку матеріала (конопачи), слѣдовательно, заработокъ семьи составляетъ около 25 руб. по минимальному разсчету (мы дѣлали разсчетъ на десятку и предполагали, что всѣ сѣти идутъ въ руки скупщиковъ), если-же принять во вниманіе, что кустари дѣлаютъ и болѣе дорогія сѣти, которыя оплачиваются выше, и что часть ихъ сбываютъ сѣти сами, то вычисленная средняя сумма повысится.

*) Напр., Гавриленко Петръ, скупающій, по словамъ мастеровъ, до 15,000 плахъ въ Воронькахъ, о своихъ доходахъ выражался такъ, что за годъ положилъ въ карманъ чистаго дохода, за прокормленіемъ семьи и покрытіемъ всѣхъ расходовъ, сотни двѣ рублей. Это недалеко отъ истины, потому что если онъ получилъ даже по пятачку на каждой плахѣ, то это соответствуетъ доходу въ 750 руб. на всѣхъ 15,000 плахахъ.

вольствуется 2, и даже 1 копѣйкою барыша на плахѣ; крупный-же меньше 3 коп. и брать не захочетъ, а то 4, и даже 5 коп. Такъ принимаютъ сѣти самые крупные скупщики: Дятловъ, Саливонъ, Хоружій и Ойстрахъ. „Больше 5 коп. на плахѣ не возьметъ барыша никто“,—говорили мастера. Въ частности Саливонъ въ Мелехахъ, говорятъ, беретъ не менѣе 25⁰/₀ кругомъ на скупаемыхъ плахахъ, а бывало и больше: А. Бугай помнить, какъ Саливонъ посылалъ его отца въ Кременчугъ—„сдать товару на 500 руб., а прибыли на немъ получить сотъ 2¹/₂; теперь случается и 10⁰/₀ и меньше,—случается и убытокъ понести. Алексѣй Ивановичъ Бугай „страшно“ покупалъ сѣти когда-то, но въ Одессѣ „много грошей оставилъ“ и забросилъ дѣло*). Мелеховцы изображали доходы скупщиковъ въ болѣе розовомъ свѣтѣ и врядъ-ли преувеличенно. Они увѣряли, что если скупщикъ самъ заплатилъ мастеру за плаху девятку 23 коп., то продасть ее не менѣе чѣмъ за 35 коп. При цѣнѣ матеріала въ плахѣ около 15—18 коп., плата за трудъ, по этому расчету, составитъ отъ 5 до 8 коп., а доходъ скупщика 12 коп., т. е. почти вдвое больше. Здѣсь, вѣроятно, мелеховцы имѣли въ виду случаи, когда первый скупщикъ продаетъ сѣти непосредственно потребителю—рыбаку. Въ дѣйствительности-же, т. е. для громаднаго большинства случаевъ, доходъ скупщика дѣлится въ свою очередь между нимъ, первымъ скупщикомъ, и тѣмъ крупнымъ торговцемъ въ Одессѣ, Херсонѣ или Николаевѣ, которому онъ сдаетъ сѣти въ лавку.

Здѣсь не безынтересно сдѣлать сопоставленіе цѣнъ на сѣти въ южныхъ городахъ. Упомянутый нами представитель фирмы Пташниковыхъ въ Одессѣ г. Лобовъ говорилъ намъ, что 3—4 года тому назадъ (т. е. приблизительно во время нашего изслѣдованія) фирмѣ обходилась со всеми накладными расходами девятка въ 50—60 коп. за пару, а десятка—въ 60 или 70 коп., а продавались фирмою сѣти копѣекъ на 20 дороже (за пару). Дохода фирма получала на сѣтяхъ отъ 20 до 30⁰/₀, въ худшемъ случаѣ—не менѣе 20⁰/₀; худшимъ случаемъ являлось то, что иногда приходилось терять на кредитѣ: сѣти преимущественно продавались въ кредитъ, а расплата зависѣла отъ счастливаго улова—такимъ образомъ въ этой отрасли торговли риску считается больше, чѣмъ на мануфактурѣ. Теперь, вслѣдствіе развитія самостоятельныхъ операций мѣстныхъ скупщиковъ, доходъ лавочниковъ упалъ и фирма не инте-

*) Мы имѣли случай отдѣльно говорить съ этимъ самымъ А. П. Бугаемъ, но онъ, очевидно, нѣтъ изобразить дѣло въ болѣе печальномъ свѣтѣ, чѣмъ слѣдовало: такъ, по его словамъ, раньше скупщики получали 20—25⁰/₀ на капиталъ, а теперь часто не болѣе 5⁰/₀; доходъ на одной плахѣ онъ опредѣлялъ въ 3—4 коп.; но, по его-же словамъ, все производство Вороньковъ не превышаетъ 60,000 плахъ (30 тыс. паръ), а черезъ руки 4 главныхъ скупщиковъ проходитъ, будто-бы, не болѣе 30,000 плахъ.

рисуется больше этой хлопотливой отраслью торговли. Къ сожалѣнію, г. Лажечниковъ, агентъ этой фирмы, проживавшій въ Воронькахъ по нѣсколько мѣсяцевъ для скупки сѣтей, уже умеръ, и потому мы не могли получить болѣе или менѣе точныхъ данныхъ о всей обстановкѣ его операций. Хотя барышъ южныхъ торговыхъ фирмъ понизился такимъ образомъ, однако онъ все еще доходить до 10 коп. на парфъ или 5 коп. на одной плахѣ наиболѣе употребительныхъ разрядовъ (семерки, девятки и десятки). Такъ намъ говорили въ Одессѣ *) и такъ намъ писала Херсонская городская управа въ 1902 г.

Лѣтомъ 1902 г. существовали такія цѣны на полтавскія сѣти (за пару):

	На семерку и восемьмерку	На девятку.	На десятку.	На 12-тку.	На 15-тку.	На 18-тку и на 20-тку.
<i>Въ Одессѣ:</i>						
Двойная { покуп.	50 к.	55 к.	60 к.	—	—	—
{ прод.	60 "	65 "	70 "	—	—	—
Тройная—прод.	—	—	1 р.	1 р. 1—р. 15к	1 р. 30 к.	1 р. 50 к.
<i>Въ Николаевѣ:</i>						
Двойная—прод.	60 к.	65 к.	75 к.	85 к.	1 р. 50 к.	1 " 50 "
Тройная—прод.	80 "	1 р.	1 р 10 к.	1 р. 20 к.	1 " 10 "	2 " — "
<i>Въ Херсонѣ:</i>						
Двойная { покуп.	55 "	60 к.	65 к.	— " 70 "	1 " 5 "	1 " 20 "
{ прод.	60 "	70 "	70 "	— " 75 "	1 " 20 "	1 " 40 "
Тройная { покуп.	70 "	—	—	1 " 5 "	—	—
{ прод.	80 "	—	—	1 " 15 "	—	—

Для того, чтобы хотя приблизительно судить о распредѣленіи выручки за проданную сѣть всѣми участниками торговаго оборота сѣти, возьмемъ цѣну десятки (наиболѣе употребительной формы сѣти). Матеріаль, т. е. пеньковыя нитки, въ каждой десяткѣ стоитъ отъ 15 до 22 коп., примемъ среднее 10 коп. Во время изслѣдованія г. Василенка продажная цѣна десятки у кустаря на рукахъ была 32 коп.; сами кустари подтверждали намъ, что лѣтъ 15 назадъ они брали на одной десяткѣ за трудъ по 15 коп. Въ послѣдніе три года, говорятъ, цѣна пеньки вслѣдствіе неурожаевъ, поднялась (а можетъ быть и вслѣдствіе усилившагося на нее спроса со стороны кустарей), и цѣну матеріала

*) Въ Одессѣ сейчасъ больше всего торгуютъ полтавскими сѣтями Семькинъ и Скрикинъ (на Старомъ базарѣ). Семькинъ дѣлаетъ изъ своихъ операций коммерческую тайну и къ нему вообще за справками обращаться бесполезно. Крупные рыбопромышленники Одесскаго побережья, Дубининъ, Калябинъ, Небарькинъ и др., бывшіе главными покупателями фирмы Пташниковъ, теперь покупаютъ сѣти непосредственно отъ Саливона, Ойстраха и Хоруженко (перваго считаютъ болѣе солиднымъ торговцемъ и охотнѣе съ нимъ имѣютъ дѣло). Фирма Дубинина выписываетъ отъ Ойстраха сѣти послѣд. цѣнамъ: девятка двойникъ 57 к., десятка тройникъ 1 р.; двѣнадцатка тройн. 1 р. 15 к. и пятнадцатка тройн. 1 р. 30 к. Если фирма беретъ пересылку на свой счетъ, то цѣна каждаго сорта на 5 коп. ниже.

въ десяткѣ надо считать въ 20 коп. Скупщики принимаютъ десятку по 23—38 коп., т. е. оставляютъ за почти дневной трудъ мастеру отъ 3 до 8 коп., въ среднемъ 6 коп. Тѣ-же скупщики сдаютъ сѣти крупнымъ лавочникамъ на югѣ по 60—70 коп. за пару, т. е. берутъ себѣ за посредничество отъ 2 до 12 коп. (въ прежнія времена) на одной плахѣ, въ среднемъ копѣекъ 5, какъ говорили намъ кустари и кое-кто изъ мелкихъ скупщиковъ, которые иногда являются еще однимъ добавочнымъ звеномъ между производителемъ и потребителемъ сѣти, довольствуясь иногда барышемъ въ 1—2 коп. на плахѣ. Наконецъ, крупные лавочники получаютъ въ свою пользу отъ 5 до 10 коп. на парѣ плахъ, т. е. по $2\frac{1}{2}$ —5 коп. на плахѣ. Итакъ, рыбопромышленникъ, уплативъ за плаху десятку 35 коп., а въ долгъ и до 40 коп., платитъ въ этой суммѣ за пеньку 20 коп., кустарю 6 коп., скупщику 4 коп. и лавочнику 5 коп. По этому расчету посредничество обходится кустарю въ 60% стоимости труда; если оно даже въ иныхъ случаяхъ понижается и до 40%, все-же это слишкомъ высокая оплата труда посредниковъ, которая наводитъ на мысль о томъ, не могло-ли бы посредничество земства окупиться изъ этой суммы торговаго барыша*). Здѣсь, впрочемъ, мы встрѣчаемся съ очень тревожнымъ вопросомъ о пониженіи спроса на полтавскія сѣти и о возможности еще большаго пониженія его въ зависимости отъ цѣлаго ряда причинъ. Мы уже отмѣтили, что, какъ заработная плата сѣтевязальщика, такъ и барыши лавочника имѣютъ наклонность къ паденію, вполне обнаружившуюся за послѣднія 10—15 лѣтъ. Причинами являются и вздорожанье конопель, и расширение производства, и, наконецъ, конкуренція, идущая со всѣхъ сторонъ. На послѣднемъ обстоятельстве надо остановиться подробнѣе.

Выше мы уже говорили о томъ, куда возятъ для продажи свои сѣти тѣ мастера, которые имѣютъ возможность самостоятельно сбывать эти издѣлія. Приводили и указаніе г. Василенка на то, что по Днѣпровскому побережью вороньковскія сѣти почти не идутъ, а если и идутъ, то черезъ руки кременчугскихъ лавочниковъ. Г. Василенко объясняетъ это просто—невѣдѣніемъ вороньковцевъ о близости рынковъ сбыта по Днѣпру**). Объясненіе это насъ заинтересовало и, проѣзжая по Днѣпру

*) Г. Василенко говоритъ:—„По всей вѣроятности, вороньковскія „пришовки“ идутъ протореннымъ путемъ черезъ Кременчугъ въ Одессу и другіе города, а наши Прохоровцы, Келебердяне (Золотоношск. уѣзда) и всѣ другіе днѣпровскіе рыболовы покупаютъ привозныя сѣти и значительно переплачиваютъ ненужнымъ посредникамъ. Въ самомъ дѣлѣ, келебердянскіе рыбаки покупаютъ въ кременчугскихъ лавкахъ пару пришовокъ 9—10-тки по 70—80 к., а за пару 12-тки до 1 р. 50 к., когда въ Воронькахъ можно имѣть на 80—90 коп. да провезти гужомъ до 170 верстъ. Значитъ, на долю торговцевъ переплачивается 30—40% контрибуціи за неустойчивое болѣе прямого и удобнаго сношенія производителя съ потребителемъ, не вѣдающихъ о существованіи другъ друга въ предѣлахъ своей губерніи“. (Стр. 46).

***) Князь Голицынъ говоритъ, что въ Нижегородской губ., гдѣ промыселъ находится всецѣло въ рукахъ торговцевъ сѣтями, и гдѣ операція ссучиванія нитокъ рѣзко разграничена и никогда не совмѣ-

лѣтомъ 1902 г., мы спрашивали мѣстныхъ рыбалокъ. Въ Черкасахъ мы узнали слѣдующее. Главный складъ сѣтей, кромѣ Кременчуга, находится въ Черкасахъ и принадлежитъ купцу Яшнису; въ Каневѣ и выше такихъ складовъ нѣтъ. У Яшниса можно найти всевозможныя сѣти и въ большомъ количествѣ, но преимущественно болѣе тонкихъ сортовъ, хотя Яшнисъ не отказывается понемногу скупать и сѣти мѣстнаго производства. Имѣются и другіе склады. Во всѣхъ складахъ идетъ преимущественно остерская сѣть (Остра Черниг. губ.); расходится она не столько по побережью Днѣпра, сколько внутрь Кіевской губ. по селамъ. На побережьи-же днѣпровскіе рыбалки дѣлаютъ сѣти сами для себя; этимъ занимаются преимущественно дѣти въ зимнее время. Въ продажу эти самодѣльныя сѣти почти не поступаютъ,—при нуждѣ каждый самъ можетъ сдѣлать. У Яшниса берутъ только болѣе тонкую и крѣпкую сѣть (въ 1 руб. 20 коп. за фунтъ) на „плавныя“ сѣти, т. е. такія, которыя тянутся въ водѣ двумя лодками, ѣдущими рядомъ. Невода въ 100—120 саж. длиною обходятся рублей въ 40; ловятъ рыбу такими неводами „спілки“ изъ 3, 4—5 хозяевъ, такъ что на каждого приходится расходъ въ 10 руб.; да двѣ лодки стоятъ по 25 руб. Для ловли рыбы берутъ „откупа“. Если возьмутъ откупъ, то за лѣто зарабатываютъ рублей до 200 на душу. Откупа сдаютъ владѣльцы прибрежной полосы Днѣпра. Есть хорошіе откупа съ глубокими рыбными ямами, длиною въ 3, 5, 10 верстъ. Взять хорошій откупъ стоитъ 100—150 р. за лѣто. Возлѣ Черкассъ берегъ вольный, но за то здѣсь всякій „каламутить“ воду, мѣшаетъ другимъ. Крестьяне рѣдко пускаютъ рыбаковъ на свой берегъ, а сами между тѣмъ пользуются мало: выѣдутъ „гилерками“ раза два за лѣто. Днѣпровская сѣть складывается изъ „полотенъ“ разной плотности: крайнія имѣютъ ширину очка въ 1¹/₂—2 вершка, а кошель или „матня“ дѣлается очень густой изъ тонкой „якъ волосокъ“ нитки. Бока или крылья сѣти, т. е. крайнія полотна, сушаются вчетверо на обыкновенныхъ прядкахъ самими рыбалками. Такимъ образомъ, въ привозныхъ сѣтяхъ рыбалки днѣпровскаго побережья почти не нуждаются, поэтому къ нимъ никто съ этимъ товаромъ на ярмарки и базары не навъзжаетъ. Явился было одинъ „рускій—мабуть зъ Черниговской губ.“, навезъ ятировъ и пр. да такъ и не распродалъ. Не стоитъ и завозить сюда,—говорили рыбалки,—„не выдержать“. Волокуши рыбалки дѣлаютъ широкія—очковъ въ 52 и до 80. Высшій заработокъ рыбалки въ „спілкѣ“, какъ сказано, доходитъ до 200 руб., отдѣльныя-же рыбалки едва вылавливаютъ столько, чтобы прокормиться. Говорятъ,

щается съ спераціей вязанія сѣтей, существовало въ 1888—1889 г.г. приблизительно слѣдующее распределение дохода: годовой рабочій сезунальникъ получаетъ 60 руб. на хозяйскіихъ харчахъ, кустарь-вязальникъ зарабатываетъ въ сутки не болѣе 5—6 коп., а въ теченіе года около 10 руб.; торговцы же сѣтями выручаютъ въ годъ отъ 400 до 700 руб. каждый. (Отчеты мин. г. им., т. 1-й).

Днѣпръ мелѣть, заноситъ пескомъ хорошія ямы. Хорошими откупами считаются озера по побережью, напр. на прибрежныхъ лугахъ, принадлежащихъ м. Иркѣеву. Молодежь частенько заскакиваетъ потихоньку въ чужіе откупа. Сѣть сначала пускается не смоленная, но потомъ, когда вода сдѣлается теплая и сѣть начинаетъ прѣть, ее просмаливаютъ. На второй годъ обыкновенно требуется починка сѣти, а болѣе 3 лѣтъ сѣть не живетъ. Въ „спилкѣ“ уловъ дѣлятъ поровну,—каждый на свою часть, а если случается, что одинъ изъ участниковъ почему-либо не поѣдетъ на ловлю, онъ все-же получаетъ половину своей доли улова за участіе въ предпріятіи капиталомъ. Батюшка изъ подъ Золотоноши, самъ иногда занимающійся рыболовствомъ, подтверждалъ, что на побережьи идутъ сѣти главнымъ образомъ собственнаго производства. Чѣмъ выше поднимались мы по Днѣпру, тѣмъ больше указаній встрѣчали на Остерскую сѣть; но все-же, повидимому, и остерская сѣть не очень популярна по среднему теченью Днѣпра *). Исслѣдователь сѣтевязальнаго промысла въ Остерскомъ уѣздѣ г. Голосовъ совсѣмъ не упоминаетъ даже о днѣпровскомъ побережьи, какъ пунктѣ сбыта остерскіе сѣти по его словамъ, мѣстные скупщики отправляютъ сѣти въ Ростовъ на Дону, Мариуполь и Таганрогъ. Очевидно, остерская сѣть конкурируетъ съ вороньковской не на Днѣпрѣ (здѣсь онѣ обѣ мало употребляются), а на югѣ. Такъ, Херсонская городская управа извѣщаетъ, что мѣстными торговцами сѣти получаютъ отъ губерній—Полтавской, Курской, Рязанской и больше всего изъ Черниговской, изъ г. Остра, которыя и считаются лучшими по достоинству *). Впрочемъ,

*) О районѣ распространенія Вороньковскихъ сѣтей г. Василенко говоритъ слѣд.:—„Современныя издѣлія, сколько извѣстно изъ распросовъ, употребляются въ Одессѣ, Херсонѣ, Николаевѣ и Николаевѣ, для рыболовныхъ неводовъ на морѣ на лямангахъ, а по Днѣпру—вверхъ отъ Херсона, приблизительно до Черкассъ и Калева. Здѣсь и далѣе къ Киеву употребляютъ уже сѣти Остерскаго издѣлія. Точно также Остерская и Путивльскія „нити“ (плетеніе) идутъ для неводовъ и сѣтей „по Дунайскимъ мѣстамъ“, и уже Вороньковская нить по этимъ мѣстамъ признается совсѣмъ негодною вслѣдствіе непрочности. Говорятъ, что теченіе Дуная сильнѣе Днѣпровскаго, и плохая сѣть рвется въ клочки, въ особенности при достаточномъ уловѣ рыбы. Такимъ образомъ, судя по описанію Арендаренка, районъ распространенія Вороньковскихъ сѣтей сократился. Это объясняется тѣмъ, что, по словамъ близко знакомыхъ съ дѣломъ людей, Остерская и Путивльскія нити приготовляются изъ цѣльнаго волокна пеньки, т. е. изъ такого матеріала, какъ здѣшній холстъ. Конечно, пражы и издѣлія подобнаго рода довольно прочны, между тѣмъ ды нити Вороньковскихъ сѣтей утилизируютъ пражу не изъ волокна непосредственно, а изъ клочанки, т. е. изъ оческовъ“. Любопытно, что г. Голосовъ относительно Остерскихъ сѣтей отмѣчаетъ также сокращеніе сбыта и объясняетъ это также плохимъ качествомъ мѣстной скупной нитки, зачастую гнилой. Очевидно здѣсь мы наталкиваемся на такъ называемыя *ходляця* фразы и сужденія, повсюду одинаковыя: вездѣ жалуются на плохой сбытъ и вездѣ приводятъ этому одинаковое объясненіе. Не заключается ли верно истины этихъ ходячихъ сужденій въ дѣйствительныхъ достоинствахъ бумажной и фабричной сѣти, которая если еще и не вытѣсняетъ нашей сѣти, то грозитъ ей вытѣсненіемъ?

***) Въ Херсонѣ у лавочниковъ, существуютъ такія цѣны на Остерскія сѣти:

	Стоимость сѣтей торговцамъ въ покупкѣ	Цѣна сѣтямъ у торговцевъ для потребителей
Семерки въ 2 нитки	— руб. 55 коп.	— руб. 65 коп.
» въ 3 нитки	2 » 10 »	2 » 30 »

и въ Херсонск. губ. имѣется свое производство сѣтей—въ м. Станиславовѣ (тамъ есть выходцы изъ Вороньковской волости, какъ говорили намъ въ Мелехахъ), въ с. Очаковѣ, въ самомъ Херсонѣ (въ исправительномъ арестантскомъ отдѣленіи); въ Николаевѣ, по словамъ Никол. город. управы, мѣстные рыбопромышленники большею частью изготовляютъ сѣти сами для себя, за то привозная сѣть—вся полтавская. Одесская город. управа еще въ 1895 г. сообщала Лохвицк. кустарн. комитету, что возлѣ Одессы ловля рыбы производится главнымъ образомъ сѣтями собственнаго изготовленія. Въ подгороднихъ селеніяхъ (Крыжановкѣ и др.) намъ извѣстны рыбачьи семьи, самостоятельно плетущія невода уже болѣе 30 лѣтъ сряду. Что касается привозной сѣти, то Одесса захвачена почти исключительно скупщиками вороньковскихъ сѣтей,—по крайней мѣрѣ почти всѣ крупные рыбопромышленники и торговцы получаютъ сѣти отъ Саливона и Хорунжаго. Но здѣсь имѣются уже попытки болѣе широкаго распространенія и бумажной сѣти.

Этотъ новый конкурентъ появился на югѣ уже давно. Въ изслѣдованіи П. Рябкова: „Рыболовство въ Херсонской губ.“, относящемся къ концу 80-хъ годовъ и помѣщенномъ въ „Сборникѣ Херсонскаго Земства“ за 1890—1892 гг., между прочимъ, есть слѣдующее указаніе: „Въ прежнее время сѣти вязались изъ нитокъ ручного производства—грубыхъ, тяжелыхъ, съ узлами; теперь-же онѣ замѣнены тонкой, чистой фабричной ниткой подъ извѣстными номерами. Прежняя сѣть вѣсила 8 фунт., теперешняя всего только 1½ фунта,—нитка № 40 или 50. Въ сѣтяхъ (рѣчь идетъ объ одномъ только видѣ сѣти, устанавливаемой неподвижно въ водѣ, въ отличіе отъ невода, который тянуть по дну), нитка всегда тоньше и лучшаго качества, чѣмъ въ неводахъ“. Такимъ образомъ, фабричная сѣть конкурируетъ съ ручной главнымъ образомъ на высокихъ сортахъ.

Одесскіе кушцы (г. Лихтенбергъ и г. Лобовъ,—упоминавшіеся уже нами) высказывали намъ мнѣніе, что фабричная сѣть въ концѣ концовъ вытѣснитъ ручную, а раньше того бумажная ручная вытѣснитъ ручную пеньковую. Они сообщали, что на привозныя изъ-за границы фабричныя сѣти установлена пошлина всего въ 75 коп. золотомъ съ пуда (1 р. 20 к. серебромъ), въ поощреніе развитія мѣстнаго рыболовства; между тѣмъ, на ввозную бумажную нитку существуетъ пошлина въ 11 руб. золотомъ съ пуда. Пользуясь такой высокой пошли-

Десятки въ 2 нитки	1 руб. 90 коп.	2 руб. — коп.
Десятки въ 2 нитки	3 » 20 »	3 » 50 »
» въ 3 нитки	4 » 40 »	4 » 80 »

Слѣдуетъ замѣтить, что размѣры остерскихъ сѣтей не соответствуютъ вороньковскимъ. Что касается сравнительныхъ достоинствъ, то здѣсь трудно было добиться однообразныхъ показаній. Такъ, въ Одессѣ намъ говорили, что по чистотѣ работы полтавскія сѣти лучше черниговскихъ, которыя имѣютъ неправо- вильности въ очкахъ; за то черниговская пенька лучше полтавской.

ной, Финляндія начала усиленно производить бумажную нитку (Таммерфорсъ) и распространяетъ ее повсюду черезъ своихъ агентовъ; есть таковыя въ Одессѣ. На мѣстѣ финляндская нитка стоитъ 60—70 коп.; въ Одессѣ болѣе толстая № 10 стоитъ 77¹/₄ коп. фунтъ, тоньше—дороже. Есть цѣлый рядъ предпринимателей, которые покупаютъ финляндскую нитку и раздаютъ ее по рукамъ для изготовленія сѣтей. Такъ, въ Херсонѣ этимъ занимается Нухимъ Полякъ; въ Очаковѣ имѣются также подобные предприниматели. Это производство, съ одной стороны, подрываетъ ручное пеньковое, но оно-же, съ другой стороны, мѣшаетъ и распространенію сѣтей фабричнаго производства. Единственнымъ агентомъ для всей Россіи по распространенію нѣмецкихъ фабричныхъ сѣтей, пеньковыхъ (преимущественно изъ русской-же пеньки) и бумажной, является Теодоръ Гинцбургъ, живущій въ Одессѣ (Покровскій переулокъ, д. Фишмана). Снабжаемая имъ торговая фирма Пташникова, Лихтенберга и др. являются пионерами распространенія нѣмецкой фабричной сѣти (какой-то фирмы Jtzhoe Holstein), качества которой они расхваливаютъ: математическая правильность очковъ сѣти любого калибра, прочность бумажной пряжи и т. д. Говорятъ, если неводъ изъ полтавской сѣти обойдется въ 300 руб., то такой-же неводъ изъ нѣмецкой фабричной бумажной пряжи обойдется, примѣрно, въ 450 р., за то она будетъ „вчетверо“ долговѣчнѣе. Однако, потребитель нашъ не прихотливъ,—ему дай что подешевле;—„у насъ все равно одинаково сгниетъ и пеньковая, и бумажная“. Поэтому и попытки одесскихъ торговцевъ не имѣли до сихъ поръ большого успѣха.

Вызываемый той-же поощрительной пошлиной, на побережьѣ Чернаго моря появляется новый конкурентъ. Говорятъ, англичане снабжаютъ трапезундскихъ жителей (на турецкомъ берегу) бумажной ниткой, которую турецкіе кустари перерабатываютъ въ сѣти и ввозятъ въ Россію (какъ водится, не безъ услугъ со стороны посредниковъ), а вороньковскій кустарь и не подозреваетъ, что у него есть такой соперникъ въ Турціи. Районъ распространенія трапезундской сѣти—преимущественно Крымъ и побережье Азовскаго моря; полтавскія сѣти, раньше обслуживавшія этотъ районъ, уже лѣтъ 10 не имѣютъ туда сбыта. Главный ввозъ трапезундской сѣти идетъ черезъ Керчь, гдѣ имѣются спеціальныя агентства, а главными потребительными пунктами являются Керчь, Феодосія, Евпаторія и др., гдѣ вообще рыбопромышленность имѣетъ болѣе крупныя размѣры *).

*) Сокращеніе района сбыта полтавскихъ сѣтей отмѣчено еще въ „Очеркѣ мѣропріятій“ Лохвицкаго земства: „Въ прежнее время вороньковскими сѣтями снабжались побережья Дняпра, Дона, Буга и Чернаго моря, современныя-же издѣлія употребляются въ Херсонѣ, Николаевѣ, Николаевѣ, для рыболовныхъ неводовъ на морѣ и на лиманахъ. Такимъ образомъ, районъ распространенія вороньковскихъ сѣтей значительно сократился, что объясняется недостаточной прочностью нитки“ (см. далѣе—о достоинствахъ бумажной нитки).

зловѣщіе признаки для полтавской сѣти и въ томъ районѣ, гдѣ она до сихъ поръ господствовала нераздѣльно (Аккерманъ, Одесса, Коховка, Николаевъ и Херсонъ). Въ Одессѣ, на Греческомъ базарѣ, имѣется бакалейная фирма Павлиди; этотъ Павлиди является агентомъ по распространенію трапезундской сѣти. Началь онъ свои операціи года два назадъ и въ 1902 году уже распродавъ около 1500 концовъ сѣти*). Одесскій рыбопромышленникъ грекъ Параскева (изъ второстепенныхъ, главными считаются въ Одессѣ гг. Дубининъ, Калибинъ и Небарыкинъ), уже почти исключительно употребляетъ бумажныя сѣти; въ этомъ году и Калибинъ взялъ пудовъ 15; г. Дубининъ сообщалъ намъ, что и онъ уже получилъ предложеніе изъ Керчи, и на будущій годъ хочетъ попробовать выписать бумажную сѣть; наконецъ, уже кое-кто и изъ подгороднихъ мелкихъ рыбаковъ (съ Большого Фонтана и др.) также покушали этимъ лѣтомъ (1902 г.) сѣти у Павлиди. Если указанія торговцевъ на сравнительную долговѣчность бумажной сѣти**) окажутся вѣрными, то весьма возможно, что крупныя рыбопромышленныя фирмы перейдутъ когда-нибудь съ пеньковой на бумажную сѣть, а полтавскія сѣти останутся, главнымъ образомъ, для нуждъ мелкаго рыбака, которому, что дешевле, то лучше. Впрочемъ, и мелкій рыбакъ не представляетъ прочной гарантіи для сбыта. Прежде всего слѣдуетъ замѣтить, что такой рыбакъ всегда предпочтетъ сдѣлать сѣть собственными руками, чѣмъ купить, и ручное плетеніе простѣйшихъ сортовъ сѣтей отмѣчается вездѣ по побережью Чернаго моря и впадающихъ въ него рѣкъ***). Затѣмъ, намъ сообщали, что мелкіе рыбаки берутъ сѣти не

*) Пудъ бумажной сѣти стоитъ въ Одессѣ отъ 36 до 40 руб., а пеньковой отъ 15 до 18 руб. Бумажная сѣть дѣлается въ 50 и 100 очковъ шириной. Сто саженой сѣти въ 50 очковъ продается по 7 руб.; болѣе тонкая дороже. По изслѣдованію г. Рябкова (1886 г.), пудъ провази стоилъ отъ 12 до 16 руб., т. е. на 2—3 руб. въ пудъ дороже, чѣмъ теперь.

**) Въ спеціальной технической литературѣ имѣются уже указанія на то, что бумажныя ткани устойчивѣе пеньковыхъ,—вопреки существующимъ ходячимъ представленіямъ о преимуществахъ дмотканыхъ матерій. Основываются эти указанія на сравнительномъ строеніи волоконъ. Г. Дубининъ говоритъ намъ, что полтавская сѣть безъ ремонта служить годъ и еще 1/2 рыболовнаго сезона, а затѣмъ уже требуетъ починки, не смотря на то, что не пускается въ воду неосмоленная, а иногда и два раза въ годъ осмаливается. О тѣхъ же сѣтяхъ, употребляемыхъ въ рѣкахъ и лиманахъ—Диѣтровскомъ и Бугскомъ—г. Рябковъ („Рыболовство въ Херсонской губ.“) говоритъ, что „неводъ здѣсь можетъ прослужить самое большее года 3 и то, если его смодить каждый годъ по 1—2 раза; при этомъ каждый разъ нужно вставлять по 2—3 новыхъ пришивки. Въ 3 года неводъ совсѣмъ изнашивается. Неосмоленный неводъ служить одинъ* только годъ—лѣто и зиму; если же имъ ловить только зимою, то прослужитъ 2—3 зимы. Матія пронадаеть скорѣе, чѣмъ пришивки. Средней величины неводъ ежегодно требуетъ на ремонтъ 100—150 руб.“. (Стоимость невода отъ 350 до 500, 1000 и даже до 1500 р. со всѣми приспособленіями, т. е. двумя лодками, телѣгою, санями, качатами и пр.). На Днѣтрѣ и Днѣстровомъ лиманѣ употребляются меньшіе невода—отъ 163 до 324 руб. (см. „Замѣтки о рыболовствѣ въ предѣлахъ Одесскаго уѣзда“, А. Браунеръ,—въ „Сборникѣ Херсон. Земства“ за 1887 г., № 3). По словамъ П. Г. Лобова (фирма Пташникова), бумажная сѣть вчетверо долговѣчнѣе пеньковой, но это показаніе нуждается еще въ провѣркѣ.

***) Гор. управ. г. Николаева показываетъ даже, что тамошніе рыбопромышленники *болѣею частію* изготовляютъ сѣти для себя сами.

на наличныя деньги, а почти только въ кредитъ; кредитъ-же имъ оказываютъ мѣстные торговыя фирмы. Слѣдовательно, многое будетъ зависѣть отъ того, какія сѣти захотятъ распространять мѣстные торговцы. Понятно, они будутъ распространять тѣ, что подешевле, но тутъ и явится вопросъ, какая-же сѣть въ концѣ концовъ обойдется дешевле.

Таковы, приблизительно, перспективы сбыта полтавскихъ сѣтей въ одесскомъ районѣ; надо думать, что, при равенствѣ общихъ экономическихъ условій для всего побережья Чернаго моря, можно угадывать судьбу этихъ сѣтей и въ болѣе широкомъ районѣ. Повидимому, пеньковую сѣть начинаетъ понемногу вытѣснять бумажная, но этотъ процессъ можетъ идти и скорѣе, и медленѣе. Городскія управы Херсона и Николаева увѣряютъ, что у нихъ бумажная нитка турецкаго изготовленія еще не употребляется; за то, напр., въ Херсонѣ доставляются сѣти, кромѣ Полтавской, еще изъ Курской, Рязанской и больше всего изъ Черниговской губ. Глава крупнѣйшей рыбопромышленной фирмы въ Одессѣ г. Дубининъ говорилъ намъ, что, пока у него нѣтъ опыта употребленія бумажной сѣти, онъ склоненъ оставаться при пеньковой сѣти, привычной ему издавна; онъ ничего не имѣлъ-бы противъ того, чтобы замѣнить своихъ поставщиковъ сѣтей гг. Ойстраха и Хорунжаго посредствомъ Лохвицкой земской управы или другого солиднаго учрежденія, и даже готовъ былъ-бы сдѣлаться комиссіонеромъ земства для одесскаго района (отъ сел. Карабать до Бугаза). На этомъ протяженіи г. Дубининъ насчитываетъ 54 крупныхъ рыбопромышленныхъ „заводовъ“ и годовую потребность въ сѣтяхъ каждаго изъ нихъ исчисляеть въ 365 паръ провязей, т. е. 730 плахъ, на сумму свыше 10,000 руб. Если земство не признаеть для себя возможнымъ взяться за это дѣло, то надо ожидать, что трапезондская сѣть сильно подорветъ сбытъ полтавской. Къ тому-же возможна и нѣкоторая конкуренція со стороны нѣмецкой фабричной сѣти, хотя-бы и въ самыхъ скромныхъ размѣрахъ. Г. Теодоръ Гинцбургъ, комиссіонеръ для всей Россіи по сбыту нѣмецкихъ сѣтей, говорилъ намъ, что пока эти сѣти имѣютъ сбытъ лишь на сѣверное побережье—въ Ригу и т. д.; Одесса-же и вообще побережье Чернаго моря фабричныхъ сѣтей не употребляютъ, благодаря ихъ дороговизнѣ: онѣ на 60% дороже. При существующей низкой оплатѣ труда въ Россіи, доходящей до 10 коп. въ день,—увѣрялъ насъ г. Гинцбургъ,—никакая фабрика не выдержитъ конкуренціи съ ручной сѣтью, особенно при томъ условіи, если приходится платить двойную пошлину: разъ за провозъ пеньки изъ Россіи въ Германію и вторично за провозъ сѣти изъ Германіи. По словамъ г. Гинцбурга, нѣмецкую сѣть приобрѣтаютъ только любители и крупныя рыбопромышленныя фирмы—такія, какихъ въ одесскомъ районѣ

нѣтъ (фирмы Дубинина и др. онъ не считаетъ крупными). Онъ дѣлалъ попытку снабдить своими сѣтями магазинъ Пташникова и др., но убѣдился, что въ массу этотъ сортъ сѣтей не пойдетъ. Полтавская сѣть скорѣе можетъ встрѣтить конкуренцію со стороны трапезундскихъ бумажныхъ сѣтей или сѣтей мѣстнаго изготовленія изъ финляндской (Тамерфорской) нитки, а также еще и отъ привозной нижегородской льняной сѣти. Не смотря на эти увѣренія, для насъ остался открытымъ вопросъ о томъ, чтобы было, если-бы нѣмецкая фабрика переселилась въ Россію? Вѣдь, въ этомъ нѣтъ ничего невѣроятнаго. Исслѣдователь сѣтевязальнаго промысла въ Остерскомъ уѣздѣ Черниговской губерніи г. Голосовъ замѣчаетъ по этому поводу: „Кстати сказать, появленіе сѣтевязальныхъ машинъ въ настоящее время не можетъ имѣть такого серьезнаго значенія, въ смыслѣ конкуренціи, какъ о томъ говорятъ промышленники“. Того-же мнѣнія держится и князь Голицынъ, исслѣдователь сѣтевязанія въ Нижегородской губ., который говоритъ: „Къ счастью кустарей, нынѣ существующія сѣтевязальныя машины, помимо ихъ дороговизны, настолько сложны, что не представляютъ покуда серьезной конкуренціи ручному труду. Мнѣ удалось видѣть, говоритъ г. Голицынъ, одну изъ этихъ машинъ въ дѣйствиіи у муромскаго сѣточного торговца Желѣзникова, ведущаго большую торговлю сѣтями въ Приазовскомъ краѣ. Машина эта англійской работы изъ завода G. Samson and Son. Она стоитъ на мѣстѣ 150 фунтовъ стерл. и обошлась Желѣзникову въ Муромѣ съ доставкой и всѣми принадлежностями въ 2173 руб. Машина устроена для выдѣлки тонкихъ сѣтей и должна замѣнить работу 10 человѣкъ, но въ дѣйствительности далеко неудовлетворительна: постоянно рветъ нитку и требуетъ надзора машиниста. По дошедшимъ до меня свѣдѣніямъ, въ Таганрогѣ имѣется сѣтевязальная машина усовершенствованной конструкціи, но стоимость ея доходитъ, будто-бы, до 8000 руб. Во всякомъ случаѣ сѣтевязальныя машины могутъ современемъ сильно повредить кустарному сѣтевязальному производству“ (Отчетъ по куст. пром. въ Россіи, т. I-й).

На нашъ вопросъ, не замѣчается-ли сокращенія или развитія рыбнаго промысла въ Одесскомъ районѣ и, въ зависимости отъ этого, требованія на сѣти, г. Дубининъ отвѣчалъ, что за послѣдніе 10 лѣтъ колебаній въ промыслѣ незамѣтно: примѣрно тѣ-же 50 заводовъ работали и 10 лѣтъ назадъ. *)

*) Фирма Пташникова въ Одессѣ также сообщаетъ, что роста рыбопромышленности возлѣ Одессы не замѣчается. Николаевская город. управа говоритъ, что за 5 лѣтъ цѣны на сѣти не измѣнились Херсон. управа, ничего не говоря о размѣрахъ спроса на сѣти, отмѣчаетъ только, что цѣны на малоросійскія сѣти въ послѣдніе 2 года повысились вслѣдствіе недорода пеньки въ мѣстахъ ихъ изготовленія; если это такъ, то повышеніе, очевидно, временное, къ тому-же, не отражающееся повышеніемъ оплаты труда.

Если сдѣланныя гг. Дубининымъ, Гинцбургомъ, Павлиди, Лобовымъ и городскими управами Херсона и Николаева характеристики современнаго положенія сбыта сѣтей соотвѣтствуютъ дѣйствительности, а сомнѣваться въ этомъ нѣтъ основанія, такъ какъ въ общемъ всѣ показанія сходятся,—то можно сдѣлать такое заключеніе, собственно по интересующему насъ вопросу: сбытъ сѣтей находится сейчасъ въ Херсонской губ. въ переходномъ, выжидательномъ состояніи; если Лохвицкое земство, въ лицѣ своего кустарнаго комитета, найдетъ силы и средства объединить и упорядочить поставку сѣтей для юга, оно еще можетъ задержать шестіе бумажной сѣти турецкаго изготовленія (фильдекосовой или ваточной, какъ ее здѣсь называютъ) или сѣтей изъ финляндской нитки мѣстнаго изготовленія. Если-же это не будетъ сдѣлано во время, сбытъ полтавскихъ сѣтей можетъ потерпѣть весьма чувствительныя ограниченія, и все увеличивающееся число лицъ, плетущихъ сѣти въ Вороньковскомъ районѣ, все рѣзче будетъ ощущать послѣдствія перепроизводства сѣтей. Въ виду этого нельзя не пожалѣть, что начатыя еще въ 1895 г. сношенія Лохвицкаго кустарнаго комитета съ разными лицами и учреждениями по вопросу о сбытѣ сѣтей, повидимому, пріостановились. Въ отчетѣ названнаго комитета за 1899 г. мы читаемъ, что „въ сѣтевязальномъ промыслѣ въ с. Воронькахъ выяснилась уже вполне опредѣленно главная бѣда—отсутствіе непосредственнаго сбыта издѣлій кустарями, а вслѣдствіе этого ихъ полная зависимость отъ скупщиковъ—торговцевъ“. Въ виду этого комитетъ обращается къ губернскому и уѣздному земствамъ съ просьбой объ открытіи ему безпроцентнаго кредита въ нѣсколько тысячъ рублей „съ разсрочкой на 15 лѣтъ, для устройства въ м. Воронькахъ склада рыболовныхъ сѣтей, съ пріемомъ въ складъ сѣтей на комиссію, съ выдачею за нихъ авансовъ и съ выдачею улучшеннаго матеріала въ кредитъ кустарямъ“. Такая постановка дѣла казалась-бы намъ совершенно правильной и, повидимому, не сопряженной съ большимъ рискомъ. Важно лишь подобрать добросовѣстное, преданное дѣлу лицо, которому можно было-бы поручить предварительный объѣздъ важнѣйшихъ пунктовъ сбыта сѣтей для завязанія сношеній и пріема подрядовъ отъ имени земства. Принимая затѣмъ сѣти отъ кустарей, это лицо внимательно слѣдило-бы за тѣмъ, чтобы кустари не прибѣгали къ недозволеннымъ ухищреніямъ—въ родѣ неполнаго числа очковъ, неполнаго вѣса сѣти (при выдачѣ сырья авансомъ) и т. п. *) Мы видѣли выше, что торговое посредничество обходится кустарю по меньшей мѣрѣ въ 25% ры-

*) Скупщикъ Саливонъ говорилъ, что раньше, когда онъ давалъ мастерамъ собственный матеріалъ, они часто брали на свои домашнія надобности хорошія нитки (вѣроятно, на приготовленіе холста), а въ плахи подбавляли свои плохія нитки, причемъ при сдачѣ по вѣсу оказывались недочеты въ вѣсѣ сдаваемыхъ плахъ.

ночной стоимости издѣлія. Если земскій складъ ограничится только 15⁰/₀ (и то лишь на первое время, пока дѣло не выйдетъ изъ границъ риска), то заработокъ мастера увеличится на 50⁰/₀ и, при размѣрѣ оборотнаго капитала тысячъ въ 10, за покрытіемъ расходовъ на администрацію дѣла, можетъ оставаться еще излишекъ въ нѣсколько сотъ рублей, которымъ постепенно будутъ погашаться проценты на полученный отъ земства въ ссуду капиталъ и нѣкоторая часть самаго капитала.

Если-бы опытъ показалъ, что бумажная сѣть имѣетъ преимущество надъ пеньковою, и что, благодаря этому, можетъ сдѣлаться опасной конкуренція со стороны трапезундскихъ кустарей, земскій складъ могъ-бы помочь Вороньковскимъ кустарямъ отстоять десятками лѣтъ занятую позицію—хотя-бы тѣмъ, что взялъ-бы на себя доставку въ Вороньки той-же финляндской нитки. Въ этомъ отношеніи роль склада незамѣнима, такъ какъ, во 1-хъ, кустари сами не знаютъ, откуда выписать хорошую нитку; во 2-хъ, у нихъ нѣтъ достаточно средствъ, чтобы выписать болѣе крупную партію нитокъ, а слѣдовательно и болѣе дешевую; въ 3-хъ, складъ не обвѣшивалъ-бы кустарей при раздачѣ имъ нитокъ, тогда какъ при покупкѣ по мелочамъ изъ лавокъ обвѣсъ неизбѣженъ *).

Здѣсь не мѣсто проектировать детали организаціи склада, но мы обязаны были, согласно желанію Полтавской губ. земской управы, намѣтить, хотя-бы въ общихъ чертахъ, вытекающія изъ ознакомленія съ промысломъ, мѣропріятія для содѣйствія ему. Не можемъ поэтому не высказать здѣсь еще одного вывода, къ которому привело насъ изученіе дѣла. Уже и сейчасъ замѣчается въ изслѣдованномъ районѣ перепроизводство сѣтей, выражающееся въ минимальной оплатѣ труда. Естественный приростъ населенія, не сопровождаемый развитіемъ мѣстной промышленной жизни, затѣмъ доступность самого промысла, не требующаго ни особыхъ навыковъ, ни значительнаго оборотнаго капитала, наконецъ—возможность эксплуатаціи дѣтской рабочей силы,—все

*) Говоря о желательныхъ мѣрахъ содѣйствія сѣтевязальному промыслу въ г. Острѣ, г. Голосовѣ также ставятъ на очередь вопросъ о лучшей ниткѣ:—„Поддержать этотъ промыселъ можно только тогда, когда на мѣстахъ сбыта опредѣлятся чистый заработокъ скупщиковъ, и если выяснится, что цѣны и требованія на сѣти не такъ уже тамъ понижены, какъ говорятъ объ этомъ скупщики, и только конкурирующая машина представляетъ собою опасность; тогда земство безъ всякаго риска можетъ принимать ихъ отъ производителей, т. е. сдѣлаться посредникомъ между кустаремъ и рынкомъ, отдавши первымъ, за вычетомъ всѣхъ расходовъ, весь ихъ чистый заработокъ. Но для этого предварительно нужно измѣнить сырой матеріалъ, т. е. скупную нить, плохую, часто гнилую, нитку на болѣе качественную фабричную, чѣмъ можно и привлечь опять покупателей, разочаровавшихся, какъ говорятъ, въ Остерскихъ сѣтяхъ, благодаря плохому ихъ качеству, въ силу чего онѣ, будто-бы, и идутъ по пониженной цѣнѣ“. Аналогичный вопросъ о замѣнѣ ручной пеньковой нитки фабричною бумажною возникалъ и на сѣздѣ дѣятелей по кустарной промышленности въ Полтавѣ и вызвалъ много интересныхъ и важныхъ соображеній, отчасти примѣнимыхъ и къ ручному сѣтевязанію.

это дѣлаетъ промыселъ очень склоннымъ къ безконечному расширенію при малѣйшей возможности. Поэтому и земскій складъ долженъ считаться съ этимъ обстоятельствомъ: свою дѣятельность онъ долженъ строго соразмѣрять съ обеспеченнымъ сбытомъ, отнюдь не расширяя производства искусственно. Но мало того: является необходимость въ отвлеченіи отъ промысла даже и нѣкоторой части тѣхъ лицъ, которыя уже этимъ промысломъ заняты. Въ Воронькахъ намъ пришлось констатировать удивительное отсутствіе промысловъ: все поглощено сѣтями. Изъ очерка сапожного промысла, напр., будетъ видно, какое ничтожное число мастеровъ сапожниковъ имѣется въ Воронькахъ и, какъ сравнительно замѣтные ихъ заработки по отношенію къ заработкамъ отъ плетенія сѣтей. Поэтому немаловажною мѣрою содѣйствія существующему сѣтевязальному промыслу было-бы отвлеченіе отъ него возможно большаго числа мастеровъ и переходъ ихъ къ другимъ промысламъ. Особенно желательно было-бы сократить участіе въ промыслѣ малолѣтнихъ дѣтей, которыя и школь не посѣщаютъ изъ за вязанія сѣтей. На нашъ вопросъ, почему батъки не обучаютъ дѣтей ремесламъ, которыя всѣ доходнѣе сѣтевязанья, намъ отвѣчали, что ремесленное обученіе слишкомъ дорого обходится: первое то, что мальчикъ лишается заработка, который онъ безъ всякихъ хлопотъ имѣетъ на сѣтяхъ, а второе—что, отдавши мальчика въ швецы или кравцы, надо или полтора года платить за него мастеру, или отдавать на 3 года безъ всякаго жалованья, какъ бы онъ ни выучился за это время и какіе-бы доходы ни приносилъ мастеру своюю работою; притомъ-же всѣ три года мальчикъ долженъ имѣть и свою одежду.

Если-же мѣстное населеніе не будетъ отвлечено отъ сѣтевязанія (путемъ учебныхъ мастерскихъ и т. под.), то земское содѣйствіе сѣтевязанію можетъ принять совершенно неожиданный оборотъ: оно можетъ вызвать рѣзкое перепроизводство. Нѣкоторые изслѣдователи, имѣя это въ виду, приходятъ даже къ совсѣмъ мрачнымъ выводамъ. Такъ, князь Голицынъ, въ заключеніе своего изслѣдованія сѣтевязанія въ Нижегородской губерніи, говоритъ:—„Правительство (или земство) не можетъ оказать помощи въ улучшеніи техники сѣтководяльнаго промысла и быта кустарей—вслѣдствіе простоты этого промысла, а увеличеніе заработковъ путемъ сближенія производителей съ торговцами, (минуя скупщиковъ), можетъ быть только кратковременнымъ, вслѣдствіе неминуемаго наплыва рабочихъ рукъ. Введеніе машинъ приведетъ промыселъ къ упадку“. (Цитируемъ по матеріаламъ Лохвицкой управы).

Мы все-же думаемъ, что если-бы земскому складу удалось выбить скупщиковъ изъ занимаемыхъ ими нынѣ позицій, въ карманъ кустарей ежегодно перешелъ-бы лишній десятокъ тысячъ рублей, но при этомъ

пришлось-бы заранѣе ограничить дѣятельность склада извѣстнымъ числомъ кустарей, не задаваясь цѣлью помочь всему промыслу въ цѣломъ, какъ-бы широко онъ не развивался далѣе. Такъ, напр., пришлось сдѣлать Крелевецкому кустарно-ткацкому складу, который, благодаря ограниченности средствъ, принялъ въ свои кліенты лишь ограниченное число мѣстныхъ мастеровъ, соображаясь съ возможностью обезпечить имъ безостановочный сбытъ. Правда, косвенно складъ оказываетъ нѣкоторую помощь и всѣмъ остальнымъ мастерамъ, продавая по заготовительной цѣнѣ бумажную нитку, повышая технику, приучая кустарей къ болѣе правильной расцѣнкѣ труда въ издѣліяхъ и, указывая имъ перспективы кооперативнаго веденія дѣла и т. д.; но непосредственно вырвать изъ рукъ скупщиковъ складъ могъ только ограниченное число кустарей. Все-же крелевскія ткани даютъ кустарямъ гораздо болѣе видный заработокъ, могущій кормить и полныхъ пролетаріевъ. Въ Воронькахъ-же, при поразительно низкой оплатѣ труда сѣтевязанія, гораздо болѣе важною задачею, чѣмъ даже устройство земскаго посредничества по продажѣ сѣтей, является пріисканіе для населенія болѣе выгодныхъ отраслей труда.

II. С. Поставмуки Вороньковской волости.

С. Поставмуки—чисто земледѣльческое поселеніе, которому судьба послала отличнаго качества глину, прославившую это поселеніе расписными мисками на всю губернію, а люди обидѣли плотиною въ сосѣднемъ м. Городищѣ, которая затапливаетъ земли Поставмукъ, какъ и земли другихъ десяти сосѣднихъ поселеній, и лишаетъ ихъ прекрасныхъ сѣнокосовъ*). Село лежитъ на ровномъ и низкомъ мѣстѣ, въ долинѣ р. Удая. Почва вообще черноземная, но почти половина той смѣны, что къ дер. Лѣсовой-Слободкѣ, и часть той, что къ с. Сухоносовкѣ, представляютъ собою глинистыя обнаженія, которыя разсѣяны въ разныхъ мѣстахъ. Сѣнокосы около р. Удая; больше болотные, есть немного и лучныхъ. Лѣсъ только хворостяной: во время межеванія вырубали строевые лѣса. Скотъ пасутъ по толокѣ и стернямъ, а въ сухое лѣто пасутъ и на отавахъ по болоту; пасутъ также и въ лѣсахъ: „жалъ лѣса—да некуда со скотомъ дѣваться. Нѣкоторые окопали свои лѣсные участки и пасутъ по чужимъ лѣсамъ“. (Сборн. по хозяйств. стат. Лохв. у. стр. 226).

Эти естественныя природныя условія послужили почвою для того, чтобы, помимо основнаго промысла—земледѣлія, въ Поставмукахъ развились два важныхъ подсобныхъ промысла—гончарство и плетеніе кошелей изъ болотнаго растенія рогаза. Почему Поставмуки не могли ограничиться однимъ земледѣліемъ, видно хотя-бы изъ основной подворной переписи 1888 г. Кстати не безынтересно сопоставить свѣдѣнія этой переписи о землевладѣніи съ доставленными намъ въ 1900 г. изъ волости свѣдѣніямъ о томъ-же, причемъ считаемъ нужнымъ оговориться, что въ данныя 1888 г. входитъ с. Поставмуки, д. Потерюхи и *хутора*, въ свѣдѣнія-же волости *хутора* не включены, отчего и получается несоотвѣтствіе въ числѣ хозяйствъ; послѣднее обстоятельство, какъ намъ

*) Заимствуемъ изъ прошенія, поданнаго въ Полтав. губ. собраніе 1899 г. отъ имени 100 землевладѣльцевъ по р. Удаю, слѣд. мѣсто:—„Положеніе владѣльцевъ болотъ въ 11 селахъ ужасно! Со своихъ сѣнокосовъ, которые могли-бы быть прекрасными, они ничего не получаютъ, хотя всѣ повинности за нихъ платятъ, какъ за хорошую землю. Пастбищъ нѣтъ, и населеніе затопленныхъ селъ, не имѣя возможности содержать необходимый скотъ, бѣдствуетъ. Между тѣмъ старожилы наши помнятъ, какъ 35 лѣтъ тому назадъ, когда мельницъ въ м. Городищѣ не существовало, болотъ не было, ѣздили лошадьми до самой рѣки Удая, рыбы было много, а главное—у насъ были хорошіе сѣнокосы, отава и пастбища“.

кажется, не может имѣть существеннаго вліянія на распредѣленіе хозяйствъ по размѣрамъ землевладѣнія.

ГРУППЫ ЗЕМЛЕВЛАДѢНІЯ	По переписи 1888 г.		По свѣд. волости 1900 г.	
	Число хозяйствъ.		Число хозяйствъ.	
	Абсолютное.	Въ ‰-ахъ.	Абсолютное.	Въ ‰-ахъ.
I. Только съ усадьбой.	26	13,2	15	8,5
II. Поля до 1 десятины.	21	10,7	9	5,0
III. Отъ 1 до 3 десят. .	75	38,1	82	45,8
IV. „ 3 „ 6 „ .	63	32,0	45	25,1
V. Свыше 6 десят. .	12	6,0	28	15,6
Итого хозяйствъ.	197	100‰	179	100‰
У нихъ земли .	552 дес.	—	686 дес.	—
„ „ лошадей.	128	—	171	—

Изъ этой таблицы мы видимъ, что хозяйства безземельныя и мало-земельныя (до 3 дес. поля) составляли въ рассматриваемые періоды отъ 59 до 62‰ общаго числа ихъ, а хозяйства, едва обеспеченныя землею (отъ 3 до 6 дес.), составляли отъ 25 до 32‰; такимъ образомъ, только 1/10 приблизительно всѣхъ хозяйствъ могла удовлетворять свои несложныя потребности отъ одного земледѣлія, для остальныхъ 9/10 занятіе какимъ-либо промысломъ составляло прямо насущную потребность.

Мы не рискуемъ изъ разницы цифръ за два рассматриваемые періода дѣлать выводы о движеніи землевладѣнія отъ однихъ группъ къ другимъ; для этого наши цифры и недостаточно сравнимы территориально (въ свѣдѣнія волости не вошли хутора), и недостаточно полны въ отношеніи количества земли, такъ какъ мы брали только данныя объ усадебной и полевой землѣ и не касались лѣса, сѣнокоса и пр., а между тѣмъ могли быть за это время переходы одного разряда земель въ другіе. Отметимъ только нѣкоторую неясную и скорѣе чувствуемую, чѣмъ осязательную тенденцію къ улучшенію общаго положенія (напр., увеличеніе числа лошадей и увеличеніе первыхъ двухъ безземельныхъ группъ). Эта тенденція станетъ замѣтнѣе, понятнѣе и доказательнѣе, если мы рассмотримъ земельную эволюцію тѣхъ хозяйствъ, которыя занимаются гончарствомъ. Для сравненія мы имѣемъ цифры двухъ періодовъ: 1893 годъ, когда производилъ свое изслѣдованіе гончарнаго промысла П. А. Зарѣцкій, и 1900 г., за который мы имѣемъ данныя

статистическаго бюро („Кустари и ремесленники Полт. губ.“, стр. 52); цифры В. И. Василенка относятся ко всей Вороньковской волости (включая сюда и м. Городище), а потому и несравнимы строго съ цифрами по однимъ Поставмукамъ.

ДѢЛЕНИЕ ГОНЧАРОВЪ ПО ЗЕМЛЕВЛАДѢНЮ.	По Зарѣиному 1893 г.		Стат. бюро 1900 г.		По Василенку 1884 г.	
	Число хозяйствъ.		Число хозяйствъ.		Число хозяйствъ.	
	Абсолют- ное.	Въ ‰ ахъ.	Абсолют- ное.	Въ ‰-ахъ.	Абсолют- ное.	Въ ‰-ахъ.
I. Беззем. и съ усадьбою.	10	11,5	4	3,7	17	16,8
II. Поля до 1 дес. . . .	6	6,9	2	1,9	30	29,7
III. Отъ 1 до 3 дес. . . .	33	37,9	48	44,4		
Итого въ 3 группахъ.	49	56,3	54	50,0	47	46,5
IV. Отъ 3 до 6 дес. . . .	28	32,2	56	33,3	41	40,6
V. Свыше 6 дес.	10	11,5	18	16,7	13	12,9
Итого въ двухъ груп- пахъ.	38	43,7	54	50,0	54	53,5

Здѣсь мы видимъ, что за 7 лѣтъ и самое число гончаровъ увеличилось на 21 хозяйство, и возрасли численно группы болѣе обезпеченныхъ землею; слѣдовательно, гончары за эти 7 лѣтъ успѣли расширить свое землевладѣніе, другими словами—соединеніе земледѣлія съ промысломъ повышаетъ земельную силу хозяйства. Это соответствуетъ и бытовымъ отношеніемъ: въ Поставмукахъ старшее поколѣніе, отцы, обыкновенно занимаются землепашествомъ, гончарство-же предоставляется младшему поколѣнію (а плетеніе кошелей даже дѣтямъ) и поступающіе отъ промысла заработки усиливаютъ земледѣльческое хозяйство стариковъ*). Такимъ образомъ земледѣліе съ промыслами находится не въ антагонизмъ, а въ тѣсномъ союзѣ.

Кромѣ двухъ важнѣйшихъ промысловъ с. Поставмукъ, отличающихъ промысловую жизнь этого поселенія, мѣстная жизнь не могла конечно, обойтись безъ ряда другихъ мастерствъ и промысловъ, совершенно заурядныхъ, встрѣчающихся въ каждомъ населенномъ пунктѣ и удовлетворяющихъ обычную потребность жителей въ одеждѣ, обуви домашней утвари и другихъ предметахъ хозяйственнаго обихода. Изъ

*) Намъ извѣстенъ случай, когда одинъ молодой гончаръ, желавшій научиться въ мѣстной гончарной мастерской С. А. Кореневой, предварительно собралъ нѣкоторую сумму денегъ, чтобы выплачивать своему старику-отцу субсидію по 3 руб. въ мѣсяцъ во все время, пока будетъ даваться обученіе,—въ мѣсяцъ того заработка, который онъ вносилъ въ семью, занимаясь промысломъ.

такихъ сельскихъ занятій прежде всего слѣдуетъ отмѣтить ткачество, какъ болѣе распространенное, хотя и не носящее коммерческаго характера: ткачей насчитываютъ до 20 челов., причѣмъ въ ихъ числѣ не болѣе 3—4 женщины. Главнымъ занятіемъ ткачество является только у одного хозяина, вовсе не имѣющаго поля, а лишь 300 саж. усадьбы, для остальныхъ это занятіе второстепенное, преимущественно для собственного потребленія. Намъ говорили, что въ Поставмукахъ еще и молодежь не носить рубахъ изъ покупного холста, исключительно идетъ самодѣльный; также и штаны носятъ еще очень многіе изъ выбойки (холстъ съ набитыми на немъ краскою полосками), хотя своихъ выбойщиковъ нѣтъ, а находятъ изъ Вороньковъ. Плахты только „молоді дівчата до церкви одягають да й то вже мало, а ранійше було и плахты тутъ робили; запаски те-жъ выводятся, хочъ стари ще носятъ: якъ заміжъ вийдетъ, то недовго походить у спідниці,—зодягне запаску та вже до смерти й пошить“. Скатерти заказываютъ въ Воронькахъ, узорчатые рушники идутъ откуда-то изъ Прилукскаго уѣзда. Сукна—самодѣльныя; забираютъ ихъ наѣзжіе изъ с. Панскаго (Золотонош. уѣзда) сукновалы и валятъ на Днѣпрѣ. Затѣмъ лавочные товары покупаются или въ Чернухахъ, или въ Сухоносковѣ (у Ежкуна), или въ Лохвицѣ и Лубнахъ,—въ Лубнахъ больше, такъ какъ къ Лубнамъ ближе, особенно зимою, а „пiхтурою“ и лѣтомъ ближе. Въ Поставмукахъ нѣтъ ни своихъ базаровъ, ни ярмарокъ, поэтому и приходится за всѣмъ покупнымъ преимущественно обращаться къ сосѣдямъ. Наибольшее значеніе имѣютъ Чернухскія ярмарки—на Николая и на Казанскую. Шапки и картузы больше привозятъ евреи лѣтомъ на сосѣдніе базары и ярмарки. Кожухи шьютъ два—три своихъ портныхъ—„не можна до їхъ и дотовпитися!“ Овчины чинятъ въ Воронькахъ калужане. Сапожниковъ имѣется всего 5, почему и здѣсь замѣчается то же явленіе, что и въ Чернухахъ,—появленіе гастролеровъ изъ Ични и другихъ сапожныхъ центровъ; много сапогъ. навозятъ—изъ Лохвицы, Ични и Прилукъ, смѣлянскій сапогъ, говорятъ, заходитъ сюда рѣдко. Сбрую, если надо, покупаютъ въ Чернухахъ, но больше довольствуются пеньковыми гужами собственного изготовленія (есть два специально занимающихся веревочника). Бондарей нѣтъ „путящихъ“; въ Чернухахъ хотя и есть, но и то пріѣзжіе „руські“, такъ что ближайшіе мѣстные мастера имѣются въ Воронькахъ, къ которымъ и обращаются, но больше всего покупаютъ отъ пріѣзжихъ „литвинковъ изъ Чернигов. губ.“ Насчитываютъ своихъ „плотниковъ“, т. е. дроводѣловъ разнаго рода, отъ 7 до 10 челов., въ томъ числѣ трехъ колесниковъ (имѣется одна парня—огневая), трехъ дѣлающихъ возы и сани и двухъ оконщиковъ; впрочемъ окна больше привозятъ въ Чернухи изъ Дегтярей и даже Смѣлаго, а литвинки—такъ тѣ и въ

самые Поставмуки завозятъ: „привезе бочку дегтю въ село и окно готове,—самъ и застеклитъ“. Вѣялки заказываютъ у Сухоносовскихъ мастеровъ, а прялки привозятся овчинниками-калужанами въ Вороньки и Чернухи. Плуги желѣзные забираютъ въ Пирятинскомъ и Лохвицкомъ земскихъ складахъ, берутъ и въ частныхъ—иногда въ долгъ; берутъ больше цѣною въ 15 руб.,—тѣ, что въ 7 рублей, плохіе: „не думай кому сказать драстуй,—высочить“. Гребни приносятъ щетинники изъ Рашевки. Таковы въ общихъ чертахъ мѣстные промыслы въ связи съ мѣстнымъ потребленіемъ предметовъ кустарнаго производства. Остановимся на важнѣйшихъ промыслахъ—гончарствѣ и плетеніе кошелей изъ „рогоза“.

I. Поставмуцкіе гончары.

Свѣдѣнія о гончарномъ промыслѣ въ Поставмукахъ получены нами частью путемъ личнаго общаго опроса 13 хозяевъ—гончаровъ и посѣщенія нѣкоторыхъ изъ нихъ на дому, частью изъ дѣлъ Лохвицкаго кустарнаго комитета; много матеріала и существенныхъ указаній получено нами также отъ С. А. Кореновой, доставившей намъ результаты ея собственнаго опроса 14 мастеровъ и детальныя свѣдѣнія о промысловыхъ операціяхъ 6 отдѣльныхъ гончаровъ; немало цѣнныхъ фактическихъ указаній имѣли мы и въ извѣстномъ изслѣдованіи Полтавскаго гончарства И. А. Зарѣцкаго; наконецъ, мы приняли рядъ цифровыхъ данныхъ и изъ труда статистическаго бюро: „кустари и ремесленники Полтав. губ. въ 1900 г.“ Къ сожалѣнію, весьма интересными для насъ данными о хозяйственномъ положеніи гончаровъ, находящимися въ изслѣдованіи В. П. Василенка, мы здѣсь воспользоваться не могли, по несравнимости этихъ данныхъ съ имѣвшимися у насъ (г. Василенко слитно разсматриваетъ всѣхъ гончаровъ Вороньковской волости, т. е. не только въ Поставмукахъ, но и въ Городицѣ). Особенно цѣнными были для насъ указанія С. А. Кореновой—устроительницы и руководительницы Поставмуцкой учебной гончарной мастерской, но такъ какъ наше посѣщеніе с. Поставмукъ предшествовало открытію мастерской, то мы не считаемъ себя вправѣ говорить здѣсь о тѣхъ результатахъ, которые уже дала мастерская; полагаемъ однако, что безъ ознакомленія съ этими результатами изображеніе Поставмуцкаго гончарства будетъ далеко не полнымъ: мастерская должна была внести въ промыселъ много новыхъ идей и приемовъ, а можетъ быть даже повліять и на благосостояніе отдѣльныхъ мастеровъ (хотя послѣднее, разумѣется, еще не могло ясно выразиться въ такое короткое время). Въ виду этого считаемъ весьма желательнымъ, чтобы С. А. Коренева когда-нибудь сама дала описаніе мѣстнаго гончарства съ отразившимся уже на немъ куль-

турномъ вліяніи мастерской; мы же ограничиваемся тѣмъ, что даемъ его изображеніе въ дореформенномъ, такъ сказать, видѣ. Что касается изслѣдованія П. А. Зарѣцкаго, то оно настолько полно и всесторонне охватываетъ собственно техническую сторону промысла, что послѣ него мы считали излишнимъ и къ тому-же выходящимъ изъ предѣловъ нашей компетенціи провѣрять или дополнять свѣдѣнія по техникѣ гончарнаго производства; мы обращали преимущественное вниманіе на экономическую организацію промысла, указанія на которую разбросаны и въ разныхъ мѣстахъ книги г. Зарѣцкаго.

У мѣстныхъ жителей установилось мнѣніе, что гончарный промыселъ въ Поставмукахъ—сравнительно недавняго проихожденія. Одинъ изъ гончаровъ говорилъ намъ, что лѣтъ 10 назадъ здѣсь было всего одинъ гончаръ—дѣдъ, отъ котораго стали учиться и другіе. Мѣстный старожилъ А. В. Кореневъ сообщилъ, что когда онъ, 35 лѣтъ назадъ, поселился здѣсь, онъ засталъ всего 3—4 гончаровъ, а теперь ихъ больше сотни, но, по словамъ того-же А. В. Коренева, въ Поставмукахъ не разъ вырывали изъ земли греческія амфоры, которыя „были, пожалуй, чище теперешнихъ издѣлій“. Во всякомъ случаѣ если промыселъ здѣсь и древняго происхожденія, то очевидно, что развитіе свое онъ получилъ только въ послѣдніе 30—40 лѣтъ, т. е. приблизительно послѣ отмены крѣпостного права, какъ и многіе другіе наши промыслы. Вліяніе желѣзныхъ дорогъ на промыслъ ничѣмъ не сказалось, такъ какъ и до сихъ поръ гончары только мечтаютъ о томъ, какъ поднялась-бы плата за ихъ миски, если-бы ихъ можно было спускать „машиною“ на далекія разстоянія. И до сихъ поръ миски возятъ на лошадяхъ и случается „подъ великую грязь“, что заѣзжіе горшковозы, не имѣя возможности выбраться изъ Поставмуцкихъ низинъ, засиживаются по нѣсколько дней безъ дѣла, пользуясь невольнымъ и не весьма „щирымъ“ гостепрѣимствомъ хозяевъ—гончаровъ.

Насколько промыселъ развивается численно и въ самое послѣднее время, видно изъ сравненія цифръ 1884, 1893 и 1900 гг. Г. Зарѣцкій въ 1893 году насчитывалъ въ 87 хозяйствахъ, занимающихся гончарствомъ, 112 мужчинъ, 2 женщины и 1 наемнаго рабочаго, занятыхъ промысломъ. Черезъ 8 лѣтъ, въ 1900 году, гончарство встрѣчается уже въ 108 хозяйствахъ и занимаются имъ 150 чел., въ томъ числѣ одинъ наймытъ. А 16 лѣтъ назадъ, въ 1884 году, В. И. Василенко насчитывалъ въ Поставмукахъ 78 и въ Лѣсовой-Слободѣ 3 гончарныхъ хозяйства *). Такимъ образомъ, со времени г. Василенка число гончаровъ

*) Цифры подворной переписи 1888 года даютъ среднее показаніе: во всей Вороньковской волости тогда насчитано 107 гончаровъ, занимавшихся хлѣбопашествомъ и 38 не занимавшихся; сюда входятъ селенія Поставмуки и Городище.

возросло чуть не на 40¹/₀. Изъ раньше приведенной таблицы мы видѣли, что это развитіе совершается не на счетъ земледѣлія, а въ поддержку ему.

Любопытно сопоставить данныя о размѣрахъ землевладѣнія гончарскихъ дворовъ съ данными о томъ, сколько дворовъ въ дѣйствительности занято хлѣбопашествомъ.

Распределение гончаровъ Вороньковской волости по отношенію къ землѣ.		Занимавшихся хлѣбопашеств.		Не занимавшихся хлѣбопашеств.		Итого.
		Число хозяйств.	Въ 0/0-ахъ.	Число хозяйств.	Въ 0/0-ахъ.	
По даннымъ Зарѣцкаго въ 1893 г.	Въ Поставмукахъ .	73	83,9	14	16,1	87
	„ Городищѣ . .	19	70,4	8	29,6	27
	Итого . .	92	80,7	22	19,3	114
По даннымъ статист. бюро за 1900 г.	Въ Поставмукахъ .	82	75,9	26	24,1	108
	„ Городищѣ . .	15	55,5	12	44,5	27
	Итого . .	97	71,9	38	28,1	135
По подворной переписи въ обоихъ поселеніяхъ (число душъ)		107	73,8	38	26,2	145

Изъ приведенной раньше таблицы мы видѣли, что хозяйства, необезпеченныхъ землею (безземельныхъ и малоземельныхъ по 3 дес.), г. Зарѣцкій насчитывалъ 56,3⁰/₀ общаго числа (49 хоз.) собственно въ Поставмукахъ, а между тѣмъ не занимались хлѣбопашествомъ въ дѣйствительности, какъ видно изъ настоящей таблицы, только 14 хоз. или всего 16,1⁰/₀ общаго числа хозяйствъ. По даннымъ статист. бюро за 1900 годъ, не обезпеченныхъ землею хозяйствъ было 54 (или 50⁰/₀ всѣхъ), а не занимавшихся земледѣліемъ лишь 26 (или 24,1⁰/₀). Такимъ образомъ мы видимъ, что обладаніе хотя-бы одною только десятиною пахати въ большинствѣ случаевъ влекло за собою занятіе хлѣбопашествомъ. Напрашивается и другой выводъ, что число оставшихъ отъ земледѣлія превышаетъ естественный приростъ гончарныхъ хозяйствъ: такъ, незанимавшіеся землею составляли въ 1893 г. 16,1⁰/₀ (14 хоз.), а въ 1900 году уже 24,1 (26 хоз.), и это произошло не смотря на то, что число обезпеченныхъ землею хозяйствъ возросло съ 43,7 до 50⁰/₀ (съ 38 до 54 хоз.). Во всякомъ случаѣ это еще не сви-

дѣтельствуесть объ охлажденіи гончаровъ къ земледѣлію; скорѣе можно удивляться тому, что изъ 54 хозяйствъ безземельныхъ, огородниковъ и имѣющихъ земли до 3 дес., только 26 хозяйствъ не ведутъ земледѣльческаго хозяйства.

Мѣстные жители объ отношеніи промысла къ землѣ говорятъ слѣдующее. Такихъ, которые сдавали-бы свою землю, имѣя возможность обработать ее, между поставмуцкими гончарами нѣтъ; даже изъ совершенно безземельныхъ хозяевъ трое иногда зарабатываютъ себѣ хлѣбъ на чужомъ полѣ. Кто имѣетъ возможность, приарендовываютъ немного земли—десятины по двѣ: десятину пахати (по 10 руб.) и десятину сѣнокоса (по 8 руб.) изъ сиротскихъ земель, сдаваемыхъ въ аренду опекою. „Каждый старается взять“—говорили гончары и выражали пожеланіе, чтобы больше у нихъ было „степу“: „если-бы удалось осушить болото, да пришлось десятинь по 10 на хозяйство, то мы и гончаровать побросали-бы“,—таковъ идеаль у гончаровъ *). Разумѣется, при современномъ земледѣльческомъ хозяйствѣ на небольшихъ клочкахъ земли большинству гончаровъ не приходится заниматься полевыми работами больше 1½—2 мѣсяцевъ въ году; зимою часть времени приходится тратить на заготовленіе топлива;—для отопленія хатъ косятъ болотныя растенія, для горновъ закупаютъ лѣсныя дѣлянки у казны: если не заготовишь зимою, то лѣтомъ не будешь „палить“. Все остальное время уходитъ на гончарство. У того меньшинства гончаровъ, которымъ совершенно не за что „зацѣпиться“, промыселъ составляетъ единственное и постоянное занятіе въ теченіе всего года. Отходъ на земледѣльческія работы на югъ еще мало практикуется между гончарами: пробовали уходить 3—4, но и тѣ нерегулярно. Пока платили рублей по 6 за сотню мисокъ, то никто не ходилъ, а теперь, когда, почти сплошь, больше 5 р. на сотнѣ не возьмешь, иной и думаетъ: а можетъ быть—я на заработкахъ больше получу. Одинъ гончаръ, единственный въ семьѣ работникъ на 7 ртовъ, бился-бился и по промыслу, и по хозяйству, видитъ: плохо,—бросилъ семью на лѣто „абы не на очахъ“, тогда принесъ съ заработковъ и накопилъ. Такова бытовая сторона отхода: это пока еще единичные случаи въ хозяйствахъ неустойчивыхъ почему-либо мастеровъ, а не сплошное бѣгство отъ невозможности прокормиться, какое замѣчается въ другихъ мѣстахъ и промыслахъ. П. А. Зарѣцкій, а за нимъ Лохвицкая управа **) дѣлаютъ слѣдующую характеристику отношеній земли и промысла: „Въ Лохвицкомъ уѣздѣ большая часть гончаровъ обладаетъ пахотной землей, но гончарство и здѣсь,

*) Очевидно, идеаль гончаровъ количественно выше идеала ткачей, которые говорили, напр., что если-бы имъ 5 дес. земли, то они ткачествомъ не занимались-бы.

**) „Очеркъ мѣропріятій Лохвицкаго земства по усовершенствованію кустарныхъ промысловъ“, стр. 5.

по крайней мѣрѣ въ Поставмукахъ, все-таки служить главнымъ занятіемъ даже у такихъ гончаровъ, которые обладаютъ 15-ю десятинами земли“. Если это справедливо въ бюджетномъ отношеніи, то въ смыслѣ психологическомъ все-же земледѣліе стоитъ выше: при прочихъ равныхъ условіяхъ, говоритъ С. А. Коренева, земледѣліе всегда предпочитается промыслу—и даже тогда, добавимъ мы, когда оно, въ переводѣ на деньги, обѣщаетъ меньше. Все-же и здѣсь еще сильно обаяніе мысли о своемъ, непокушномъ хлѣбѣ, хотя, какъ говорятъ, непокушной хлѣбъ ѣдятъ весь годъ не болѣе 5—8 гончарныхъ семей.

Обращаясь собственно къ промыслу, мы видимъ, что поставмуцкіе гончары специализировались исключительно на изготовленіи мисокъ 5 разныхъ величинъ—изъ красной глины, поливанныхъ и глазированныхъ, и эти миски, благодаря чистотѣ работы (относительной, конечно), и разнообразію орнамента, пользуются широкимъ распространеніемъ въ губерніи и даже за ея предѣлами. Другой посуды обыкновенно не дѣлаютъ, такъ что, если бабамъ нужны горшки для варева и пр., то онѣ принуждены покупать ихъ на сосѣднихъ базарахъ и ярмаркахъ или у приѣзжихъ скупщиковъ мисокъ, которые, являясь за мисками, навозятъ изъ другихъ, посѣщенныхъ ими гончарныхъ районовъ, всякую другую посуду. Тутъ идутъ издѣлія и Комышны, и Попівки, и Хомутца („все лучшихъ не буде, якъ хомутецкі“), и Опішого, и даже Ични. Лишь нѣсколько мастеровъ (изъ 87 Зарѣцкій насчиталъ ихъ только трехъ), изрѣдка „для себе къ празднику и такъ де-кому по селу, а то и своему-жъ таки брату гончареві, якъ самъ не вміе“ дѣлаютъ горшки, макітры, глеки для молока, тыквы для воды, формы для пасокъ (по заказу) цвѣточныя горшки и пр. Такая специализація на мискахъ объясняется, съ одной стороны, тѣмъ, что приѣзжіе скупщики (главнымъ образомъ „литвинки“ изъ Ични) кромѣ мисокъ ничего не стануть покупать, имѣя возможность приобрѣтать лучшую посуду и въ самой Ичнѣ, и въ другихъ гончарныхъ центрахъ; съ другой-же стороны—тѣмъ, что, какъ говорятъ сами гончары, въ ихъ горшкахъ нельзя сварить ни борщу, ни чего-либо кислаго—„розлізеться: коли разъ купе, то вже у друге заречеться“, а кашу сварить или мясо зажарить можно. „Выгадуемъ разні чашечкі безъ покрывшекъ и безъ ушківъ, чайныки—та це все пусте діло, бо наша земля плохая“. Земля, т. е. глина или „глей“ по мѣстному, дѣйствительно, не обладаетъ тѣми свойствами, которыя нужны, чтобы посуда могла выдержать сильный жаръ. С. А. Коренева говоритъ, что мѣстная глина не огнеупорная, при сильномъ жарѣ она расплавляется и сплюсчивается *).

*) О качествахъ мѣстной глины находимъ у П. А. Зарѣцкаго слѣд. замѣчанія: „Изъ глинъ позднѣйшаго образованія лучшія въ Сенчѣ, Поставмукахъ и Глинскѣ, худшія въ Городищѣ Лохв уѣзда. Въ

Главные матеріалы гончарнаго производства—глина, побѣль, свѣнецъ, мѣдь и дрова—добываются гончарами слѣд. образомъ.

Глина или глей имѣется на собственныхъ участкахъ только у 6 хозяевъ, остальные принуждены покупать ее или возами, или участками въ одну квадр. сажень. Розыскиваютъ глину просто заступами; намѣтивъ участокъ, снимаютъ верхній пластъ суглинка въ $1/2$ — $3/4$ арш. толщиною и подъ нимъ находятъ слой нужной глины въ $3/4$ —1 арш. толщиною, который и выбираютъ на возы; изъ участка въ 1 кв. саж. удается выбрать отъ 25 возовъ (по Зарѣцкому), до 15 (по словамъ С. А. Кореновой) или до 8—12 возовъ по утвержденіямъ гончаровъ; на возъ набираютъ около 20 пудовъ глины. Больше всего снимаютъ участковъ у мѣстнаго помѣщика В. П. Дзѣвчупольскаго по 60—75 коп., за квад. сажень, у козаковъ Василя и Федора Нѣмцевъ платятъ по 1 рублю (г. Зарѣцкій даетъ цѣну квад. сажени въ 1 рубль,—слѣдовательно, со времени его изслѣдованія глина не вздорожала, хотя намъ гончары жаловались, что глины становится все меньше; они-же сообщали, что у г. Коренева есть еще непочатый яръ). При покупкѣ возами платятъ по 5—10 коп. отъ воза. Такимъ образомъ, оказывается, что глины на мѣстѣ еще много и недостатка въ ней не предвидится, но каждому гончару приходится ее отдѣльно отъ другихъ покупать, тогда какъ, если-бы глинище было общественное или земское, то плата за нее или вовсе не взималась, или поступала-бы въ общественную кассу. Объ этомъ стоило-бы подумать мѣстному обществу или гончарному цеху—если-бы таковой образовался когда-либо въ Поставмукахъ.

Побѣль или бѣлую Опошанскую глину доставляютъ комышанскіе горшковозы, которые привозятъ изъ Комышны бѣлые горшки, а въ Поставмукахъ запасаются мисками. О нихъ говорятъ, что, подѣзжая къ селу, они смачиваютъ водою побѣль, чтобы онъ былъ потяжелѣе, и продаютъ его отъ 25 до 50 коп. за пудъ. Отпускаютъ иногда „цеберками“, въ которыя входитъ около пуда побѣлу: за цеберку сухого побѣла гончары платятъ 30 коп., сырого—25 коп. Цѣна зависитъ также отъ времени года, т. е. отъ удобствъ сообщенія. Побѣль, придающій бѣлый цвѣтъ издѣлію, вообще очень любимъ гончарами и потребителями: чѣмъ больше побѣлу въ окраскѣ мисокъ, тѣмъ онѣ дороже. По-видимому, раньше онъ меньше требовался и стоилъ дороже: г. Зарѣцкій указываетъ, что въ его время въ Поставмукахъ пудъ побѣлу обо-

Поставмукахъ глина добывается на глубинѣ $3/4$ аршина въ лѣсу, называемомъ Шведова-Дубина. Толщина слоя годной глины здѣсь не болѣе одного аршина. Глина эта въ сыромъ видѣ имѣетъ орѣшковое строеніе и въ сухомъ—разсыпается на такіе-же орѣшки; сырая, она имѣетъ оливково-сѣрый невзрачный цвѣтъ; такимъ же цвѣтомъ отличаются покрывающіе и подстилающіе ее горизонты, изъ которыхъ верхній болѣе известковитый (сыпецъ), а нижній—песчанистый, послѣ обжига глина эта становится красной и звонкой; замѣшенная — довольно пластична и позволяетъ вытягивать посуду весьма тонко“ (стр. 7—8, 14).

дился отъ 50 коп. до 1 рубля. Пудъ побѣлу идетъ примѣрно на 6 укладныхъ сотенъ мисокъ при средней побѣлкѣ. Если дѣлаютъ больше побѣлки и выводятъ цвѣточки, что очень соотвѣтствуетъ мѣстному вкусу, то это, хотя и удлиняетъ производство, за то поднимаетъ цѣну мисокъ съ 5 до 6 и даже до 7 руб. за сотню. На мѣстѣ въ Опoшнѣ пудъ побѣла стоитъ 5 коп., но разстояніе Опoшни отъ Поставмукъ не менѣе 150 верстъ.

На тѣ-же 6 укладныхъ сотенъ идетъ около 1½ пуда свинцу (по 9 фунтовъ на сотню). Свинець покупаютъ въ сельскихъ лавкахъ—чаще всего у Ежкуна въ Сухоносовкѣ, въ Чернухахъ,—есть свой лавочникъ и въ Поставмукахъ—Федоръ Пятецкій,—*) въ Воронькахъ, а также и въ ближайшихъ городахъ, какъ Лубны и пр. Сельскіе лавочники въ свою очередь покупаютъ также не изъ первыхъ рукъ, а у городскихъ лавочниковъ, благодаря чему стоимость свинца для гончара все повышается. Одинъ изъ гончаровъ говорилъ, что по особой просьбѣ ему покупали по 20—30 пуд. свинца въ Кременчулѣ и Николаевѣ тѣ, что возятъ на югъ кошики для сбыта, и при этомъ пудъ обходился ему въ 2 руб. 90 коп., а другой, гдѣ-то на складѣ въ Прилукахъ, покупалъ и по 2 руб. 80 коп. На мѣстѣ-же въ Поставмукахъ или въ сосѣднихъ селахъ лавочники продаютъ по 3 р. 10—3 руб. 20 коп., оставляя себѣ барыша на пудѣ, будто-бы, не болѣе 10 коп.; продаютъ даже и по 3 руб. Случается, что въ окрестныхъ селахъ запасы свинца временно истощаются, тогда, говорятъ, бываетъ подвозъ изъ самого Кіева на лошадахъ, и гончары переплачиваютъ тогда не мало. Часто гончары берутъ изъ лавокъ свинець въ долгъ, до первой продажи издѣлій, и тогда платятъ за него вмѣсто 3 руб. по 3 руб. 20 коп. за пудъ. Годовую потребность Поставмукъ въ свинцѣ С. А. Коренева опредѣляетъ въ 920 пудовъ на 2944 р. (считая по 3 руб. 20 к.) и вычисляетъ переплату лишнихъ на каждомъ пудѣ отъ 20 коп. (за наличныя) до 40 к. (въ долгъ), что приводитъ ее къ мысли о желательности оптовой закупки и склада свинца съ раздачею кустарямъ въ кредитъ. Кустари въ общемъ одобряли эту мысль, хотя нѣкоторые оговаривались, что они считаютъ переплату на пудѣ копѣекъ въ 10, а при такомъ счетѣ устройство собственнаго склада большой экономіи не дастъ. Нѣтъ сомнѣнія, что расчеты С. А. Кореновой ближе къ истинѣ, тѣмъ болѣе, что гончары объ оптовыхъ цѣнахъ **) не могли себѣ составить представленія; къ тому-же возникаетъ вопросъ и о правильной развѣскѣ товаровъ въ

*) У Ежкуна свинець лучше, чѣмъ у Пятецкого, за то и процентъ по кредиту онъ беретъ болѣе.

**) Зарѣцкій, напр., еще въ 1893 г. нашелъ цѣну свинца въ Поставмукахъ 3 руб. 20 к. за пудъ, тогда какъ въ томъ-же году въ Опoшнѣ пудъ его стоилъ 2 р. 50 коп., а въ долгъ 2 руб. 75 коп. Въ настоящее время въ Одессѣ пудъ свинца стоитъ 2 р. 20 к.—2 руб. 90 к. По словамъ „Очерка мѣропріятій“, въ Лохвицѣ и Лубнахъ покупаютъ свинець отъ 2 р. 30 к.—2 р. 40 к. до 3 р. за пудъ.

мелких лавчонкахъ; наконецъ, болѣе чѣмъ сомнительно, чтобы сельскій „капитальный“ человѣкъ, какимъ является лавочникъ, могъ, довольствоваться всего 10 коп. барыша на 3 рубля. Относительно роста цѣнъ трудно сказать что-нибудь определенное, такъ какъ гончары показывали, что за нѣсколько послѣднихъ лѣтъ цѣна повысилась съ 3 руб. 5 коп. до 3 р. 20 к., а другіе говорятъ, что и сейчасъ можно купить по 3 р.—3 р. 10 коп.; наконецъ, г. Зарѣцкій еще въ 1893 г. нашелъ здѣсь цѣну свинца въ 3 руб. 20 к. Между тѣмъ опрошенные на дому 3 гончара въ 1898 г. показывали цѣну свинца даже до 3 руб. 50 к. (остальные 3—отъ 3 р. до 3 р. 20 к.).

Красной мѣди идетъ сравнительно мало—по 1 фунту на 6 сотенъ мисокъ. Мѣдь продается въ тѣхъ-же сельскихъ лавчонкахъ по 30 коп. за фунтъ, а въ Лохвицѣ и Лубнахъ отъ 20—22 до 30 коп. за фунтъ стараго лома—самоваровъ, котловъ и т. п. Недавно лавочникъ Ежкунъ въ Сухоносовкѣ разобралъ винницу, бывшую тамъ, и получилъ до 50 пуд. мѣди, которую и продавалъ по 25 коп., теперь меньше 30 к. не беретъ. По словамъ С. А. Кореневой, цѣна доходитъ иногда и до 50 к. за фунтъ.

Во время изслѣдованія г. Зарѣцкаго въ Поставмукахъ, еще не покупали дровъ на сажни,—былъ еще по близости лѣсъ и свой, и чужой,—а теперь уже покупаютъ: или изъ казенныхъ дѣлянокъ, соединяясь „гуртомъ“ по нѣсколько человѣкъ, или у помѣщика, или у нѣкоторыхъ „мужиковъ“, сохранившихъ лѣсные участки. Покупаютъ или въ видѣ готовыхъ дровъ возами, что обходится на одинъ обжигъ отъ 1 рубля до 1 р. 50 коп. „подъ грязь“,—или сажнями, или цѣлыми дѣлянками. Сажень дровъ на мѣстѣ, безъ доставки, обходится въ 6, 7 и до 9—10 р. Доставка своя, а если нѣтъ коня, то за перевозку платятъ зимою 1 рубль и дороже; одна подвода стоитъ 20 коп. Сажень забираютъ на 7 подводъ, если своя лошадь, а наемная подвода забираетъ сажень за 8—9 разъ. С. А. Коренева считаетъ сажень въ 8—12 руб. и, если посчитать перевозку, то эта цифра сойдется съ показанной гончарами. Зарѣцкій въ 1893 г. принималъ для всѣхъ гончарныхъ районовъ губерніи стоимость сажени дровъ въ 12—13 руб., но въ Поставмукахъ тогда дрова навѣрно стоили дешевле. Гончары жаловались намъ на дороговизну, но при этомъ загадочно улыбались, изъ чего можно было вывести предположеніе, что нѣкоторые изъ нихъ знаютъ способы и болѣе дешеваго приобрѣтенія дровъ у сосѣдей. По словамъ С. А. Кореневой, одного сажня дровъ хватаетъ на обжигъ тысячи мисокъ; по словамъ гончаровъ, изъ сажня хватаетъ вытопить горнъ 8—9 разъ, такъ что каждый обжигъ стоитъ около 1 рубля и дороже, а такъ какъ миски обжигаются въ 2 приѣма (первый разъ безъ поливы, а вторично

съ поливою), то для выпуска горна посуды надо 2 рубля (иногда и 1 руб. 50 коп.). Обычная вместимость горна—3 вкладныхъ сотни *)—не менѣе 2¹/₂ и не болѣе 3¹/₂ сотенъ. Вообще топливо имѣетъ несомнѣнную тенденцію къ вздорожанію, и вотъ здѣсь-то, пожалуй, даже болѣе чѣмъ по отношенію къ свинцу, сказывается настоящая потребность въ организаціи оптовой закупки, хотя-бы тѣхъ-же дѣлянокъ казеннаго лѣса. На обжиганіе издѣлій идетъ всякое дерево: „то колись было—перебирали самі грушеві, та грабові, а теперь усяке палимо, абы знайшлось“. Приведенныя цѣны показаны на общемъ опросѣ, и у себя на дому опрошенные гончары дали приблизительно тѣ-же показанія: 4 показали цѣну сажени въ 10 р., одинъ въ 11 р. и одинъ въ 8 руб. Общія закупки дровъ практикуются и теперь, но только въ слѣд. видѣ: человекъ пять болѣе зажиточныхъ хозяевъ складываются и покупаютъ дѣлянку въ казенномъ лѣсу,—пользуются сами и другихъ снабжаютъ по 8—12 руб. за куб. сажень.

Помѣщеніемъ для работы у большинства гончаровъ является жилая хата. Тутъ-же сушатся и миски на полкахъ, устроенныхъ подъ потолкомъ, а потому въ хатахъ очень сыро—со стѣнъ капаетъ. Кто побогаче, пользуется для жилья и для мастерской второй половиной хаты—черезъ сѣни, но такихъ очень мало: присутствовавшіе намъ могли назвать только Захара Семеренка, у котораго хата для работы особая. Прочіе-же „стѣсняются“ отопленіемъ, котораго, будто-бы, пойдетъ за годъ не меньше, чѣмъ на 20 р., т. е. вдвое больше обычной крестьянской нормы—„бо намъ топить треба добре!“ Говорятъ, что если жить и работать въ двухъ помѣщеніяхъ одновременно, то въ концѣ концовъ окажется, что „хозяйка съ дѣтьми сидитыме безъ дровъ“. Топятъ больше камышомъ, осокою, дровами мало. Благодаря сырости хаты очень недолговѣчны: изъ хорошаго дерева стоятъ лѣтъ 30, а изъ плохого и за 15 лѣтъ обветшаютъ. Мы пробовали узнать взглядъ гончаровъ на возможность совместной работы небольшими компаніями въ особыхъ общихъ помѣщеніяхъ во избѣжаніе всѣхъ неудобствъ работы въ жилыхъ помѣщеніяхъ. Намъ отвѣчали: „та воно може-бъ и добре було для нашего брата гончара, такъ не помиримось“, причемъ въ примѣръ приводили трудность урегулировать отопленіе школы въ складчину. Затѣмъ мастерская требуетъ устройства вблизи нея горна для того, чтобы не далеко было носить издѣлія, а пользованіе общимъ горномъ явится опять таки новымъ усложненіемъ дѣла. Гораздо болѣе понятна для гончаровъ идея частнаго завода съ наемными рабочими и, такъ сказать,

*) Г. Зарѣцкій не даетъ для Поставмукъ вычисленія стоимости обжига горна посуды, но для опшанскихъ мисокъ онъ принимаетъ, что обжиганіе горна вместимостью въ 5 сотенъ требуетъ 1/2 сажени дровъ на 6 руб.

съ принудительнымъ распорядкомъ работы, хотя гончары и выражали сомнѣніе, чтобы кто-либо изъ имѣющихъ свою семью и хозяйство пошелъ въ такую мастерскую: дома онъ самъ знаетъ, когда работаетъ! Надо надѣяться, что существованіе въ селѣ земской мастерской, основанной С. А. Кореневою, пробьетъ брешь въ этомъ индивидуалистическомъ настроеніи гончаровъ, тѣмъ болѣе, что кое-какія артельные операціи уже извѣстны гончарамъ,—мы говоримъ о пользованіи общими горнами.

Всѣхъ горновъ въ Поставмукахъ на 108 хозяевъ-гончаровъ устроено около 35, максимумъ 40. Изъ этого видно, что далеко не каждый гончаръ является единоличнымъ собственникомъ отдѣльнаго горна. Въ 1893 г. И. А. Зарѣцкій такъ распредѣлялъ тогдашнихъ 87 гончаровъ по способу пользованія горнами: 49 хозяевъ обжигали въ собственныхъ горнахъ (причемъ были, конечно, горны, находившіеся въ собственности нѣсколькихъ хозяевъ), 8 хозяевъ пользовались артельными горнами, а 28 хоз. обжигали въ чужихъ горнахъ. Къ 1900 г. пользованіе артельными и наемными горнами, повидимому, значительно усилилось; вѣроятно, весь приростъ хозяевъ-гончаровъ съ 1892 г. (21 хоз.) предпочелъ пользоваться уже готовыми горнами, не устраивая новыхъ. По крайней мѣрѣ намъ гончары говорили, что въ селѣ имѣется одинъ горнъ на 10 хозяевъ, еще одинъ на 5 хоз., еще 6 горновъ на 3—4 чел. каждый и, наконецъ, въ остальныхъ горнахъ обжигаютъ по 2—3 хозяина и по одному.

Чаще всего горны устраиваются 2 хозяевами. Собственно горнъ занять не болѣе 20 сутокъ, если имъ пользуются два соединившіеся хозяина, и имъ могли-бы пользоваться еще и многіе другіе, не имѣющіе своихъ горновъ, но этому препятствуетъ то, что всѣ гончары обыкновенно норовятъ подождать время обжига къ однимъ и тѣмъ-же важнымъ праздникамъ; такъ передъ самымъ Рождествомъ или Пасхою обжигаются миски, заготовлявшіяся до того въ теченіе всей Филипповки или Великаго поста. Да и каждый лучше чувствуетъ себя хозяиномъ въ своемъ горнѣ. Владѣльцы горновъ, допускающіе къ себѣ чужихъ, разсуждаютъ, что за пользованіе горномъ каждый разъ надо брать не менѣе 10 коп. (такъ говоритъ Карпенко, владѣлецъ лучшаго горна): „нѣякой починки вінъ не зна, —нагадить, нагадить, тай пійшовъ“. Въмѣсто 10 коп. иногда требуютъ день „услуги“.

Устроить горнъ умѣетъ далеко не всякій гончаръ, хотя самое устройство весьма несложно (описаніе особенностей поставмуцкихъ горновъ—см. у Зарѣцкаго, на стран. 18, 19, 22—27). Обыкновенный горнъ, вмѣстимостью въ 3 укладныхъ сотни (отъ 2¹/₂ до 3¹/₂ сотень), если оплатить всю работу и матеріалъ, обходится рублей въ 15—20.

Дѣлается онъ изъ необожженного кирпича, котораго идетъ отъ 600 до 1000 штукъ; прослужить можетъ безъ серьезнаго ремонта около 7 лѣтъ. Самый большой горнъ вмѣщаетъ не болѣе 2 сотень „скленныхъ“, т. е. поливанныхъ, и 1½ сотни сырыхъ мисокъ; чаще кладутъ пополамъ— по 1½ сотни. Наибольшій на селѣ горнъ, принадлежащій Осипу Карпенку, говорятъ, вмѣщаетъ до 5 сотень. Этотъ-же горнъ считается и лучшимъ по устройству. Кромѣ того, отмѣчали горнъ Григорія Воеводы. Первый изъ этихъ горновъ сдѣланъ въ пристройкѣ къ хатѣ; тамъ-же устроено и особое помѣщеніе для готовой посуды. Карпенко держалъ и наемныхъ рабочихъ, и часто сдаетъ свой горнъ въ пользованіе,—вообще больше работаетъ капиталомъ, чѣмъ гончарствомъ. Особенность горна Григорія Воеводы заключается въ томъ, что надъ нимъ устроены навѣсы: когда вынимаютъ изъ горна готовые издѣлія, еще горячія, то въ закрытомъ помѣщеніи они не такъ трескаются, какъ на морозѣ или на вѣтрѣ у другихъ гончаровъ, у которыхъ горны сдѣланы подъ открытымъ небомъ и представляютъ собою вырытую въ землѣ круглую яму, аршина въ 1½—2 глубины и ширины, выложенную кирпичемъ-сырцомъ и обмазанную глиною. Со времени изслѣдованія г. Зарѣцкаго въ 1893 г. до нашего посѣщенія с. Поставмукъ, которое почти совпало съ открытіемъ тамъ мастерской С. А. Кореневой, техника устройства самого горна нисколько не подвинулась впередъ; это видно изъ того, что и г. Зарѣцкій описывалъ также горнъ Ос. Карпенка, какъ единственную мѣстную достопримѣчательность въ этомъ отношеніи *). Только опытъ устройства улучшеннаго горна при учебной мастерской можетъ дать нѣкоторый толчекъ въ этомъ дѣлѣ.

Печки для пережиганія свинца на окись для поливы въ Поставмукахъ считаются г. Зарѣцкимъ вполне удовлетворяющими своему назначенію; топлива для пережиганія 2 пудовъ свинцу надо на 50 к., а времени—не менѣе 2 дней (стр. 28—29).

Въ гончарномъ кругѣ замѣчено усовершенствованіе—железное веретено (ось), вмѣсто деревяннаго. П. А. Зарѣцкій железныхъ веретенъ въ Поставмукахъ не засталъ еще (стр. 34), тогда какъ въ настоящее время почти у всѣхъ гончаровъ круги съ железными веретенами. Это нововведеніе сдѣлано нѣсколько лѣтъ назадъ (говорятъ, лѣтъ 10); гончаромъ казакомъ Тимофеемъ Мушкой, переселившимся нынѣ въ Кубанскую область. Очевидно, наши кустари вовсе не такъ косны и

*) По словамъ Зарѣцкаго, особенность горна Карпенка заключалась въ томъ, что обязательное помѣщеніе горна находилось въ особой пристройкѣ къ жилой хатѣ и могло ее замѣнять; для вывода дыма въ стѣну пристройки вставлена была железная труба, которая, по желанію, затыкалась тряпкой или ридной (стр. 27). Кромѣ того, вынимая миски изъ горна и, помѣщая ихъ туда-же, въ теплоемъ помѣщеніи—въ пристройкѣ, Карпенко имѣлъ возможность класть поливу на миски еще теплая, а это улучшаетъ качество ихъ.

невоспримчивы къ улучшеніямъ, какъ обыкновенно думаютъ,—стоитъ лишь показать имъ дѣйствительно полезную вещь.

Кромѣ гончарнаго круга, изъ орудій производства слѣдуетъ упомянуть: 1) стальной стружокъ для первоначальнаго строганія глины; 2) мѣдную проволоку для очистки глиняной массы отъ камешковъ и корней растений (отмучиванье глины не практикуется, отмучиваютъ только Опшанскій побѣлъ); 3) деревянные ножи, въ $\frac{1}{4}$ круга, для формованья на кругѣ внутренней стороны миски; 4) довию для разминанія сухой глины; 5) коровьи рожки со вставленными въ нихъ гусиными перьями, употребляемые при размалевываніи мисокъ; 6) волосиыя кисточки для той-же цѣли; 7) сита для процѣживанія красокъ и поливы; 8) ложки для помѣшиванія пережигаемаго свинца и др. (подробно у Зарѣцкаго, стр. 37—45). Жернова для размалыванья. Составовъ поливы не употребляютъ.

Процессъ изготовленія мисокъ распадается на три главныя операціи: формовку, раскрашиванье и обжиганье. Во время всѣхъ этихъ процессовъ, по вычисленіямъ гончаровъ, каждое издѣліе до 40 разъ поступаетъ изъ рукъ въ руки, переворачивается гончаромъ, а безъ двойнаго обжиганія—отъ 22 до 24 разъ. Это показываетъ, какъ кропотлива и сложна работа, особенно та ея часть, которая касается раскрашиванья. Послѣ изготовленія издѣлья на кругу оно должно просохнуть, послѣ чего очищается ножемъ отъ неровностей, затѣмъ его разрисовываютъ побѣломъ (бѣлою опшанскою глиною) и смѣсью изъ раствора пережженной мѣди съ простою гончарною глиною; получаютъ концентрическія бѣлыя и черныя полосы вокругъ донышка миски. Въ такомъ видѣ миски ставятся въ горнъ, плотно уложенныя одна въ другую. На днѣ горна, т. е. надъ рѣшотчатымъ кирпичнымъ поломъ, имѣющимъ отъ 16 до 23 отверстій, предварительно укладывается слой „браку“, т. е. испорченныхъ мисокъ, для предохраненія издѣлій отъ дѣйствія слишкомъ жаркаго пламени. Самыя обжигаемыя миски укладываются тѣсными рядами не только до верха горна, но и черезъ верхъ. Происходитъ первый обжигъ, длящійся около 8 часовъ. Послѣ него содержимое горна вынимается при помощи „ганчирокъ“ (тряпокъ, которыя при этомъ загораются въ рукахъ); затѣмъ миски обливаются свинцовой поливою (стекловиднымъ слоемъ) и готовятся для втораго обжига. Послѣ перваго, сравнительно слабаго, обжига миска, еще не политая и не обожженная вторично, раскиснетъ отъ воды за одинъ день, а послѣ вторичнаго обжоба уже не раскиснетъ—„хочь ты її кинь у воду на 15 годовъ“; правда, отъ воды она „затыманіе“ (потускнѣеть), но крѣпость свою все-же сохранить, какъ увѣряютъ гончары. Обыкновенно во второй разъ при обжигѣ горнъ только на половину напол-

няется „скленными“ издѣліями, остальная половина пополняется сырыми мисками, для которыхъ этотъ обжигъ будетъ первымъ, и т. д. Такимъ образомъ каждая миска обжигается два раза. Обжигъ считается удачнымъ, если бою и браку не больше 10 штукъ, но бываетъ, что въ горнѣ оказывается и до сотни браку. Постоянно случается то недопалить, то перепалить. Если перепалить, то нижнія миски подь влініемъ сильнаго жара скашиваются и сплюсциваются (глина недостаточно огнеупорна); если недопалить, то полива выйдетъ слабая, неполная, и въ такомъ видѣ издѣліе также можетъ размокнуть отъ воды. При мнѣ однимъ гончаромъ чуть не $\frac{1}{3}$ горна была наполнена въ третій разъ обжигавшимися мисками; свою неудачу гончаръ объяснялъ плохимъ качествомъ свинца. При началѣ обжига стараются не пускать сразу слишкомъ большого пламени, но когда миски постепенно разогрѣются, тогда палятъ сильно, чтобы ускорить процессъ,—глина тогда выдержитъ, говорятъ, и бѣлое каленье. А глинскіе гончары, по ихъ словамъ, пускаютъ пламя послабѣе,—оттого они могутъ ставить горшки и подь рѣшетчатый полъ горна, къ самому пламени. Нѣкоторые для красоты дѣлаютъ сплошную побѣлку значительной части миски,—тогда она долго просушивается: приходится ее опять ставить на полку для просушки, что, конечно, удлиняетъ процессъ производства; свинцовая-же полива сразу берется за издѣліе,—не успѣютъ смазать, а она уже и высохла: сухая пористая глина жадно впитываетъ поливу. Второй обжигъ длится отъ 12 часовъ до сутокъ и болѣе.

Формованіе издѣлій по гипсовымъ формамъ, до открытія гончарной мастерской въ Поставмукахъ, совершенно не было извѣстно, и первый успѣшный опытъ въ этомъ отношеніи, по словамъ С. А. Кореневой, вызвалъ большой эффектъ *). Во время-же нашего опроса гончары не заглядывали дальше того, чтобы имѣть возможность употребить на окраску мисокъ побольше побѣла и разрисовывать цвѣточки на фонѣ этого побѣла. Намъ гончары говорили, что миски ихъ вообще нравятся и раскупаются безостановочно, но, по наблюденіямъ С. А. Кореневой, относившимся къ тому времени, уже тогда самихъ гончаровъ не удовлетворяла степень технического совершенства ихъ издѣлій: они сознавали, что миски непрочны, однообразны, грубы, полива плоха, красокъ мало **). Держаться уровня ихъ обычной техники и не предпри-

*) Образцы формованныхъ издѣлій, присланные съ завода Фока (Новгородской губ.), гончары могли видѣть въ мѣстной чайной, гдѣ эти издѣлія были выставлены С. А. Кореневою.

***) Лучшими мастерами по изготовленію мисокъ, по чистотѣ и скорости работы, по отзывамъ С. А. Кореневой, были Иванъ Демченко 27 лѣтъ и Дмитрій Можчиль 19 лѣтъ; лучше всѣхъ малевали: Пиконъ Воевода 14 лѣтъ, Семень Матвѣенко 15 лѣтъ, Меодій Можчиль 15 лѣтъ и Дмитрій Каренко 21 года. П. А. Зарѣцкій отмѣчалъ какъ лучшихъ мастеровъ, Андрея Стулку, Осипа Каренка и Вл. Нятецкаго. Награды получили на сельско-хоз. выставкахъ: въ Кременчугѣ 1896 г. Степанъ Сахно и въ Ромнахъ 1899 г. Захарій Можчиль.

нимать ничего для ея улучшения заставляла гончаровъ боязнъ неизвѣстности, риска, а также и опасеніе привлечь къ себѣ вниманіе властей, которое могло-бы окончиться обложеніемъ ихъ промысла. Они слышали, что Зѣньковское земство обложило горны въ м. Опошнѣ, и постоянно ссылались на этотъ примѣръ въ подтвержденіе той мысли, что и статистическіе опросы, и всякія мѣропріятія по гончарству „не доведутъ до добра“. Чтобы вывести гончаровъ изъ ихъ опасливой сдержанности, нужна была посторонняя инициатива, и эту роль исполняетъ теперь поставмуцкая гончарная учебная мастерская.

Прежде чѣмъ перейти къ экономикѣ промысла, необходимо коснуться вкратцѣ рабочаго времени и рабочей силы въ гончарномъ хозяйствѣ.

Отсчитывая часть лѣтняго времени на полевые работы и часть зимняго на косьбу осоки и камыша и на заготовку дровъ, придется считать рабочій годъ средняго гончара примѣрно въ 200 дней. На подготовку издѣлій къ одному горну требуется около 3 недѣль, а успѣютъ обжечь за годъ горновъ примѣрно 10 въ среднемъ,—такъ что и этотъ расчетъ въ общемъ подтверждаетъ принятую нами цифру дней рабочаго сезона гончара. Разумѣется, таково рабочее время только у тѣхъ 42 хозяевъ, которые болѣе обеспечены землей (изъ 83 занимающихся вообще земледѣліемъ хозяевъ); остальные-же 66 хозяйствъ принуждены заниматься гончарствомъ круглый годъ, отрываясь лишь ненадолго на другія неотложныя нужды своихъ хозяйствъ или даже совсѣмъ не имѣя хозяйства. Въ теченіе дня работаютъ обыкновенно отъ восхода и до захода солнца; зимой сидятъ и при лампѣ часовъ до 9. Во время-же обжига издѣлій, когда горнъ требуетъ постоянного наблюденія, работаютъ часто безъ перерыва по 24 часа и больше.

Въ работѣ принимаютъ участіе всѣ свободные, въ данный моментъ, члены семьи: одни готовятъ массу (женщины и старики), другіе работаютъ на кругу (самые здоровые), третьи разрисовываютъ (дѣти). Въ 108 гончарскихъ хозяйствахъ насчитано 149 полныхъ гончаровъ, не считая временныхъ и второстепенныхъ помощниковъ—женщинъ, стариковъ и дѣтей. Лохвицкая управа говоритъ, что гончары „часто нанимаютъ рабочихъ и берутъ учениковъ“; не смотря на наше особенное вниманіе къ этому вопросу, мы не нашли подтвержденія этого факта. Совершенно наоборотъ: г. Зарѣцкому въ свое время удалось зарегистрировать только одного наемнаго рабочаго, статист. бюро въ 1900 г. также нашло одного; намъ гончары говорили, что наймыта держитъ одинъ Семень Ступка, а ученика—Можчилъ, а раньше наймыты были у Осипа Карпенка, Вас. Пятацкаго (Костриченка) и еще у одного хозяина. Оче-

видно, это явление вовсе не частое*). Рабочий в гончары не пойдет, потому что работа тяжелая, да и научиться надо (обучаться надо съ годъ); гончару-наймыту надо дать 45, 50, а то и 60 руб., а между тѣмъ нѣтъ разсчета,—говорилъ Карпенко. Семень Ступка платитъ своему годовому наймыту-полурабочему 25 руб. и изъ одежды даетъ юпку цѣною въ 5 р., а если безъ юпки, то 30 р.; харчи хозяйскіе. Можчилъ „ученику“ (очевидно, рабочему подростку) платитъ 15—17 руб. въ годъ и кормитъ его. Такимъ образомъ, кромѣ Карпенка, устроившаго самый большой горнъ и особое помѣщеніе при немъ и пытавшагося держать наемныхъ рабочихъ, но не выдержавшаго конкуренціи,—повидимому, другихъ попытокъ организовать нѣчто въ родѣ маленькаго заводскаго предприятия въ Поставмукахъ нѣтъ, и наемный трудъ в гончарствѣ имѣетъ малое приложеніе.

Размѣры промысловыхъ операцій больше всего, разумѣется, зависятъ отъ качества рабочей силы въ семьѣ гончара. Въ этомъ отношеніи, если не считать труда женщинъ, стариковъ и дѣтей, поставмуцкіе гончары дѣлятся на два разряда: около 40 хозяйствъ имѣютъ по 2 рабочихъ гончара, остальные примѣрно 65—70 хозяйствъ располагаютъ силами одного только мастера. Сообразно съ этимъ перерабатывается то или иное количество сырья въ хозяйствѣ: 5 опрошенныхъ въ отдѣльности мастеровъ, имѣющихъ по 2 гончара въ семьѣ (большую частью одного взрослого и одного полурабочаго), показывали, что для добыванья глины они снимаютъ по 2 квадр. сажени, которыя обходятся по 50—60 коп. каждая и даютъ глины каждая около 300 пудовъ; свинцу эти хозяйства покупаютъ по 10 пуд. на 32—35 руб.; побѣлу берутъ по 2¹/₂—3 пуда по 30—50 коп. за пудъ; мѣди употребляютъ всего отъ 3 до 6 фунтовъ каждый хозяинъ, платя по 25—30 коп. за фунтъ; наконецъ, дровъ беретъ каждый изъ этихъ хозяевъ отъ 2 до 3¹/₂ сажень, платя по 8—11 руб. за сажень. Всего хозяйство съ 2 гончарами должно приобрѣтать важнѣйшихъ сырыхъ матеріаловъ на сумму отъ 60 до 70 рублей. Хозяйство съ однимъ рабочимъ-гончаромъ беретъ 1 сажень глины, 4 пуда свинцу, съ пудъ побѣлу, фунта 2—3 мѣди и 1¹/₂ сажени дровъ, всего на сумму около 30—35 рублей. На количествѣ издѣлій и на доходности промысла это различіе хозяйственныхъ типовъ гончарствъ отражается слѣдующимъ образомъ.

Производительность труда гончара выражается въ количествѣ сотней издѣлій, которыя онъ можетъ выпустить въ продажу въ теченіе рабочаго года. Но что собою представляетъ сотня? „Укладная сотня“—это установившаяся счетная и продажная единица, въ составъ которой

*) Въ „Очеркѣ мѣропріятій“ сказано, что хорошій гончарь-рабочій получаетъ поденно отъ 40 до 50 коп., годовою отъ 50 до 60 руб. и болѣе. Повидимому, здѣсь обобщены немногіе отдѣльные случаи.

входить не сотня мисокъ, какъ можно было-бы думать, а гораздо больше—чаще 320—340 мисокъ. Объясняется это тѣмъ, что миски имѣютъ неодинаковые размѣры. Въ Поставмукахъ считается 5 сортовъ мисокъ—разнаго діаметра. Наибольшая миска „одинарка“ имѣетъ 8—10 вершковъ въ діаметрѣ, употребляется рѣдко—только передъ Пасхою для мѣсива и для перемыванья меньшей посуды; десятокъ такихъ мисокъ считается счетнымъ десяткомъ, т. е. при счетѣ каждая штука считается единицею, десятокъ—десяткомъ, сотня, сотню. Когда продаютъ скупщикамъ миски, то этого сорта обыкновенно не кладутъ, и продажная „вкладная“ сотня составляется изъ мисокъ остальныхъ четырехъ калибровъ. Двойка или двойнякъ, отъ 6¹/₂ до 7 вершковъ въ діаметрѣ, считается за половину большой миски, счетной единицы, и такимъ образомъ, чтобы составить счетный десятокъ издѣлій, надо этого двойняку положить не 10 штукъ, а 20. Тройняку или тройки идетъ вмѣсто одного десятка 30 штукъ, четверки 40 штукъ и пятерки—50 штукъ. Какъ-же составить сотню? Приведемъ двѣ наиболѣе употребительныя комбинаціи: 1) 2 десятка двойника (что составитъ 40 штукъ), 4 десятка тройника (120 штукъ), 2 десятка четверки (80 штукъ) и 2 десятка пятерки (100 штукъ), итого 10 десятковъ или сотня, заключающая въ себя 340 штукъ разныхъ мисокъ; 2) 3 десятка двойника (60 штукъ), 3 десятка тройника (90 шт.), 3 дес. четверки (120 штукъ) и одинъ десятокъ пятерки (50 штукъ)—итого сотня въ 320 штукъ; 3) у г. Зарѣцкаго приведена еще одна комбинація вкладной сотни, состоящей изъ двойника и тройника (по 4 десятка) и одинарки, четверки и пятерки (по 1 десятку);—итого 300 штукъ *). Составъ сотни измѣняется по желанію покупателя. Больше всего идетъ въ продажу тройникъ:—„якъ добавишь бѣльшъ тройнику, то ѣ цѣна буде трошки бѣльшъ“.

Вотъ такими-то сотнями и измѣряется производительность труда. Собственно самая работа мисокъ на кругу для хорошаго и сильнаго мастера не представляетъ большихъ затрудненій. Намъ указали на Ивана Демченка (брата и вмѣстѣ приказчика Михаила Демченка, извѣстнаго скупщика мисокъ), молодого и сильнаго мужчину, перваго мастера по скорости работы. За годъ онъ выпускаетъ до 50 сотенъ мисокъ, а „хорошо посидѣвши“, можетъ въ одинъ день сдѣлать полную сотню. Такъ работать онъ можетъ дня 3 сряду, а потому день отдыхать надо и снова онъ готовъ! Этотъ здоровый и жизнерадостный мужчина говорилъ намъ, что, распарившись у огня и сильно вспотѣвши, онъ выходитъ прямо на свѣжій воздухъ и ложится на сырую землю; много разъ это ему сходило безнаказано, только однажды съ нимъ что-то сдѣлалось

*) Г. Зарѣцкій ошибся въ подсчетѣ и у него оказалась сотня въ 1110 штукъ и въ 11 десятковъ (стр. 93).

и съ тѣхъ поръ онъ пріобрѣлъ болѣзненную склонность къ сильному потѣнію. Однако такихъ здоровыхъ людей немного и нѣтъ никакой необходимости напрягать всѣ силы, чтобы надѣлать побольше мисокъ: вѣдь надо-же ихъ не только сдѣлать, по и „довести до ума“, т. е. окрасить и обжечь *). Чтобы довести до пути горень издѣлій (въ среднемъ 3 вкладныхъ сотни) **), надо затратить до 3 недѣль времени одного рабочаго, считая здѣсь время на заготовку глины, мѣску ея, изготовленіе издѣлій, ихъ обжигъ. Поэтому средній гончарь, располагающій хоть небольшою помощью полурабочаго, преимущественно для полевыхъ работъ, свободно сдѣлаетъ за весь годъ 25—30 сотенъ мисокъ, если онъ самъ уже не будетъ отрываться отъ полевыхъ работъ. Самый „первѣйшій“ гончарь, если ему не помогаютъ въ хозяйствѣ, не сдѣлаетъ болѣе 20 сотенъ, а средній и того менѣе—около 15 сотенъ.

Мы уже знаемъ, что въ 40 хозяйствахъ работаютъ по 2 гончара, а въ остальныхъ 68 по одному; слѣдовательно, первые 40 выпускаютъ за годъ примѣрно 1200 сотенъ ***) мисокъ (каждое хозяйство по 30 сотенъ); изъ остальныхъ 68 хоз., допустимъ, половина выпуститъ по 20 сотенъ и другая половина по 15; получится, что всѣ 108 гончарскихъ хозяйствъ выпускаютъ за годъ около 2400 сотенъ мисокъ ****), а такъ какъ въ одномъ горнѣ въ среднемъ обжигается по 3 сотни издѣлій, то годовое число выпущенныхъ горновъ мисокъ въ Поставмукахъ будетъ приблизительно равно 800. Это цифры, вычисленныя теоретически, но онѣ близко подходятъ къ тѣмъ, которыя даетъ г. Зарѣцкій *****) въ результатѣ подсчета данныхъ подворной переписи: у него 84 хозяйства выпускаютъ 557 горновъ мисокъ (въ среднемъ 6,6), у насъ 108 хоз. выпускаютъ 800 горновъ (въ среднемъ 7,4). Не слѣдуетъ при этомъ число горновъ смѣшивать съ числомъ обжиговъ, такъ какъ каждое издѣліе обжигается дважды; поэтому, чтобы выпалить 30 сотенъ, надо

*) Н. А. Зарѣцкій говоритъ, что въ Поставмукахъ одинъ человекъ въ день сдѣлаетъ мисокъ отъ 60 до 80 или помалоему отъ 80 до 180 (стр. 103).

**) Во времена Зарѣцкаго только одинъ хозяинъ пользовался горномъ, вмѣщавшимъ отъ 4 до 5 сотенъ; 50 хозяевъ обжигали въ горнахъ, вмѣщавшихъ отъ 3 до 4 сотенъ; наконецъ, 33 хоз. пользовались горнами вмѣстимостью отъ 2½ до 3 сотенъ.

***) По Зарѣцкому, въ среднемъ одно хозяйство выпускаетъ 18,35 сотенъ мисокъ въ годъ, maximum—70 сотенъ, minimum—3 сотни.

****) Дохв. кустарный комитетъ въ 1899 г. опредѣлялъ производство мисокъ въ Поставмукахъ въ 1950 сотенъ, но основаній такого исчисления не привелъ.

*****) Г. Зарѣцкій зарегистрировалъ четырехъ хоз., выжигающихъ по одному горну; 9 по два горна; 29—отъ трехъ до пяти горновъ; 32—отъ 6 до 10 горновъ, и 11 по одиннадцати и болѣе горновъ (стр. 104). Мы прѣвѣряли опросомъ отдѣльныхъ гончаровъ ихъ производительность: Василій и Захарій Можчили, у которыхъ работаютъ по 2 гончара въ хозяйствѣ, (считая и ихъ самихъ), показали свое производство по 40 сотенъ каждый; еще трое (Григ. Воевода, Вас. Пяецкій и Сем. Ступка, все лучшіе мастера), также имѣвшіе по 2 гончара въ хозяйствѣ, показали производство въ 20 сотенъ каждый; наконецъ, Андрей Ступка, работающій единолично, выпустилъ 15 сотенъ. На опросѣ-же намъ говорили, что 2 мастера въ годъ выпалить 10 горновъ, т. е. 30 сотенъ.

20 разъ топить горнь, вкладывая каждый разъ по 1¹/₂ сотни сырыхъ и по 1¹/₂ сотни „скленныхъ“ мисокъ (иногда приходится „и у трете до-смалювать“). Можно оба обжига произвести одинъ за другимъ въ теченіе однѣхъ сутокъ, если достаточно рабочей силы около горна.

Производство въ 40 сотенъ соотвѣтствуетъ минимальному валовому доходу въ 200 руб., въ 30 сотенъ—150 руб., въ 20—100 руб. и въ 15 сотенъ—75 руб., т. е. каждая сотня даетъ 5 руб., изъ которыхъ оплачиваются всѣ издержки производства: плата за сырье, за орудія производства и т. п.

Но эта сумма 5 руб. за сотню требуетъ объясненій, которыя мы находимъ въ бытовой обстановкѣ сбыта издѣлій. Прежде всего слѣдуетъ замѣтить, что самостоятельная продажа гончарами своихъ издѣлій на ярмаркахъ и базарахъ развита весьма мало. По свѣдѣніямъ стат. бюро за 1900 годъ, сбывавшихъ, всегда самостоятельно, свои издѣлія было только 3 хозяина; еще 9 хозяевъ было такихъ, которые то сами развозили, то сдавали скупщикамъ, но главная масса гончаровъ, 96 человекъ, сбывали миски исключительно скупщикамъ. Если сравнивать это положеніе сбыта съ тѣмъ, какое существовало во времена изслѣдованія г. Зарѣцкаго, разница получается громадная и наводитъ на нѣкоторыя сомнѣнія въ точности тѣхъ или другихъ цифръ: такъ, при Зарѣцкомъ безъ посредничества скупщиковъ обходились 20 хозяевъ, продавали только скупщикамъ 22, остальные 42 случая пользовались тѣмъ и другимъ способами сбыта или остались невыясненными; если даже считать, что и вторая, и третья группы были полностью клиентами скупщиковъ, все-же процентъ независимыхъ сильно разнится отъ современнаго.

Благодаря существованію у нихъ земледѣльческаго хозяйства и лошадей (число которыхъ даже возросло въ Поставмукахъ со времени переписи 1888 г. съ 128 до 171 у всѣхъ жителей), многіе гончары имѣютъ возможность возить свои издѣлія по ярмаркамъ и базарамъ и продавать; но, очевидно, этой возможностью они почти не пользуются. Самостоятельно развозящихъ миски почти нѣтъ: одинъ—два, да и тѣ, случается, когда нѣтъ времени ѣздить, сдаютъ скупщикамъ. Нѣкоторые отдаютъ миски постояннымъ горшковозамъ не-гончарамъ, но и такихъ очень мало. Бываютъ и заказы, обыкновенно передъ праздниками, изъ Прилукъ, Пични и др. Большинство-же сдаютъ пріѣзжимъ скупщикамъ: „саме блаженне діло, якъ приіздыть купецъ та й побере все, безъ ніякого клопоту!“ Одно только не нравится въ этомъ способѣ продажи, что въ плохую погоду, при бездорожьи, скупщикъ иногда засиживается день—два: надо его покормить. Наконецъ, съ 1898 г. для гончаровъ открылся еще одинъ способъ сбыта: работать на мѣтнаго крупнаго скупщика Михаила Демченка.

Раньше самостоятельный сбытъ имѣлъ больше примѣненія; гончары вспоминаютъ, какъ они человѣкъ по 25 въ одинъ разъ наѣзжали на Лохвицу. Тѣ, что и теперь возятъ сами, забирались въ Лубенскій уѣздъ, за Удай, гдѣ случалось получать еще плату хлѣбомъ—„на отсыпъ“, сколько войдетъ зерна; „а якъ насыше борошна, то вже давай їй другу миску; колись було, що й двічі насыпали зерномъ“. Теперь все это выходитъ изъ моды: одинъ жаловался, что проѣхалъ и Хорошки, и Юсковцы и только у одной бабы вымѣнялъ на зерно *). За Пирятиномъ сотню продавали по 6—7 руб., „підъ Барышевою продали по 9 руб., до шостого дни повертались до дому“. Если въ разбивку продавать, да при хорошихъ цѣнахъ, то за сотню можно взять 9 р., а то случается, что и по 6 руб. отдашь. Розничныя цѣны таковы: за большую миску одинарку передъ Пасхою берутъ 10 коп.; бываетъ у себя, въ Чернухахъ, по 5—6 коп., а въ развозъ и до 12 коп., но въ сотню ея не берутъ. Двойникъ идетъ по 3 коп., тройникъ—2 к., четверка—1¹/₂—2 коп., пятерка—1¹/₂—2 коп., а случается и копѣйка. Дѣлаютъ еще чайники по 15 коп., чашки по 3 к. и кувшины по 3 коп. „Якъ нарвешъ де-небудь, то и більше“. Иванъ Демченко хвалился, будто-бы онъ однажды забрался въ Батуринъ, на 2-хъ подводахъ повезъ 3 сотни мисокъ (хорошія лошади берутъ и по 4 сотни на двухъ подводахъ) и выручилъ за нихъ по 15 руб.; въ дорогѣ онъ провелъ 9 рабочихъ дней. Таковы условія самостоятельнаго сбыта. Гончары увѣряютъ, что затрудненій въ сбытѣ они еще не имѣли: сколько ни сдѣлаешь, все заберутъ. Говоря о своемъ намѣреніи усовершенствовать узоръ на мискахъ, т. е. пустить много побѣлу и на немъ выводить цвѣточки, гончары не сомнѣвались, что такая посуда, требующая больше времени и труда и оплачиваемая на 1—2 рубля за сотню дороже обычной цѣны, будетъ имѣть сбытъ, въ чемъ увѣряли ихъ и скупщики. Тѣмъ не менѣе гончары предпочитаютъ сдѣлать хуже, но скорѣе: даже бракъ—и тотъ хорошо расходуется въ силу дешевизны. Договорившіеся работать на скупщика Мих. Демченка выговорили себѣ право самостоятельно сбывать бракъ и увѣряютъ, что когда они повезутъ этотъ бракъ въ Чернухи и начнутъ продавать его по 1—1¹/₂ коп., то бабы все разбираютъ безъ остатка.

Самая старая и привычная форма сбыта—это продажа пріѣзжимъ скупщикамъ. Наѣзжаютъ они наибольше изъ Ични („литвинки“), изъ Канивецъ Золотоношскаго уѣзда, рѣдко изъ Переяслава (разъ въ два года), изъ Вороньковъ (душъ 2), Мелеховъ. Постоянныхъ горшковозовъ

*) Лохвицкая уцрава въ своемъ „Очеркѣ“ говоритъ о мѣновой торговлѣ, какъ о чемъ-то еще существующемъ и распространенномъ: „Среди кустарей существуетъ также и мѣновая торговля. Миски наполняютъ одинъ или два раза хлѣбомъ, смотря по цѣнѣ хлѣба. Особенно выгодно, если насыпается хлѣбомъ миска одинарка, стоящая 5 коп.“ (стр. 9).

въ Поставмукахъ нѣтъ, да и въ окружающихъ селахъ нѣтъ постоянныхъ,—это видъ случайнаго промысла. Только Иченцы болѣе постоянные; они забираютъ миски за деньги, а потомъ уже сами вымѣниваютъ ихъ у бабъ на валъ и коноплю. Въ Ичнѣ есть и свои гончары, но здѣшнія миски они предпочитаютъ и по качеству глины, и по поливѣ; повидимому, и узоры производятъ извѣстное впечатлѣніе. Бываетъ, что скупщикъ купитъ миски и уплатитъ деньги, а заберетъ только половину; остальную половину онъ довѣряетъ хозяину и является за нею потомъ; но если гончаръ дастъ скупщику больше мисокъ, чѣмъ тотъ заплатилъ денегъ, то уже „и пропало“! Это, конечно, маленькое преувеличеніе, а въ дѣйствительности довольно часты случаи, когда гончары стадаютъ въ долгъ скупщикамъ посуды рублей на 10 и дѣло оканчивается благополучно, хотя росписокъ никакихъ при этомъ гончары не берутъ. Лучшій сбытъ мисокъ—Спасовка и до Покрова, а если осень сухая, то и дальше. Если за это время не продашь, то уже трудно сбыть. Подъ грязь приходится отдавать прїѣзжимъ скупщикамъ дешевле—иногда даже по 4 р. 50 коп. за сотню—въ то время, какъ обычная цѣна сотни при продажѣ скупщикамъ въ осень 1898 г. стоила отъ 5 р. 50 к. до 6 р., а раньше и до 7—8 руб. Вообще до 1898 г. цѣны на миски значительно колебались въ зависимости отъ разныхъ причинъ: такъ, въ неурожайные годы спросъ замѣтно уменьшается и цѣны падаютъ; осенью, во время сбора податей, говоритъ С. А. Коренева, цѣны всегда падали. Въ 1898 году въ дѣло сбыта вмѣшалось новое важное обстоятельство, о которомъ скажемъ подробнѣе.

Какъ мы уже видѣли раньше, при описаніи другихъ промысловъ, вездѣ, гдѣ какой-либо промыселъ получаетъ замѣтное развитіе, появляются предпримчивые люди, понимающіе, что капиталомъ легче „зарабатывать“, чѣмъ непосредственнымъ участіемъ въ производствѣ, и такъ или иначе пытаются подойти къ промыслу съ цѣлью его капитализировать. Выгодность всякаго денежнаго оборота въ селѣ такъ велика, (какъ и въ Поставмукахъ, напр., гдѣ берутъ рубль барыша въ мѣсяць на взятые въ долгъ 5 руб.), что даже люди, у которыхъ скопляется на рукахъ нѣсколько свободныхъ рублей, пускаютъ ихъ въ оборотъ. Гончарный промыселъ въ Поставмукахъ давно привлекалъ вниманіе дѣловыхъ людей и не избѣжалъ общей участи. Еще раньше одинъ изъ мѣстныхъ гончаровъ, очень грамотный и хорошій мастеръ, по имени Осипъ Давидъ Карпенко, давалъ ссуды подъ готовые миски за большіе проценты и нажился. О немъ мы уже упоминали, какъ о хозяинѣ самаго большаго и благоустроеннаго горна въ селѣ, пытавшемся устроить небольшой гончарный заводъ съ наемными рабочими. Идея эта не привилась, такъ какъ, повидимому, нынѣшнее простонародное производ-

ство мисокъ не выдерживаетъ содержанія наемной рабочей силы—какъ потому, что гончару, какъ специалисту, котораго не замѣнить первый встрѣчный чернорабочій, надо заплатить больше, такъ и потому, что гончарное производство, разъ у человѣка есть своя хата, а горнъ можно нанять, не требуетъ большого основного или оборотнаго капитала. Поэтому Карпенко разсудилъ, что капиталомъ орудовать выгоднѣе, и отъ мысли о заводѣ, кажется, отсталъ.

Другой мѣстный предприимчивый человѣкъ Василій Пятецкій, по уличному Винниченко, прозванный такъ за какое-то отношеніе къ винокуренному дѣлу, занимается мелочною торговлею, для чего и держитъ лавочку, въ которой продаетъ соль, рыбу, муку, керосинъ, а также и плохой свинецъ, за который ему гончары не очень благодарны. Онъ также отъ времени до времени скупаётъ у гончаровъ миски, иногда за долъ ему, и самостоятельно сбываетъ ихъ. Однако сбытомъ поставмуцкихъ мисокъ между дѣломъ заниматься нельзя: полежавши съ недѣлю въ недостаточно сухомъ мѣстѣ, миски начинаютъ тускнѣть (свинцовая полива портится отъ сырости) и звукъ издають не такой ужъ звонкій,—товаръ понемногу обезцѣнивается. Поэтому и Пятецкій, больше занятый лавкой, крупныхъ операцій съ мисками предпринимать не можетъ.

Въ самое послѣднее время появился на поставмуцкомъ горизонтѣ житель сосѣдней деревни Потерюхи козакъ Михаилъ Митроф. Демченко, человѣкъ малограмотный. Женившись на мѣстной землевладѣлицѣ и получивъ около 366 дес. земли и до 40,000 руб. деньгами (по словамъ гончаровъ), онъ задумалъ взять въ свои руки сбытъ поставмуцкихъ мисокъ. Съ этою цѣлью онъ пригласилъ всѣхъ мѣстныхъ гончаровъ заключить съ нимъ контракты о приѣмѣ отъ нихъ всѣхъ наготовленныхъ мисокъ. На это приглашеніе отозвались 40 мастеровъ, съ которыми контракты и заключены. Приводимъ здѣсь одинъ изъ такихъ контрактовъ, заимствованный нами изъ книги сдѣлокъ и договоровъ Вороньковскаго волостного правленія. Документъ этотъ весьма полно отражаетъ, какъ техническую, такъ и коммерческую обстановку этого дѣла.

„1898 года, марта 17 дня. Мы, нижеподписавшіеся, такой-то волости, с. Поставмукъ, солдаты: Тим. Наум. Нѣмецъ и Вас. Ал. Можчиль, съ одной стороны, и такой-то Демченко—съ другой, заключили между собою настоящее условіе въ слѣдующемъ: 1-е) изъ насъ Нѣмецъ и Можчиль обязываемся произвести выдѣлку мисокъ (чашекъ) для М. М. Демченка въ теченіе одного года, съ 17 марта сего 1898 г. по 17-е марта будущаго 1899 года,—такихъ, какія мы теперь выдѣлываемъ, за цѣну по заключенному между нами сего числа договору—пять рублей

за каждую сотню, такую, какая у насъ теперь принята, т. е. постав-
лять въ сотню: двойника за два съ половиною, тройника за четыре,
четверика за два съ половиною и пятерика за одинъ десятокъ *); раз-
мѣръ мисокъ долженъ быть не менѣе: двойника $6\frac{1}{4}$ вершковъ, трой-
ника $5\frac{1}{2}$, четверика 5 и пятерика $4\frac{1}{2}$ вершка; опускать (красить, всѣ
миски по той-же формѣ, какая теперь вообще принята, т. е. цвѣтками,
для чего матеріаль долженъ быть по возможности доброкачественный,
а свинца на каждую сотню должно быть употреблено по 9 фунтовъ;
могущій оказаться при выпалкѣ недогаръ и перепаль, а также заправка
не поставляются для Демченка, а оставляется у насъ, съ правомъ про-
дажи и другому лицу; изготовленные нами миски должны находиться
у насъ, впредь до продажи оныхъ Демченкомъ, въ случаѣ-же до исте-
ченія установленнаго срока онѣ проданы не будутъ, то доставить тако-
вые къ Демченку и сложить по его указанію. 2-е) Я, Демченко, съ
своей стороны обязываюсь уплачивать Нѣмцу и Можчилю по 5 руб. за
каждую, вполнѣ и по вышеприведенному условію изготовленную, сотню
мисокъ въ теченіе 6 дней послѣ заявленія о томъ, что миски готовы;
если-же до истеченія этого срока уплаты денегъ не послѣдуетъ отъ
меня, Демченка, то это считается съ моей стороны неустойкой. Всѣ
могущія быть изготовленными къ 17 марта с. г. миски я обязываюсь
отъ нихъ, Нѣмца и Можчиля, принять по условленной цѣнѣ. 3-е) Мы,
Нѣмецъ и Можчиля, обязываемся исполнить принятія на себя условія
честно и во всемъ добросовѣстно, выдѣлываемыхъ нами мисокъ никому
другому въ обходъ настоящаго договора не продавать, хотя-бы цѣна
на оныя была объявляема пріѣзжими или мѣстными покупателями и
гораздо высшая, потому что, наоборотъ, если-бы цѣны на миски суще-
ствовали и дешевле, то отъ Демченка мы во всякое время получаемъ
разъ установленную плату, развѣ-бы онъ, Демченко, отъ своего лич-
наго усмотрѣнія самъ пожелалъ сдѣлать прибавку цѣны, что въ каж-
домъ случаѣ должно составлять исключеніе. 4-е) Условіе это должно
быть выполнено съ обѣихъ сторонъ свято и ненарушимо, въ случаѣ-же
нарушенія неисполнившая договора сторона должна уплатить неустойку
устоявшей—въ размѣрѣ 10 руб. Въ чемъ и подписываемся“.

Мы были въ самый разгаръ пріема, когда результаты затѣянной
операции еще не могли быть видны. Настроеніе у всѣхъ было скепти-
ческое: Демченку предсказывали неудачу. Первое время дѣла у него,
дѣйствительно, шли не бойко: уже во время нашего посѣщенія у гон-
чаровъ по сараямъ лежало 460 сотенъ мисокъ, принятыхъ Демченкомъ
по установленной платѣ (ждали саннаго пути); въ январѣ 1899 года

*) Это означаетъ, что въ сотню войдутъ 50 штукъ двойника, 120 шт. тройника, 100 шт. четве-
рика и 50 шт. пятерика, всего 320 штукъ. Смолъ выше о составѣ гончарской „сотни“.

запасъ дошелъ до 650 сотенъ, а къ маю достигъ 800 сотенъ, приче́мъ контрактъ не былъ возобновленъ и былъ такой моментъ, когда гончары снова стали покупать лошадей и самостоятельно развозить свои миски въ ожиданіи новыхъ пріѣзжихъ скупщиковъ. Причиною заминки, какъ говорятъ, было то, что вообще поставмуцкія миски не выдерживаютъ долгаго лежанья на складахъ и въ сырости: онѣ темнѣютъ и теряютъ звонъ сухой, только что выжженной, посуды. Скупщики, являясь за мисками въ Поставмуки и, съ одной стороны, предпочитая свѣжій товаръ гончаровъ, не вошедшихъ въ соглашеніе съ Демченкомъ, съ другой-же—относясь ревниво къ новому сильному конкурренту по скупкѣ Демченку, старались бойкотировать его миски. Но не выиграли и оставшіеся самостоятельными гончары: передъ ними постоянно угрозою стоялъ складъ Демченка, сначала выжидавшій лучшихъ цѣнъ, а потомъ, при накопленіи издѣлій, назначившій на миски минимальную цѣну—въ 5 р. 50 к. за сотню, всего на 50 коп. больше, чѣмъ самъ Демченко платилъ своимъ контрагентамъ согласно договору. Пріѣзжіе скупщики, ссылаясь на то, что они всегда у Демченка найдутъ сколько угодно товару по 5 р. 50 коп., стали и самостоятельнымъ гончарамъ предлагать эту цѣну. Такимъ образомъ цѣны на миски упали съ прежнихъ 6 р., 6 р. 50 к. и 7 р. до 5 р. 50 к. за сотню при продажѣ пріѣзжимъ скупщикамъ. (При самостоятельной развозкѣ, какъ мы видѣли, цѣны могутъ достигнуть и 8—9 р. за сотню).

Эта любопытная страничка изъ экономической жизни поставмуцкаго гончарства, впрочемъ, еще не закончилась. Демченка выручилъ постоянный широкой спросъ на миски. Какъ видно изъ послѣднихъ извѣстій, онъ успѣлъ выждать хорошія цѣны и распродать все запасы, а попутно, располагая возможностью поставлять безостановочно любое число мисокъ по заказамъ и организовавъ развозку, успѣлъ побить и нѣсколькихъ мелкихъ конкуррентовъ-скупщиковъ. Повидимому, онъ еще не складываетъ оружія и помышляетъ не только о расширеніи своихъ гончарныхъ операцій, но и о присоединеніи къ нимъ другой подобной же операціи—скупки кошиковъ. Чѣмъ-бы ни окончилась однако попытка М. Демченка капитализировать промыселъ, мы наглядно видимъ, какія серьезныя пертурбаціи можетъ вносить въ существованіе сотенъ гончарныхъ хозяйствъ сравнительно небольшой оборотный капиталъ въ нѣсколько тысячъ рублей. По свѣдѣніямъ, собраннымъ статистическимъ бюро черезъ 2 года послѣ нашего изслѣдованія, изъ 108 гончаровъ въ Поставмукахъ 96 работаютъ исключительно на скупщиковъ, а разъ число скупщиковъ постепенно сокращается и сводится къ очень немногимъ или одному, конкурренція уничтожается и промыселъ быстрыми шагами идетъ къ полному закабаленію, если на пути не станетъ созна-

тельное и сильное противодѣйствіе извнѣ—хотя-бы со стороны мѣстной интеллигенціи и земства.

Что заставило 40 гончаровъ войти въ договоръ съ Демченкомъ, если прїѣзжіе скупщики давали имъ дороже? На это они отвѣчали, что, обезпечивши себя контрактомъ, они уже располагаютъ свое время и трудъ спокойно, зная, что, сколько-бы они ни сдѣлали, они получаютъ свои пять рублей за сотню, тогда какъ при продажѣ скупщикамъ постоянно надо торговаться, беспокоиться, а иногда „подъ грязь“ спускать сотню и по 4 р. 50 к., разъ только явится скупщикъ въ подобный глухой для сбыта сезонъ бездорожья. Къ тому-же въ выдачѣ денегъ М. Демченко своихъ контрагентовъ не стѣснялъ и выдавалъ авансы еще до выпалки, если убѣждался, что въ сыромъ видѣ миска уже есть; остальное отдавалъ послѣ обжига. То, что готовыя миски лежали у гончаровъ, составляло не ихъ преимущество, а наоборотъ: миски—товаръ громоздкой и многіе тяготились, что у нихъ всѣ закулки завалены оплаченными, но не взятыми Демченкомъ мисками. Нѣкоторые и отъ договора съ Демченкомъ отказались, ссылаясь на то, что трудно прятать миски—много мѣста занимаютъ, и что онъ вычитаетъ потомъ за ломъ. Нѣкоторыхъ самъ Демченко не хотѣлъ принять, какъ недостаточно хорошихъ мастеровъ. Онъ говорилъ намъ, что каждый изъ договорившихся съ нимъ „смѣло“ сдѣлаетъ 30 сотенъ за годъ, а есть такіе, что сумѣютъ и до 50 сдѣлать. Очевидно, это были хорошіе мастера. Отчасти и пониженіе цѣнъ у гончаровъ, оставшихся внѣ соглашенія, зависѣло отъ качества ихъ работы,—по крайней мѣрѣ нѣкоторые изъ гончаровъ говорили, что 4 р. 50 коп. даютъ и тогда, когда работа не совсѣмъ чистая (а не только „подъ грязь“). Впрочемъ, экономическія причины здѣсь играли, несомнѣнно, преобладающую роль: вѣдь доходило до того, что самъ Демченко разрѣшалъ своимъ контрагентамъ, заплативши ему 5 р. 50 к. за сотню, т. е. минимальную плату, везти и самостоятельно продавать миски, гдѣ угодно. Нѣкоторые уже и продавали по 6 руб., такъ что ихъ выигрышъ заключался только въ томъ, что они получали 50 коп. „за фуру“, да мѣсто освобождали отъ склада мисокъ.

Мы выразились, что причиною паденія цѣнъ были главнымъ образомъ экономическія вліянія, но это не тѣ роковыя и почти непреодолимыя вліянія, какія мы отмѣчали, напр., въ сапожномъ производствѣ, дошедшемъ въ нѣкоторыхъ районахъ до перепроизводства, которое при устраненіи скупщичества вліяло-бы угнетающимъ образомъ на цѣны. Въ гончарствѣ этихъ стихійныхъ вліяній нѣтъ,—здѣсь дѣло значительно проще и сводится къ неправильной организаціи сбыта, усилившейся съ появленіемъ крупнаго скупщика. Собственно-же спросъ

на поставмүцкія миски не отстаютъ отъ производства. Еще П. А. Зарѣцкій говорилъ, что граница развозки мѣстныхъ мисокъ направляется изъ Поставмүкъ на Лохвицу, Ромны, Смѣлое и, обратно, на Засулье, Иваницу, Прилуки, Яготинъ, Вел. Хуторъ, Золотоношу, Еремѣевку, Хороль, Матяшевку до Поставмүкъ. Очерченный районъ представляетъ собою половину Полтавской губ., расположенную по лѣвую сторону отъ разрѣзывающей ее Ромны-Кременчугской желѣзно-дорожной линіи. Въ предѣлахъ этой черты миски идутъ еще въ Черниговскую губ. (черезъ Ичню) и Харьковскую (Лебединъ, Ахтырка, Сумы, Изюмъ); гдѣ, по словамъ отчета Лохв. куст. комитета за 1899 г., миски, благодаря своей дешевизнѣ, не даютъ распространяться Кузнецовскимъ фабричнымъ издѣліямъ. На югъ миски далеко не заходятъ,—по крайней мѣрѣ гончары, случайно заходившіе въ Екатеринославскую губ., встрѣчали тамъ миски изъ Опшны*). Препятствіемъ къ распространенію территоріи сбыта своихъ издѣлій мѣстные гончары считаютъ свою неприиспособленность къ желѣзно-дорожнымъ перевозкамъ; они увѣрены, что при помощи чугулки они нашли-бы такія мѣста, гдѣ имъ съ охотою платили-бы по 7—8 руб. за сотню; они, будто-бы, уже даже и знаютъ такія мѣста.

Слабую сторону гончарнаго промысла въ Поставмүкахъ составляетъ непригодность мѣстной глины къ изготовленію горшковъ и т. п. Не только прочіе жители, но и сами гончары принуждены покупать для своего домашняго обихода горшки частью у литвинковъ—изъ Ични, Понорницы и Вербы (Чернигов. губ.), а наибольше изъ Хомутца, Комышны и Поповки. Опозанцы сюда не завозятъ. Хотя подъ бокомъ есть м. Городище, но—„городищенскій горшокъ ничего не стоитъ, лучше его не покупать: „сырымъ дегтемъ намаже его, посыпте разъ и выпалое“.

Общее впечатлѣніе, вынесенное нами изъ распросовъ самихъ гончаровъ и мѣстныхъ свѣдущихъ лицъ, сходится съ тѣмъ, какое вынесъ и г. Зарѣцкій (стр. 123): дѣйствительно, сравнительно съ мастерами другихъ мѣсть гончарамъ, повидимому, живется недурно; но они, несомнѣнно, могли-бы жить и еще лучше, если-бы у нихъ былъ болѣе правильно, т. е. самостоятельно организованъ сбытъ. Большая разница: получить-ли за сотню мисокъ 5 или 7 руб., а въ этой разницѣ коренится и переплата на сырьѣ, и процентъ по кредиту, и долю скупщика. Появленіе скупщика Демченка очень упростило вычисленіе валоваго дохода гончаровъ: сколько сотенъ выпущено, столько и пяти-рублевокъ,

*) Любопытно, что когда гончаръ сталъ распрашивать опошнянскаго торговца о цѣнахъ на продаваемые имъ миски, тотъ ничего не сказалъ, опасаясь, чтобы онъ не узналъ всѣхъ его торговыхъ расчетовъ. Пашное проявленіе антагонизма классовыхъ интересовъ! Въ томъ-же отчетѣ кустарнаго комитета находимъ указаніе на то, что поставмүк. миски заходятъ въ Знаменку, Николаевъ и Каховку.

не считая маленькаго еще дохода отъ продажи брака на сосѣднемъ базарѣ въ Чернухахъ. У самостоятельныхъ гончаровъ, т. е. не вошедшихъ въ соглашеніе съ Демченкомъ, а продающихъ миски пріѣзжимъ скупщикамъ, заработокъ на сотнѣ будетъ выше копѣекъ на 50, на рубль, даже на 2 р. Хозяйство съ 2 хорошими гончарами, покупающее сырья на 60—70 руб. и выпускающее отъ 30 до 40 сотенъ мисокъ, получаетъ годовой доходъ при самостоятельной продажѣ отъ 120—170 р. (30 сот. \times 6 р.—60 р. на сырьѣ или 40 сот. \times 6—70 р. сырьѣ, а отъ Демченка оно заработаетъ лишь отъ 90 до 130 руб. (30 \times 5—60 или 40 \times 5—70). Хозяйство съ однимъ рабочимъ, выпускающее 15—20 сотенъ, получить заработка: при помощи Демченка—отъ 45 до 65 руб. (15 сот. \times 5—30 руб. сырьѣ или 20 \times 5—35), а при большей самостоятельности отъ 60 до 85 р. (15 \times 6—30 или 20 \times 6—35). Этотъ общій расчетъ совпадаетъ и съ тѣми показаніями, которыя мы получили при опросѣ; намъ говорили, что хорошій гончаръ выработаетъ за годъ 70 руб., наилучшій 80—90 руб., вычитая изъ валовой суммы расходъ на матеріаль и дрова, но не считая ни помѣщенія, ни кормовъ *). Косвенно эти цифры подтверждаются еще тѣмъ, что хорошему наемному рабочему гончару, какъ говорятъ, надо заплатить въ годъ 50—60 руб., а это уже не представляетъ большой выгоды для хозяина-нанимателя. Лохвицкая управа въ „Очеркѣ“ принимаетъ заработокъ гончара въ 100—180 руб., но ея цифры, повидимому, относятся ко времени, предшествовавшему появленію скупщика Демченка, или къ особенно урожайному году, когда цѣна на сотню держится около 7 рублей. Лохв. кустарный комитетъ въ отчетѣ за 1899 г. впадаетъ въ другую крайность, опредѣляя дневной заработокъ гончара въ 15 к. всего. Среднее производство гончара комитетъ принимаетъ въ 20 сотенъ, а если даже оцѣнить ихъ по 5 руб., то, за вычетомъ 40 руб. на сырьѣ, останется 60 р. за 150—200 рабочихъ дней, т. е. не менѣе, чѣмъ по 30 коп. въ день.—Въ рукописн. матеріалахъ Лохв. управы сдѣланъ такой расчетъ: за недѣлю дѣлаютъ 1 сотню, сырья идетъ на 2 р. 14 к., слѣдов. оплата одного дня равна отъ 30 до 60 к. при цѣнѣ сотни въ 4—6 р.

*) Вотъ нѣсколько записей о фактическихъ доходахъ отдѣльныхъ мастеровъ: 1) Андрей Ступка работаетъ одинъ, на сырьѣ тратитъ 29 р. 30 к., выпускаетъ 15 сотенъ, получаетъ отъ пріѣзжихъ скупщиковъ по 5 р.; заработокъ его 45 руб. 70 к.—2) Семень Ступка, работаетъ съ полурбочимъ, выпускаетъ 20 сотенъ, получаетъ по 7 р. 50 к. отъ Пченскихъ скупщиковъ, на сырьѣ тратитъ 40 р. 20 к., заработокъ 84 р. 80 к.—3) Вас. Пятецкій работаетъ съ полурбочимъ, выпускаетъ 20 сотенъ, сдаетъ Демченку по 5 р., на сырьѣ тратитъ 58 руб. 75 к., заработокъ 41 р. 25 к.—4) Григ. Воевода работаетъ вдвоемъ, 20 сотенъ, отъ Демченка по 5 р., сырьѣ 58 р., заработокъ 42 р.—5) Можчиля работ. вдвоемъ, 40 сотенъ, получаетъ 6 р., частью развозя самъ, частью отъ пріѣзжихъ скупщиковъ, на сырьѣ тратитъ 79 р. 80 к., заработокъ 160 р. 20 к.—6) Вас. Можчиля работаетъ вдвоемъ, 40 сотенъ, отъ Демченка по 5 руб., сырьѣ 63 руб. 90 к., заработокъ 136 р. 10 к.—Показанія Пятецкаго и Воеводы намъ кажутся умышленно уменьшенными въ смыслѣ дохода, потому что расходы показаны несоразмѣрно большими. Они скрыли minimum по 20 р. дохода, если сравнивать съ другими.

Расходъ на сырье мы принимали около 2 руб. на сотню по слѣд. расчету: на сотню идетъ свинца 9 фунт. на 72 коп. 6 фунтовъ побѣлу на 8 коп., $\frac{1}{6}$ фунта мѣди на 7 коп., дровъ $\frac{1}{8}$ — $\frac{1}{10}$ сажени на 1 р.— 1 р. 20 к., глины возъ на 10 коп. При работѣ въ большихъ размѣрахъ все это обходится, конечно, нѣсколько дешевле.

О примѣненіи кооперативнаго начала между гончарами намъ приходится сказать немного. Въ процессѣ производства, какъ говорятъ сами гончары, посторонняя помощь нужна мастеру только тогда, когда начинается обжиганіе издѣлій. Даже глину копаютъ каждый отдѣльно, такъ какъ она залегаетъ неглубоко. Больше всего общеніе выражается въ пользованіи горномъ. Последнимъ, дошедшимъ до насъ свѣдѣніемъ въ этомъ родѣ, было то, что 5 стариковъ-гончаровъ, затѣявши строить общій горнъ и, прослышавъ, что учебная мастерская также собирается устраивать горнъ улучшенной конструкции, приходили къ С. А. Кореневой и спрашивали, когда и какимъ способомъ будетъ устроено этотъ горнъ, чтобы и себѣ позаимствовать какое-нибудь улучшение. Очевидно, и довѣріе къ руководителямъ мастерской, и готовность заимствовать улучшения у гончаровъ уже есть, и они не представляютъ той косной и предубѣжденной среды, о которую разбиваются всѣ усилія; въ этомъ сказывается вліяніе мастерской, и если еще въ болѣе или менѣе близкомъ будущемъ состоится то артельное объединеніе гончаровъ, мысль о которомъ лѣтомъ 1898 г. была разработана С. А. Кореневой съ Ник. Вас. Левицкимъ и выразилась въ проектѣ устава артели гончаровъ, то обезпеченіе гончаровъ станетъ на прочную почву. Будемъ надѣяться, что послѣднія и лучшія страницы о положеніи гончарнаго промысла въ Поставмукахъ будутъ написаны въ свое время рукой С. А. Кореневой.

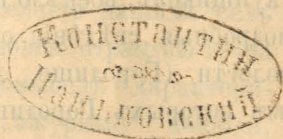
Объ отдѣльныхъ нуждахъ промысла мы говорили раньше: сюда входятъ какъ повышеніе техники гончарнаго производства (особенно, если окажется возможнымъ, изгнаніе губительно дѣйствующей на здоровье гончаровъ *) свинцовой поливы), такъ и заготовленіе сырья: сѣмка глинища, общая закупка лѣсныхъ дѣлянокъ, и измѣненіе способовъ сбыта, и наконецъ, организація доступнаго кредита. О послѣднемъ напомнимъ въ книгѣ „кустар. и ремесл. Полт. губ.“ **) слѣдующее замѣ-

*) Въ дѣлахъ Лохв. кустар. комитетъ за 1896 г. уже есть переписка по этому поводу съ П. А. Зарѣцкимъ, который рекомендовалъ замѣнить свинецъ свинцовымъ сурикомъ, который даетъ такую-же поливу, но обращеніе съ нимъ проще и уменьшаетъ необходимость вдыхать свинецъ. Сурикъ—это порошокъ годный въ дѣло: его не надо пережигать, молотъ и спускать (отмучивать). На заводахъ въ Москвѣ сурикъ стоитъ 2 р. 50 к. за пудъ, въ Полтавѣ 4 р. Но если онъ дороже на рубль, чѣмъ свинецъ, за то эта разниа покрывается экономіей топлива и времени для пережиганія.

**) Считаемъ нужнымъ оговориться здѣсь, что заключительное замѣчаніе о роли Поставмуцкой гончарной мастерской въ этой книгѣ (стр. 90), приписываемое намъ, совсѣмъ не отъ насъ исходитъ. Совершенно наоборотъ, мы придаемъ дѣятельности мастерской большое значеніе.

чаніе: „Кустари нуждаются въ деньгахъ особенно въ февралѣ и мартѣ, когда у нихъ не хватаетъ свинца и дровъ; покупателей тогда, по причинѣ бездорожья, бываетъ мало, предложеніе-же значительно увеличивается, почему товаръ продается въ эти мѣсяцы за безцѣнокъ“. Наконецъ, намъ хотѣлось-бы указать на одну общую мѣру, которая заключала-бы въ себѣ всѣ остальные или объединяла ихъ,—организацию въ Поставмукахъ гончарнаго цеха, или братства, или потребительнаго общества съ похоронной кассой, ссудо-сберегательной кассой и т. п., однимъ словомъ такого учрежденія, которое не выдѣляло-бы изъ среды гончаровъ болѣе толковыхъ, предприимчивыхъ, зажиточныхъ и вообще болѣе сильныхъ въ житейской борьбѣ, а по возможности охватывало всѣхъ гончаровъ, объединяло ихъ и каждому давало что-нибудь полезное.

Сами гончары, опрошенные объ ихъ главнѣйшихъ нуждахъ, сначала угрюмо отмалчивались, какъ будто чѣмъ-то недовольные или разочарованные; наконецъ, они заявили, что самое больное мѣсто у нихъ—снесеніе Горвицевской плотины, котораго они никакъ не добьются, не смотря на неоднократно заявленное земствамъ (губернскому и уѣздному) желаніе и на готовность понести для этого даже крупныя матеріальныя жертвы. Удовлетвореніе этой потребности, дѣйствительно, отразилось-бы на хозяйствахъ гончаровъ гораздо болѣе замѣтными результатами, чѣмъ всевозможныя улучшенія въ самомъ промыслѣ. и мы обязаны здѣсь констатировать это народное желаніе, хотя оно и выходитъ изъ тѣсныхъ предѣловъ нашей компетенціи.

III. Плетеніе кошелей изъ рогоза въ Вороньковской волости.

Центромъ кошельковаго промысла въ Лохвицкомъ уѣздѣ является Вороньковская волость, въ частности поселенія: Городище, Лѣсовая-Слободка и Поставмуки съ Потерюхами; понемногу въ той-же волости занимаются кошелями еще въ Загребельи, Воронькахъ и Мелехахъ; въ сосѣдней Чернухской волости промыселъ этотъ встрѣчается въ незначительныхъ размѣрахъ въ Сухоносовкѣ, Козловкѣ и Позникахъ. За-то въ соприкасающихся волостяхъ Лубенскаго уѣзда—Тарандицевской (Хелебцы и Калайдинцы), Тимковской (Крутой-Берегъ, Хитцы, Бѣвцы и Лучники) и Денисовской (Засулье)—промыселъ этотъ снова представляетъ собою выдающееся явленіе мѣстной кустарно-промышленной жизни. Весь этотъ районъ, раздѣленный въ административномъ отношеніи между разными волостями и уѣздами, въ географическомъ смыслѣ представляетъ рядъ поселеній, расположенныхъ въ болотистыхъ мѣстахъ, покрытыхъ болотною растительностью, необходимою въ промыслѣ, — въ экономическомъ-же отношеніи объединенъ властью нѣсколькихъ скупщиковъ, всецѣло господствующихъ надъ производствомъ. Мы имѣемъ подробныя свѣдѣнія о трехъ важнѣйшихъ поселеніяхъ Вороньковской волости (Городище, Лѣсовая-Слободка и Поставмуки съ Потерюхами), изъ которыхъ Городище слыветъ между кустарями „столицею“. Какъ по искусству своихъ мастеровъ, такъ и потому, что городищенскіе базары и скупщики служатъ центромъ, черезъ который обязательно должно пройти все производство сосѣднихъ поселеній.

Описываемый промыселъ, благодаря несложности техники и при наличности сырого матеріала, способенъ, подобно плетенію сѣтей, чуть не эпидемически охватывать мѣстное населеніе и въ короткое время развиваться до крайнихъ возможныхъ предѣловъ; затѣмъ такъ-же быстро онъ можетъ и упасть, въ зависимости отъ хищническаго уничтоженія болотной растительности, и въ этомъ отношеніи онъ менѣе устойчивъ, чѣмъ плетеніе сѣтей, опирающееся на матеріаль, добываемый повсюду въ большихъ и постоянныхъ количествахъ (конопля). Эти особенности промысла накладываютъ отпечатокъ и на его исторію.

Собственно промыселъ существуетъ еще „съ дѣдовъ“, какъ говорятъ кустари, но дѣды плели только большія корзины, такъ называе-

мые „кошки“, въ которыхъ бабы носятъ молоко въ городъ или картошку на базарь,—въ этомъ смыслѣ промыселъ считался подгороднимъ. Но затѣмъ, будто-бы, въ Лѣсовой-Слободкѣ, лѣтъ 15 тому назадъ, Лука Карасенко „самъ выдумалъ“ плести кошели (т. е. плетенныя плоскія коробки значительно меньшей величины, чѣмъ кошки), и тайно ткалъ ихъ, скрываясь отъ всѣхъ, а затѣмъ сбывалъ скупщику Цымбалу по 35 коп., который въ свою очередь сбывалъ ихъ куда-то въ городъ (въ Кіевъ) по 70 коп. штуку. „Стали примічать, що вінъ вышивае и угощае, доглядылись—ажъ до Хведіра Цымбала возыть, то й почалы роспытуваться, якъ воно и що воно. Теперъ и съ хазяіномъ выпешь пивкварты, вінъ все-те й прокаже. Оттакъ одно по одному и вывчились“. Изъ Лѣсовой-Слободки раньше промыселъ занесенъ былъ въ Городище, такъ какъ онъ не могъ миновать мѣстнаго базара, а затѣмъ, „черезъ пріймаківъ“ перешелъ и въ Поставмуки съ Потерюхами (черезъ Сиротенка, Соляника и Глушка изъ Слободки и черезъ Мих. Щербаня изъ Калайдинцевъ). Полное развитіе промыселъ получилъ въ Городищѣ и Поставмукахъ, будто-бы, всего лѣтъ 5 назадъ (т. е. въ 1890—1892 гг.). Подтверждающее указаніе имѣемъ у В. И. Василенка, который въ 1884 году отмѣтилъ плетеніе кошелей только въ Лѣсовой-Слободкѣ (у 13 хозяевъ) и въ Городищѣ (4 хоз.). Теперъ, по свѣдѣніямъ статист. бюро за 1900 годъ, только въ 3 названныхъ поселеніяхъ заняты промысломъ въ 257 хозяйствахъ 633 человекъ. Такое развитіе промысла, помимо общедоступности его (это по преимуществу дѣтскій промыселъ), объясняется еще и тѣмъ, съ какимъ рвеніемъ населеніе нашихъ сель набрасывается на всякую возможность пополнить новую отраслью труда свои бюджетныя прорѣхи. Въ послѣдніе годы промыселъ характеризуется исканіемъ новыхъ путей: выдѣлываются „ажурные“ кошели, кошели для ношенія школярами книгъ въ школу, плетутся маты для половъ и стѣнъ и т. д. Главное движеніе въ этомъ направленіи замѣтно въ м. Городищѣ, гдѣ живетъ извѣстный на всю округу мастеръ Мих. Власенко.

Несмотря на то, что плетеніе кошелей давало и даетъ весьма серьезное подспорье мѣстному населенію, на него смотрять, какъ на нѣчто не серьезное, второстепенное. Гораздо болѣе заинтересованы они земледѣльческимъ хозяйствомъ: мечтаютъ о томъ, какъ Горвиць спустить воду (уничтожить затопляющую 9 сель плотину въ Городищѣ) и земля высохнетъ, слѣдствіемъ чего „кошкѣ не буде, за те буде сіно“, мастера замѣчаютъ, что плетеніе кошелей—„це таке частне, не заробітне,—дневне пропитаніе“, что его и жалѣтъ нечего, если оно прекратится.

Объ отношеніи промысла къ землѣ заимствуетъ слѣд. данныя изъ книги „Кустари и ремесл. Полтавской губ. въ 1900 году“.

Перечень поселеній.	Группы по землевладѣнію.					И Т О Г О .		Изъ общаго числа хоз.		
	Безземельныхъ,	Имѣющ. до 1 дес.	Отъ 1 дес. до 3 дес.	Отъ 3 до 6 дес.	Свыше 6 дес.	Всѣхъ хозяйствъ.	Въ нихъ плетутъ кошели.	Занимались хлѣбопашеств.	Не занимались хлѣбопашеств.	
Городище	число . .	3	44	55	51	9	162	335	100	62
	въ 0/0-ахъ	1,9	27,2	34,0	31,5	5,5	100,0	—	61,7	38,3
Лѣсовая-Слободка	число . .	14	6	19	18	4	61	224	25	36
	въ 0/0-ахъ	23,0	9,8	31,1	29,5	6,6	100,0	—	41,0	59,0
Поставуки	число . .	7	—	4	7	3	21	49	6	15
	въ 0/0-ахъ	33,3	—	19,0	33,3	14,4	100,0	—	28,6	71,4
Потерюхи	число . .	—	—	9	4	—	13	25	5	8
	въ 0/0-ахъ	—	—	69,2	30,8	—	100,0	—	38,5	61,5
ИТОГО	число . .	24	50	87	80	16	257	633	136	121
	въ 0/0 ахъ	9,3	19,5	33,9	31,1	6,2	100,0	—	53,0	47,0

Мы приняли эти цифры, какъ болѣе позднія, т. е. близкія къ настоящему времени, и въ общемъ совпадающія съ тѣми свѣдѣніями, которыя доставлены были намъ изъ волости и добыты при личномъ опросѣ (напр., въ Лѣсовой-Слободкѣ). Считаемъ нужнымъ лишь оговориться о значеніи терминовъ „занимающійся хлѣбопашествомъ“ и „не занимающійся“ имъ. Этихъ терминовъ нельзя понимать безусловно, т. е. такъ, что, будто-бы, незанимающійся такъ-таки ужъ и не берется никогда ни за плугъ, ни за серпъ или косу: „не занимающійся“—это только не ведущій собственнаго земледѣльческаго хозяйства по отсутствію достаточнаго количества земли, что не мѣшаетъ ему работать на чужой землѣ. Иначе можно было-бы получить ошибочное представленіе, что почти половина хозяйствъ, въ которыхъ отмѣчено плетение кошелъ (47%), только отъ этихъ кошелъ и живутъ. Цифрамъ въ этомъ случаѣ даютъ освѣщеніе живыя, обобщающія показанія самихъ мастеровъ, данныя намъ при общихъ опросахъ въ каждомъ изъ названныхъ трехъ поселеній. Вотъ что говорили они намъ:

Въ Лѣсовой-Слободкѣ, гдѣ промыселъ укоренился раньше всего и наиболѣе развитъ (отсюда выпускается половина всего того количества кошелъ, которое производится въ цѣлой Вороньковской волости),—

здѣсь, дѣйствительно, дворовъ до 50 „съ кошелькѣвъ тѣльки й живутъ“. Мастера считали, что всѣхъ занимавшихся кошелями дворовъ около 70, а не занимавшихся всего около 5. Пройдя съ кустарями поименованный списокъ хозяевъ д. Лѣсовой-Слободки, мы въ немъ отмѣтили въ числѣ 75 домохозяевъ: одного дворянина-землевладѣльца Д. И. Пудичева съ 183 дес. земли, трехъ собирателей и скупщиковъ кошелей (земли у нихъ 15 дес., 4 дес. и 3 дес.), причемъ одинъ изъ нихъ бондарь; есть еще бондарь, имѣющій маслобойку; 2 портныхъ и одинъ изъ нихъ держитъ 2 подмастерьевъ; 2 гончара *); 1 кузнецъ; 2 пасѣчника, изъ которыхъ одинъ имѣетъ 100 колодъ пчель, другой владѣетъ 50 дес., сдаетъ ихъ въ аренду; 7 хоз. считаются ушедшими на заработки или на службу въ другія села; наконецъ, у 6 хоз. показано, кромѣ хлѣбопашества, еще и занятіе табаководствомъ, причемъ четверо отводятъ подъ табакъ по 1½ дес., а двое по ½ десятины. Огородничествомъ занимаются не больше 10 грунтовъ хорошихъ, а то—песокъ. Еще собираютъ „малость“ лѣкарственныхъ травъ (липовый цвѣтъ, бузина и др.), но и это уже запрещается—„бо толочуть траву“. Овецъ нѣтъ: за паскою иди „ажъ у Лубны шукать, щобъ купить“. Вотъ и всѣ занятія жителей Лѣсовой-Слободки, причемъ въ семьяхъ перечисленныхъ хозяевъ есть и плетущіе кошели; прочіе-же главнымъ занятіемъ имѣютъ плетеніе кошелей. И все-таки только дворовъ 15 не занимаются полевыми работами ни на своей, ни на чужой землѣ. „Якъ е земля, то самъ обробля.—другому не віддасть ради кошелькѣвъ, тѣльки нема де її взяти“: опека сиротскихъ нѣтъ, экономіи земли не сдаютъ въ аренду; вокругъ земли Горвицевъ, которыя обрабатываются годовыми работами,—у нихъ только лѣсная земля „гуляе“, остальная подъ запалкою. Свой хлѣбъ, непокупной, ѣдятъ всего хозяевъ 15, въ томъ числѣ съ 10 плетущихъ кошели. Дворовъ 10 имѣютъ наймытовъ годовыхъ—„коло хлѣба и табакѣвъ“, Какъ-же, спрашивается, существовала раньше Лѣсовая-Слободка? На это намъ отвѣчали, что кошельками стали заниматься лѣтъ 15 назадъ и только лѣтъ десять, какъ стали „здорово“ работать. До этого работали по экономіямъ и на дальнихъ заработкахъ, иные „фурую занимались,—теперь машина, фура уничтожилась“; раньше и табакомъ больше занимались, а теперь упала цѣна и табакъ замѣнили картошкой—„бо сімья побільшала“. Прежде и дома мало сидѣли, теперь кошельки больше держатъ народъ на мѣстѣ; теперь такъ: если пойдешь на заработки, то рогозу не успѣешь заготовить,—поэтому въ заработки посылаютъ тѣ, у кого есть подростки въ семьѣ **).

*) Здѣшніе гончары занимаются своимъ промысломъ только лѣтомъ, зимою-же берутся за кошели: „Убереть глину, тогда для отдыха берется за кошели“. Совмѣстить эти оба промысла одновременно въ одной хатѣ трудно—отбросы кошелей попадали-бы въ глину, и наоборотъ.

**) Заробічане приносятъ 30—40—45 руб. Въ послѣдній годъ изъ „парубчіковъ“ ходили трое, принесли по 35 р., а дѣвчатъ 3 или 4 пошли, такъ тамъ и остался—„заміжъ“ вышли (?).

Итакъ, промыселъ оказалъ задерживающее вліяніе на экономическое разложеніе деревни,—онъ снова прикрѣпилъ на нѣкоторое время населеніе къ имѣющимся клочкамъ земли и усадьбы. На долго-ли однако? Какъ мы увидимъ дальше, весь промыселъ основанъ на добываньи сырья, и если сырье истощится или станетъ очень дорого, Лѣсовая-Слободка снова принуждена будетъ забыть о своихъ лѣсахъ и болотахъ и разбѣжаться во всѣ стороны. На нашъ вопросъ о главныхъ нуждахъ промысла и вообще мѣстнаго населенія намъ о кошеляхъ никто и не заикнулся: прежде всего вздохнули о Горвицевской плотинѣ, а затѣмъ кто-то выразилъ пожеланіе: „лучше-бъ усега, якъ-бы панъ построивъ сахарный заводъ,—то буряки робили-бъ“.

Сообразно существующей степени развитія мѣстной земледѣльческой и промысловой жизни, потребленіе предметовъ домашняго обихода, изготовляемыхъ кустарнымъ способомъ, въ Лѣсовой-Слободкѣ выражается такъ. Смужковья шапки покупаются на базарахъ въ Городицѣ или въ Лубнахъ, куда ближе зимою; картузы покупаютъ на ярмаркѣ „десятухѣ“ возлѣ Криницы (у Еньковцевъ Лубенскаго уѣзда). Кожухи чинятъ въ Мелехахъ и Воронькахъ наѣзжіе „русскі“; есть одинъ плохой мастеръ и въ Поставмукахъ. О достоинствахъ мѣстной выдѣлки овчинъ рассказывали слѣдующее: однажды, будто-бы, ходили рвать рогузъ на болото въ дождь,—вышли въ куцыхъ кожухахъ, а вернулись въ такихъ, что по пятамъ трепались, до того „раскисла“ кожа. Лавочный товаръ на чумарки, корсетки, сподницы и пр. забираютъ больше въ Чернухскихъ лавкахъ, какъ отвезутъ табакъ, частью въ Городицѣ и Лубнахъ. Рубахи—изъ своихъ холстовъ, изъ лавочнаго рѣдко—„бо страшно поміжъ куцами лазить“. Штаны—выбойка изъ Вороньковъ. Суконъ почти не дѣлаютъ за отсутствіемъ овецъ; кто дѣлаетъ, отправляютъ валить въ Тишки и Луку; покупныхъ-же больше всего набираютъ на ярмаркахъ въ Сенчѣ и Лохвицѣ. На мѣстные ярмарки только скотину гонять (Чернухи). Плахть уже не носятъ, запасокъ мало—„бо овецъ немає“. Сапожниковъ своихъ нѣтъ, а потому сюда и въ Поставмуки заходятъ на зиму мастера изъ Ични. Свои 2 гончара дѣлаютъ только миски,—глину они берутъ въ томъ-же мѣстѣ, гдѣ и поставмуцкіе. Свои 2 бондаря дѣлаютъ только починки, а новую посуду покупаютъ на ярмаркахъ. Вozy и сани для себя и сосѣдей могутъ сдѣлать до 10 хозяевъ Лѣсовой-Слободки, но на продажу они не работаютъ. Есть одинъ, что и колеса дѣлаетъ, но гнуть ободья онъ отправляется въ Лучники, такъ какъ въ Слободкѣ нѣтъ парни. Вѣялки и плуги у всѣхъ желѣзные; деревяннаго плуга въ Слободкѣ нѣтъ ни одного; покупаютъ въ земскихъ складахъ въ Лохвицѣ и Пирятинѣ, а также и въ Чернухахъ, за наличныя деньги. Скатертей мѣстные ткачи

дѣлать не умѣютъ, также какъ и бумажныхъ рушниковъ,—все это закупаютъ на ярмаркѣ около Кринички. Веревки, рядна—свои. Гребни приносятъ изъ Рашевки и Хитцовъ на базары въ Городище. Сбруя—въ лавкахъ. Оконныя рамы покупаютъ на Воздвиженской ярмаркѣ въ Воронькахъ и заказываютъ въ Поставмукахъ, гдѣ есть 4 оконщика. Деготь берутъ въ Чернухахъ, а иногда и сюда завозятъ Курскіе и Черниговскіе продавцы. Наибольшее значеніе для жителей при сбытѣ кошелей имѣютъ базары въ Городищѣ, на Чернухскихъ продаютъ капусту, бураки, табакъ. Самые важныя ярмарки—въ Чернухахъ (на Похвальную, на Пречистую первую, на Троицу, Казанскую и на Николая зимою), а также въ Лохвицѣ, Лубнахъ и Пирятинѣ.

Объ условіяхъ земледѣльческой и промысловой жизни въ с. Поставмукахъ уже говорилось въ главѣ о тамошнихъ гончарахъ. Что касается собственно плетущихъ кошелей, то о нихъ остается прибавить немного. Во время нашего опроса между кошельниками было только трое безземельныхъ (кажется, все пріймаки), и хотя всѣ остальные располагали землею, но имѣли очень небольшіе участки, такъ что ни одинъ изъ нихъ не имѣлъ хлѣба съ своей земли на цѣлый годъ. Промыселъ появился въ селѣ весьма недавно, лѣтъ около 5 всего, а колебанія цѣнъ и операціи скупщиковъ уже показали нѣкоторую шаткость его, такъ что между жителями еще не установилось, повидимому, опредѣленнаго отношенія къ плетенію кошелей. Кажется, главную привлекательность промысла составляетъ то, что въ немъ можно привлечь къ эксплуатаціи дѣтскую силу, которая въ гончарствѣ, напр., не можетъ еще быть такъ рано использована, какъ здѣсь. На опросѣ молодежь перекорялась со стариками; старики говорили: „съ саміхъ кошиківъ не істыме хлѣба ніхто,—треба літомъ хочъ за сѣмый сніпъ, або за 4-ту, чи 5-ту копыцю сіна ставать помолотыть,—сытый не будешъ, съ голоду не здохнешъ,—такъ и живемо! Якъ-бы десятинъ 5; то западысь ты все! Хоча-бъ по десятиниці у кожну руку, и то-бъ ще добре! А то більшь півъ-упруга, упругъ... А що кошелі, то це все пусте.—мабутъ и безъ сего обійдемось, адже батьки наши безъ цего жили якось!“ Молодежь спорила и доказывала, что теперь земли меньше и тѣснѣй стало жить, слѣдовательно—надо чого-то искать новаго. Старики скептически усмѣхаются. а може ще було тїснїше!—Повидимому, всѣхъ смущаетъ, что движеніе промысла идетъ скачками, очень быстро: мелькнула было возможность хорошаго заработка,—не успѣли научиться,—какъ уже цѣны упали! Тѣмъ не менѣе намъ указали 8 такихъ хозяевъ, которые только на промыселъ и „надіються“ и располагаютъ свой рабочій годъ (заготовку матеріала и пр.) такъ, чтобы работу можно было вести безостановочно. О маломъ еще развитіи промысла свидѣтельствуетъ и то, что

здѣсь еще не знаютъ разныхъ усовершенствованій техники: ажурныхъ или „рѣшотчатыхъ“ кошелей и т. п.; общають скоро научиться и, вѣроятно, до сихъ поръ уже научилсь, благодаря существованію кошиковязальной школы Н. А. Кореновой. Въ числѣ хозяйствъ, занимающихся кошелями, есть 4—5 такихъ, которыя ежегодно высылають молодежь на дальніе заработки (чего, напр., между гончарами не бываетъ): получаютъ тамъ по 50—60 р. за 3 мѣсяца работы, но случается и хуже. Очевидно, въ общей экономикѣ села Поставмукъ съ д. Потерюхами кошельный промыселъ играетъ совсѣмъ третъестепенную роль и поддерживаетъ сравнительно не большое число ослабѣвшихъ хозяйствъ.

Въ Городищѣ, какъ мы уже видѣли, къ промыслу относятся безъ особаго уваженія и съ удовольствіемъ промѣняли-бы нынѣшнія заболоченныя мѣста, заросшія рогозомъ, на сухіе сѣнокосы, которые съ удаленіемъ Горвицевской плотины могли-бы тамъ образоваться. Землю Городище обезпечено слабо: гордо высящійся надъ тонущимъ въ низинѣ мѣстечкомъ замокъ Горвицевъ сдаетъ въ аренду всего десятинъ 15 „бугровъ“ и то лишь подъ картошку, съ платой по 20 р. за десятину, а больше земли достать негдѣ. Поэтому многимъ приходится уходить на дальніе заработки,—дворовъ изъ 50 ежегодно идутъ парубки; уходятъ и дѣвчата, но тѣ больше на табаки. Кошельковый промыселъ развился здѣсь весьма быстро: лѣтъ 5 назадъ (1892 г.) было дворовъ 10, года 3 назадъ около 50, а въ 1900 г. уже 162 двора, въ составѣ которыхъ находилось 335 рабочихъ рукъ, преимущественно дѣтскихъ, такъ какъ подростки обыкновенно стремятся уже въ дальніе или ближніе заработки; остаются на кошеляхъ только тѣ, кто ни на что больше не годенъ. Вообще промыселъ не приобрѣлъ еще характера постояннаго, устойчиваго,—тѣмъ болѣе, что онъ и не сулитъ много. Примѣромъ служить лучшій на всю округу мастеръ Михаилъ Власенко, получившій похвальный листъ на Нижегородской выставкѣ и имѣющій постоянные заказы отъ Лохвицкихъ земства и сельско-хозяйств. общества. Онъ безземельный и живетъ только съ промысла (съ семьей изъ 4 душъ). Оказывается, что промыселъ даетъ ему такъ мало, что онъ не соберется купить коня, а для кошельковаго мастера конь—дѣло очень важное; такъ какъ необходимо постоянно развѣзжать въ поискахъ матеріала, чтобы не переплачивать за привозимый рогозъ. Власенко пользуется кредитомъ,—ему даютъ рогозу въ долгъ рублей на 10, но это только потому что „прошла слава, що вінъ на земство робить“, а если-бы вышелъ съ кошелями на базаръ, какъ другіе, то и кредиту, говорятъ, былъ-бы конецъ. Таково значеніе промысла для лицъ, занимающихся имъ исключительно, въ обычномъ-же крестьянскомъ хозяйствѣ онъ

имѣть совершенно второстепенное значеніе, развиваясь преимущественно въ тѣхъ дворахъ, гдѣ имѣется лошадь, да много подростковъ. Безземельный-же и малоземельный хоть на чужой землѣ, хоть на заработкахъ получить больше, чѣмъ отъ кошелей.

Итакъ, изъ трехъ названныхъ поселеній наибольшее значеніе имѣетъ промыселъ для Лѣсовой-Слободки, наименьшее для Поставмукъ; собственно-же техника производства наилучше поставлена въ Городищѣ, которое и по числу рабочихъ рукъ въ промыслѣ стоитъ на первомъ мѣстѣ *).

Не смотря на близость разстояній, не всѣ селенія одинаково свѣдущи въ кошельковомъ дѣлѣ. Поставмуки еще только собираются перенять новые виды кошелей; Лѣсовая-Слободка, имѣющая наиболѣе установившійся сбытъ (черезъ скупщиковъ), специализировалась на одномъ видѣ кошелей, болѣе ходкомъ на рынкѣ; наконецъ, Городище, благодаря связямъ Власенка съ земствомъ, пытается прокладывать въ производствѣ новые пути. Поэтому мы начнемъ съ Городища обзоръ того, какія именно издѣлія кошельковаго промысла существуютъ и для чего употребляются. Здѣсь важна дѣятельность Власенка, который впоследствии былъ избранъ въ учителя кошиковязальной мастерской Лохвицкаго кустарнаго комитета въ Городищѣ.

Кошки надо различать отъ кошелей или кошельковъ: первые преимущественно идутъ въ подгородныя села, бабы въ нихъ носятъ кувшины съ молокомъ, картошку и т. п. Называются они „рогатыми кошечками“ или „молочницами“ на нихъ существуетъ только мѣстный спросъ и потому ихъ дѣлаютъ едва-ли десятую часть противъ числа кошелей, завоевавшихъ себѣ самый широкій сбытъ чуть не во всѣхъ городахъ Россіи. Въ Городищѣ говорятъ, что у нихъ за весь годъ не болѣе 500 кошиковъ поступаютъ въ продажу, тогда какъ кошельковъ вывози хоть 5000 на субботній базаръ, всѣ будутъ скуплены. Кошечками „молочницами“ занимаются въ Городищѣ двое, въ Лѣс.-Слободкѣ четверо и въ Поставмукахъ 2 или 3. Кошельки бываютъ разныхъ размѣровъ: самые маленькіе—на 18 основинахъ для дѣтскихъ „играшекъ“; на 20—24 основинахъ употребляются школярами для ношенія книгъ въ школу (требуются до Рождества, а потомъ цѣна на нихъ падаетъ); кошель на 28 основинахъ считается среднимъ по величинѣ, а самые большіе—на 30, 32 и 34 основинахъ. Выразить разные размѣры кошелей въ мѣрахъ длины трудно, такъ какъ основины могутъ быть гуще и рѣже расположены,—все зависитъ отъ густоты „ляды“. Въ Городищѣ Мих. Власенко распространяетъ разновидность

*) Лѣс.-Слободка пыталась дѣлать половики—„здорові маткі“, да „нема ращоту“: половики стоятъ 30 коп., а въ немъ 2 1/2 арш. длины и 3/4 арш. ширины „хочъ-бы почалы зъ его кобеняки робить,—щутилъ одинъ,—я вже пробувавъ обпинатися, дакъ по ему дощъ тильки допотытъ, а не мокро!“

кошелей—ажурные или, по мѣстному, рѣшетчатые—двухъ узоровъ; въ нихъ стѣнки не сплошь затканы, какъ въ простыхъ, а представляютъ нѣчто вродѣ кружева. Дѣти такихъ кошелей плести не могутъ, поэтому они дороже; дѣлаются они четырехъ размѣровъ и вкладываются одинъ въ другой. Въ Городищѣ во время нашего изслѣдованія ажурные кошели дѣлались только четырьмя мастерами, въ Лѣсовой-Слободкѣ двумя (Илья Ковтунъ и Родіонъ Можчиль), въ Поставмукахъ только однимъ (Фил. Ступка). Ажурный кошель представляетъ предметъ болѣе изящнаго вкуса и, какъ таковой и притомъ болѣе дорогой, не имѣетъ такого распространенія, какъ простой *). По заказу сел.-хоз. общества и скупщика Цымбала, двое въ Городищѣ дѣлаютъ „чемоцаны“ или ранцы—двухъ сортовъ и четырехъ размѣровъ, вкладные. Тѣ-же двое (въ томъ числѣ и М. Власенко) дѣлаютъ еще крупныя корзины четырехъ размѣровъ, также вкладныя. Въ Лѣсовой-Слободкѣ дѣлаютъ, (но не болѣе 50 штукъ за годъ) большіе кошики, вродѣ молочныхъ, въ 5 четвертей длины и въ $\frac{1}{2}$ аршина высоты, на 34—36 основинахъ, вмѣстимостью на 3 пуда зерна; дѣлаютъ ихъ мало, такъ какъ для нихъ надо имѣть длинный рогозъ въ 6 четвертей и нуженъ высокій верстать, сбываютъ ихъ на хутора и въ Хороль—„нелегко ихъ и сбывать“. Наконецъ, М. Власенко въ Городищѣ пробовалъ дѣлать маты на двери, когда рогозъ былъ свой и стоилъ до 30—50 коп., а теперь, когда надо по $1\frac{1}{2}$ руб. матеріалу—„широкаго рогізу“, то нѣтъ никакого расчета дѣлать ихъ. Впрочемъ, онъ и раньше сдѣлалъ ихъ всего нѣсколько штукъ и то не для продажи. Этими видами издѣлій исчерпывается все разнообразіе производства изъ рогоза. Нѣкоторые бывалые мастера говорятъ, что ихъ кошели по достоинству уступаютъ Нѣжинскимъ, у которыхъ основа дѣлается на шворкѣ, а ручка изъ лыка—липовая, что придаетъ имъ большую крѣпость (стоятъ они, будто-бы, на мѣстѣ всего 6—7 коп. за штуку). Въ Лѣсовой-Слободкѣ чистотою работы (отдѣлкой ручекъ и пр.) славится Василій Соляникъ; его кошели всегда въ большомъ спросѣ и дома, и въ Городищѣ. Но вообще кошели такъ однообразны, что если изъ всѣхъ селъ „наскидать“ вмѣстѣ кошелей, то никто не отличить работы одного села отъ работы другого. Мих. Власенко хотѣлъ ввести еще что-либо новое въ производство изъ рогоза и пытался дѣлать корзинки по рисунку, присланному изъ земства; попытка не удалась, такъ какъ оказалось невозможно „выкрутить рогізь, якъ дротъ,—хиба у кузнѣ закажуи такі залізни колечки, щобъ держали хворму“. Отъ М. Власенка „пішла уся наука на Козлахъ (предмѣстїи Горо-

*) На вопросъ, отчего такъ мало умѣютъ плести ажурные кошели, намъ въ Поставмукахъ отвѣчали: „Ось незабаромъ и мы вивчимось. Воно якъ-бы не таке заморочливе, то вже доси навчились-бы. Пилип Ступка у Власенка три дни вчився, та ще дома штукъ 5 спортивъ (вирочемъ, всунувъ въ средину и спустилъ); навчили сваты,—выпили зъ імъ півкварты горілки“.

дища“), и теперь тамъ работаютъ лучшіе мастера, все его ученики: Дм. Канивецъ, Дем. Власенко, Филимонъ Олейникъ и Максимъ Ористъ. Плетеньемъ изъ соломы никто не занимается, отговариваясь тѣмъ, что у нихъ и такъ хлѣба мало, а тутъ пришлось-бы срывать зеленую еще соломѣ; но очевидно, что если ажурные кошели не создаютъ большого спроса на рабочія руки, то тѣмъ рискованнѣе было-бы въ глуши болотъ и вдали отъ центровъ взятыя за изготовленіе дорогихъ бездѣлушекъ, сбытъ которыхъ находится въ зависимости отъ всѣхъ капризовъ моды.

Существенную роль въ кошельковомъ производствѣ играетъ все возрастающая трудность добыванія матеріала. Начало промысла положено было обиліемъ рогоза въ описываемомъ районѣ, но хищническое истребленіе рогоза на мѣстѣ производства ведетъ къ тому, что за нимъ приходится пускаться въ дальніе разѣзды, а это обстоятельство приводитъ къ тому, что промысломъ вскорѣ въ состояніи будутъ заниматься лишь тѣ, кто имѣетъ лошадь для разѣздовъ, т. е. болѣе устойчивыя крестьянскія хозяйства *). „Рогізъ“ идетъ и на основу, и на потканье, такъ что кошель почти всегда сплошь изъ одного рогоза. Запасаютъ его съ августа по октябрь, а если хорошая погода держится, то и весь октябрь. Будучи сорванъ въ августѣ, рогозъ имѣетъ еще зеленый цвѣтъ и его часто прячутъ на горищѣ, чтобы онъ сохранилъ этотъ цвѣтъ и не пожелтѣлъ; зеленый рогозъ идетъ на закрашиваніе или отдѣлку кошеля, т. е. попросту его симметрично вставляютъ между желтыми стеблями рогоза, сорванного позднѣе. Оставленный на болотѣ до зимы рогозъ въ верхушкахъ примерзаетъ и получаетъ совсѣмъ бѣлый поблекшій цвѣтъ; для кошелей тогда онъ уже мало пригоденъ и по некрасивому виду, и по трухлости стебля, легко распадающагося. Если зеленого рогоза не хватаетъ, его замѣняютъ иногда другими болотными-же растеніями—осокою и лепенхою. Эти травы растутъ тутъ-же, вблизи болота, и ничего не стоятъ—„хиба якъ траву потолочишь, да піймаюсь, то накладутъ!“ Иногда просто накосятъ травы да и заставляютъ дѣтей руками выбирать крупнѣйшіе стебли лепенхи и осоки. Впрочемъ, эти травы употребляются мало. На цѣну издѣлія включеніе ихъ въ составъ кошеля не вліяетъ (Лѣс.-Слободка). Городищане говорили, что если выдергивать рогозъ слишкомъ молодымъ, то онъ вырывается съ корнемъ и, такимъ образомъ, постепенно уничтожается; а старый обыкновенно срѣзываютъ, и если онъ еще при этомъ находится не въ водѣ (гдѣ онъ размокаетъ, гниетъ и пропадаетъ), а на сухомъ мѣстѣ, то на будущій годъ снова отростаетъ. Вначалѣ, когда рогозу было много, и когда не

*) Въ Поставмукахъ, напр., все производство иногда зависитъ отъ погоды: ударили дожди, мокрая осень—и матеріала нѣтъ, нельзя работать. Раньше, говорятъ, лѣтняго рогоза не употребляли, какъ плохого, а теперь намочить и пускать въ работу.

имѣвшему своего участка болота достаточно было распить полквартиры съ хозяиномъ, владѣльцемъ участка, чтобы получить отъ него право всю зиму пользоваться рогозомъ съ его болота, тогда матеріала не жалѣли и рвали рогозъ какъ попало; а теперь „уже самі долонями плескають,—нічимъ и топить!“ Во всѣхъ селахъ жалуются, что прежнихъ густыхъ зарослей рогоза уже и не видно, попадаются только отдѣльные „кущички“ помежъ очеретомъ,—и это не только въ тѣхъ селахъ, гдѣ существуетъ промыселъ, но и въ сосѣднихъ, поставляющихъ только матеріалъ для мастеровъ.

Сосѣди такъ уже специализировались на доставкѣ рогоза, что дѣлають уже попытки привоза его на Городищенскіе базары. Началось это съ того, что упоминавшійся уже нами лучший мастеръ м. Городища М. Власенко, не имѣющій своей лошади, заказалъ въ с. Ломачахъ Сенчанской волости (по р. Сулѣ) нѣсколько возовъ рогоза, послѣ чего Ломачане „догадались“ и сами стали привозить понемногу рогозъ для продажи на базарахъ. Прослышали это и другіе и возять уже изъ Засулья (Лубенскаго у.), изъ подъ Пирятина и др. Пока ввозъ этотъ идетъ еще слабо, такъ какъ мѣстные жители сами предпочитаютъ ѣздить за рогозомъ вокругъ на 30, 40—50 верстъ—въ такія села, гдѣ еще рогозу много, закупать его тамъ большими количествами и затѣмъ перепродавать своимъ-же односельчанамъ не безъ выгоды для себя. Однимъ словомъ, на поставкѣ сырья, которое еще недавно ничего не стоило, сейчасъ уже строится цѣлый рядъ коммерческихъ комбинацій, въ которыхъ находятъ себѣ приложение мелкій деревенскій капиталъ.

По отдѣльнымъ поселеніямъ полученіе матеріала организовано слѣд. образомъ:

Въ Лѣсовой-Слободкѣ, гдѣ промыселъ существуетъ уже лѣтъ 15, своего рогозу осталось мало; принуждены и сами ѣздить, и иногда покупать отъ привозителей. Раньше больше всего ѣздили за рогозомъ въ Ломачи, но теперь тамъ цѣны сильно поднялись—до 1 р. 50 коп. и 2 руб. за возъ; да и сами ломачане пустились въ развозъ. По этому направляются на Млины, Ячники и „по сей бѣкъ Лохвицы“ (берутъ у лохвицкихъ мѣщанъ), а также за Пирятинъ. Обыкновенно складываются компаніями отъ 2 до 5 чел. (рѣже до 10 чел.), причемъ каждый вноситъ свой пай въ 2 р.—2 р. 50 к., и сообща снимають у хозяина отдаленнаго села облюбованный, возможно гуще заросшій, участокъ болота—немѣранный, конечно, такъ какъ и измѣрить трудно, и густота заросли не вездѣ одинакова. Раньше кто-нибудь одинъ облюбуеть участокъ, сторгуется за 10—20 руб., дастъ рубль задатку, а потомъ уже возвращается въ село и подбираетъ себѣ подходящую компанію. Бываетъ и такъ, что сторговываетъ участокъ кто-нибудь изъ „коши-

тальных“ людей и отъ себя уже приглашаетъ компаньоновъ: и ему легче, такъ какъ компаньоны принимаютъ на себя всю тяжелую работу лазанья по болоту и выдергиванью стеблей,—и „другихъ обижать не хоче“ (какъ выражается этотъ скупщикъ). Хозяинъ болота не торопитъ срокомъ выборки рогоза, и арендаторы не спѣша принимаются за работу, посылая за рогозомъ въ одинъ разъ не болѣе, чѣмъ одну лошадь: чтобы нарвать возъ рогозу, надо „тыждень“ времени (другіе говорятъ—2 или 3 дня), и все это время надо харчиться и лошадей кормить. Работа идетъ медленно, такъ какъ каждую штуку надо срѣзывать отдѣльно, отбрасывая червивыя и негодныя. При этомъ еще съ каждой штуки счищаются 2 кожицы; на самомъ крупномъ экземплярѣ, кромѣ сердцевины, идущей на основу, остается двѣ кожицы на потканье и самая верхняя, грубая, кожа для ручекъ кошеля. Заготовкою рогоза занимаются одни мужчины; она считается очень тяжелымъ дѣломъ,—приходится лазить въ водѣ, иногда холодной: несешь-несешь „да ажъ у души гірко; Иванъ попоносивъ разъ, такъ и закаився“, а одного мастера сырая тяжелая вязанка чуть не утопила въ болотѣ: вязка какъ-то зацѣпилась за шею и ее трудно было снять, а въ это время ноги грузили въ болото. Снявъ участокъ рублей за 20, съ него собираютъ рогозу до 40 возовъ; изъ такого воза выйдетъ 150—200 кошелековъ (рогозъ сейчасъ изъ воды—тяжелый, пудовъ 30 берутъ на возъ—„кто якою конякою довезе“), при этомъ расчетъ стоимость матеріала въ одномъ кошелѣ не превышаетъ $\frac{1}{3}$ или $\frac{1}{4}$ коп., если не считать рабочаго времени и корма лошади въ теченіе недѣли, затраченныхъ на выборку воза рогоза. И при покупкѣ возами въ дальнихъ селахъ возъ обходится въ 50—90 коп. на 150 кошелѣй (трудъ выборки—покупателя), тогда какъ въ Ломакахъ, напр., стараются „править“ 1 р. 50 к. или 2 р.: разъ наши туда заѣхали и не дали такой цѣны,—„такъ и повертались, дурно произдывши“. Тѣ, которые сами привозятъ рогозъ въ Лѣсную-Слободку, продаютъ возъ хорошаго сухого рогозу отъ 2 до 5 руб. Изъ пятирублеваго большого воза выходитъ сотни 3 кошелѣй. Но привозной матеріалъ рѣдко кто покупаетъ, такъ какъ на немъ, по словамъ мастеровъ, приходится 50 коп. или 1 рубль на сотнѣ приплатить: привозной матеріалъ обходится рубля въ 2 на сотню кошелѣй, а себѣ, со всѣми расходами по прокорму лошади, та-же сотня выйдетъ не дороже 1 р. 50 к. Свои хозяева, набравшіе много рогоза и перепродающіе односельцамъ, иногда продаютъ цѣлыми возами, а то и кульками, причемъ стоимость рогоза при обоихъ способахъ продажи одинакова. Кульки стоятъ отъ 5 до 15 коп.; изъ 5-копѣчнаго выйдетъ 2 кошеля, изъ 15-копѣчнаго—6. Такимъ образомъ, при собственной заготовкѣ сырья матеріалу на кошелѣ идетъ на $1\frac{1}{2}$ коп., при покупкѣ

съ воровъ у привозителей на 2 коп. и при закупкѣ у своихъ домашнихъ благодѣтелей на 2¹/₂ коп. Таковъ приблизительный расчетъ стоимости рогоза въ Лѣсовой-Слободкѣ въ зависимости отъ разныхъ способовъ его заготовленія. А еще лѣтъ 5 назадъ рогозъ на сотню кошелей можно было достать за 30 коп.

Въ Городище на базары привозили еще мало рогозу, не болѣе какъ по возу въ одинъ разъ, а за весь годъ, будто-бы, не болѣе 15—20 воровъ, причемъ съ воровъ продаютъ рогозъ только снопиками (кульками), хоть и цѣлый возъ покупай. Снопикъ на 2—3 кошеля обходится не дешевле 8 коп. и, будто-бы, не дороже 15 коп. („изъ такого три большихъ кошеля сдѣлаешь, если не червовые“), причемъ иногда продавцы надуваютъ на качество рогоза: сверху кладутъ лучшій. Везутъ только изъ Ломакъ, причемъ и самый привозъ начался только недавно, такъ какъ здѣсь „настояще“ занялись кошелями лишь года 3 назадъ. Въ виду этого мастера и здѣсь предпочитаютъ сами ѣздить за рогозомъ: ѣздили и по Лубенскому уѣзду (Мацковцы, Шершневка, Засулье, Ерквцы, Вязовець), и по Лохвицкому (Ломаки, Млины, Часникова, Яшники, Юсковцы-Гирявые, Сенча). При разъѣздахъ нанимаютъ „кущами“: случается кущъ воза на 3 нанять и за 50 к., и за 3 р.,—кому какая удача. Въ прошломъ году (1897 г.) мѣстный скупщикъ Саенко арендовалъ за 9 руб. въ Млинахъ большое болото десятинь въ 15 (чистого рогозу около 3 дес., остальное—вода), примѣрно, воровъ на 100 рогозу, нанималъ рабочихъ рѣзать, бралъ фуры и возилъ въ Городище, гдѣ и продавалъ отъ 9—10 коп. за куликъ зимою, до 12 к. подъ весну, когда материалъ дѣлается дороже. Кулики были на 1¹/₂—2 кошеля каждый. Тѣ, что могли сами ѣздить ихъ не покупали, а разбирали ихъ въ долгъ безлошадные съ обязательствомъ сдать готовые кошели тому-же Саенку съ полученіемъ разницы между цѣною сырья и цѣною готоваго кошеля. Повидимому, условія были для кустарей не весьма благоприятныя, такъ какъ они пытались сбыть кошели помимо Саенка. Это имъ не удалось, такъ какъ всѣ скупщики тогда были въ соглашеніи между собою, и мастерамъ пришлось явиться къ тому-же Саенку. Въ настоящемъ году четверо слобожанъ, изъ простыхъ кустарей, успѣли перехватить раньше Саенка это самое болото; сѣми они все количество рогоза, доставшееся имъ, передѣлить не могли (одинъ съ ¹/₄ дес. нарѣзалъ 6 воровъ и еще осталось на этой четверти десятины воза 4 плохой „головни“ на топливо), поэтому они сами стали продавать рогозъ на сторону по 50 коп. отъ воза, причемъ покупатель самъ долженъ и нарѣзать для себя: „якъ промежь рогозомъ осока та очереть, то 3 дни съ тымъ возомъ и проплутаешься“. Зимою (не у Саенка) покупали кульки по 6—7 четвертей въ обхватѣ на 4 боль-

шихъ кошеля по 15 коп., въ 5 четвертей (на 1¹/₂—2 кошеля)—по 5 или 6 коп. Обыкновенно покупаютъ по одному возу въ одинъ разъ: купить, переработаетъ и опять ѣдетъ покупать,—такъ и всю зиму. Одинъ только Саенко, какъ человекъ съ деньгами, запасается большими количествами рогоза. Доставка воза рогоза требуетъ обыкновенно 3 сутокъ: сутки на проѣздъ въ оба конца и 2 сутокъ на рѣзку; одинъ, впрочемъ, 6 сутокъ добывалъ возъ рогоза, но за то наилучшаго и уже очищеннаго. Кустари жалуются о тѣхъ недавнихъ еще временахъ, когда здѣсь, на мѣстѣ, можно было бесплатно имѣть рогоза сколько угодно: только если хозяинъ захватить въ очеретѣ, то требуетъ полкварти, чтобы не топталъ очерета.

Наконецъ, въ Поставмукахъ добываніе рогоза производится тѣми же способами (здѣсь рогозъ также сплошными пространствами не попадаетъ) съ тою разницею, что сюда привозители рогоза еще не забываютъ. Приходится ѣздить, а кто не имѣетъ лошади, тотъ договариваетъ ему привезти возъ за 1 р. 1 р. 50 к. и до 2 руб. На Ломаковцевъ жалуются, что съ прошлаго года они уже перестали давать участки на скось, а продаютъ снопиками—коп. по 10 такой, что изъ него выйдетъ наибольше 4 кошеля, а чаще 3. Вообще при покупкѣ снопиками матеріалъ на одинъ кошель обходится чаще всего въ 2 коп., что очень досадуетъ кустарей: „якъ кульками куповаты та ще у своему-же селі (отъ привозителей), то вже лучше лежи собі на печі,—а якъ добре обдывисся тей клапотъ, що здѣймаешь, то возъ выйде и по 50 коп.: хочь самъ одурышь, хочь одурієшь“! Изъ добраго воза выйдетъ максимум 150 кошелей. Повидимому, хозяева здѣсь зажиточнѣе, чѣмъ и объясняется, что здѣсь нѣсколько хозяевъ покупаютъ по 2—3—4 воза, не больше 5 возовъ въ одинъ разъ: купишь на 5—10 руб., такъ для одного мальчика на годъ работы и хватить. На 1000 кошелей надо матеріалу рублей на 15.

Изъ всего этого видно, что по способу добыванія рогоза кустари дѣлятся на 2 разряда: безлошадные покупаютъ изъ вторыхъ рукъ и сильно переплачиваютъ, обладающіе лошадьми еще могутъ покупать матеріалъ очень дешево. Было-бы полезно организовать и для первыхъ аренду большихъ дѣлянокъ и доставку рогоза на мѣсто производства.

Работаютъ въ хатахъ и никакихъ неудобствъ отъ этого не замѣчаютъ: „воно не вредне, сырости никоторої, що зостається—у пічь“.

Кошельки „ткуть“ на верстатахъ, т. е. четырехугольныхъ рамахъ, привязываемыхъ въ вертикальномъ положеніи къ столу или лавкѣ. Вдоль рамы навязываются „основины“, а впоперекъ основинъ идетъ потканье. И основины, и потканье—изъ рогоза. Ляда или деревянная дощечка, въ отверстія которой пропускаются основины, прежде чѣмъ

ихъ привязываютъ къ рамѣ, служить для равномернаго прибаванья потканья. Для прибаванья требуется нѣкоторая сила, небольшая, такъ что дѣтей испытываютъ лядою, готовы-ли они уже къ работѣ: если мальчикъ или дѣвочка лѣтъ 7—8 потянетъ ляду, значитъ можно уже запрягти въ работу. Для простыхъ кошелей у всѣхъ верстаты одинаковые. Могли-бы добавить такое усовершенствованіе, чтобы верстатъ не привязывался и не удерживался тяжестью сидящаго, а стоялъ-бы на широкихъ усгойчивыхъ ножкахъ, но такое усовершенствованіе мастера считаютъ совершенно излишнимъ: стоитъ будетъ не меньше 70 коп., говорить (тогда какъ цѣна обыкновеннаго 30—50 к.), а пользы мало,—сидѣнемъ можно удержать хоть посреди хаты. У многихъ верстаты самодѣльные, только ляду сдѣлать трудно: надо ровно дыры пробивать. Въ Лѣс.-Слободкѣ есть 2 мастера, дѣлающихъ ляды: Троцакъ и Федоренко. Заказать или купить ляду можно за 15—25 коп. Мих. Власенко въ Городищѣ заказалъ себѣ за 70 коп. большой верстатъ для чемодановъ. Для плетенья ажурныхъ кошелей употребляются особыя колодки, оплетенныя рогазомъ поверхъ—„якъ на чобѣтъ“. Колодки Власенко дѣлаеть самъ, а если-бы заказать, то стоило-бы 10 коп. за штуку,—ихъ надо дѣлать изъ толстаго круглаго чурбана. Ляда дѣлается одна и годится на всѣ размѣры плетущихся на верстатѣ мать: и на 22, и на 32 основины.

Маты, т. е. самое полотно кошеля, плетутъ дѣти; на этомъ ихъ работа и оканчивается. Оплести-же по краямъ, перегнуть мату пополамъ или свернуть въ трубку (для круглыхъ корзинъ), сшить и скрутить ручку,—вообще дать окончательную отдѣлку издѣлію долженъ взрослый рабочій. Особенно скрутить ручку трудно для малолѣтняго, за то старому труднѣе продѣвать грубыми пальцами потканье между основинами.

Отношеніе къ дѣтскому труду повсюду возмутительное, и это, несомнѣнно, самая мрачная сторона промысла. На наши замѣчанія по этому поводу мастерами приводились разныя соображенія. Главнымъ образомъ фигурировали, конечно, „недостатки наши“. Затѣмъ пытались изобразить, что эксплуатація дѣтей не такъ велика, но приводимые ниже факты не подтверждаютъ этого. Въ Лѣсовой-Слободкѣ заявляли, что, не имѣя своей школы, имъ пришлось-бы ставить дѣтей на квартиру въ сосѣднихъ селахъ, а это за зиму потребовало-бы расхода рублей въ 25. Поставмучане этой отговорки не имѣютъ и сознаютъ на словахъ свою неправоту въ отношеніи дѣтей, но ссылаются на бѣдность. Городищане пытались доказать, что занятіе кошелями школьному обученію не мѣшаетъ: кто думаетъ посылать дѣтей въ школу, тотъ пошлетъ и не смотря на промыселъ, особенно мальчиковъ, которыхъ почти каж-

дый отецъ старается посылать въ школу: въ земской школѣ и сейчасъ учится больше 100 мальчиковъ, а въ церковно-приходской около 10 дѣвочекъ. Тѣмъ не менѣе въ томъ-же Городищѣ есть 2—3 хозяина, которые принимаютъ дѣтей въ постоянные рабочіе, т. е. на мѣсячный срокъ, и много такихъ, которые пользуются трудомъ дѣтей поденно. Сами мастера объясняютъ незначительные сравнительно размѣры наемнаго дѣтскаго труда тѣмъ, что у нихъ постоянно чувствуется недостатокъ въ матеріалѣ, и указываютъ на с. Крутой-Берегъ, гдѣ держатъ помѣсячно дѣтей, платя имъ 1—2 р. въ мѣсяць, или платятъ сдѣльно— по 1 или 2 коп. отъ кошеля.

Въ Лѣсовой-Слободкѣ наемъ дѣтей развитъ болѣе всего. Здѣсь до 20 хозяевъ (изъ 60) принимаютъ въ семью по одному—по два ребенка для работы и содержатъ ихъ вмѣстѣ съ собственными дѣтьми. Плата имъ отъ кошелька—не менѣе 1¹/₂, не болѣе 2 коп. Идутъ въ работу дѣти изъ тѣхъ селеній, которые не запаслись рогозомъ для работы дома, или тѣ, у кого „дома поболѣли старые“. Прокормленіе имъ отъ хозяина, а одежда своя; ночуютъ они у хозяина для того, чтобы и вечеромъ при лампѣ работали. Такихъ бродячихъ по чужимъ хатамъ дѣтей считаютъ до 30.

И въ Поставмукахъ то-же дѣлаютъ: „якъ хто разживетса богато рогізу, то и піддурить до себе у помічь“, пообѣщавши гривенникъ. Платятъ „отъ маточки „по 2 коп.; если 2—3 маточки вытчеть, то и получить 4—6 коп.; „одна кривенька и ночью робыла, у сутки по 8 маточокъ выробляла“. Дѣти работаютъ не долго: сдѣлаетъ 10—20 матъ, пока ему „надокучить“. А помѣсячно здѣсь никогда не берутъ— „нема овсі ращоту“.

Дома родители обращаются съ дѣтьми нѣжно: сами работаютъ часовъ по 15, а дѣти всего только 7 часовъ—„бо балуются, побігають то-ще“. Считааясь съ дѣтской психологіей, придумали для нихъ уроки въ томъ соображеніи, что дѣти будутъ охотнѣе работать, зная, что будетъ-же конецъ ихъ суточной работѣ. Уроки для мальчика 8—10 лѣтъ составляетъ одинъ кошель, для 10—12 лѣтъ по 2 кошеля въ день, а для 12—15 лѣтъ по 3 кошеля, причемъ дѣти дѣлаютъ изъ совсѣмъ приготовленнаго матеріала.

Подростковъ старше 15 лѣтъ уже жалѣютъ употреблять на „таке пусте діло“, для котораго наймыта никто не станетъ держать; его уже приспособляютъ къ полевымъ работамъ или въ дальній отходъ, который также является хорошей жизненной школой. Если и во всѣхъ вообще промыслахъ дѣтскую силу начинаютъ рано эксплуатировать, то здѣсь, въ Вороньковской волости, въ промыслахъ изготовленія сѣтей и кошелей, охрана труда особенно необходима. Надо отвлечь дѣтей на что-

нибудь другое, хотя-бы на то-же школьное обученіе, которое, какъ мы видѣли въ Городищѣ, все-же и теперь сколько-нибудь отвлекаетъ мальчиковъ отъ работы. Мнѣ приходилось видѣть заклястыя, тоскуюція лица 7—8 лѣтнихъ дѣвочекъ, проворно бѣгающихъ пальцами по верстату, и невольно чувствовалась какая-то внутрення отвѣтственность за этотъ преждевременный трудъ „щобъ не гуляли, дарма хлѣбъ не ілі“.

Уроки примѣняются не только въ своей семьѣ, но и у тѣхъ хозяевъ, которые нанимаютъ дѣтей. Въ Лѣсовой-Слободкѣ, спеціально занимающейся кошелями, рабочій періодъ въ году опредѣлили въ 250 примѣрно дней, причемъ самъ хозяинъ дней 200 плететь кошеля, а дней 50 употребляетъ на заготовку рогоза;—дѣтвора-же буде робить усі 250 день, якъ котра не йде у пастушки“. При этомъ дѣтямъ приходится работать въ теченіе дня часовъ 10—12: „у досвіта часъ при світлі и зъ вечера часъ те-же при світлі, а то днемъ“ въ 7—8 лѣтъ требуютъ на урокъ 3 кошеля, съ 9—10 по 4 кошеля, бываетъ и по 5, говорятъ, не рѣдко.

Въ Поставмукахъ считаютъ, что средній мастеръ работаетъ не болѣе 120 дней въ году, а самое большее—200 дней у тѣхъ, кто запасу надѣляетъ и на одно только это надѣтєся (такихъ считаютъ всего 8). Рабочій день взрослога здѣсь считаютъ въ 16 часовъ, а дѣтей „не болѣе“ 12 часовъ,—по заходѣ солнца они уже спятъ, а если выполнить урокъ раньше, то можетъ и раньше спать (не выполнивши, очевидно, не смѣетъ!) На урокъ надо сдѣлать 3—4 штуки, причемъ „просидитъ и вечеръ, бо за день не управитєся“. Семилѣтнему на урокъ даютъ 1½ кошеля „або одинъ зъ кватиркою“ ($\frac{1}{3}$ часть кошеля).

Пока дѣти плетутъ маты, взрослые крутятъ ручки и даютъ отдѣлку: „старый усе одно якъ вчитель поміжъ іми,—воно показується, неначе-бъ то ему нема работы, що все діти роблять“, а между тѣмъ это раздѣленіе труда даетъ значительные результаты. Если при одномъ взрослому работаютъ двое дѣтей, то онъ легко съ ними справляется, т. е. ко всѣмъ сдѣланнымъ ими маточкамъ придѣляетъ ручки, отдѣляетъ шнуромъ, сошьетъ и выпуститъ ихъ совершенно готовыми; съ тремя малолѣтними взрослому уже трудно справиться, развѣ если они еще очень малы и медленно работаютъ. Такимъ образомъ естественную рабочую ассоціацію составляютъ одинъ взрослый съ двумя малолѣтними: если оба послѣдніе дѣлаютъ въ день по 3 кошеля, то за недѣлю такая ассоціація выпуститъ 30—36 кошелей, причемъ часть времени отходить на чистку рогоза. Одинъ взрослый съ мальчикомъ сдѣлаетъ уже всего 15—20 кошелей и лишь очень „постаравшись“ до 25 штукъ. Безъ мальчика-же одинъ взрослый больше 12—15 не дѣлаетъ, принужденный самъ производить всѣ подготовительныя операціи. Приведенный расчетъ не макси-

мальный. При интенсивной работѣ можно больше сдѣлать, но интенсивно въ обыкновенное время никто не работаетъ, а только иногда передъ праздникомъ или при обилии запасовъ рогоза. Для максимальнаго расчета намъ сообщили такія данныя выдѣлать кошикъ съ отдѣлкой и оплетеніемъ изъ готоваго („подраннаго“) матеріала лучшей мастеръ можетъ за $1\frac{1}{4}$ — $1\frac{1}{2}$ часа; нарѣзать и приготовить рогоза за день онъ можетъ на 100 кошелей. Слѣдовательно, если прибавить къ работѣ кошеля еще съ $\frac{1}{2}$ часа на подготовку матеріала, то вся операція съ однимъ кошелемъ требуетъ 2 часовъ. Считая въ рабочемъ днѣ 16 часовъ, кустари выводили максимальную норму производства одного лучшаго мастера за день въ 8 кошелей, но тутъ-же замѣчали, что никто такъ напряженно работать не станетъ, и что лучшіе мастера болѣе 5 штукъ въ день не готовятъ *). М. Власенко въ Городищѣ хвалился, что дѣлалъ по 15 рогатыхъ кошиковъ въ день, но, хотя всѣ и подтверждаютъ, что Власенко почти никогда не спитъ, эта цифра мало-вѣроятна. Въ матеріалахъ Лохвицкаго кустарнаго комитета мы нашли указаніе на то, что взрослый порядочный рабочій сдѣлаетъ въ день 3 большихъ и 5 малыхъ кошелей, а Мих. Щербань въ Поставмукахъ съ двумя дѣтми выдѣлываетъ въ день 5 большихъ или 7 малыхъ кошелей. Ажурныхъ кошелей, по словамъ Власенка, въ день можно сдѣлать 4 штуки изъ готоваго матеріала, а если еще и матеріаль готовятъ, то не больше штуки въ день, будто-бы, и получится.

Размѣръ годоваго производства каждаго мастера установить трудно, такъ какъ сюда примѣшивается масса индивидуальныхъ отклоненій: здѣсь и неодинаковость рабочаго времени, посвящаемаго промыслу хозяевами разныхъ типовъ по землевладѣнію; и невозможность зачастую имѣть рогозъ въ такомъ количествѣ, какое могла-бы переработать семья; и неодинаковыя комбинаціи рабочей силы взрослыхъ и малолѣтнихъ въ каждомъ кустарномъ хозяйствѣ, и многое другое. Приведемъ нѣсколько показаній, данныхъ намъ отдѣльными лицами. Въ Лѣс.-Слободкѣ намъ говорили, что одинъ рабочій съ 3—4 помощниками отъ Спаса до Пасхи сдѣлаетъ 1000 и болѣе кошелей, сдѣлалъ-бы и болѣе—до 1250, но, за недостаткомъ матеріала, дѣлаетъ штукъ 200 всего, а то идетъ косить, въ пастухи, до грядокъ, полоть; самое меньшее можетъ сдѣлать 100—150 штукъ. Такъ какъ въ Слободкѣ занимаются специально и въ широкихъ размѣрахъ пользуются дѣтскимъ трудомъ, даже наемнымъ, а въ нашей таблицѣ, приведенной выше, здѣсь считается въ 61 дворѣ 224 всякаго возраста кошельниковъ, т. е. на одинъ дворъ въ среднемъ приходится

*) Еще въ 1888 г. при подворной переписи въ Лѣс.-Слободкѣ статистики отмѣтили норму производства въ 2—5 кошиковъ въ день, смотря по размѣру.

по $3\frac{2}{3}$ раб. силы, то, повидимому, не будет большим преувеличением считать, что Лѣсовая-Слободка, какъ уверждали свѣдующіе Городищане, выпускаетъ въ годъ на рынокъ до 50000 кошелекѣвъ (сами слобожане считали, что они выпускаютъ не болѣе 21000—семьдесятъ семей по 300 штукъ). Поэтому расчету, средній дворъ въ 3—4 души выпускаетъ около 800 кошелѣй, а на одну душу въ среднемъ приходится почти 220 кошелѣй. Если даже истину искать въ среднемъ этихъ показаній, то выйдетъ, что, при выпускѣ годовомъ въ 35000 кошелѣй, на рабочую силу въ среднемъ придется не менѣе 150 кошелѣй.

Въ Городищѣ работаютъ не такъ усердно, но и здѣсь говорятъ, что въ среднемъ рабочая сила выпускаетъ за рабочій періодъ въ 8 мѣсяцевъ 150—200 кошелѣй; такъ, въ одной семьѣ двое взрослыхъ съ 2 дѣтьми сдѣлали 900—1000 штукъ, въ другой взрослый съ 3 дѣтьми сдѣлалъ 600, въ третьей взрослый и двое дѣтей выткали 400 штукъ. Городищане считали, что они выпустятъ до 30000 штукъ, но, принявъ для нихъ норму въ 150 штукъ (меньшую, чѣмъ въ Слободкѣ), получимъ, что 335 зарегистрированныхъ въ Городищѣ кошельниковъ выпустятъ за годъ также около 50000 кошелѣй.

Поставмуки, которые работаютъ немного, даютъ однако наиболѣе высокое показаніе о своей производительности. Здѣсь говорили, что тѣ 8 хозяевъ, которые работаютъ по 200 рабочихъ дней, дѣлаютъ каждый 400 кошелѣй, а вдвоемъ отъ 500 до 800. Остальные, работающіе по 120 дней въ году, дѣлаютъ каждый по 250, вдвоемъ до 500 штукъ. Работая вчетверомъ, больше 1000 „не выгоняли“. Считая на глазъ, что въ Поставмукахъ занимаются кошелѣями не менѣе 35—40 семей, кустари все годовое производство села опредѣляли въ 26000 кошелѣй, но, повидимому, опытные Городищане посчитали лучше—всего 10000 штукъ, что больше совпадаетъ и съ числомъ зарегистрированныхъ статистикою въ 1900 г. мастеровъ (49 чел. въ 21 семьѣ).

Прилагая тѣ-же расчеты къ Потерюхамъ, гдѣ въ 13 дворахъ работаютъ 25 чел., получимъ размѣры ихъ производства въ предѣлахъ отъ 3750 до 5000 кошелѣй.

Затѣмъ, мы считаемъ небезынтереснымъ привести здѣсь свѣдѣнія, полученные въ Городищѣ отъ мастеровъ, среди которыхъ были и скупщики, о приблизительныхъ размѣрахъ производства кошелѣй во всемъ районѣ, доступномъ ихъ наблюденію, сопоставляя эти свѣдѣнія, гдѣ можно, съ данными статистич. бюро за 1900 г. и нашими расчетами.

НАЗВАНІЯ ПОСЕЛЕНІЙ.	Плели кошели (по свѣд. 1900 г.)		1 рабочій дѣ- лаетъ кошелѣй.	Размѣры годового производства кошелѣй.	
	Число хо- зяйствъ,	Рабочихъ силъ.		По показа- нію Горо- дичанъ.	По нашимъ разсчетамъ.
Лѣсовая-Слободка	61	224	150—220	50000	Отъ 35000 до 50000
Городище	162	335	150	30000	„ 30000 „ 50000
Поставмуки	21	49	200	10000	„ 10000 „ —
Потерюхи	13	25	150—200	—	„ 3750 „ 5000
Загребелье	1	—	—	1000	„ 450 „ 600
Вороньки	—	—	} отъ 150 до 200	1000	— —
Мелехи	—	—		100	— —
Хелебцы	5	—		20000	„ 2250 „ 3750
Хитцы	19	35		20000	„ 5250 „ 8950
Крутой-Берегъ	180	416		50000	„ 62400 „ 104000
Лучники	29	83	20000	„ 12450 „ 20750	
Итого	491	1185	150—250	202100	„ 161550 „ 250000

Въ этой таблицѣ только первыя четыре строки вычислены прибли- зительно точно, всѣ-же другія основаны на слишкомъ проблематичныхъ обобщеніяхъ; тѣмъ не менѣе любопытно, что результатъ нашихъ теоре- тическихъ вычисленій довольно близко сошелся съ показаніями мѣст- ныхъ свѣдущихъ людей въ Городицѣ (см. 4-ую вертикальную графу). Какъ увидимъ дальше, подсчетъ операцій крупнѣйшихъ мѣстныхъ скупщиковъ даетъ приблизительно ту-же общую цифру проходящихъ черезъ ихъ руки кошельковъ (176000 штукъ).

Хотя скупщики развѣзжаютъ и по селамъ, имѣя тамъ и своихъ постоянныхъ агентовъ, однако цѣны на кошели регулируются главнымъ образомъ на базарахъ въ Городицѣ, гдѣ лицомъ къ лицу встрѣчаются постоянно чуть не всѣ мѣстные скупщики съ кустарями. Помимо со- глашеній или раздоровъ между скупщиками, которые иногда отражают- ся на цѣнѣ кошелѣй довольно замѣтно (такъ, при раздорахъ цѣны иногда повышаются на копѣйку за штуку, и наоборотъ), вліяніе на цѣны оказываетъ также и время года, точнѣе—условія рабочаго сезона. Лѣ- томъ, когда рабочія руки отвлечены отъ промысла, цѣны выше, осенью понижаются, а въ Великій постъ или передъ Рождествомъ, когда идетъ усиленная работа для заработка къ празднику, цѣны сбиваются до ми-

нимума. Такъ, въ 1898 году въ іюль цѣна большихъ кошелей простыхъ, на 30—32—34 основинахъ, доходила до 12—13 коп. за штуку, въ октябрѣ равнялась 10 коп., а въ постъ доходила до 8 и даже до 7 коп.; среднюю годовую цѣну этого сорта кошелей принимали въ 10 к. и на ней строили разные расчеты. Нѣсколько меньшіе кошелі, на 26—28 основинахъ, шли въ лучшее время по 7—8 коп., въ худшее 5—6 коп. Самые меньшіе, на 22—24 основины, въ лучшее время стоили 5—5¹/₂ коп., въ худшее 4 коп. или за пару 7 коп., а иногда въ плохое время и бездорожье спускаются, какъ говорятъ, до 3 и 2¹/₂ коп. за штуку. Цѣны, въ зависимости отъ увеличенія числа мастеровъ, замѣтно понижаются: еще 3—5 лѣтъ назадъ за большой кошель платили по 15—16 руб. сотню, а теперь этотъ-же кошель выше 13 коп. не поднимается. Старожилы, начинавшіе промыселъ, еще помнятъ цѣны 18 и 20 коп. за штуку, а теперь уже скупщики какъ сговорятся послѣ Поврова больше 7 коп. не дадутъ, такъ „изъ цего вже не выбьешься!“

На другіе сорта кошелей были такія цѣны: на большіе кошелі для зерна, которые дѣлаются въ Лѣс.-Слободкѣ, на базарахъ даютъ 18—20 коп. за штуку, года 3 назадъ платили 25—30 коп.; за „молочники“ платятъ 8 к., зимою 6 к., раньше платили 10—12 к. Ажурные кошелі продаетъ М. Власенко и его ученики за пачку—по 4 штуки разнаго размѣра въ пачкѣ (вкладные)—по 70 коп.; лучший сортъ ажурныхъ 80 коп. за пачку. На мѣстныхъ базарахъ не берутъ пачки въ 4 штуки, а только въ 3, потому что четвертая слишкомъ маленькая для сельскаго покупателя; за 3 такіе кошелі Власенко прежде бралъ 40 коп., теперь его послѣдователи продаютъ по 30 к., за пару 20 к., иногда и „нарветъ“ съ неопытнаго покупателя 5 к. лишнихъ. Корзины круглыя, также 4 штуки вмѣстѣ, вкладныя, продаются по 60 к. Чемоданы въ разбивку по 15 коп., четверка вмѣстѣ 60 коп. Когда впервые Власенко прославился, какъ хорошій мастеръ, плетущій ажурные кошелі и проч., съ нимъ договорился одинъ изъ мѣстныхъ скупщиковъ Батіевскій, что онъ будетъ у него забирать ажурные кошелі постоянно по 60 коп. за 3 штуки; но къ новинкѣ привыкли, земство также стало меньше интересоваться, сталъ и Батіевскій предлагать всего по 40 к. вмѣсто 60.—„Такъ якъ-се, дядьку? а договоръ?“—„Эге! теперь не тѣльки дядьковѣ не вірь, а и рідному батьковѣ!“ Очевидно, неприхотливый рынокъ, не гоняющійся очень за изяществомъ, на ажурныя работы большого спроса не предъявляетъ, и Власенко существуетъ почти исключительно заказами мѣстнаго земства.

Мастера дѣлали такой расчетъ своего заработка: если, говорили они, продашь кошель за 8 коп., то въ этихъ 8 коп. заключаются 1¹/₂—2 коп. хлопцу за изготовленіе маточки, 2 коп. за обдѣлку и при-

дѣлку ручекъ, а 3 коп. на корма и рогозъ; или еще такъ: въ 10 коп. плата за кошель 3 коп. стоить матеріаль (куль за гривенникъ купишь, такъ 3 и выйдетъ), 2 к. хлопцу за работу, 2 к. за отдѣлку, остается 3 коп. на пропитаніе. Если четверо работаютъ и сдѣлають 1000 штукъ по 100 р., то плату за трудъ считаютъ въ 70 руб. Сюда надо внести только ту поправку, что для большинства мастеровъ, покупающихъ рогозъ не кулями, а дѣлянками, стоимость матеріала не превыситъ $\frac{1}{2}$ —1 коп., а возами—не болѣе 1 коп. Въ Поставмукахъ считали, что на одного мастера въ годъ приходится заработокъ въ 25 руб., у кого 3 или 4 дѣтей, то 100 р., Одинъ изъ мастеровъ увѣрялъ, что работая втроемъ, онъ, за покрытіемъ расхода на матеріаль, получаетъ за трудъ 50 руб. Эти показанія въ общемъ приближаются къ тѣмъ расчетамъ, которые и мы получали: считая, что средній рабочій дѣлаеть въ годъ 150—200 кошелей, за которые беретъ 8—10 коп., и что на одинъ кошель уходитъ матеріала на 1—1 $\frac{1}{2}$ коп., мы принимаемъ средній заработокъ одного мастера отъ 9 р. 75 к. (minimum) до 18 руб. и даже до 25 руб. (maximum). Тѣ немногіе, которые могутъ выпустить за годъ 300—400 кошелей каждый, получаютъ соотвѣтственно больше.

Городицанскіе субботніе базары являются пунктомъ, гдѣ сходятся скупщики и производители. Послѣдніе стараются не сбывать кошелей у себя дома (въ Поставмукахъ или Л.-Слободѣ), такъ какъ по селамъ скупають мелкіе агенты крупныхъ скупщиковъ. За свою агентуру они получаютъ обыкновенно не больше 1 коп. на каждомъ кошелѣ. На базарѣ-же эта посредническая жофѣйка, смотря по условіямъ рынка, остается въ пользу или скупщика, или мастера. Важнѣйшихъ скупщиковъ въ Городицѣ соберется до десятка: изъ Лѣсово-Слободки сельскій писарь Андрей Ковтунъ (онъ-же и агентъ Цымбала), Федоръ Цымбаль и Троцакъ-Вовчекъ; изъ самого Городища четверо: Бибиць, Гаврииль Батіевскій, Яковъ Саенко и Степанъ Попівничъ; изъ Загребелья двое—Иванъ Иващенко и Данило Таранецъ; изъ Вороньковъ двое—Янкель Ойстрахъ (онъ-же скупщикъ сѣтей) и его агентъ Цыцай, кромѣ того, изъ Калайдинцевъ являются двое (доставляють Цымбалу), изъ Хелебцовъ одинъ и т. д. Кромѣ названныхъ, полвляются и другіе, болѣе мелкіе скупщики: „одинъ пристае, другій отае!“

Размѣры операцій каждого изъ скупщиковъ, по словамъ мастеровъ, приблизительно таковы: Цымбаль, самый крупный скупщикъ, скупаеть за годъ до 30000 кошелей, писарь Ковтунъ до 25000 (сдаеть Цымбалу), Троцакъ также кому-то сдаеть, Батіевскій 30000, Бибиць 25000 *), Саенко 20000 (изъ нихъ половину сдаеть другимъ скупщикамъ), Попів-

*) По словамъ управляющаго имѣніемъ Горвицевъ г. Дохмана, Батіевскій и Бибиць скупають каждый тысячь по 50, а Саенко—мелкій кулачокъ. Изъ Пиратина прїѣзжалъ еврей, взялъ тысячи 2 по 10—11 коп.

ничъ 4000, Иващенко 30000, Таранецъ 6000, Ойстрахъ 30000, еще мелкіе вороньковскіе развозители до 1000,—наконецъ, двое калайдинскихъ скупщиковъ направляли скупленное къ Цымбалу,—всѣ вмѣстѣ свыше 200000 кошелей. Это приблизительно та цифра, въ которой мы высчитали производство даннаго района, а такъ какъ и другія свѣдѣнія о способахъ сбыта кошелей кустарями подтверждаютъ исключительное вліяніе въ этомъ дѣлѣ скупщиковъ, то, слѣдовательно, можно сказать, что промыселъ плетенія кошелей всецѣло капитализированъ скупщиками. Въ тѣхъ случаяхъ, когда сначала покупаетъ мелкій скупщикъ, перепродавая затѣмъ крупному, онъ беретъ за свой трудъ „собиранія“ кошелей по копѣйкѣ, много по двѣ—отъ каждаго кошеля. Больше не согласится дать крупный скупщикъ, потому что онъ всегда самъ можетъ явиться на базаръ въ Городище, а тамъ бывають иногда такіе базарные дни, въ которые навозятъ до 5000 кошелей. Сколько беретъ себѣ барыша крупный скупщикъ, трудно сказать, такъ какъ это зависитъ отъ договоровъ его съ покупателями на далекихъ рынкахъ,—въ Кіевѣ, Харьковѣ (сюда больше всего отправляютъ, какъ говорилъ одинъ изъ скупщиковъ), Ростовѣ на-Дону, Таганрогѣ, Севастополѣ, Одессѣ, въ Черкасахъ, Черниговѣ, Курскѣ, Минскѣ, Тулѣ, Варшавѣ; во всѣ эти города отправляетъ Цымбаль*). Скупщики, лишь начинающіе оперяться, сначала сами ѣздятъ и развозятъ кошели, отыскивая рынки и идя ощупью, иногда неся убытки: намъ скупщикъ Гавр. Батіевскій въ Городищѣ говорилъ, что проторговалъ 200 руб., пока научился сбывать; Таранецъ и одинъ изъ калайдинскихъ скупщиковъ забрались въ Москву въ надеждѣ взять приступомъ столицу, но ходили—ходили, не зная, куда пристроить, пока, наконецъ, не всучили кому-то по 8 руб. сотню. Цымбаловы-же подводы, нагруженные кошелями (на подводу берутъ отъ 900 до 1200 кошелей—„воно не важке, а тільки стромке“), спокойно и увѣренно шествуютъ на ближайшую желѣзно-дорожную станцію, откуда кошели по накладнымъ расходятся по средней и южной Россіи. Что заставляеть кустарей сдавать кошели мелкимъ „собираателямъ“, если, какъ они говорятъ, въ Городище выгоднѣе возить, такъ какъ тамъ сразу орудуютъ по нѣсколько скупщиковъ? Отвѣтъ на это мы получили въ Лѣсовой-Слободкѣ, гдѣ намъ рассказали, что когда явится старшина за податями, то „такъ посыпятся“ всѣ къ писарю за деньгами, неся свои кошели. Тотъ охотно выручаетъ, и такъ какъ обыкновенно на рукахъ у кустаря на скопляется больше того количества, какое можно сдѣлать за недѣлю, то ему приходится выдавать

*) Въ матеріалахъ Лохв. кустари. комитета приведено показаніе Цымбала, что онъ продавалъ по 20—22 руб. сотню большихъ и по 14—18 руб. сотню малыхъ. Но это было нѣсколько лѣтъ назадъ. Памъ „приказчики“ Цымбала говорили, что онъ продалъ партію по 12—14 р., повидимому, малыхъ.

деньги авансомъ—рублей до 10 въ однѣ руки (намъ онъ говорилъ со скромностью, что у него и сейчасъ роздано людямъ 100 р.); за услугу мастера должны ему отдавать дешевле кошелі по мѣрѣ изготовленія. Вотъ эти одна, двѣ и даже три копѣйки на каждомъ кошелѣ, которыя перепадаютъ второстепенному „собирателю“ кошелей, повидимому, и составляютъ его процентъ по ссудѣ. Въ свою очередь и крупный скупщикъ Цымбаль, принужденный держать наличныя деньги въ своихъ крупныхъ оборотахъ (чтобы скупить 50000 кошелей, ему надо „перевернуть“ 5000 руб.), пользуется кредитомъ у „собирающихъ“ (писарь говорилъ намъ, что Цымбаль въ моментъ нашего опроса былъ долженъ ему 120 р. за поставленные кошелі). Про Цымбала говорятъ, что онъ, хотя и затягиваетъ уплату, но расплачивается вообще „исправно“. Если добавить къ этому, что и писарь, и старшина лица официальные, обладающія въ деревнѣ довольно чувствительною принудительною властью, то эта комбинація власти, капитала и кредита можетъ внести въ общую картину сбыта довольно яркія краски. Бываютъ свои терніи и у скупщиковъ: нѣкій Осичъ (фамилія неизвѣстна) отправилъ партію кошелей по накладной въ Варшаву какому-то торговцу—еврею, тотъ отказался получить,—пришлось платить за пожелалое и ѣхать въ Варшаву выручать товаръ, чтобы его не продали съ аукціона. Но они стараются дружно жить между собою—„соглашаются промежь себе“, но не разъ навсегда, а каждую субботу, смотря по наличности субботняго рынка. Послѣ Покрова какъ сговорятся больше 7 коп. не давать, то ужъ изъ этого не выбьешься. Случается скупщикамъ и перессориться,—тогда они закупаютъ на перебой и повышаютъ плату на копѣйку. Во всякомъ случаѣ у кустарей и скупщиковъ шансы въ борьбѣ неравны: скупщикъ имѣетъ возможность выждать, тогда какъ кустарь больше недѣли не можетъ держать у себя непроданные кошелі—„хоть по 6 к., да отдашь“. Случаевъ постоянныхъ договоровъ между скупщиками и кустарями о поставкѣ кошелей по разъ установленной цѣнѣ, какъ намъ говорили, еще не было, но эта идея давно носится въ воздухѣ: Гавр. Батіевскій хотѣлъ одного договорить, но тотъ „не согласился“ (вѣроятно, рѣчь идетъ о рассказанномъ выше случаѣ договора его съ М. Власенкомъ объ ажурныхъ кошеляхъ), а другой самъ набивался работать постоянно по 8 коп., такъ скупщики не согласились. Причину, повидимому, нѣкоторая неустойчивость промысла—колебанія въ цѣнахъ на кошелі, вздорожаніе рогаза. Попытку спекулировать на сырьѣ дѣлалъ „кулачекъ“ Саенко, арендовавшій въ Млинахъ большое болото, но у него перехватили слобожане этотъ лакомый кусокъ, о чемъ рассказано было выше.

Кромѣ крупныхъ скупщиковъ, на базарѣ въ Городицѣ „крутится“

подъ осень и зимою, когда дѣны падаютъ, еще съ десятокъ мелкихъ; почти всѣ они изъ Вороньковъ, есть одинъ изъ Городища; изъ Поставмукъ иногда кто-нибудь „якъ мае кошпаль, то йде у Городище и тамъ прахтыкуе“. Городищенскій и самъ дѣлаеть кошели. Покупають они мало, по нѣсколько сотъ каждый, наберуть еще сотню—другую „плахъ“ (сѣтей) въ Воронькахъ или Мелехахъ, еще перцу, и со всѣмъ этимъ отправляются въ развозку по селамъ, держа путь на Кременчугъ, Лохвицу, Сенчу и стараясь попадать по пути на ярмарки и базары. Заработки, по ихъ словамъ, они имѣють не большіе: возьметъ сотъ 5 кошелей на возъ (вѣсу пудовъ 15) и получить на каждомъ кошелѣ 1 или 2 коп. барыша. Въ Поставмуки являються съ сѣвера (м. Ичня Каневцы, Переяславъ и др.) скупщики за мисками, такъ и они забирають по десятку—по два кошелей. Вотъ и вся розничная торговля, остальное все фильтруется черезъ городищенскіе базары въ руки скупщиковъ.

Всѣ жалуются, что во всемъ районѣ деньги въ кредитъ очень трудно доставать—„швидче достанешъ, якъ подъ залогъ землю заставишъ“. Въ Вороньковской волостной кассѣ даютъ за 6⁰/о, но очень немногимъ, да и поручителей никакъ не найдешъ. Нѣкоторые скупщики сами орудуютъ на занятія деньги (напр., Саенко), даже такой крупный, какъ Цымбаль, иногда затягиваетъ уплату и пользуется услугами слободского писаря по кредиту. Земскій учитель даетъ деньги за 10⁰/о. Процентъ при вынужденной продажѣ кошелей во время сбора податей мы видѣли.

Узнавъ, что мы пріѣхали „изъ губерніи“, отъ земства, кустари на прощанье просили насъ „поклопотатся“ о выкупѣ плотины Горвица въ Городищѣ, указывая на то, что получение сѣнокосовъ для нихъ важнѣе всѣхъ промысловъ, взятыхъ вмѣстѣ.

При желаніи мѣстныхъ людей придти на помощь кустарямъ въ дѣлѣ сбыта (устраненіе скупщичество, дѣйствительно, было-бы благодарной задачей) слѣдуетъ имѣть въ виду, что на мѣстѣ долженъ быть уполномоченный, располагающій значительнымъ оборотнымъ капиталомъ, хотя-бы тысячъ въ 5, для немедленной расплаты за кошели; иначе кустари, не имѣющіе возможности ждать больше недѣли—двухъ, останутся въ рукахъ скупщиковъ, хотя-бы имъ и сулили лучшую плату.

IV. Ткачество въ м. Воронькахъ.

По сравненію съ такимъ популярнымъ и доступнымъ для каждаго промысломъ, какъ плетеніе сѣтей, ткачество въ м. Воронькахъ является дѣломъ болѣе сложнымъ, труднымъ и потому выше оплачиваемымъ. Ткачи сами о себѣ говорятъ, что имъ хотя и плохо живется, а все-же не такъ, какъ плетущимъ сѣти. Хорошихъ, опытныхъ мастеровъ ткачи насчитываютъ въ своей средѣ до 70 челов. (дворахъ въ 50), а кромѣ того наберется еще 20—30 такихъ, которые сами себѣ ткуть и лишь изрѣдка работу-другую для сосѣда. Такихъ, что только съ ткачества и хлѣбъ ѣдятъ, наберется до 50—„це вже правда, хоча вмерты передъ Богомъ“. Общую характеристику доходности промысла ткачи дѣлали такую: если всего два человѣка въ семьѣ (чоловѣкъ та жинка), то одинъ ткачъ кое-какъ пропитаетъ, а если пойдутъ дѣти—не прокормятся отъ одного ткачества. По наблюденіямъ стариковъ, число ткачей въ Воронькахъ почти не увеличивается—развѣ лишь пропорціонально естественному приросту населенія. Причину надо искать въ томъ, что если-бы ткачъ круглый годъ однимъ только своимъ промысломъ занимался, у него не хватило-бы на пропитаніе семьи, да и самой ткацкой работы не хватило-бы для всѣхъ имѣющихся ткачей на круглый годъ. Очевидно, промыселъ достигъ своихъ естественныхъ границъ, а развиваться шире ему не позволяетъ самая форма промысла—работа по заказамъ; на продажу ни одинъ ткачъ не работаетъ. При такихъ условіяхъ ткачество является занятіемъ, тѣсно переплетающимся съ земледѣліемъ: „мы не нагально робимо,—хочется и того заробить, и того“. На половину изъ 70 ткачей лѣтомъ идутъ на заработки: „ніхто не захоче мучить себе літомъ, хиба въ крайности“. Съ мая обыкновенно уже „простують“ въ поле, а на ткацкую работу осенью, съ Покрова, да и то не очень усидчиво: идетъ помолотить—„провітриться, щобъ не занудиться въ хаті“. Впрочемъ, не слѣдуетъ думать, что это свое собственное хозяйство даетъ ткачамъ возможность отрываться отъ нудной работы. Въ общемъ ткачи, какъ и прочіе жители м. Вороньковъ, малоземельны: „наділы булы по два уруги на душу“. Коли промыселъ одинъ не выдерживаетъ,—„треба старатысь хочъ 6-ый, або 7-ый снопъ зароблять; хочъ які тамъ заробытки, а идешъ—тіпаешься“. Такихъ хозяевъ-ткачей, который весь годъ ѣлъ-бы хлѣбъ съ своего поля,

очень мало,—говорят ткачи, за то насчитывают до 10 мастеровъ, которые живутъ „у сусідяхъ“, платя по 10—12 руб. въ годъ за квартиру (есть и на 5 руб. квартиры—совсѣмъ плохія). Волость дала намъ свѣдѣнія о землевладѣніи тѣхъ дворовъ, гдѣ есть ткачи, но, повидимому, какъ и въ другихъ волостяхъ, ею посчитаны были не всѣ такіе дворы, а вѣроятно лишь тѣ, въ составѣ которыхъ имѣются „настоящіе“ ткачи. Вотъ эти свѣдѣнія:

1) совершенно безземельныхъ хозяйствъ—	1	
2) владѣющихъ усадьбами и полемъ до 1 десятины—	3	
хоз. и у нихъ всего земли		17/8 дес.
3) владѣющихъ отъ 1 до 3 дес.—	10 хоз.,	у нихъ земли 22 ¹ / ₈ „
4) „ „ 3 „ 6 „ —	14 хоз.,	„ „ 59 ¹ / ₃ „
5) имѣющихъ свыше 6 десят.—	3 хоз.,	„ „ 22 ¹ / ₆ „

Всѣхъ хозяйствъ—31; у нихъ земли 105¹/₂ дес.

Между какими группами по землевладѣнію распредѣляются остальные 40 ткачей, не вошедшихъ въ списокъ волости, мы не знаемъ, но приблизительно можемъ считать такъ: около 10 хозяевъ живутъ „въ сусідяхъ“; 50 хозяевъ, которые „съ того тѣльки й живутъ“,—очевидно, малоземельные; остаются 30—40 хозяйствъ, сравнительно обезпеченныхъ землею, за то и меньше работающихъ.

При такихъ условіяхъ количество рабочаго времени, уходящаго на ткачество, должно давать колебанія въ хозяйствахъ разныхъ типовъ, хотя и небольшія: на своей-ли, на чужой-ли землѣ, а ткачъ долженъ заработать себѣ лѣтомъ хлѣба,—„бо не купишься“! Кромѣ того, въ Воронькахъ развито табаководство, которое также частью отвлекаетъ отъ ткачества. Обычный ткацкій сезонъ, какъ и повсюду,—съ Покрова до мая; въ Петрівку работаютъ мало. Рабочій день ткача продолжающійся 12 часовъ и больше (въ горячее время спѣшки) захватываетъ и тѣ утренніе часы, когда работаютъ „при свѣтлѣ“. Если засидятся вечеромъ и работаютъ часъ-другой при свѣтлѣ („трехъ не высидитъ“), то уже на другое утро не встанутъ работать при свѣтлѣ. Впрочемъ, старики обыкновенно совершенно не работаютъ при свѣтлѣ, такъ какъ имъ не позволяетъ зрѣніе: ткацкая работа вредна для глазъ, благодаря отдѣляющейся пыли. Ткачи говорятъ, что рабочій, взявшійся за ткачество,—„за три годы отощаетъ: на грудь ослабнетъ и живитъ осушается“.

Обычный матеріалъ—пенька. Какъ нарядутъ бабы, то попадаетъ и ленъ, но мѣшанный,—чистаго почти не попадаетъ: ленъ плохой да и сѣять его негдѣ,—у помѣщиковъ родитъ хорошій. Своихъ конопель у ткачей почти нѣтъ—не болѣе, чѣмъ на 50 локтей холста у каждаго; поэтому ни для себя, ни на продажу ткачи не работаютъ, а только перерабатываютъ приносимые заказы. Иногда бабы ткачей сами поку-

паяють нитки, если нечѣмъ допрядти изъ собственнаго матеріала. Прядиво покупають по 25—30 коп. за павісмо, готовую пряжу по 2 коп. за пасмо,—дешевле не купятъ. Півмітокъ, обыкновенно въ 30 пасомъ и вѣсомъ около 3 фунтовъ, продается по 50—60 коп. (мотокъ до 1 р. 20 коп.), причеиъ въ этой цѣнѣ (50—60 коп.) заключается 30 коп. за пряденье 30 пасомъ пряжи. Такимъ образомъ въ цѣнѣ пасма готовой пряжи (2 коп.) заключается одна копѣйка за трудъ пряденья и почти копѣйка собственно за матеріаль. Пряжа, которая употребляется на сѣти, по словамъ ткачей,—гораздо дешевле. Какъ мы видѣли выше, она и продается на особую единицу мѣры—десяточку, причеиъ цѣна десятички колеблется отъ 7 до 10 коп. Доставкою и продажею пряжи для тканья холстовъ никто не занимается,—каждая хозяйка сама доставляетъ ткачу собранную ею пряжу. Если иченцы иногда и навозятъ пряжу, то только для плашекъ („купають на пуды богаті, у кого гроши е“).

Повидимому, мѣстные ткачи имѣють довольно работы,—по крайней мѣрѣ они сами говорятъ, что не только изъ Вороньковъ никто не даетъ работы на сторону, въ другія села („хиба якъ спізнитися заказать“), но, наоборотъ, Вороньки привлекають заказчиковъ и изъ Мелеховъ, и изъ Городища, и изъ Позниковъ. Заказы приносятъ, впрочемъ, не крупныя: обыкновенно въ 50—70 локтей, часто въ 30—40 локтей и лишь изрѣдка („хиба десятая душа“) приносятъ заказъ въ 100 локтей.

Производятся ткачами обычныя сельскія издѣлія,—прежде всего, конечно, холсты: осьмірку заказываютъ рѣдко—не болѣе двадцатой части всѣхъ заказовъ, наиболѣе ходки девятка и десятка; одиннадцатка и особенно двѣнадцатка уже рѣдко попадаются (только отъ „богатыхъ“ заказчиковъ, да и то рѣдко: иной ткачъ за 30 лѣтъ одну только 12-тку и видѣлъ, изъ сотни одна баба дѣлаеть). Затѣмъ, ткуть еще рядовину—въ 6 пасомъ на мѣшки и въ 8 пасомъ на рядна; работаютъ ее на 4 подножкахъ. Хустки и рушники дѣлаются только простые—со слабо затканными концами. Изъ шерсти ткуть сукна, пояски и запаски. Сукно дѣлается и на 2, и на 4 подножки: „за Дніпро,—тамъ добре вміють валить,—иде и на дві піднижки, а наші не вміють, то й сукно пропаде, якъ не въ чотирі підніжки“. Пояски мало дѣлаются, скоро выведутся и запаски—„усе крамъ беруть“, а плахть уже никто не дѣлаеть. Ткуть все на простыхъ верстатахъ, о самолетахъ хотя кое-кто изъ ткачей и слышалъ, но никто не видѣлъ: „немае часу шукать его“.

Плата за трудъ такова: за девятку по 2 коп. отъ локтя или 2¹/₂ коп. отъ аршина и хлѣбъ отъ каждаыхъ 10 локтей; впрочемъ, прибавка хлѣба выходитъ изъ моды,—хлѣбъ и въ селѣ дѣлается уже покушнымъ предметомъ: обыкновенно его замѣняютъ „грошми“—считая по 4 или

по 5 коп. вмѣсто одного хлѣба. Шлихта дается заказчикомъ,—сколько дастъ. За локоть десятки хорошей тонкой даютъ по 2¹/₂ коп., а слушается въ посту, когда никто изъ ткачей работы не принимаетъ отъ запоздавшаго заказчика, то и 3 коп. платять. За одиннадцатку берутъ 2¹/₂—3¹/₂ коп., а за двѣнадцатку—4 коп. отъ аршина. За сукно берутъ по 2 к. отъ локтя, какимъ-бы способомъ оно ни было сдѣлано—на 4 или на 2 подножкахъ. Мѣшковую рядовину дѣлаютъ по 2 коп., а ту, что на рядна, по 2¹/₂ коп., и хлѣбъ по указанному выше разсчету. За пару заднихъ запасокъ платять по 25 коп. безъ хлѣба. Пояски плетутся по 1 коп. отъ аршина.

Производительность труда опредѣляютъ такъ: самый лучший мастеръ за день „выкинетъ“ 10 локтей девятки, а если ему цѣвки сукають, то и до 15 локтей (субанье цѣвокъ „на половину“ затыгиваетъ дѣло), средний мастеръ—не болѣе 8 или 10 локтей. Въ Петрівку или въ Великій постъ хватить 100 локтей на недѣлю работы. При томъ условіи, что ткачи стараются работать „не нагально, хйба якъ хто стане пристягать“, считая до 200 рабочихъ дней ткача въ году, выходитъ, по словамъ ткачей, что каждый изъ 70 лучшихъ ткачей усиѣваетъ за годъ передѣлать отъ 1000 до 1500 локтей. Это составитъ для средняго ткача валовой заработокъ въ 30 руб., для лучшаго—40 руб. Указывали на одного нѣмого ткача, усиленно работающаго и не уходящаго на жнива больше, чѣмъ на 2 дня, и опредѣляли его годовой заработокъ въ 45 руб., какъ предѣльный максимумъ, котораго только можетъ достигъ ткачъ *). Надо думать, что если-бы у ткача круглый годъ не переводилась работа, то за тотъ-же періодъ времени въ 200 дней онъ могъ-бы сдѣлать значительно больше (см. въ примѣчаніи цифры г. Пучки), примѣрно отъ 60 до 75 руб. Это показываетъ, что въ Воронькахъ трудъ ткача, сравнительно, въ цѣнѣ, и объясняется это, повидимому, тѣмъ, что слишкомъ много рабочихъ силъ здѣсь уходитъ на излюбленное плетеніе сѣтей и остающіяся немногія рабочія руки находятъ себѣ большее приложеніе.

Возможно, что указанные выше цифры производительности труда, сообщенныя намъ ткачами, нѣсколько ниже дѣйствительныхъ. По крайней мѣрѣ, сотруднику нашему г. Пучкѣ ткачи показывали, что за одинъ рабочий день ткачъ можетъ сдѣлать: или 15 аршинъ девятки, или 12 арш. десятки, 10 арш. одиннадцатки, 8 арш. двѣнадцатки холста, или

* Нашему сотруднику г. Пучкѣ ткачи дѣлали, однако, болѣе щедрыя расчеы; они считали, что специально занимающійся своимъ дѣломъ ткачъ за 200 рабочихъ дней *можетъ* сдѣлать:

холста въ 9 пасомъ	3000 арш. на 75 р.		рядовины въ 6 пасомъ	3200 арш. на 64 р.
или „ 10 „	2400 „ „ 72 „		или „ 8 „	2800 „ „ 70 „
„ „ 11 „	2000 „ „ 70 „		„ „ 10 „	2000 „ „ 60 „
„ „ 12 „	1600 „ „ 64 „		или сукна „ 8 „	3000 „ „ 60 „

рядовины: 16 арш. въ 6 пасомъ, или 14 арш. въ 8 пасомъ, или 10 арш. въ 10 пасомъ и, наконецъ, сукна въ 8 пасомъ можно сдѣлать 15 арш. Повидимому, при такомъ счетѣ принимается, что цѣвки сукаетъ кто-либо другой.

Во всякомъ случаѣ, однако, ткачество въ Воронькахъ не имѣетъ характера работы для рынка и, являясь занятіемъ небольшого числа специализировавшихся мастеровъ, не привлекаетъ и не способно окупать ни наемныхъ рабочихъ, ни пріемныхъ учениковъ. Содѣйствіе промыслу въ той его формѣ (работы по заказамъ), въ какой онъ существуетъ теперь, оказать трудно. За то, быть можетъ, не безполезно было-бы, пользуясь значительнымъ численнымъ развитіемъ промысла, къ которому привлечены не только женщины, но и мужчины, и въ виду необходимости отвлечь хоть часть населенія отъ плетенія сѣтей,— полезно было-бы, думается намъ, сдѣлать попытку насажденія болѣе усовершенствованнаго ткачества для производства хотя-бы и простѣйшихъ издѣлій, но съ употребленіемъ фабричной бумажной и шерстяной нитки.

V. Сапожничество въ м. Воронькахъ.

Обратить вниманіе на сапожный промыселъ въ Воронькахъ заставило насъ, во 1-хъ, то обстоятельство, что въ изготовленіи сѣтей, этомъ модномъ занятіи вороньковцевъ, замѣчается уже положительное перепроизводство, и пора поискать новыхъ способовъ приложенія труда, а сапожничество обыкновенно даетъ сравнительно порядочный заработокъ; во 2-хъ, намъ пришлось услышать, что въ Воронькахъ сапожниковъ слишкомъ мало сравнительно хотя-бы съ тѣми селами Роменскаго уѣзда, въ которыхъ мы успѣли передъ тѣмъ побывать, и что здѣсь имѣются и пріѣзжіе сапожники, и навозится немало сапога извиѣ. Насъ заинтересовалъ вопросъ: отчего вороньковцы не переходятъ отъ сѣтей къ сапогамъ?

Прежде всего обращаетъ на себя вниманіе то, что на 912 дворовъ въ Воронькахъ съ числомъ жителей около 4¹/₂ тысячъ имѣется всего 25—30 сапожниковъ, въ томъ числѣ 4—5 выходцевъ изъ другихъ мѣстъ, поселившихся навсегда или временно. Сами сапожники (а также и другіе мѣстные жители) увѣряютъ, что они обуваютъ только четвертую часть мѣстнаго населенія—„и того не буде“, а три четверти принуждены покупать сапоги или на сторонѣ, или у пріѣзжихъ торговцевъ, или у мѣстныхъ лавочниковъ. О пріѣзжихъ говорятъ, что еслибъ еще 20 новыхъ сапожниковъ пріѣхали, то и тѣмъ была-бы всѣмъ работа. Этимъ опредѣляется и характеръ мѣстнаго сапожничества: оно занято исключительно работою по заказамъ,—„не управляемъ и заказовъ выполнять, не то, чтобы покупать товаръ и работать на продажу“. Нисколько поэтому не удивительно, что чѣмъ дальше, тѣмъ больше появляется въ Воронькахъ выходцевъ изъ другихъ мѣстъ, переполненныхъ сапожниками. Такъ, м. Семеновка (Новозыбковскаго уѣзда Черниговской губ.), гдѣ, говорятъ, имѣется до 200 сапожниковъ, уже имѣла при насъ въ Воронькахъ двухъ своихъ представителей, въ видѣ мастера съ подмастерьемъ; кромѣ того, Лохвица имѣла троихъ представителей (съ 2 подмастерьями), которые даже поселились здѣсь навсегда (двое изъ нихъ живутъ лѣтъ по 10 уже, а третій пять лѣтъ).

Объ отношеніи промысла (вѣрнѣе—ремесла къ землѣ даютъ понятіе слѣдующія данныя, сообщенныя намъ волостью относительно

двадцати двух мѣстныхъ хозяевъ-сапожниковъ; выходцы, живущіе по квартирамъ, въ этотъ счетъ не вошли.

Безъ земли и грунта 1—хозяинъ.

Съ грунтомъ и полемъ до 1 дес. 4 хоз., у нихъ всѣхъ 1 дес. 1050 саж.

Отъ 1 до 3 десятины имѣютъ 9 " " " 20 " 964 "

" 3 " 6 " " 7 " " " 28 " 299 "

Свыше 6 десятины " 1 " " " 7 " 2365 "

Итого . . . 22 хоз., у нихъ всѣхъ 57 дес. 2278 саж.

Такимъ образомъ сапожничество тѣсно связано съ земледѣліемъ и только выходцы живутъ, главнымъ образомъ, или исключительно отъ промысла: напр., выходецъ изъ Лохвицы Ник. Скрипка считается лучшимъ мастеромъ въ Воронькахъ, онъ единственный дѣлаетъ „городскую“ обувь по заказамъ мѣстныхъ батюшекъ, евреевъ и т. п. При всемъ томъ большинство сапожниковъ малоземельны и принуждены зарабатывать на чужой землѣ. Земля больше даетъ доходу, говорили сапожники,—лѣтомъ хлѣба „наробишь и не купуешь, а сапогомъ заробишь на податки и що інше“. Многіе изъ сапожниковъ, кромѣ обычныхъ навыковъ по крестьянскому хозяйству, еще и плотничаютъ въ свободное время: „сапоги, за снопъ и плотничество—вотъ наши занятія“. Приѣзжіе сапожники, осѣвшіе навсегда, также стараются обжиться хозяйствомъ по возможности: одинъ имѣетъ лавку—„ремень продаетъ“, другой—табакомъ занимается. Только двое, одинъ лохвичанинъ и одинъ семеновецъ, занимаются исключительно сапожничествомъ.

Временно наѣзжающіе въ Вороньки сапожники чаще всего опредѣленной квартиры не нанимаютъ, а переходятъ изъ хаты въ хату—отъ хозяина къ хозяину, по мѣрѣ изготовленія заказовъ: перешьетъ парь 7—8, а то и 15 „якъ сімья здоровая“, и переходитъ къ другому, работая вездѣ на хозяйскихъ кормахъ. Изрѣдка нанимаютъ квартиру—недѣли на двѣ. Семеновскій мастеръ Юліанъ Жукъ, выходецъ изъ промышленной и предприимчивой Семеновки, явился въ Вороньки (въ нашу тамъ бытность), на нѣсколько иныхъ основаніяхъ: онъ договорилъ себѣ въ Семеновкѣ подмастерья, котораго и привезъ съ собою, и товару сапожнаго захватилъ парь на 40 (рублей на 80—100 съ докладомъ),—понятно, ему пришлось уже нанять квартиру для своей мастерской, и онъ говорилъ намъ, что платитъ по 2 руб. въ мѣсяць, считая по рублю съ человѣка. Братъ завезъ его съ подмастерьемъ въ Вороньки на лошади, а отсюда они, сбывши товаръ, возвращаются обратно уже „машиною“. Такимъ образомъ, для него промыселъ является своего рода отхожимъ заработкомъ *).

*) Этотъ мастеръ говорилъ намъ, что приѣхалъ на время—съ 17 сентября до Рождества, а потомъ поѣдетъ обратно въ Семеновку, гдѣ и будетъ работать на базарь отъ пары—по 40 или 50 коп. Под.

„Настоящих“ мастеров сапожники считают въ своей средѣ человекъ 15 (лучшіе изъ нихъ—Емел. Крекотень, Онопрій Ковбаса, Петръ и Прокопъ Совы), остальные поплоче: „такъ только для себя или изрѣдка кому пришвы пришьешь или латочку положишь“, скромно говорятъ такіе о себѣ. Всѣ дѣлаютъ простые сапоги и черевики, кромѣ упомянутаго выше лохвичанина Ник. Скрипки, дѣлающаго и „городскую“ обувь для сельской „интеллигенціи“. Ботинокъ на резинахъ въ Воронькахъ крестьяне еще не носятъ, а мода сказывается лишь въ томъ, что повсюду уже требуются сапоги съ острыми носками и низкими подборами. Качество работы у всѣхъ приблизительно одинаково, такъ какъ для продажи на базарь не работаютъ, слѣдовательно—и фальшивить труднѣе.

Подмастерьевъ и учениковъ почти не держатъ, даже свои дѣти мало учатся сапожничеству, такъ что почти всѣ сапожники—одиночки. „Ранійшь Сова державъ учнівъ, що було и по двое, а теперь свій хлопецъ піднявсь, то зъ імъ робить. Оце теперь, у Пилишівку, коженъ у день молотить, а ночью шіе“.—„Не знаемо, що воно за нарідь у насъ такий,—не хоче навчатись. Усіхъ спутала та нещасна плаха: хто курить, такъ и на гасло не хапае,—при каганці, що ледве видно, роблять! Чисто у шмарки (жмурки) гратись,—ты мене побачишь, а я тебѣ!“ Число сапожниковъ почти не увеличивается. „Тільки видь Совы штукъ пять пішло сапожниківъ“. Лѣтъ 10 назадъ, говорятъ, было столько-же, сколько теперь,—да и за 25 лѣтъ мало перемѣны. Понятно, что при такихъ условіяхъ „на чужі села не пійде ни одинъ шить сапогівъ“. Сова хвалится, что у него лежитъ парь на 30 товару, принесеннаго заказчиками для работы; у Ковбасы лежитъ парь на три—„більшь не хотівъ брати“. Сова говоритъ, что у него для малой дочки нужны были сапожки, такъ онъ самъ не хотѣлъ возиться съ маленькими и купилъ въ лавкѣ. Многіе мѣстные жители сапогъ не заказываютъ, а покупаютъ готовые,—особенно тѣ, которые уходятъ на сторонніе заработки: знаютъ, что тутъ сапога мало,—и покупаютъ. Возможно, что уходящая на заработки молодежь предпочитаетъ покушшой сапогъ еще и потому, что онъ франтоватѣе. По крайней мѣрѣ, машинная строчка въ Воронькахъ не употребляется почти, такъ какъ ни у одного изъ здѣшнихъ сапожниковъ нѣтъ швейныхъ машинъ. Таковыя имѣются лишь у трехъ портныхъ, которые и берутъ, въ случаѣ надобности, за строчку по 10—15 коп. Въ другихъ мѣстахъ, гдѣ промыселъ болѣе развитъ, за строчку сапогъ портные или сами-же сапож-мастерьевъ обыкновенно такіе мастера договариваютъ по 20—30 руб. за 3 мѣсяца и везуть съ собою работать; если разсчитать отъ пары, то платять по 40—50 коп. (договоры письменные, скрѣпляются въ волости). Въ Семеновкѣ, говорятъ, въ сутки заработаетъ коп. 50, а здѣсь и до 1 рубля, за то здѣсь надо квартиру оплатить.

ники, имѣющіе машины, берутъ не дороже 5 коп. (въ Семеновкѣ, по словамъ Жука, не дороже 4—5 коп).

Привозной сапогъ, какъ намъ сообщали, больше всего идетъ „изъ Руси“, т. е. изъ Черниговской губерніи, главнымъ образомъ, изъ м. Семеновки; везутъ также изъ Ични, Ромна. „Старіе бѣльш литвински купуютъ,—така въ насъ мода“. Мѣстныхъ сапожныхъ лавокъ нѣтъ, есть лишь три лавки, торгующія кожевеннымъ товаромъ; но на каждый изъ базаровъ, а ихъ въ Воронькахъ на недѣлѣ три, навозятъ паръ по 20 сапогъ „рускіе“. Многіе запасаются сапогами на ярмаркахъ, изъ которыхъ главныя: въ Чернухахъ—на Николая и на Пречистую, въ Лохвицѣ—20 сентибря; впрочемъ, на Чернухской Пречистенской ярмаркѣ больше запасаются сапожнымъ товаромъ. Всѣ эти конкуренты, по словамъ сапожниковъ, имъ нисколько не мѣшаютъ: „коли-бъ ще 20 сапожниковъ, то й тымъ була-бъ работа“. Повидимому, не только въ Воронькахъ такое раздолье сапожникамъ; по крайней мѣрѣ, выходецъ изъ Семеновки Жукъ говорилъ намъ, что такихъ, какъ онъ, родичей и пріятелей изъ одной съ нимъ партіи, есть и въ Чернухахъ семь человекъ.

Время, употребляемое сапожниками для промысла, находится въ зависимости отъ ихъ земледѣльческихъ занятій. Человекъ 10, болѣе обеспеченныхъ земель, работаютъ, по ихъ словамъ, около 3 мѣсяцевъ въ году—передъ Різдвомъ; остальные, въ томъ числѣ и лохвичане, еще съ мѣсяць-другой работаютъ передъ Великоднемъ, остальное время уходитъ на земледѣліе и плотничество. Вообще самыя бѣдныя изъ вороньковцевъ работаютъ не болѣе 7 мѣсяцевъ въ году. Пріѣзжіе лохвичане и семеновецъ, разумѣется, работаютъ весь годъ—то здѣсь, то у себя дома, потому что и гонитъ ихъ изъ дому малоземелье. Въ рабочей сезонъ продолжительность рабочаго дня—около 12 часовъ.

Инструментъ сапожный обычный; стоимость его: ножъ 20 коп., молотокъ 40 к., клещи 80 к., шило 10 к., колодки 50 коп.

Сапожный товаръ (кожи: юфта нарѣзная и самосадка) берется у трехъ мѣстныхъ лавочниковъ самими заказчиками, которые выбираютъ себѣ по вкусу и приносятъ сапожникамъ. Чаще всего берутъ на пару или двѣ сапогъ или черевиковъ, иногда цѣлыми кожами. Изъ кожи выкраиваютъ полныхъ 4 пары сапогъ или до 20 паръ черевиковъ. Кожевенныхъ заводовъ, гдѣ можно было-бы покупать товаръ изъ первыхъ рукъ, ближе Лубенъ нѣтъ,—да еще въ Березоточи (крестьянскіе); поэтому почти всѣ берутъ товаръ у мѣстныхъ лавочниковъ, частью-же въ Чернухахъ. Лавки держатъ: Янкель Ойстрахъ (онъ-же самый крупный скупщикъ вороньковскихъ сѣтей), имѣющій товару болѣе чѣмъ на 1000 руб. (по словамъ сапожниковъ), затѣмъ—Берко Финкельштейнъ и

Галактіонъ Бондаренко (выходецъ изъ Лохвицы); эти двое имѣють товара рублей на 400—500 каждый. Покупають по мелочамъ, на наличныя; колебанія цѣнъ за послѣдніе годы не замѣчали. Семеновскій мастеръ, какъ сказано выше, привезъ своего товара рублей на 100 и дѣлаеть сапоги частью изъ своего товара, частью изъ приносимаго заказчиками.

Производительность труда самага лучшаго мастера не превышаетъ 4 паръ въ недѣлю, обыкновенно не болѣе 3 паръ. Сова съ хлопцемъ дѣлають 5 паръ въ недѣлю, шести не сдѣлаеть—„бо робить по совѣсти“. Семеновскій, говорятъ, сдѣлаеть вдвоемъ съ подмастерьемъ паръ 6—7, случается головокъ и 8—9 пошить, но о его работѣ другіе отзывались нѣсколько скептически: „мабуть и втече скоро“. Вообще принято считать, что пара новыхъ сапогъ требуетъ 2 дней работы, головки 1¹/₂ дня, черевики также около 1¹/₂ дней и меньше.

Почти всѣ сапожники, по ихъ словамъ, передѣлають за рабочій сезонъ паръ по 50 сапогъ, а занимающіеся болѣе усидчиво и болѣе 70 паръ: „не радъ-бы зробить, дакъ примушуютъ: той ійде, а сей сидыть—и ему шій“. Конечно, это не предѣльная норма годовой производительности труда; сдѣлать могли-бы и больше, но не хотять ради сапоговъ отрываться отъ другихъ хозяйственныхъ работъ,—получается довольно устойчивое впечатлѣніе, что сапожники, какъ таковые, своимъ промысломъ не особенно интересуются и работаютъ не интенсивно.

За работу женскаго сапога въ Филипповку, на всемъ матеріалѣ заказчика до дратвы и старовины включительно, берутъ по 1 р.—1 р. 20 коп., мужскаго моднаго (изъ Елецкой вытяжки, съ острыми носками и низкими подборами) съ поднарядомъ и подклейками—отъ 1 р. 50 к. до 2 руб. „Жинки не носятъ елецкихъ, бо сорочку помаже; нема моды, щобъ жинки вытяжку носили,—да й на річку простый чоботь ій лучче“. За головки берутъ 50—60 к. Черевикъ женскій сдѣлать стоитъ 50 к., мужской—60 коп.—„ушки, китицы вставить—ото на 10 к. и дороже“. Если сапожникъ дѣлаеть изъ своего товара, то беретъ за пару новыхъ сапогъ 4 р., головки 1 р. 50 к., черевики 1 рубль. Разницы въ оплатѣ труда при своемъ или при заказчика товарѣ почти нѣтъ,—„можетъ, на комъ 25 коп. и нарвешъ“, говорилъ семеновецъ.

Такимъ образомъ, каждый мастеръ въ среднемъ зарабатываетъ на сапогахъ не менѣе 50 руб. за весь рабочій сезонъ, а тѣ, что работаютъ только въ Филипповку, не менѣе 25 руб. На заработки уходятъ въ Таврію и Херсонщину очень немногіе—и то только на „черную“ работу, вырабатывая при этомъ 40—50 р. за 4—5 мѣсяцевъ работы. Столько-же примѣрно даетъ и плотничество (собственно изготовленіе воевъ, саней, сохъ и пр.) тѣмъ, кто ими занимается въ свободное

время. Но всё три вида заработковъ въ одномъ лицѣ не совмѣщаются, а чередуются по временамъ.

Ознакомленіе съ положеніемъ сапожниковъ приводитъ къ мысли, что въ Воронькахъ могла-бы имѣть нѣкоторый успѣхъ сапожная мастерская, поставляя новыхъ мастеровъ,— правда, на счетъ сокращенія сапожнаго промысла въ сосѣднихъ уѣздахъ и ввоза сапоговъ изъ Черниговской губерніи.

Прочіе промыслы м. Вороньковъ.

Изъ остальныхъ промысловъ м. Вороньковъ, какъ на самыя многочисленныя, намъ указали на портняжный и „плотницкій“.

Портныхъ насчитываютъ до 20 хорошихъ, т. е. постоянно этимъ занимающихся, и съ десятокъ худшихъ. Перешиваютъ они обычныя крестьянскія матеріи, покупаемая частью въ двухъ мѣстныхъ красныхъ лавкахъ, частью въ Чернухахъ. И изъ Чернухъ пріѣзжаетъ часто въ Вороньки еврей съ краснымъ товаромъ. По обыкновенію мѣстнымъ лавочникамъ не очень довѣряютъ и по возможности закупаютъ товаръ на ярмаркахъ или при поѣздкахъ въ сосѣднія крупныя поселенія. Не только корсетки и сподницы дѣлаются изъ покуповаго матеріала, но и штаны (хотя и есть своихъ 4 набойщика холстовъ, но самихъ-то домо-тканыхъ холстовъ у многихъ уже нѣтъ), и даже рубахи. Суконныя матеріалы также больше покупаемы, такъ какъ и овецъ имѣютъ немногіе хозяева. Шапки смушковыя по той-же причинѣ выводятся изъ употребленія и замѣняются картузами, покупаемыми на ярмаркахъ въ Чернухахъ, Лохвицѣ и Лубнахъ. Въ Воронькахъ имѣется одинъ мѣстный кушниръ, чинящій овчины и перешивающій ихъ въ кожухи, и одинъ пріѣзжій—калужанинъ.

Древодѣльный или, по мѣстному, *плотницкій* промыселъ, по свѣдѣніямъ волости, составляетъ подспорье въ 23 хозяйствахъ. Земельное ихъ обезпеченіе таково:

Безземельныхъ хозяйствъ	1;	не имѣетъ и грунта.
Съ усадебной землей . .	1;	вся усадьба въ 150 кв. саж.
Имѣютъ отъ 1 до 3 дес.	6	хоз.; у нихъ земли 11 дес. 661 саж.
„ „ 3 „ 6 „ 11 „ „ „ „	33	„ 52 „
„ „ свыше 6 десят.	4	„ „ „ „ 26 „ — „

Всѣ мастера занимаются полевыми работами на своей землѣ и нанимаютъ у помѣщиковъ, поэтому лѣтомъ всѣ почти въ полѣ; только одинъ изъ колесниковъ Назаръ Жаданъ совсѣмъ отсталъ отъ земли. Своего хлѣба хватаетъ почти у всѣхъ на весь годъ, на продажу не остается; сѣно приходится прикупать. Работаютъ лѣтомъ въ сараяхъ и клуняхъ, зимою въ жилыхъ хатахъ,—особыхъ мастерскихъ ни у кого нѣтъ. Одинъ изъ двухъ колесниковъ Довгошея имѣетъ парню для гнута ободьевъ. Колесники употребляютъ берестъ, дубъ (для ободья) и

березу (на колодки). Дѣлающіе возы и сани пользуются мѣстными породами—дубомъ, берестомъ, липою, березою, ясенемъ, кленомъ и грабиною. Заказчики даютъ свой лѣсъ, покупая его или съ торговъ въ ближайшихъ казенныхъ лѣсныхъ дачахъ, или у скупщиковъ. Последнее гораздо чаще, такъ какъ только немногіе „грошовитые“ люди могутъ принимать участіе въ торгахъ. Въ Воронькахъ закупкою лѣса большими партіями и перепродажею его занимаются Ил. Ив. Старунъ, Макс. Ив. Перелеть, Конст. Вас. Олейникъ, Ден. Ник. Перелеть, Пот. Ив. Нестеренко; въ Мелехахъ: Дм. Вас. Хоруженко, Плья Ив. Саливонъ (оба—скупщики сѣтей); въ Загребельи: Дан. Петр. Таранъ; въ Городищѣ: Ром. Гр. Мацакъ, Лука Гер. Гашка; въ Хитцахъ: Дем. Вас. Рѣзникъ и другіе. Совмѣстныхъ оптовыхъ закупокъ не бываетъ. Наибольшій спросъ существуетъ на сани и возы, которыми дроводѣлы больше и занимаются. Цѣны издѣлій вмѣстѣ съ матеріаломъ таковы: возы—4 р.—4 р. 50 к., сани—4, 5 и 6 р., плуги—1 р. и 1 р. 50 к., бороны—отъ 1 р. 30 к. до 1 р. 50 к., сохи—по 80 к., колеса—отъ 1 р. до 1 р. 25 коп. За одну работу тѣхъ-же издѣлій платяты: за возъ—2 р., сани—отъ 2 р. 50 к. до 3 руб., плугъ 50 коп., борону—60—70 коп., соху—40 коп., колесо—50 коп. Времени требуется для изготовленія воза—4 дня, саней—5 дней, бороны—2 дня, плуга и сохи по 1 дню, приче́мъ половина времени затрачивается обыкновенно на подготовительныя операціи съ деревомъ. Хорошій мастеръ за весь рабочий сезонъ (около 1/2 года) успѣетъ сдѣлать штукъ 15 саней, 15 возовъ, 5 плуговъ, 5 сохъ, 3 бороны; средній на четвертую часть меньше. Телѣжники зарабатываютъ въ среднемъ около 50 руб., колесники отъ 63 до 65 руб. По мнѣнію самихъ мастеровъ, работа ихъ отличается прочностью, благодаря чему къ нимъ часто поступаютъ заказы и отъ сосѣдей—изъ Городища, Мелеховъ, Загребелья. Тѣмъ не менѣе существуетъ и замѣтный ввозъ издѣлій, объясняемый, главнымъ образомъ, тѣмъ, что существующее число мастеровъ всей мѣстной потребности въ издѣліяхъ удовлетворить не можетъ. Конкуренты пріѣзжіе продаютъ возы, сани и пр. копѣекъ на 50 дешевле, чѣмъ мѣстные мастера, но за то и качество ихъ издѣлій ниже (впрочемъ, это мнѣніе самихъ мастеровъ, за безусловное безпристрастіе которыхъ ручаться трудно). Главный ввозъ саней и возовъ идетъ отъ сосѣдей—изъ Сухоносовки и Поставмукъ, на мѣстные базары; колеса больше поставляютъ Хитцы на городищенскіе базары, гдѣ ихъ и раскупаютъ. Плуги большею частью еще деревянные, но много уже покупаютъ и желѣзныхъ—въ Лохвицкомъ земскомъ складѣ, изрѣдка въ Чернухахъ и Пирятинѣ. Скрыни покупаются жителями на ярмаркахъ въ Чернухахъ, Лохвицѣ и Лубнахъ. Деревянную посуду, бочки и т. п. изготовляютъ 3 мѣстные бон-

дари, а одинъ пріѣзжій „руській“ готовитъ и клепку. Вѣялокъ мѣстные мастера не дѣлаютъ, ихъ приходится покупать въ Лубнахъ и Лохвицѣ. Прялки привозятся заѣзжими калужскими кушнерами. Оконныя рамы изготовляются 4 мѣстными мастерами, а также навозятся „литвинками“ изъ Черниговской губерніи.

Повидимому, древодѣльные промыслы могли-бы давать населенію порядочный заработокъ, но рассчитывать на отвлеченіе рабочихъ рукъ отъ плетенія сѣтей къ древодѣльнымъ промысламъ нельзя, такъ какъ послѣдніе не имѣютъ будущности, вслѣдствіи уменьшенія лѣсныхъ пространствъ.

Волость указала намъ еще 4 кузнецовъ, 4 плетущихъ канаты (слѣпцы—нищіе преимущественно), 5 кровельщиковъ и 2 изготовляющихъ сырецъ-кирпичъ. Гончарнаго промысла вовсе не существуетъ: миски привозятъ изъ Поставмукъ, горшки изъ Городища (не хвалятъ); по хорошему пути лучшіе горшки привозятся изъ Комышны, Опішнего, Хомутца. Роговые гребни привозятся рашевцами. Сбруя покупается на ярмаркахъ. Деготь держатъ мѣстные лавочникъ.

Ярмарка въ Воронькахъ бываетъ одинъ разъ въ году—на Воздвиженъ, 14 сентября, однодневная,—„небольшая, якъ базаръ; скотина не продается, торговля дробная“. Сходятся на нее сосѣди съ окружности, примѣрно, верстъ въ 12—изъ Мелеховъ, Городища, Позниковъ, Загребелья, Поставмукъ, Сухоносовки, Ковалей, Чернухъ, изрѣдка изъ Юсковцевъ. Торговцы наѣзжаютъ на ярмарку только изъ самыхъ ближайшихъ мѣстностей: изъ Лохвицы и Лубенъ преимущественно съ бакалейными и мануфактурными товарами; въ недавнее время начали пріѣзжать съ сапожнымъ товаромъ и горшками, но все это также изъ ближайшихъ мѣсть. Вообще, по замѣчанію корреспондента С. И. Кабакова, Вороньковская ярмарка „представляетъ собою характеръ не промышленный, а скорѣе похожа на народное гулянье“. Назначены были въ Воронькахъ еще двѣ ярмарки—на 2-й недѣли Великаго поста и на 13 іюля, но онѣ не собираются. Изъ окрестныхъ ярмарокъ вороньковцы больше всего пользуются лохвицкими—„и ближе, и удобнѣе“; также и чернухскими. Въ Лубны и Пирятинъ ѣдутъ мало—„была дорога—лучше было, а теперь дороги очень плохія; на Пирятинъ дорога хоть и столбовая, но какая-то невеселая, да и 40 верстъ для нашихъ коней тяжело“.

Въ самихъ Воронькахъ волость указала намъ 19 лицъ, специально занимающихся торговлей разнаго рода—здѣсь и владѣльцы красныхъ лавокъ, и лавокъ съ кожевеннымъ товаромъ, и скупщики сѣтей и пр. Ихъ земельное обезпеченіе таково:

Безземельныхъ, не имѣющихъ даже усадьбы, 5 хоз. (изъ нихъ 4 еврея).
Имѣющихъ усадьбы или поля до 1 дес. 3 хоз.; у нихъ всего $1\frac{1}{2}$ дес.

„	отъ 1 до 3 дес. поля . . .	9	„	„	„	$19\frac{3}{4}$	„
„	„ 3 „ 6 „ . . .	1	„	„	„	4	„
„	свыше 6 дес. „ . . .	1	„	„	„	$9\frac{1}{2}$	„

Итого . . . 19 хоз.; у нихъ земли $34\frac{3}{4}$ д.

Всѣхъ торговцевъ-евреевъ 5, изъ нихъ 4 не имѣютъ осѣлости и живутъ на квартирахъ; пятый, богатый скупщикъ сѣтей и торговецъ сапожнымъ товаромъ, Янкель Ойстрахъ, имѣетъ усадьбу въ 600 квад. саж. Въ числѣ торговцевъ одна женщина. Въ списокъ волости вошли, повидимому, только тѣ 19 лицъ, которыя такъ или иначе специализировались на торговомъ дѣлѣ, но въ него не вошли даже многіе изъ тѣхъ хозяевъ, на которыхъ намъ указывали, какъ на скупщиковъ сѣтей, лѣса, сапожнаго товара и т. п. Слѣдовательно, нельзя никакъ думать, что вся торговая дѣятельность Вороньковъ исчерпывается операціями этихъ 19 торговцевъ. Тѣмъ не менѣе м. Вороньки, хотя и является крупнымъ поселеніемъ по числу населенія, имѣетъ еще характеръ чисто земледѣльческаго пункта, въ которомъ промышленная жизнь исчерпывается, съ одной стороны, земледѣліемъ и связанными съ нимъ земледѣльческими промыслами, съ другой—торговыми операціями скупщиковъ, и лишь одно производство сѣтей выходитъ на отдаленный рынокъ.

Насколько можно судить изъ ознакомленія въ общихъ чертахъ съ мѣстною промысловою жизнью, насущною потребностью м. Вороньковъ является, какъ уже сказано, отвлеченіе части населенія отъ вязанія сѣтей и, съ этою цѣлью, открытіе ремесленного училища для правильного и доступнаго для населенія обученія важнѣйшимъ ремесламъ—сапожному, кузнечному и столярному.

VII. Ткацкій и др. промыслы въ с. Мелехахъ.

Мелехи находятся въ ближайшемъ сосѣдствѣ съ Вороньками и по общимъ условіямъ промысловой жизни очень мало отличаются отъ нихъ. О земельномъ обезпеченіи мелеховцевъ даетъ понятіе слѣд. таблица:

Распределение различныхъ группъ по землевладѣнію.	Безъ усадьбы.		Земли до 1 дес.		Отъ 1 до 3 дес.		Отъ 3 до 6 дес.		Свыше 6 дес.		И Т О Г О.	
	Число хозяйствъ.	У нихъ земли.	Число хозяйствъ.	У нихъ земли.	Число хозяйствъ.	У нихъ земли.	Число хозяйствъ.	У нихъ земли.	Число хозяйствъ.	У нихъ земли.	Число хозяйствъ.	У нихъ земли.
У всѣхъ вообще жителей с. Мелеховъ.	—	60	22 ³ / ₄ д.	125	260 ¹ / ₄	85	369 д.	69	899 д.	339	1551 д.	
Въ 0/0-ахъ	—	18 ⁰ / ₀	1,5 ⁰ / ₀	37 ⁰ / ₀	17 ⁰ / ₀	25 ⁰ / ₀	23,8 ⁰ / ₀	20 ⁰ / ₀	57,7 ⁰ / ₀	100 ⁰ / ₀	100 ⁰ / ₀	
У занимающихся однимъ земледѣліемъ.	—	30	13 ¹ / ₂ д.	95	202 ¹ / ₂	73	315 ¹ / ₈	63	838 ¹ / ₃	261	1369 ¹ / ₂	
Въ 0/0-ахъ	—	11,5 ⁰ / ₀	1 ⁰ / ₀	36,5 ⁰ / ₀	15 ⁰ / ₀	28 ⁰ / ₀	23 ⁰ / ₀	24 ⁰ / ₀	61 ⁰ / ₀	100 ⁰ / ₀	100 ⁰ / ₀	
У постоянныхъ ткачей	—	6	4 ¹ / ₃ д.	10	18 ¹ / ₄ д.	3	14 ³ / ₄ д.	1	7 ¹ / ₃ д.	20	44 ² / ₃ д.	
Въ 0/0-ахъ	—	30 ⁰ / ₀	9,6 ⁰ / ₀	50 ⁰ / ₀	40,6 ⁰ / ₀	15 ⁰ / ₀	32,8 ⁰ / ₀	5 ⁰ / ₀	16,5 ⁰ / ₀	100 ⁰ / ₀	100 ⁰ / ₀	
У прочихъ ткачей	—	6	1 ⁷ / ₈ д.	16	34 ² / ₃ д.	8	35 ¹ / ₃ д.	5	35 ⁵ / ₆ д.	35	107 ³ / ₄	
Въ 0/0-ахъ	—	17 ⁰ / ₀	1,8 ⁰ / ₀	46 ⁰ / ₀	32,1 ⁰ / ₀	23 ⁰ / ₀	32,7 ⁰ / ₀	14 ⁰ / ₀	33,2	100 ⁰ / ₀	100 ⁰ / ₀	

Изъ этой таблицы очевиденъ исключительно земледѣльческой характеръ населенія. Хозяйствъ, въ которыхъ волость не отмѣтила никакого промысла, кромѣ хлѣбопашества, оказывается 80⁰/₀ общаго числа. Правда, сколько нибудь обезпеченныхъ землею (свыше 3 дес.) среди хлѣбопашцевъ всего 52⁰/₀, остальные принуждены искать земледѣльческихъ заработковъ и на сторонѣ; но и этотъ процентъ въ ряду рассмотрѣнныхъ нами поселеній оказывается не малымъ *). Не слѣдуетъ, конечно, думать, чтобы веденіе земледѣческаго хозяйства исключило какія-либо другія операціи промысловаго или коммерческаго характера: такъ, хлѣбопашецъ и пчеловодъ козакъ Илья Ив. Саливонъ, самый крупный землевладѣлецъ Мелеховъ, обладающій 116¹/₂ дес. земли, вмѣстѣ съ тѣмъ является однимъ изъ крупнѣйшихъ скупщиковъ рыболовныхъ

*) Малоземельные нанимаютъ между прочимъ сиротскую землю отъ опеки; въ то время въ опеку находилось 18 сиротскихъ имѣній. Съ десятковъ хозяйствъ, не имѣющихъ за что „защититься“, главное „пронитаніе“ имѣютъ отъ сѣтей.

сѣтей. Но собственно такихъ промысловъ, около которыхъ специализировалось-бы мѣстное населеніе, кромѣ плетенія сѣтей и, пожалуй, въ небольшой мѣрѣ ткачества, въ Мелехахъ нѣтъ. Указали намъ здѣсь съ десятокъ сапожниковъ, столько-же древодѣловъ разнаго рода, семерыхъ бондарей и столько-же портныхъ,—вотъ почти и все, если не считать единичныхъ представителей всевозможныхъ другихъ профессій—этихъ энциклопедистовъ, которые находятся въ каждой многочисленной крестьянской семьи и которые до всего доходятъ „самотужки“, только чтобы по возможности обойтись безъ услугъ настоящихъ мастеровъ „бо якъ усе куповать, то не наплатишься!“ Въ виду такого характера промысловъ с. Мелеховъ, мы признали возможнымъ остановиться болѣе подробно только на двухъ—на плетеніи сѣтей и на ткачествѣ.

Что касается перваго, то оно въ общемъ совершенно такъ-же организовано, какъ и плетеніе сѣтей въ Воронькахъ: то-же увлеченіе этимъ занятіемъ, поглощающимъ трудъ около 150 подростковъ и взрослыхъ, женщинъ и мужчинъ, то-же перепроизводство и неумѣнье организовать правильный сбытъ, то-же скупщичество, предоставляющее себѣ львиную долю и оставляющее крохи мастерамъ, тѣ-же уловки послѣднихъ и глухая борьба противъ скупщиковъ,—все это было нами изложено въ главѣ о вороньковскомъ сѣтевязаніи. Такимъ образомъ придется сказать лишь нѣсколько словъ о ткачествѣ, которое, впрочемъ, не представляетъ никакихъ особенностей, которыя выдѣляли-бы его изъ обычнаго сельскаго ткачества. Ознакомиться съ нимъ интересно лишь въ томъ смыслѣ, чтобы провѣрить и подтвердить нѣкоторыя наблюденія и расчеты, сдѣланные въ другихъ мѣстахъ, или, по крайней мѣрѣ, дать матеріалъ для сравненій.

Полученіе жителями главныхъ предметовъ потребленія производимыхъ кустарями, представляется въ слѣд. видѣ. Особыхъ ярмарокъ въ Мелехахъ не бываетъ, базары бываютъ по средамъ,—они невелики и значительно уступаютъ базарамъ въ Городицѣ, которые для всей округи въ нѣсколько селъ являются главными. На ярмарки ѣздятъ главнымъ образомъ въ Чернухи—4 раза въ году, а также и въ Лохвицу—на „уѣздную“ ярмарку, и, наконецъ, въ Лубны; въ Пирятинѣ заѣзжаютъ очень рѣдко.

Смушковые шапки и картузы привозятъ на базары въ Городище Лохвичане; брили покупаются въ Лохвицѣ отъ „черниговцевъ“. Кожухи дѣлаютъ въ Мелехахъ два пріѣзжихъ калужанина, поселившихся здѣсь временно. Чумарки, корсетки, сподницы и пр. дѣлаются изъ матерій, привозимыхъ евреями-разносчиками и „руськими“ на мелеховскіе и городищенскіе базары. Штаны многіе носятъ выбойчатые; есть въ Мелехахъ одинъ набойщикъ, работающій съ семьей втроемъ. Рубахъ лавочныхъ еще не носятъ почти, за то совсѣмъ уже не носятъ и не

дѣлають плахть и сокращають производство запасокъ. Потребности въ обуви мѣстные 10 сапожниковъ удовлетворить не могутъ, и большинство покупаетъ привозную изъ Лохвицы. Не удовлетворяетъ жителей и посуда, изготовляемая въ Городищѣ плохо, — поэтому посуда привозится на тѣ-же мелеховскіе и городищенскіе базары изъ Комышны и Хомутца, миски — изъ Поставмукъ. Деревянную посуду (ложки) привозятъ изъ Хитцевъ, а дѣжки, скрины и т. п. покупають больше на ярмаркахъ въ Чернухахъ и Лохвицѣ. Хитцы-же поставляють колеса и сани, хотя и въ Мелехахъ имѣется до десятка своихъ мастеровъ; тѣ-же предметы покупаются въ Калайдинцахъ и Чернухахъ. Плуги желѣзные покупаются въ земскихъ складахъ въ Лубнахъ и Лохвицѣ, вѣялки въ Чернухахъ. Прялки навозятъ съ собою калужскіе овчинники, прѣзжающіе на зиму. Сбруя покупается на ярмаркахъ или въ городскихъ лавкахъ. Гребешки привозятъ разносчики-щетинники „черниговцы“ (вѣроятно, изъ Новозыбковского уѣзда). Оконныя рамы дѣлаются своими тремя мастерами, а также привозятся „литвинами“, что деготь возятъ. Такимъ образомъ, и здѣсь мы встрѣчаемся съ неизбѣжными калужанами-овчинниками, литвинами-черниговцами, евреями, торговцами краснымъ товаромъ изъ Лохвицы и комышанскими гончарами; за-то наплывъ смѣлянскихъ и роменскихъ мастеровъ, наводняющихъ сѣверную часть уѣзда, здѣсь уже прекращается.

Ткачество.

Просматривая при участіи 9 собравшихся ткачей списокъ домохозяевъ с. Мелеховъ, мы насчитали въ 55 дворахъ 60 верстатовъ, на которыхъ работаютъ главнымъ образомъ мужчины, женщины совсѣмъ мало. Занимаются ткачествомъ постоянно „разъ у разъ“ не болѣе 20 ткачей*), причѣмъ половину этого числа, по словамъ ткачей, составляютъ хорошіе мастера, остальные десять — средніе; прочіе-же 35 верстатовъ, помѣщающіеся въ дворахъ хозяевъ, занимающихся почти исключительно хлѣбопашествомъ, работаютъ мало и слабо — больше „для себе“.

При разспросахъ о земельномъ обезпеченіи ткачей въ разныхъ селахъ намъ приходилось получать впечатлѣніе, что чѣмъ больше ткачество специализируется, тѣмъ меньше сохраняетъ оно связи съ землей или, быть можетъ, правильнѣе было-бы сказать, что въ заправскіе ткачи переходятъ постепенно хозяева малоземельные. Воспользовавшись присутствіемъ ткачей и заранѣе подготовленнымъ спискомъ домохозяевъ, мы пытались провѣрить это впечатлѣніе. Въ приведенной выше таблицѣ о землевладѣніи с. Мелеховъ имѣются данныя для сравненія

*) У этихъ 20 ткачей 25 верстатовъ, на которыхъ работаютъ исключительно мужчины.

количество земли, приходящихся на хозяйства болѣе и менѣ специализировавшихся ткачей и чистыхъ землепашцевъ: въ то время, какъ чистые землепашцы въ среднемъ имѣютъ на хозяйство 4,8 дес. земли. Тѣ ткачи, которые входятъ въ составъ землепашескихъ хозяйствъ, имѣютъ въ среднемъ уже по 3,1 дес., и наконецъ, болѣе специализировавшіеся на ткачество—только по 2,5 дес. Правда, это слишкомъ поверхностный выводъ, основанный на одномъ лишь числѣ десятинъ, записанныхъ за тѣмъ или инымъ дворомъ, но, будучи основанъ на сопоставленіи почти 300 хозяйствъ, выводъ этотъ имѣетъ большіе шансы на достовѣрность. Лучшій изъ ткачей Несторъ Дидіонъ, имѣющій всего 1 дес. земли, говорилъ намъ, что если-бы онъ имѣлъ хоть 5 дес. земли, то не сталъ-бы заниматься ткачествомъ. Какъ видно изъ таблицы, между специализировавшимися ткачами лишь $\frac{1}{3}$ часть сколько-нибудь обезпечена (выше 3 дес.), остальные 80% частью имѣютъ группы (30%), частью—малоземельны. И все-же ткачей, совершенно отставшихъ отъ земли, нѣтъ ни одного,—безъ земли нельзя обойтись: „воно сидівъ-бы, такъ не прохарчивъ-бы; теперь бѣльшь респанты у Лубенскому острозі тчуть,—беруть дешево и казна у насъ хлѣбъ отбивае, хоча воно и то сказать, що тамъ не дуже поспішаються: одинъ хозяинъ віддавъ туди роботу, такъ ему зробили мало не черезъ годъ“. По размѣрамъ своихъ участковъ ни одинъ изъ ткачей не можетъ имѣть весь годъ свой непокупной хлѣбъ, а если нѣкоторые и не покупаютъ хлѣба, такъ это потому, что имъ удастся заработать за снопъ на чьей-либо чужой землѣ.

Такихъ, что „настояще роблять, що зъ батьківъ ткачи“ насчитываютъ больше десяти. Характеризуя ихъ, говорятъ, что „ткачъ справный изъ поганого добре зробить“. Такихъ, что работаютъ „не разъ у разъ“, считаютъ также около десятка,—и объ этихъ собственно 20—25 ткачахъ и показанія дѣлали, игнорируя прочихъ, какъ диллетантовъ. Первымъ мастеромъ считался Несторъ Дидіонъ, который умѣетъ узорчатые рушники ткать и знаетъ особые узоры для скатертей—„гречковые“ и „волові очі“, работая на 6 и на 8 подножкахъ. Въ этомъ его единственное отличіе отъ остальныхъ, которые всѣ знаютъ однѣ и тѣ-же работы и узоры. Болѣе чисто работаютъ еще Иванъ Ожугъ, Артемъ Моргунъ, Макаръ Тарандикъ, Павелъ Никоненко, Прокопъ Січкарь, Захаръ Скрипка и другіе.

Работы—обыкновенныя, крестьянскія. Сукна изъ шерсти мѣстныхъ овецъ дѣлаютъ простыя, на 4 подножки; валяютъ въ Золотоношскомъ уѣздѣ, по Днѣпру, противъ Черкасъ, у Дубинки. Плахъ не дѣлаютъ и не носятъ, запаски еще дѣлаютъ, также пояски шерстяные. Изъ холстовъ идетъ больше всего девятка и десятка; рѣже 8-ка и 11-тка; двѣнадцатки никто и не заказываетъ. Рядовина дѣлается „въ сосонку“

на 4 подножки—на рядна и для упаковки, также и лизаники. Рушники дѣлають только затканными съ краевъ, а узорчатые бумажные сами ткачи покупають въ лавкахъ на ярмаркахъ.

Верстаты у всѣхъ простые; въ Мелехахъ ихъ дѣлають по 2 руб. изъ хозяйскаго дерева. Самолета не видѣли. Начинье на 4 шохты стоитъ рубль. Работаютъ почти исключительно по заказамъ; въ продажу идетъ или что-нибудь лишнее, отъ избытка, или по нуждѣ. Заказчики приносятъ свой матеріаль. Заказывается чаще всего приданное. Обыкновенный составъ приданнаго въ средней крестьянской семьѣ намъ показали такой: дается аршинъ 20—40 и до 100 холста, рубашекъ 3—4 и до 10, скатертей 2—4, чаще 2; рядень штукъ 5 и до 10, одинъ лѣжникъ; юпокъ легкихъ 2—3, больше—одну суконную и другую лавочную; кожушанки—бѣлую и покрытую „крамную“, или 2 кожушанки бѣлыхъ и 2—3 покрытыхъ; запасокъ даютъ штуки 2, а то больше сподницы носятъ; плахть уже не даютъ.

Матеріаль—пенька, льна мало; бумага—только заполочъ на затканье краевъ. Почти у каждой хозяйки есть свои конопли, а нѣтъ, такъ заработаетъ: на матеркѣ берутъ 5-ый—6-ой снопъ, на плоскіни—3-ий снопъ. У кого есть кому прясть, собираетъ аршинъ на 100 полотна, но такихъ мало: чаще 30—40 арш. своего холста; его обыкновенно не продають,—идетъ для собственнаго употребленія, развѣ по нуждѣ. Ткачи. говорятъ, что обыкновенно хозяйки, не имѣющія своихъ конопель, считаютъ болѣе выгоднымъ покупать готовые холсты, чѣмъ покупать сначала нитки и отдавать ихъ ткачамъ. Тѣмъ не менѣ нитки имѣются въ продажѣ—не у лавочниковъ, а на рукахъ у бабъ. Въ Мелехахъ ихъ почти не продають, такъ какъ здѣшніе сѣтевязальщики и ткачи перерабатываютъ все мѣстное сырье, а продають больше въ Чернухахъ и вообще по ярмаркамъ. Въ Мелехахъ можно купить лишь клочанку по 10 коп. моточекъ (въ аршинъ мотовильца), пасмо идетъ по копѣйкѣ. „Якъ коли, то и дешевле—8 або 9 коп. за худшій; дороже 10 коп. нема“. Это матеріаль для сѣтей. Для тканья-же приобрѣтають пряжу мотками; въ моткѣ 2 півмітки, въ півміткѣ 25—30 пасомъ. Пасмо идетъ по 2 коп., значить—півмітокъ въ 30 пасомъ стоитъ 60 к. На вѣсъ не покупають, потому не могутъ и опредѣлить точно вѣсъ, но говорятъ, что мотокъ въ 60 пасомъ вѣситъ около 8 фунтовъ. Это составитъ почти 15 коп. за фунтъ пряжи.

Такъ какъ ткачи работаютъ по заказамъ, то не всѣ изъ нихъ въ одинаковой мѣрѣ заняты: иной готовъ-бы и больше посидѣть за станкомъ, такъ заказовъ не несуть—выбирають лучшихъ мастеровъ. Затѣмъ, въ самомъ процессѣ работы суканье цѣвокъ отнимаетъ добрую $\frac{1}{3}$ времени, а иногда и $\frac{1}{2}$, что заставляеть прибѣгать къ труду малолѣтнихъ. Ткать подростки приучаются лѣтъ съ 15. Достаточно бываетъ

зимы, чтобы постичь всю нехитрую механику ткачества. Некоторые ткачи принимают к себе посторонних „учнів“ и в таких случаях обучение и прокормление оплачивается работою ученика. Лучшие ткачи имѣют работу отъ Покрова и до Тройцы, а тѣ, что поплоче, — только отъ Рождества до Пасхи. Половина работает и по вечерамъ, при „світлі“, но не болѣе 1½ часовъ; обыкновенно больше 12 часовъ въ сутки за работою не высидаютъ, и то лишь въ длинный лѣтній день, зимою-же считаютъ средній рабочій день въ 8 часовъ: „воно докучливе, пыльне, — відь его задышка!“. Девятки и десятки холста въ среднемъ за сутки дѣлаютъ „локитъ“ 10, также и сукна; рядовины — локтей 8: вредне воно, — надыхаешься, поки зробишь, — да въ Пилипівку и день маленькій“. Запасокъ за сутки дѣлаютъ пару. Въ теченіи года, по нѣсколько пріуменьшеннымъ показаніямъ ткачей, лучшему ткачу удастся передѣлать холста, рядовины и сукна работъ 15, локтей по 60 въ каждой, а худшему, будто-бы, не болѣе 10 такихъ-же работъ. Увѣряютъ, будто-бы треть населенія обходится совсѣмъ безъ услугъ ткачей: „иншій ще у ткача верстать позычае, щобъ собі выткати“.

Оплата труда такова (счетъ на локти, а не на аршины): за 8-ку по 2 коп. отъ локтя и на 10 локтей хлѣбъ, муки на шлихту на работу въ 60 локтей отпускаютъ 1½ фунта — „а колись було и по 10 ф. давали“. За 9-тку — по 2 коп., за 10-тку и 11-тку — по 2½ коп. Сукно за локоть по 2 коп. на 8 пасомъ, другого не дѣлаютъ, за рядовину въ 8 пасомъ на рядна 2½ коп., въ 6 пасомъ на мѣшки — 2 к. за работу поясковъ берутъ по 1 коп. отъ аршина, безъ всякой придачи. За пару запасокъ въ 8 пасомъ даютъ 20 коп. безъ придачи и шлихты. Лижникъ дѣлаютъ по 2 коп., какъ и сукно, въ 8 пасомъ, потомъ онъ сшивается. Нестору Дидіону, единственному дѣлающему скатерти, платятъ за нихъ по 8 коп. отъ локтя и на всей скатерти хлѣбъ въ придачу; скатерть дѣлается обыкновенно въ 5 локтей длины, а ширины 18—19 вершковъ.

Ткачи увѣряютъ, что много работы у нихъ перехватываетъ с. Крутый-Берегъ, гдѣ берутъ за работу на ½ коп. дешевле. Некоторые хозяйки отдають въ Сухоноску и Вороньки, но тамъ не дешевле. Въ свою очередь Мелехи получаютъ иногда случайно заказы изъ окрестныхъ селъ; главнымъ образомъ привлекаетъ заказы, впрочемъ одинъ Дидіонъ, дѣлающій скатерти: ему изъ Городища даютъ 2—3 работы, изъ Вороньковъ 5, Загребелья — 2 или 3, изъ Ждановъ — одну за сезонъ. Другимъ ткачамъ заказокъ почти не перепадаетъ. Лѣтъ 10 назадъ за работу брали дешевле — на ½ коп. отъ локтя, а хлѣба берутъ одинаково съ дѣдовъ и прадѣдовъ. Лѣтомъ не менѣе ½ ткачей принуждены уходить на земледѣльческіе заработки.

Къ мысли объ улучшеніяхъ въ промыслѣ ткачи на опросѣ относились пассивно.

VIII. Гончарный промыселъ въ м. Сенчѣ.

О гончарномъ промыслѣ въ м. Сенчѣ мы не находимъ никакого упоминанія ни у В. И. Василенка, ни въ книгѣ „Кустари и ремесленники Полтавской губ.“ (есть только упоминаніе о выдѣлкѣ кирпича-сырца). Въ „Сборникѣ по хозяйств. статистикѣ“, т. XIII, имѣется указаніе на то, что въ Сенчанской волости есть 18 гончаровъ, не занимающихся хлѣбопашествомъ. Только у Зарѣцкаго находимъ болѣе или менѣе обстоятельное описаніе сенчанскаго гончарства, преимущественно технической его стороны. Вездѣ, гдѣ полученныя нами свѣдѣнія будутъ различаться съ данными г. Зарѣцкаго, мы отмѣтимъ эти отличія—въ томъ предположеніи, что для опытнаго глаза они могутъ дать матеріалъ для сужденія о той или иной эволюціи промысла.

О численномъ развитіи промысла гончары сообщали намъ слѣдующее: лѣтъ 20 назадъ (это выходитъ въ 70-хъ годахъ) въ Сенчѣ было всего 4 гончара, работа оплачивалась хорошо, Комышна еще не возила горшковъ и не конкурировала,—однимъ словомъ „былъ интересъ“ развивать промыселъ и мастера, кромѣ своихъ домашнихъ, приучали къ промыслу и учениковъ со стороны; тогда одинъ изъ гончаровъ, теперь старикъ, Лука Чумарный—„всѣхъ гончаровъ держалъ въ рукахъ“: принималъ отъ нихъ издѣлія за плату и на комиссію, развозилъ ихъ и вель всѣ дѣла со скупщиками. Число гончаровъ понемногу росло. Въ 1888 году статистическое бюро, при подворной переписи, зарегистрировало уже 18 гончаровъ, не занимавшихся хлѣбопашествомъ (число хозяйствъ не указано). Въ это время началась сильная конкуренція со стороны Комышны. Въ развитіи промысла какъ будто отмѣчается нѣкоторая заминка: П. А. Зарѣцкій въ 1893 году нашелъ въ Сенчѣ 10 хозяйствъ гончаровъ, причемъ въ этихъ 10 хозяйствахъ занимались гончарствомъ 12 человекъ и 1 наемный рабочій. Намъ въ 1898 году пересчитали поименно 12 мастеровъ и сообщили, что всѣхъ занятыхъ гончарною работою наберется въ хозяйствахъ этихъ 12 мастеровъ до 20 челов., наемныхъ-же рабочихъ и учениковъ со стороны совсѣмъ нѣтъ. Появленіе 2 новыхъ гончаровъ-хозяевъ со времени изслѣдованія г. Зарѣцкаго объясняется естественнымъ раздробленіемъ семей. Числу хозяйствъ соответствуетъ число горновъ: при Зарѣцкомъ горновъ было 10, намъ насчитали 12. Такимъ образомъ, можно считать, что гончар-

ное дѣло въ Сенчѣ за послѣднія 10—15 лѣтъ находится въ застоѣ. Впрочемъ, гончарное производство вообще представляется дѣломъ сложнымъ и громоздкимъ, и переходъ къ нему отъ другихъ занятій представляетъ немалыя трудности. Прежде всего слѣдуетъ отмѣтить, что гончарство—это не промыселъ пролетаріевъ. „зъ нашимъ ремесломъ у сусіди не пріймутъ, бо хата загниє“. Поэтому каждый изъ гончаровъ имѣетъ свою хату и грунтъ отъ $\frac{1}{4}$ до $\frac{1}{2}$ десятины. Этимъ они почти всѣ и ограничиваются: изъ 12 хозяевъ только у двухъ—Гр. Петр. Бакуты (одинъ изъ лучшихъ мастеровъ) и К. П. Пилипенка имѣется по 5—6 дес. земли; еще у С. П. Чумарнаго имѣется $1\frac{1}{4}$ дес., которыя онъ сдаетъ; у прочихъ полевой земли нѣтъ. Слѣдовательно, кромѣ Бакуты и Пилипенка, для всѣхъ гончаровъ ихъ промыселъ составляетъ главное средство къ жизни. Свой хлѣбъ круглый годъ ѣстъ одинъ Бакута, но и другіе всѣ лѣтомъ ходятъ работать за 5-ый или 6-ой снопъ „та ще днівъ 15 хазяину попоробитъ“. Никакихъ другихъ промысловъ гончары не знаютъ—„тому не вчились“. Нѣкоторымъ приходится и на дальніе заработки уходить (въ Таврію), если прослышать, что стоятъ хорошіе цѣны: „така думка, що 60 або 70 руб. заробишь, якъ, було, парубкомъ зароблявъ, а пійдешъ, то 30—40 руб. и заробишь; выгадаешъ, якъ Хома на вовні“. Одна дорога въ оба конца, говорятъ, рублей 10 стоитъ.

Любопытно, что, хотя И. А. Зарѣцкій самъ даетъ свѣдѣнія, что 7 гончаровъ полевой земли не имѣютъ, 2 имѣютъ ее отъ 3 до 6 дес. и лишь одинъ около 10 дес., но о значеніи промысла говоритъ такъ: „въ Сенчѣ гончарство имѣетъ значеніе подспорнаго занятія при главномъ лѣтнемъ занятіи—хлѣбопашествѣ, и гончарствомъ здѣсь занимаются преимущественно только зимою, а лѣтомъ ему посвящается времени очень мало (стр. 106)“. А намъ говорили, что только у вышеупомянутыхъ Бакуты и Пилипенка лѣтнія работы отнимаютъ 3 мѣсяца, да еще у тѣхъ, что изрѣдка уходятъ въ Таврію; у остальныхъ-же на полевья работы идетъ 2—3 недѣли, самое большее мѣсяць. Все остальное время посвящается гончарству. Когда мы увидимъ ниже, что гончарство даетъ годоваго заработка до сотни, а иногда и болѣе рублей, то еще болѣе станетъ ясно, что о преобладающемъ значеніи земледѣлія въ хозяйствахъ гончаровъ можно говорить только условно—въ смыслѣ развѣ того уваженія, съ какимъ все еще относятся наши сельскіе мастера къ землепашеству, и которое и гончаровъ м. Сенчи составляетъ иногда „выгадывать, якъ Хома на вовні“ на лѣтнихъ земледѣльческихъ работахъ въ Таврію, или зарабатывать 6-ой снопъ съ отработками, чтобы только ѣсть „свой хлѣбъ“.

Рабочее время въ теченіе дня лѣтомъ—отъ восхода до захода

солнца, зимою съ часъ времени прихватываютъ „у досвіта“ и вечеромъ „при світлі“ часа два, въ среднемъ около 12 час. въ сутки: „коло его більшь гайки, ніжъ роботы“.

Подготовительныя работы съ глиною дѣлаются и женщинами, и дѣтьми, но настоящая работа на кругу начинается лѣтъ съ 15, какъ только хлопецъ начнетъ доставать ногами до нижняго круга, садясь на батьковомъ кругѣ;—„макітры не подужае до совершенныхъ лѣтъ“ (18 лѣтъ). Гончары учатъ своихъ дѣтей тому, чему сами научились отъ своихъ отцовъ. Лучшими мастерами считаются Хрисановъ Литвиненко и Гр. Петр. Бакута.

О качествахъ мѣстной глины сенчане довольно хорошаго мнѣнія: „наша глина хоть и не глина, а прямо глей, и не очень способна для варистыхъ горшковъ (признали бабы, что лопаются),—все-таки прочная, крѣпкая, вязкая,—можно макітры дѣлать ведеръ въ 4; въ Поставмукахъ такихъ не сдѣлаешь,—тамъ глина жидкая. Наша посуда и безъ поливы крѣпкая: нашъ черепокъ всю посуду перерѣжетъ, сколько ея ни будетъ, только каменной не перерѣжетъ; другая и съ поливой раскиснетъ, а наша и безъ поливы крѣпкая. Только у насъ требуется доглядъ: въ Тавріи никакого догляда не надо,—сохнетъ на солнцѣ и не трескается, а у насъ боится и солнца, и вѣтра, и мороза“. Нѣкоторыя разъясненія находимъ въ книгѣ г. Зарѣцкаго. Глеемъ, въ отличіе отъ „настоящихъ“ глинъ, гончары называютъ глины позднѣйшаго образованія—наносныя, но и среди наносныхъ есть глины очень хорошія, напр., въ м. Сенчѣ: „если къ сенчанской глинѣ примѣнить нѣкоторую обработку, то она могла-бы имѣть особенное примѣненіе въ техникѣ, обладая нѣкоторыми свойствами, какихъ ни одинъ изъ всѣхъ родовъ глинъ Полтавской губ. не имѣетъ“ (стр. 7).

Относительно способовъ добыванія глины наши свѣдѣнія разнятся со свѣдѣніями г. Зарѣцкаго: онъ говоритъ (стр. 107), что въ Сенчѣ глина бесплатно берется изъ общественнаго глинища *). Намъ-же говорили, что своей глины ни у кого изъ гончаровъ нѣтъ, и всѣмъ имъ приходится покупать ее у двухъ сосѣдей-крестьянъ, не гончаровъ. Отъ

*) Въ другомъ мѣстѣ (стр. 10—11) онъ говоритъ о самомъ добываніи глины слѣдующее: „Въ Сенчѣ глину добываютъ на спускѣ горы въ село, въ урочищѣ Лозивка, и такъ какъ она здѣсь залегаетъ на меньшей глубинѣ (чѣмъ въ Глинскѣ), то добываніе ея производится только вдвоемъ. Гончарная глина лежитъ на глубинѣ 2½ саж. подъ слоемъ глинъ разнообразныхъ цвѣтовъ, содержащихъ мелкіе валуны; подстилающій гончарную глину горизонтъ—глинистый песокъ; въ глинѣ часто попадаются круглые мергельные желваки, въ кулакъ величиной, и вся глина переполнена мельчайшими шариками мергеля и мелкими сростками гипса (селенита). Цвѣтъ глины въ сыромъ видѣ оливково-бурый; замѣшенная она не очень пластична; за ея неоднородность гончары называютъ ее глазуноватою: обожженная, она имѣетъ холодный розовато-свѣтло-бурый, почти тѣлесный цвѣтъ. Добываніе здѣсь производится круглый годъ и каждый гончаръ, когда ему нужно, накопавъ глины, переноситъ ее мѣшкомъ на плечахъ или перевозитъ“.

человѣка въ годъ платять по 1 р., 1 р. 50 к. и 2 р.—и бери, сколько можешь выработать за годъ. Если-бы кто сдѣлалъ сразу запасъ глины на 2 года, ему все-же пришлось-бы вносить причитающійся платежъ ежегодно, потому что брать приходится у одного и того-же хозяина. За то если кто отлучается на $\frac{1}{2}$ года на заработки, то и платитъ только за $\frac{1}{2}$ года. Раньше, когда былъ одинъ такой хозяинъ глинища, онъ бралъ по 2 руб.; затѣмъ, появился другой и стали брать уже оба по 1 р., но, наконецъ, они поладились между собою и берутъ теперь по 1 р. 50 к. Есть глина и еще у одного хозяина, на пахати, но онъ не пускаетъ никого— „не наймае“. Залежи глины имѣются только съ одной стороны села, но ея довольно: на нашъ вѣкъ хватить. Чтобы докопаться до глины, надо пройти въ глубину $1\frac{1}{2}$, 2 и до 3 сажень. Толщины пласта не знаютъ, такъ какъ дальше 3 саж. не углублялись,—обыкновенно, глина заваливается. Копаютъ вмѣстѣ—по 2, 3 и 4 человекъ,—въ этомъ все и товарищество между гончарами. Каждый почти годъ приходится открывать новую яму, такъ какъ постоянно заваливаются; иногда и 2—3 раза за годъ, потому что натыкаются на старья завалившіяся ямы. Правильныхъ ходовъ не дѣлаютъ, такъ какъ для этого потребовалось-бы много хорошаго матеріала. Такимъ образомъ, эксплуатація глинищъ по обыкновенію хищническая. При маломальски сырой погодѣ, проходъ по этимъ глинистымъ покатымъ мѣстамъ сильно затрудняется. Считаютъ, что каждому мастеру понадобится за годъ не болѣе 20 возовъ глины, по 20—30 пудовъ каждый; доставка такого воза обходится въ 10 коп. Песокъ беретъ каждый хозяинъ у себя: только это и есть „некупованный“ матеріалъ,—шутятъ гончары.

Самымъ дорогимъ матеріаломъ являются дрова. Г. Зарѣцкій говорить, что въ Сенчѣ употребляются осиновые и вербовые и, что послѣднія даже предпочитаютъ первымъ. Намъ мастера говорили, что на сажень лѣсного дерева они вовсе не покупаютъ, такъ какъ имъ вполне достаточно старыхъ построекъ, продаваемыхъ на сломъ; къ тому-же дерево изъ подъ построекъ сухое, а имъ такое и хорошо. На выпалку одного горна издѣлій идетъ дровяного матеріала на 2 р. 50 к.—3 р., а если въ долгъ, то и 4 руб. Иногда вдвоемъ или втроемъ купятъ хату за 12—15 руб., а если рубленная, то за 25—30 руб. Каждому мастеру въ одинъ разъ трудно затратить болѣе 10 руб., и то эти случаи бывають разъ въ 3 года, чаще-же покупаютъ дрова на одинъ горнь. Только самый зажиточный гончаръ Гр. Бакута закупаетъ сразу на 2—3 горна и больше.

Побѣль, т. е. бѣлую Опшанскую глину, доставляютъ въ Сенчу фурчики, специально промышленяющіе извозомъ; гончарамъ пудъ побѣла обходится въ 30, рѣдко 40 коп. „Полывьяной“ посуды въ Сенчѣ

почти не дѣлають, увѣряя, что ихъ посуда и безъ поливы крѣпка; поэтому и свинца употребляется сравнительно мало—только на краешки издѣлій. И. А. Зарѣцкій говоритъ, что на сотню горшковъ идетъ около 1 фунта свинца; намъ говорили, что на горнъ въ 2—3 сотни идетъ около 6 фунтовъ свинца—только на краешки. Свинець гончары берутъ въ мѣстныхъ лавкахъ—у Михуры и еврея Махлина, платя по 8 коп. за фунтъ; если-же приходится купить въ Лохвицѣ или Прилукахъ, куда ѣздить для продажи издѣлій, то тамъ свинець обходится въ 5—6 коп. за фунтъ. Иногда берутъ дробь, если нѣтъ свинца, и платятъ по 10 коп. *)

По словамъ г. Зарѣцкаго, составъ зеленого полива въ Сенчѣ таковой: 20 ложекъ песку, 20 свинцу и 1 фарбы или синяго камня (на 2 коп.). Намъ гончары говорили, что фарба была раньше, а теперь ея нѣтъ въ продажѣ (фарба—пережженная мѣдь), по этому употребляютъ только синій камень (сѣрно-кислая окись мѣди), платя по 20 коп. за фунтъ (чаще покунають $\frac{1}{4}$ фун. на пятакъ, или просто на 1 копейку берутъ).

Гончары считаютъ, что, кромѣ глины и дровъ, затрата на разные материалы для горна въ 2—3 сотни издѣлій составляетъ около 50 коп. Топливо и глина—около 3 руб.

Въ технику гончарнаго производства въ Сенчѣ, со времени изслѣдованія г. Зарѣцкаго, повидимому, ничто не измѣнилось: то-же устройство горновъ, которое въ книгѣ г. Зарѣцкаго описано на стр. 18, 22, 24 и 27, печей для обжиганія свинца (тамъ-же, стр. 30); тѣ-же гончарные круги (стр. 33, 34, 35, 36) и мелкіе инструменты и приспособленія (стр. 37, 38, 39) и пр.; тѣ-же подготовительныя операціи съ глиною (стр. 47, 51) и орнаментака (стр. 57). Добавимъ къ этому, что формованьемъ издѣлій гончары нисколько не заинтересовались, а относительно улучшенія состава поливы, хотя и выражали разныя пожеланія (просили, напр., чтобы земство прислало имъ опытнаго мастера, который показаль-бы имъ лучшіе сорта поливы) и жаловались на опшанцевъ, что они никогда не сообщаютъ своихъ секретовъ производства **) другимъ гончарамъ („хиба года 3 пробудешъ у Опішнему, то й узнаешъ“, но всѣ эти заявленія не производили впечатлѣнія большой искренности: тутъ-же мастера оговаривались, что ихъ посуда и безъ поливы очень крѣпка, что цѣны у нихъ и на простую, и на поливанную посуду однѣ и тѣ-же и т. д. Очевидно, мастера не очень вѣрятъ въ самую возможность усовершенствованій, какъ и по всюду.

*) При своихъ расчетахъ стоимости производства г. Зарѣцкій принималъ стоимость фунта свинца въ 10 коп. (стр. 111).

**) Предметомъ зависти сенчанцевъ къ опшанцамъ является какое-то паникадило въ одной изъ церквей с. Опшны—„и голубе, и червоє“!..

Убѣдить-же ихъ могъ-бы только чей-либо наглядный примѣръ улучшеннаго и, вмѣстѣ съ тѣмъ, болѣе доходнаго производства.

Даже въ разнообразіи формъ издѣлій нельзя уловить прогресса съ 1893 года. Г. Зарѣцкій справедливо замѣчалъ, что сенчанскихъ гончаровъ „нельзя назвать горшечниками, а скорѣе посудниками, такъ какъ здѣсь горшковъ совсѣмъ не дѣлаютъ, а обыкновенно, по сезонамъ, дѣлаютъ макитры, тыквы и боченки съ ранней весны до половины лѣта, потомъ—ендолы, рынки и тазы. За недостаткомъ деревянной посуды ендылы употребляются здѣсь для мытья кухонной посуды и бѣлья, макитры для держанія воды, сыровца, для квашенія и соленія на зиму бураковъ, капусты и огурцовъ, зеленія бѣлья и мѣшенія тѣста, а тыквы и боченки замѣняютъ на полевыхъ работахъ деревянные баклажки“ (стр. 99). Намъ также сообщали, что дѣлать устойчивыхъ горшковъ не научились: „признали бабы, что лопаются и горшки, и покрышки, и чайники“. *Макитры* дѣлаются 4 сортовъ: 1) самая большая, въ 4 ведра, дѣлается сравнительно рѣдко; въ составъ сотни *) такихъ идетъ не болѣе 10—15 штукъ; стоитъ она отъ 12 до 20 к., въ среднемъ 15 коп.; 2) рынка—вмѣстимостью въ 1½ ведра—стоитъ отъ 8 до 15 коп., среднее 10 коп.; 3) средняя рынка въ 1 ведро стоитъ 6—8 коп. и 4) въ ½ ведра—цѣною отъ 3 до 5 к., при продажѣ враздробъ. *Тыквы* бываютъ двухъ сортовъ: 1) большія—вмѣстимостью въ 1 или 1½ ведра—стоитъ отъ 8 до 10 коп. и 2) въ ½ ведра—отъ 6 до 8 коп. *Миски* дѣлаются трехъ сортовъ: 1) большая миска—ендола стоитъ 10 или 12 коп.; 2) подъ-ендолокъ—отъ 6 до 7 к. и 3) простая миска въ 3—5 коп. *Формы для пасокъ*, иначе *тазы*, бываютъ 2 или 3 сортовъ по величинѣ; стоятъ онѣ 5, 6, 8, 10 и до 12 к. за штуку. *Кувшины* въ сотню не работаются, а для базара; бываютъ трехъ сортовъ по величинѣ: 1) въ 3 кварталы, стоимостью въ 4—5 коп.; 2) въ 2 кварталы—въ 3 или 4 коп.; 3) въ одну кварту—стоятъ 2 или 3 коп. Высокихъ *гладушей* теперь уже не дѣлаютъ здѣсь.

Составъ сотни намъ указали такой (самый обычный): 1) 12 макитръ перваго сорта, 2) 20 рынокъ, 3) 50 среднихъ рынокъ (въ одно ведро), 4) 10 подъ-ендолокъ, 5) 3 ендылы и 6) 10 мисочекъ,—всего 105 штукъ (5 мисочекъ на придачу). У г. Зарѣцкаго приведенъ такой составъ сотни: 1) 10 большихъ мисокъ, 2) 20 рынокъ, 3) 20 тыквъ, 4) 20 макитръ, 5) 20 макитръ побольше и 6) 10 макитръ самыхъ большихъ (въ 2 ведра), всего 100 штукъ. Разумѣется, составъ сотни можетъ разнообразиться въ зависимости отъ спроса и цѣны, предлагаемой покупателемъ за сотню.

*) А сотня въ Сенчѣ правильная, безъ „укладу“, т. е. заключаетъ 100 штукъ разныхъ издѣлій.

Приведенныя нами выше цѣны—раздробительныя; при продажѣ на сотню издѣлій идутъ значительно дешевле. Проданная враздробь сотня, по указаннымъ цѣнамъ, дала-бы мастеру отъ 7 р. 24 коп. до 10 р. 96 коп., въ среднемъ около 9 руб. Въ дѣйствительности-же, при продажѣ на сотню, цѣны таковы. Въ Пирятинѣ и Прилукахъ лавочники принимаютъ привозимыя имъ издѣлія по 10 руб. за сотню, въ плохую погоду и по 8 руб., но изъ этой суммы надо вычесть издержки по провозу, а издержки эти состоятъ изъ потери дней 5 на проѣздъ въ оба конца (до Пирятина 60 вер. и до Прилукъ 90 вер.) и найма подводы, если нѣтъ своей („у кого своя коняка, тотъ ничего не боится: склавъ (сложилъ посуду) и опять ѣдетъ“). Говорятъ, будто-бы иногда фура обходится въ 5—6 руб., а поднимаетъ она 120 штукъ издѣлій. Лошадей у гончаровъ почти нѣтъ (у одного или двухъ только), поэтому они считаютъ болѣе выгоднымъ продавать издѣлія у себя, на мѣстѣ, какъ это и было до послѣдняго времени, получая отъ сотни по 5 руб., а передъ праздниками по 6 руб. *). Кромѣ найма фуры и потери времени, гончарамъ приходится еще и „місцеве“ платить въ городахъ, если они становятся съ своимъ товаромъ на базарѣ,—по 50 коп. отъ воза. Всѣмъ хозяевамъ приходится, однако, прибѣгать къ этому, по ихъ словамъ, менѣе выгодному способу „самостоятельнаго“ сбыта (собственно самостоятельности мало, потому что у себя-ли, въ городахъ-ли гончарамъ приходится имѣть дѣло не столько съ непосредственнымъ потребителемъ, сколько съ разнаго рода скупщиками), потому что вотъ уже второй годъ, какъ скупщики перестали сами ѣздить въ Сенчу, считая болѣе выгоднымъ покупать у себя дома. („Бувало, днівъ 12 проходишь та зъ троячкою до дому и вертаєшься“).

Принужденные искать самостоятельнаго сбыта, сенчанскіе гончары забираются въ Тепловку, Яготинъ (за 115 верстъ), въ Переяславъ (мало возять, въ этомъ году никто) и даже въ Нѣжинъ. Г. Зарѣцкій для сенчанской посуды указывалъ районъ: Прилуки, Пирятинъ, Ромны, Лохвица, Лубны и Чернухи. По селамъ гончары не ѣздить, а только по городамъ и на ярмарки. „Мы не гукаемъ, якъ инші“,—говорятъ кустарі, вѣроятно, желая показать, что они торговцы болѣе солидные, чѣмъ тѣ убогіе горшечники, наѣзжающіе въ сѣверныя села Полтавщины изъ Черниговской губ., о которыхъ сложился ироническій рассказъ, будто-бы они, проѣзжая по селамъ, выкрикиваютъ: „по горшкі, по горшкі,—нема хлѣба ни крошки“. Всѣ кругомъ, говорятъ сенчане, мѣняются—и на хлѣбъ, и на валь, одни мы продаемъ за деньги: „на

*) Точнѣе будетъ считать 6 руб. и даже больше, такъ какъ въ другое время тѣ-же гончары говорили намъ, что нѣтъ и невыгодно было-бы дѣлать горшки, потому что за сотню горшковъ получишь не болѣе 2—3 руб., а сотня ихъ посуды даетъ имъ самое меньшее 6 руб. Поэтому сенчане дѣлаютъ горшки только для своего собственнаго употребленія.

макітру ніхто хліба не одсыпе“! Сокращеніе прїѣзда скупщиковъ сенчане объясняютъ тѣмъ, что ихъ издѣлія мало интересуютъ потребители: „Куда наша макітра пойдетъ? Вездѣ ее дѣлаютъ. А миски въ Опошнѣ и Поставмукахъ дѣлаютъ еще „кращія“, чѣмъ у насъ“... Когда я рассказалъ имъ о предпріятіи Мих. Демченка въ Поставмукахъ, который законтрактовалъ себѣ около 40 гончаровъ, чтобы они весь годъ работали на него по опредѣленной постоянной цѣнѣ,—то рассказъ мой подѣйствовалъ на сенчанъ совсѣмъ неожиданнымъ для меня образомъ: они выразили сожалѣніе, что не находится и у нихъ такого „капитальнаго“ человѣка; „еслибъ наше-ся такой, сидѣли-бы мы спокойно, да все время непрерывно и работали, а теперь съѣдется насъ душъ 5 на одну ярмарку, такъ мы только другъ другу цѣну сбиваемъ“. Это разсужденіе доказываетъ, что гончарное производство въ Сенчѣ не интенсивно; даже у существующихъ 12 хозяевъ оно могло-бы имѣть болѣе обширные размѣры, если-бы былъ обезпеченъ сбытъ.

При этомъ гончары вспомнили, что лѣтъ 20 назадъ одинъ изъ гончаровъ, нынѣ старикъ, Лука Чумарный „всѣхъ гончаровъ держалъ въ рукахъ: давалъ по 5 руб. за сотню (было и по 3 руб.), по ему гончары отпускали и „на вѣру“, а онъ все забиралъ и развозилъ; у него-же забирала и прїѣзжіе скупщики. „Тоді ще Комышна не робила макітеръ, тоді наша сотня йшла по 16 р., а теперь на 8 руб.“. Что касается цѣнъ въ старину, то въ нихъ еще труднѣе было разобраться, чѣмъ въ нынѣшнихъ: въ приведенномъ рассказѣ фигурируютъ и 3 р., и 5 р., и 16 р. за сотню! Здѣсь, вѣроятно, сопоставляются неоднородныя данныя: цѣна въ 5 р. изъ рукъ скупщика за оптовую сотню вѣроятно, довольно вѣроятно и цѣна въ 16 руб., но не за оптовую сотню, а въ разбивку. Цѣна-же въ 3 руб. намъ кажется невѣроятною столько-же въ этомъ рассказѣ, сколько и въ изслѣдованіи г. Зарѣцкаго, относящемся къ 1893 году*).

Моментъ, захваченный нашимъ изслѣдованіемъ, казался намъ благоприятнымъ для попытокъ организаціи сбыта сенчанской посуды: скупщики перестали ѣздить, гончарамъ пришлось самостоятельно искать сбыта, но эти исканія могли предпринимать лишь тѣ немногіе хозяева (всего два), у которыхъ были свои лошади, остальнымъ это обходилось слишкомъ дорого; наконецъ, отсутствіе капитальнаго человѣка не пріучило еще мастеровъ къ кабалѣ. Мастера вслухъ мечтали: „мы и машиною возили-бъ, у десятыхъ-бы зложылись, та, мабуть, дорого—рублівъ 50 треба за вагонъ; а то-бъ и на Николаевъ пустили свій посудъ“!

Для учета производства посуды въ Сенчѣ имѣются слѣдующія данныя. Одинъ мастеръ въ день сдѣлаетъ не болѣе 10 самыхъ боль-

*) „Сотня посуды въ Сенчѣ стоить 3 рубля“ (стр. 110).

шихъ макитръ; на другой день онъ уже сдѣлаетъ среднихъ рынокъ 20; на третій съ десятокъ среднихъ рынокъ и, кромѣ того, доглядитъ тѣ, что сдѣланы въ два предыдущихъ дня,—„воно боиться и сонця, и вѣтру, и морозу“. Чтобы сдѣлать средній обыкновенный горнъ посуды (въ двѣ сотни), расчетъ времени такой: на приготовленіе и очистку глины надо 2 дня, самая работа на кругу займетъ недѣли 2, еще недѣлю надо на огляданіе издѣлій и просушку ихъ (въ это время заготовлять посуду для другого горна нельзя, такъ какъ уже всѣ свободные уголки въ хатѣ и сараяхъ гончара заняты сдѣланными двумя сотнями). Дальше требуется дня 3 на „гладку“ издѣлій, въ которой участвуютъ всѣ члены семьи; больше 30 штукъ за день одинъ чело-вѣкъ не выгладитъ. Наконецъ, обжиганье требуетъ 2 дней. Такимъ образомъ, выпускъ горна издѣлій требуетъ около мѣсяца, а рабочихъ мѣсяцевъ въ году 6—9.

Мы приняли среднюю вмѣстимость горна въ 2 сотни; такихъ, дѣйствительно, больше всего, но есть и въ 3, и въ 1¹/₂ сотни. Горны не дѣлаются слишкомъ большими, такъ какъ зимою гончару негдѣ дѣвать больше 2 сотенъ издѣлій; слѣдовательно, чтобы продолжать производство, надо поскорѣе обжечь готовыя двѣ сотни. Сенчанская посуда крупная, требуетъ много мѣста: при обжиганіи и храненіи составляютъ одно въ другое не болѣе 2—3 штукъ. Случается, что обжигаютъ и 1¹/₂ сотни въ горнѣ со вмѣстимостью въ 3 сотни; это бываетъ тогда, когда въ хатѣ мало мѣста окажется, или праздникъ захватитъ. Качество издѣлій при этомъ не страдаетъ, но за то уходитъ больше топлива, чѣмъ нужно.

Гончары говорили, что, при условіи безостановочнаго приѣма отъ нихъ посуды, каждый изъ хозяевъ могъ-бы выпустить въ годъ до 30 сотенъ издѣлій; нѣкоторые успѣваютъ и теперь выпустить по 12 горновъ въ годъ; но такъ какъ приходится много времени тратить на добыванье глины, на покупку дровъ и особенно на сбытъ, то въ среднемъ они полагали, что производство каждаго изъ 12 хозяевъ слѣдуетъ принять въ 8—10 горновъ или въ 20 сотенъ. Этотъ расчетъ, сдѣланный мастерами, близко подходитъ къ расчету г. Зарѣцкаго, который принимаетъ среднюю вмѣстимость горна въ 210 штукъ и среднее число горновъ въ годъ на одного хозяина въ 8,1.

Итакъ всѣ 12 гончаровъ выпускаютъ за годъ до 240 сотенъ посуды на сумму до 2500 руб. по рыночнымъ раздробительнымъ цѣнамъ. Мы видѣли, что расходы по выпуску горна издѣлій составляютъ около 3 руб., т. е. по 1¹/₂ рубля на сотню. За вычетомъ издержекъ по сбыту сотня издѣлій даетъ около 8 р., при продажѣ скупщикамъ на мѣстѣ—свыше 6 руб. Если среднюю продажную цѣну сотни мы примемъ въ

10 р., то отбросивъ 3 р. на сбытъ и 1 рубль на топливо и матеріалы, получимъ заработокъ на каждой сотнѣ въ 6 руб. Выпустивъ за годъ 20 сотень, хозяинъ-гончаръ зарабатываетъ въ среднемъ 120 руб. Сами гончары, считая „на глазъ“, давали нѣсколько меньшую цифру: они говорили, что валовой доходъ мастера съ наибольшими размѣрами производства составляетъ всего 150 руб., съ наименьшими—100 руб. Мы потому позволили себѣ повѣсить цифру, данную гончарами, что, во 1-хъ, гончары умѣютъ очень экономно покупать дрова; во 2-хъ, на поливу они почти не тратятся; въ 3-хъ, издѣлія свои они сбываютъ лѣтомъ и зимою только „по хорошей путі, а по плохой не поидемъ, бо нѣчимъ, а дядько не схочетъ везти далеко“, т. е. опять таки съ наименьшими затратами; наконецъ, въ 4-хъ, въ разбивку сотня можетъ дать и гораздо болѣе принятыхъ нами 10 руб. Въ оправданіе-же ихъ разсчета есть одно добавочное соображеніе, высказанное ими: они главную свою выгоду видятъ не столько въ выгодной продажѣ, сколько въ скоромъ сбытѣ. За то-же скорый сбытъ освобождаетъ ихъ рабочее время для усиленія размѣровъ производства.

Потребность м. Сенчи въ посудѣ мѣстные гончары, по ихъ словамъ, удовлетворяютъ едва въ размѣрѣ $\frac{1}{3}$ части, а $\frac{2}{3}$ привозныхъ, такъ какъ горшковъ и вообще поливанной посуды сенчане не дѣлаютъ. Больше всего навозить въ Сенчу горшковъ Комышна, затѣмъ также везутъ и Оношня, Городище, Хомутець, Попівка и Гремяча. Гончары высказываютъ мнѣніе, что если-бы даже и удалось достигнуть того, чтобы изъ мѣстной глины, путемъ улучшенія ея состава, можно было дѣлать вполне огнеупорные и не лопающіеся горшки, то Комышна такъ уже „напихала“ повсюду своихъ горшковъ, что врядъ-ли удалось-бы ее выбить изъ занятыхъ позицій. Разумѣется, этотъ предвзятый пессимизмъ не долженъ былъ-бы помѣшать попыткамъ къ улучшеніямъ въ технику производства, если таковыя, по изслѣдованіямъ специалистовъ, оказались-бы возможными.

Болѣе доказанною является потребность въ организаціи сбыта.

VIII. Овчинники въ Бодаквѣ, Сенчѣ и Пескахъ.

Повсюду, въ посѣщенныхъ нами селеніяхъ Роменскаго, Прилукскаго и Лохвицкаго уѣздовъ, овчиннымъ промысломъ занимаются главнымъ образомъ пріѣзжіе изъ Великороссіи мастера, кромѣ развѣ такихъ крупныхъ поселеній, какъ м. Смѣлое. Въ описываемомъ нами теперь углу Лохвицкаго уѣзда, несмотря на составившееся ходячее мнѣніе о значительномъ, будто-бы, развитіи этого промысла, оказалось, что и здѣсь центръ тяжести промысла лежитъ чуть-ли не въ пріѣзжихъ мастерахъ. Такъ, по крайней мѣрѣ, увѣряютъ мѣстные мастера. Помимо конкуренціи со стороны этихъ пріѣзжихъ, общимъ явленіемъ, препятствующимъ этому промыслу развиваться, слѣдуетъ считать несомнѣнно паденіе овцеводства.

а) Овчинники въ с. Бодаквѣ.

Мѣстныхъ овчинниковъ въ Бодаквѣ мы застали 5 человѣкъ и пріѣзжихъ 2. Мѣстные мастера это хозяева-землепашцы, для которыхъ земледѣліе составляетъ главное занятіе; двое изъ нихъ имѣютъ по 5 дес., остальные меньше, но всѣ землепашцы. Свое отношеніе къ промыслу они опредѣляютъ такъ: мы только ночью работаемъ, пока спать захотимъ, а днемъ около поля, — „абы на свѣтло заработать!“ Пріѣзжіе мастера—люди иного типа. Являются они обыкновенно въ сентябрѣ, привозя съ собою пряжки, сапоги-валенцы и топоры для продажи, а также и шапки для овчинной работы. Остановившись въ селѣ на квартирѣ, овчинники покупаютъ овечьи кожи и собираютъ ихъ отъ заказчиковъ изъ сосѣднихъ селъ. Одинъ изъ пріѣзжихъ мастеровъ привезъ съ собою 2 рабочихъ, другой семью, которая помогаетъ ему въ работѣ. Пріѣзжіе „никогда не гуляютъ“, все время работаютъ напряженно. На масляной они ѣзжаютъ домой. Одинъ изъ заѣзжихъ овчинниковъ 30 лѣтъ сряду уже ѣздитъ въ одно и то-же мѣсто: „уже онъ своего села не оконфузитъ“. Между заѣзжими и мѣстными овчинниками существуетъ извѣстный антагонизмъ, повидимому выразившійся и въ томъ, что на опросѣ мѣстные мастера изображали работу пріѣзжихъ въ неособенно выгодномъ свѣтѣ, на что одинъ изъ заѣзжихъ возражалъ: „а отчего-же ко мнѣ заказовъ носить больше, чѣмъ къ вамъ?“

Лѣтомъ и мѣстные овчинники работы почти не имѣютъ; если приходится, то шапки ставятъ въ сараѣ, тамъ и работаютъ. Зимой шапки съ кожами помѣщаютъ въ жилой хатѣ, говоря, что они уже попривыкали: „у насъ чистота, у насъ не такая отдѣлка, какъ у русскаго,—потому запаха и не слышно; то у русскихъ, которые сразу по 150 штукъ загоняютъ, у тѣхъ и „духъ“ будетъ“. „Тамъ якъ увїде чоловікъ у хату!...“ У прїѣзжихъ шапки большіе—не менѣе, чѣмъ на 100 кожъ; у мѣстныхъ есть и меньшіе шапки, у одного всего лишь на 15 кожъ. „Русскій сразу закладываетъ по 100 овчинъ и смазываетъ ихъ кистомъ (кистью), а въ нашъ положишь штукъ 30, такъ онѣ въ квасу и плаваютъ; переверотить „переверотомъ“ больше 30 не хватитъ силъ“. Шапокъ на 100 кожъ съ деревянными обручами въ покупкѣ обходится 1 руб. 50 коп.

Инструментъ у овчинниковъ недорогой: ключъ для разминанья овчины стоитъ 50 коп., скафа (изъ косы) для очистки овчины отъ мяса 20 коп., верштабъ или верстатъ для навѣшиванья овчины при бѣленьи ея „на бѣлокъ“—20 коп., друшнакъ для расчесыванья шерсти 10 к.,—итого вмѣстѣ съ 2 шапками не болѣе 4 рублей.

Мѣстные мастера, работающіе только по заказамъ, собираютъ овчины отъ хозяевъ по 2—3 штуки—на кожухъ или на $\frac{1}{2}$ кожуха. Прїѣзжіе и покупаютъ, а затѣмъ послѣ вычинки продаютъ, смотря по величинѣ и качеству, по 30, 60, 80 коп. до 1 р., 1 р. 50 к. и даже 1 руб. 80 коп. за штуку. Смухи продаютъ не дороже 60 коп. съ вычинкой. Кожи поступаютъ въ вычинку совсѣмъ сырыя, преимущественно съ черныхъ овецъ, такъ какъ бѣлыхъ мало. Выбавляютъ жиръ глиною, всего одинъ разъ. Чинятъ овчины бѣлою дубкою, для чего употребляютъ только муку и соль. На каждыя 10 кожъ требуется 10 фунтовъ соли и пудъ муки, въ томъ числѣ на квасъ 10 фун. и на пересышку 30 фун. Продолжительность квашенья разная: иногда достаточно 2—3 сутокъ, иногда 4, а если овчина взята „съ падали“, то сутокъ 5 надо. Отдѣлка заключается въ разминаніи желѣзнымъ ключемъ отволоженныхъ кожъ и затѣмъ въ бѣленьи ихъ косою (малою, не косарскою, какъ у русскихъ); затѣмъ—въ намазываньи крейдою и выглаживаньи. Вся выдѣлка продолжается около 2 недѣль, бываетъ и до 1 мѣсяца. Если овчины уже перемнутся, то ихъ можно набѣлить за сутки. Нѣкоторые дѣлаютъ такой расчетъ: за вычинку 10 овчинъ въ теченіи десяти дней получаютъ рубль, т. е. по 10 коп. отъ овчины. Такъ оплачивается работа русскаго, живущаго въ селѣ давно, и притомъ за большую овчину; за смухъ берутъ по 5 к. Мало извѣстнымъ прїѣзжимъ мастерамъ и своимъ, которые похуже, платятъ за вычинку овчины по 7 коп. и даже по 6. Размѣръ платы служитъ предметомъ

перекоромъ между мастерами: мѣстные жалуются, что пріѣзжіе сбиваютъ цѣны и перехватываютъ заказы, а пріѣзжіе указываютъ на качества своей выдѣлки и съ негодованіемъ замѣчаютъ, что если-бы не они, русскіе, то мѣстные овчиники драли-бы съ заказчиковъ и по 15 к. Относительно качества выдѣлки также спорятъ: мѣстные мастера говорятъ, что въ то время, какъ у нихъ выдѣлка продолжается недѣли 2, русскіе успѣваютъ выпустить овчину за 5—6 дней, просушивая ее въ хатѣ: „тымъ-то его сдѣлка до нашей не придется, и товаръ у его худшій“. Особенно-же упрекаютъ русскихъ за то, что они, будто-бы слишкомъ много шерсти выдираютъ при расчесываніи овчины: мы изъ самой лучшей овчины натянемъ не больше $\frac{1}{4}$ фунта шерсти, а они гораздо больше.

Размѣры своего годоваго (или лучше сказать 4-хъ мѣсячнаго, такъ какъ рабочій сезонъ обыкновенно продолжается у овчинниковъ-хлѣбопашцевъ не болѣе 4 мѣсяцевъ) производства мѣстные мастера показали такіе: одинъ сказалъ, что вычинить 150 овчинъ и десятка 2 смушковъ подъ весну (въ это время ягнята рождаются), другой считалъ у себя 50 овчинъ и 20 смушковъ, третій 70 овчинъ и 20 смушковъ. Относительно-же русскихъ они утверждали, что каждый изъ нихъ при помощи одного рабочаго вычинить не менѣе 500—600 овчинъ; „можетъ быть, и до 1000 вычинить, только не признается“. Въ переводѣ на деньги мѣстные мастера считали, что зарабатываютъ въ сезонъ отъ 7 до 20 р.

Говорятъ, что русскіе овчинники начали ѣздить сюда всего лѣтъ 30—40. На мѣстѣ-же промыселъ существуетъ издавна: еще и дѣды робили. Лѣтъ 10 назадъ было всего трое. Число овчинниковъ увеличивается естественнымъ образомъ (черезъ дѣтей), но понемногу. Между русскими попадаются, говорятъ, и такіе, что подманяютъ мужиковъ дешевизною вычинки (напр., по 6 коп.), а потомъ позавозятъ и овчины, и деньги. Поэтому старые овчинники, пріѣзжающіе изъ года въ годъ, пользуются большимъ довѣріемъ и собираютъ много заказовъ. Къ новымъ-же относятся съ недоувѣріемъ.

Не касаясь техники овчиннаго промысла, которая вездѣ плоха, а въ Бодаквѣ не доходитъ даже до того уровня на какомъ она стоитъ, напр., въ Смѣломъ,—главною нуждою промысла слѣдуетъ признатъ просто увеличеніе размѣровъ овцеводства, чтобы мастерамъ было надѣ чѣмъ работать.

б) Овчинники въ м. Сенчѣ.

Еще болѣе подавляютъ мѣстныхъ овчинниковъ пріѣзжіе въ м. Сенчѣ. Въ этомъ крупномъ поселеніи съ 672 дворами имѣется только два постоянныхъ овчинника—Г. Гмыря и А. Корнусъ. Еще имѣютъ извѣст-

ное отношеніе къ этому дѣлу три чесальщицы вовны, два куштира, шьющіе кожухи, и три пастуха овецъ. — Наряду съ ними мы застали двухъ пріѣзжихъ изъ Россіи овчинниковъ, работавшихъ заправски, не такъ, какъ мѣстные. О характерѣ промысла мѣстныхъ овчинниковъ говорятъ такъ: хотя оба они имѣютъ лишь хаты да грунты, а поля не имѣютъ, тѣмъ не менѣе земледѣльческимъ занятіямъ на чужой землѣ *) они посвящаютъ не менѣе 2½ мѣс.; кромѣ того косятъ, молотятъ, плетутъ плешни, а когда замерзаетъ болото, то идутъ за 3-ій куль добывать камышъ на топливо; „настояще робятъ“ въ 4 осенніе и зимніе мѣсяца (съ сентября), а затѣмъ въ Рождественскія мясицы и мѣсяца два въ Великій постъ. Дѣти овчинниковъ къ промыслу относятся съ пренебреженіемъ: „кажутъ, воно погане“, но это надо понимать, конечно, не въ смыслѣ брезгливости къ грязной работѣ, а въ томъ смыслѣ, что они не видятъ для себя никакихъ горизонтовъ копать въ этомъ неопытномъ промыслѣ. Поэтому одинъ изъ сыновей мастеровъ ходитъ въ школу, — быть можетъ, надѣясь современемъ пойти „по коммерческой части“, какъ пошли многіе изъ Сенчи **); другой 17-ти лѣтъ, предпочелъ поступить куда-то „въ услуженіе“, благодаря неопредѣленности промысловаго заработка. А пріѣзжіе, между тѣмъ, работаютъ съ наемными рабочими. Если въ Бодаквѣ малые размѣры производства мѣстныхъ мастеровъ можно объяснить тѣмъ, что мастера эти прежде всего земледѣльцы и на овчинничество смотрятъ, какъ на побочное дѣло, то въ Сенчѣ приходится то-же явленіе объяснить нѣсколько иначе: здѣсь промыселъ никакъ не можетъ окрѣпнуть подъ влияніемъ конкуренціи со стороны „русскихъ“. Говорятъ, лѣтъ 10 назадъ въ Сенчѣ было своихъ трое куштировъ (овчинниковъ), а теперь одинъ умеръ, двое сдѣлались глубокими стариками и бросаютъ производство, молодежь-же имъ совсѣмъ не интересуется.

Наряду съ пассивностью мѣстныхъ мастеровъ пріѣзжіе проявляютъ большую предпримчивость. Они являются съ рабочими (по одному), навозятъ съ собою пряжки. Нанявъ квартиру съ Покрова до Масляной рублей за 15, они широко раскидываютъ не только свои промысловыя, но и коммерческія операціи. А тогда уже, какъ уйдутъ, тогда „остатки мы подбираемъ“, говорятъ мѣстные; въ это-же время, т. е. послѣ отъѣзда тѣхъ, начинаютъ плодиться ягнята, и выдѣлка смушковыхъ уже достается мѣстнымъ. О пріѣзжихъ говорятъ, что они больше капиталомъ зарабатываютъ, чѣмъ промысломъ. Мѣстные только работаютъ по

*) Заработаннаго хлѣба (5-ый и 6-ой снопы), т. е. 3 копы ржи и 3 копы гречки, на семью въ 5 душъ хватаетъ до Рождества. Въ косовицу зарабатываютъ поденно коп. по 40, на другихъ работахъ по 20—30 коп.

**) При опросѣ о профессиональныхъ занятіяхъ жителей м. Сенчи мы убѣдились, что отсюда вышли многіе лавочниками и приказчиками въ Херсонъ, Одессу, Николаевъ.

заказамъ, а прїѣзжіе скупаютъ кожи у рѣзниковъ: въ прошломъ году они сами хвалились, что приняли отъ хозяевъ по заказамъ сотни по четыре, а у рѣзниковъ и по базарамъ скупили тысячи по 1¹/₂ кожъ. Купить кожу за 1 руб. 20 коп., а продать за 1 руб. 50 коп., тогда какъ вычинка одной заказной кожи даетъ заработку всего 10 коп. Правда—„не що дня й вони пользуються, а бїльшь підъ урожай“, но все-же коммерція никогда не дастъ меньше, чѣмъ самая работа,—и прїѣзжіе это прекрасно понимаютъ. Однако и при работѣ, если вѣрять мѣстнымъ мастерамъ, прїѣзжіе ухитряются извлечь больше пользы: иногда они умышленно дешевле берутъ за вычинку, копѣекъ 7, чтобы побольше привлечь заказовъ и набрать шерсти. Мы, говорятъ мѣстные, по неволѣ оберегая свою репутацію, не позволимъ собѣ со 100 овчинъ надрать больше пуда шерсти, а они, прїѣзжіе, надираютъ по 2. „Винь якъ дуже проштрапаться у цемъ році, то вже на другу зиму подався самъ у инше місто, а сюды прислаз другого; потїмъ, рокївъ черезъ 6, винь таки изновъ сюды-же прїздыгъ—такъ и корота свїй вікъ“. Мы, говорятъ, изрѣдка продадимъ фунтъ шерсти на рукавицы за 10 коп., а онъ (какой-то Василь) въ прошломъ году набралъ 13 пудовъ и продалъ по 7 руб. Здѣсь они шерсти не продаютъ, а везутъ въ Сѣвскъ, гдѣ и продаютъ по 5, 6 и 7 руб. за пудъ „та ще зъ насъ глузуютъ: поганї кушніра, кажуть,—босї ходите!“

Ни мѣстные, ни прїѣзжіе мастера кожуховъ не шьютъ изъ выдѣланныхъ овчинъ. Этимъ занимаются или два спеціальные мастера, шубники, или простые портные, которыхъ въ Сенчѣ насчитываютъ 32.

Мѣстные мастера имѣютъ по 2 шаплыка: одинъ на дворѣ—для намачиванья кожъ въ водѣ, другой въ хатѣ—для квашенья. У одного имѣется еще шаплыкъ въ землянкѣ, гдѣ онъ весною и работаетъ. Шаплыки небольшие—кожъ на 25 каждый, но въ дѣйствительности закладываютъ въ одинъ разъ не болѣе 12—15 кожъ. Къ запаху шаплыковъ, стоящихъ въ хатѣ, привыкли, даже и приходящимъ „байдуже“, тѣмъ болѣе, что овчины для сушки выбрасываются на дворъ. Русскіе же сушатъ въ хатѣ, гдѣ собирается до 200 овчинъ сразу, почему и „духъ“ у нихъ тяжелый. Овчины чинятъ только бѣлою дубкою, для чего употребляется мука, соль и мѣлъ для побѣлки. Муки идетъ ¹/₂ пуда на 15 кожъ (по 70 коп.—1 руб. 20 коп. за пудъ), соли 5 фунтовъ (на 5 коп.), мѣлу 3 фунта на 3 коп. Говорятъ, у русскихъ и лучшая выдѣлка, и скорѣе выходитъ, такъ какъ они сушатъ на огнѣ. У мѣстныхъ мастеровъ выдѣлка съ сушкою занимаетъ около мѣсяца времени.

Размѣръ своего годоваго производства мѣстные мастера опредѣляли въ 100 штукъ смушковъ и 50 большихъ овчинъ каждый. За выдѣлку большой овчины платятъ по 10 коп., за смушокъ 5 коп. Иногда еще

даютъ и придачу—фунтъ муки или 2 фунта отрубей, но этотъ обычай уже выводится. Эти цѣны устойчивы и существуютъ издавна. Русскіе берутъ и дешевле—копѣекъ по 7, но выбираютъ свое при расчесываніи шерсти. Заработокъ мѣстныхъ овчинниковъ считаютъ рублей въ 15, тогда какъ о русскихъ говорятъ, что тѣ и по 150 руб. заработаютъ. Вообще едва $\frac{1}{20}$ всѣхъ сенчанскихъ заказчиковъ даетъ кожи мѣстнымъ овчинникамъ, всѣ остальные сдаютъ русскимъ. Русскіе каждый день отправляютъ подводу за сборкою овчинъ у мѣстныхъ и сосѣднихъ рѣзниковъ. Развозятъ вычищенные кожи русскіе по всѣмъ окрестнымъ базарамъ и ярмаркамъ—въ Сенчѣ, Бодаквѣ, Юсковцахъ, Лохвицѣ и т. д.

Подъ Сенчою, въ Засульи, имѣются 3 овчинника, въ Копоновкѣ 1, въ Бодаквѣ 5, но всюду проникаютъ русскіе и вездѣ отбиваютъ работу у мѣстныхъ мастеровъ.

в) *Овчинники въ с. Пескахъ.*

Почти буквально то-же можно повторить объ овчинномъ промыслѣ въ Пескахъ, что мы говорили о промыслѣ въ Сенчѣ. Здѣсь имѣется одинъ мѣстный постоянный мастеръ и ежегодно пріѣзжаетъ кто-нибудь изъ русскихъ, чередуясь съ односельцами (причину такой перемѣчivosti мастеровъ мы уже знаемъ). Здѣсь также чиньба составляетъ особое занятіе отъ шитья кожуховъ; смушки часто сами хозяева перешиваютъ себѣ въ шапки, не гонясь за изяществомъ фасона. Мѣстный мастеръ прежде всего земледѣлецъ, а потомъ уже „чинбарь“, какъ здѣсь называютъ овчинниковъ; работаетъ одинъ, а пріѣзжій держитъ рабочаго. Учиться изъ молодежи никто „не интересуется“. Мѣстный имѣетъ 2 шаплыка (одинъ въ хатѣ), заквашиваетъ не болѣе 25 овчинъ въ разъ. Хозяева приносятъ заказы по 1—2 штуки, максимумъ по 10, но такихъ уже остается мало, такъ какъ овцеводство сильно упало. Годовое производство у мѣстнаго—до 150 овчинъ и штукъ 50—100 смушковыхъ; у пріѣзжаго собирается соть по 5—3 и до 1000. Чинка бѣлая: на кожу идетъ 2 фунта муки, считая и на квасъ, и на пересыпку; соли—1 фунтъ, приблизительно столько-же и мѣлу. Пріѣзжій для ускоренія процесса выработки употребляетъ еще и галунъ (квасцы), и вапну (известь). Поэтому вся выдѣлка у мѣстнаго продолжается 2 недѣли, а у пріѣзжаго скорѣе.

За овчину мѣстный беретъ по 10 коп., за смушокъ по 5 коп. Пріѣзжему платятъ 7—8 коп.; но онъ зарабатываетъ еще и на шерсти, и на прялкахъ, которые привозитъ съ собой для сбыта, и, наконецъ, на покушныхъ овчинахъ, которыя онъ собираетъ у рѣзниковъ и послѣ вычинки съ барышомъ перепродаетъ. Съ каждой овчины мѣстный мастеръ набираетъ отъ $\frac{1}{4}$ до $\frac{1}{2}$ фунта (максимумъ—съ самой лучшей)

шерсти, а теперь лучшая идетъ въ продажу по 15 коп., худшая по 12 коп. за фунтъ. Песковскій мастеръ шерсти обыкновенно не продаетъ, а собираетъ года 2—3, послѣ чего передѣлываетъ ее въ сукно; это также надо присчитать къ его заработку.

Мѣстный мастеръ увѣряетъ, что русскій беретъ только тѣмъ, что скоро работаетъ; качество-же работы, будто-бы, ниже. То-же говорили намъ и въ Бодаквѣ, и въ Сенчѣ,—однако вездѣ отмѣчается, какъ положительный фактъ, что громадное большинство хозяевъ „старается“ отдать свои овчины именно пріѣзжимъ мастерамъ. Врядъ-ли здѣсь играютъ такую роль быстрота и обманчивая дешевизна работы.

Въ связи съ тѣми предположеніями, которыя мы слышали отъ Лохвицкой управы, и съ тѣми свѣдѣніями о сапожномъ, кожевенномъ и овчинномъ производствахъ, которыя намъ удалось собрать въ Сенчанской и Песковской волостяхъ,—намъ казалось-бы, что, если Лохвицкое земство найдетъ въ себѣ рѣшимость заняться въ описанномъ районѣ насажденіемъ сравнительно новаго промысла—кожевеннаго, съ устройствомъ учебной мастерской, то, несомнѣнно, было-бы небезполезнымъ дѣломъ организовать при этой мастерской и обученіе улучшеннымъ приемамъ овчиннаго производства: въ общемъ выдѣлка кожъ здѣсь невысокаго качества, особенно-же плохо стоитъ окраска овчинъ.

То, что русскіе пріѣзжіе мастера совмѣщаютъ съ вычинкою овчинъ еще и разныя побочныя коммерческія операціи—въ видѣ перепродажи овчинъ, сдиранія шерсти, продажи прялокъ и т. д.,—это мнѣ не кажется случайнымъ явленіемъ; это служить косвеннымъ подтвержденіемъ того, что чиньба овчинъ въ ея чистомъ видѣ, при современномъ состояніи овцеводства, не можетъ быть надежнымъ и устойчивымъ промысломъ, способнымъ поддержать самостоятельное существованіе хотя-бы тѣхъ только немногихъ мастеровъ, которые имъ въ настоящее время занимаются.

Х. Сапожный промыселъ въ Сенчанской и Песковской волостяхъ.

Посѣтить Бодакву, Хрули и другія смежныя селенія заставили насъ свѣдѣнія, полученныя въ Лохвицкой земской управѣ о томъ, что „главнымъ пунктомъ кожевеннаго производства служить районъ с. Бодаквы, гдѣ раньше существовалъ кожевенный заводъ и гдѣ населеніе знакомо съ приемами и выгодностью этого промысла. Заводъ выдѣлывалъ до 2000 кожъ, которыя расходились безъ остатка въ Лохвицкомъ и Миргородскомъ уѣздахъ. Отсутствие дешеваго кредита, по мнѣнію Лохвицкой управы, несомнѣнно, задерживаетъ развитіе кожевеннаго промысла: кожевники, въ качествѣ болѣе значительныхъ предпринимателей, при неимѣніи оборотнаго капитала, обыкновенно поставлены въ затрудненіе въ своевременномъ приобрѣтеніи не выдѣланныхъ кожъ“ *). Изъ личныхъ объясненій съ г. предсѣдателемъ Лохвицкой управы А. Н. Ходолеемъ мы вынесли впечатлѣніе, что мѣстное земство въ то время было занято мыслью объ устройствѣ въ с. Бодаквѣ земской кожевенной учебной мастерской, а впоследствии уже отъ самихъ кустарей (сапожниковъ) мы узнали и о попыткѣ Лохвицкаго земства устроить продажу сапожникамъ кожевеннаго товара изъ земскаго склада. Все это, въ связи съ полученнымъ въ Вороньковской волости впечатлѣніемъ о непонятно-слабомъ развитіи сапожнаго промысла въ этой волости и объ обиліи пріѣзжихъ сапожниковъ изъ другихъ уѣздовъ и даже изъ Черниговской губерніи,—заставило насъ обратить особенное вниманіе на положеніе сапожнаго и кожевеннаго промысла въ названномъ выше районѣ. Прежде всего оказалось, что собственно кожевеннаго промысла въ описываемомъ районѣ не существуетъ; по крайней мѣрѣ намъ никто даже не указалъ отдѣльныхъ лицъ, которыя занимались-бы вычинкой воловьихъ кожъ. Существуетъ только частный заводъ Исаака Дусевичкаго въ Хруляхъ, который, дѣйствительно, ежегодно передѣлываетъ до 2000 кожъ и, кромѣ того, перепродаетъ и чужой сапожный товаръ, скушаемый въ сосѣднихъ городахъ, и самые сапоги, частью закупленные тамъ-же, частью-же сдѣланные „отпарно“ договоренными заводомъ сапожниками. Продажу сапожнаго товара заводъ прямо монополизиро-

*) Эти свѣдѣнія позднѣ вошли въ составленный Лохвицкою управою къ кустарному съѣзду „Очеркъ мѣропріятій“ (стр. 11).

валъ въ описываемой мѣстности, и намъ повсюду сапожники очень настойчиво заявляли о желательности открытія въ важнѣйшихъ селахъ или хотя-бы въ г. Лохвицѣ земскаго склада кожевеннаго товара—съ устраненіемъ тѣхъ промаховъ, которые были уже однажды допущены земскимъ складомъ при попыткѣ продавать сапожный товаръ (объ этомъ сказано будетъ ниже). Затѣмъ выяснилось, что въ данной мѣстности довольно распространена вычинка овечьихъ шкуръ, которую мѣстные жители называютъ „чинбарствомъ“ и это названіе, прилагаемое обыкновенно къ вычинкѣ воловьихъ кожъ, вѣроятно, и даетъ поводъ ошибочно думать, что въ районѣ Бодаквы, развитъ настоящій кожевенный промыселъ. Слѣдуя принятому нами способу изложенія матеріала, мы и хотимъ сказать, какъ о положеніи сапожнаго промысла (въ связи съ вопросомъ о способахъ полученія сапожнаго товара), такъ и о положеніи овчиннаго, по каждому изъ посѣщенныхъ нами пунктовъ особо, такъ какъ иначе потерялась-бы промысловая фیزیомія каждаго отдѣльнаго поселенія.

А. Сапожничество въ д. Хруляхъ.

Кожевенный заводъ Дусевицкаго въ Хруляхъ началъ существовать лѣтъ за 5 до нашего посѣщенія Хрулей, т. е. примѣрно съ 1893 года; заводъ порядочный—на 9 квасильныхъ чановъ. Относительно качества выдѣлки, мнѣнія сапожниковъ расходятся, но уже одно то, что вся округа работаетъ изъ заводскихъ кожъ и что для сбыта сапожнаго товара Дусевицкій имѣетъ нѣсколько лавокъ, въ томъ числѣ 3 въ самой Лохвицѣ, показываетъ, что качество выдѣлки удовлетворяетъ мѣстному спросу хотя-бы преимущественно на болѣе дешевые сорта кожъ—„простякъ“. Затѣмъ, имѣется и косвенное показаніе на то, что техническая сторона выдѣлки поставлена на заводѣ болѣе или менѣе правильно: говорятъ, что заводъ „выгоняетъ партію кожъ за 3—4 мѣсяца и до полугода“, т. е. за время вполне достаточное для прохожденія кожи черезъ „золу“ (известь), квасы и т. д., чего обыкновенно нельзя сказать о мелкихъ кустарныхъ заводикахъ. На заводѣ имѣется толкодубня съ коннымъ приводомъ и размѣръ производства опредѣляютъ до 2000 кожъ въ годъ. („Толкодубня“—толчея для размельчанія дубовой жоры.)

Въ началѣ заводъ пытался организовать дѣло всесторонне: кожи на немъ не только чинились, но и отдавались договореннымъ мастерамъ для передѣлки въ сапоги, а затѣмъ сапоги сбывались по ярмаркамъ и базарамъ. Требовалась работа постоянныхъ мастеровъ, и такъ какъ мѣстное земледѣльческое населеніе не рѣшалось отрывать часть рабочей силы для постоянной работы на заводчикъ, то ему приходи-

лось выписывать мастеровъ изъ перенаселенной сапожниками Лохвицы, которая вообще отдасть избытокъ своихъ сапожниковъ на сторону. До сихъ поръ въ Хруляхъ задержались два лохвичанина, работавшіе раньше на заводъ. Одинъ изъ нихъ, лучший мастеръ, и до сихъ поръ шьющій „городскую“ обувь на семью управляющаго заводомъ, получалъ по 120 руб. жалованья въ годъ съ обязательствомъ сдѣлать 120 паръ сапогъ въ годъ. Другіе работали отпарно—отъ 50 до 60 коп. за пару; работали душъ по 6*). Два года уже, какъ Дусевицкій не держитъ больше отпарщиковъ: говоритъ,—нѣтъ выгоды; за то онъ скучаетъ теперь въ Ромнахъ готовые сапоги, которые частью развозитъ, частью продаетъ въ своихъ лавкахъ.

Изъ лохвичанъ-отпарщиковъ двое задержались въ Хруляхъ и по настоящее время (1898 г.): одинъ женился здѣсь и года 4 уже нанимаетъ землю, такъ что свой хлѣбъ ѣстъ до Рождества; другой живетъ года 3, но прочныхъ корней еще не пустилъ: платитъ 6 руб. въ годъ за квартиру, ни огорода, ни земли не арендуетъ и только отъ своего промысла питается (Сем. Евтих. Ткаченко). Кромѣ этихъ двухъ пришлыхъ, постоянною работою „на людей“ занимается еще одинъ мѣстный житель Денисъ Бондаренко; у него своей земли 1¹/₂ дес., но онъ еще приарендовываетъ у помѣщика и свой хлѣбъ ѣстъ весь годъ; промыслу онъ посвящаетъ лишь 3—4 мѣсяца въ году. Оба лохвицкіе мастера умѣютъ сдѣлать и городскую обувь, но заказы такого рода рѣдко перепадываютъ и то одному Ткаченку, какъ болѣе искусному. Прочіе заняты исключительно простымъ мужицкимъ сапогомъ и черевикомъ. Кромѣ этихъ трехъ мастеровъ, въ Хруляхъ есть еще нѣсколько хозяевъ, которые всѣ вмѣстѣ „якъ-небудь излатничаютъ“ паръ 10 сапоговъ, не отрываясь отъ своего главнаго занятія—землепашества, но ихъ и считать нечего. Заходятъ иногда и временные мастера—изъ Лохвицы. По словамъ сельскаго писаря и старосты, и лѣтъ 10 назадъ было въ Хруляхъ не болѣе трехъ, работающихъ по заказамъ (на людей) сапожниковъ, такъ что численно промыселъ не развивается; за то качество работы стало выше, такъ какъ нынѣшніе мастера, бывшіе заводскіе отпарщики, считаются знатоками своего дѣла. Числ сапожниковъ не пополняется учениками, такъ какъ въ ученье никто не хочетъ отдавать своихъ дѣтей; разсуждаютъ такъ: „если мальчика 12-ти лѣтъ отдать въ ученье мастеру, то его надо отдать не только даромъ, но еще и одѣвать его, а съ заработковъ онъ уже принесетъ батькѣ рублей 20“. Ткаченко

*) Въ Бодаквѣ намъ сообщали нѣсколько иныхъ свѣдѣній; тамъ говорили, что Дусевицкому „работаютъ отъ пары, по 40 коп., человекъ 15; работаютъ круглый годъ—не выходя, главныхъ мастеровъ два“. А закупаетъ сапогъ онъ еще больше, чѣмъ дѣлаетъ. Въ Пескахъ также говорили, что еще въ прошломъ году на заводъ за обѣдъ садилось 15 рабочихъ разнаго рода, а вытязку и сейчасъ дѣлаютъ четверо.

береть себѣ одного или двухъ „подручныхъ“ по словесному договору; платитъ онъ имъ по 15 коп. отъ пары и даетъ харчи, одежда-же у нихъ должна быть своя.

Не можетъ промыселъ развиваться здѣсь численно еще и потому, что въ Хруляхъ всего 114 дворовъ. Мастера считаютъ, что на каждый дворъ въ среднемъ ежегодно требуется сапогъ по 4 пары, на всѣ 114 дворовъ—456 паръ. Не болѣе 10 паръ хозяева сами сдѣлаютъ для себя; затѣмъ, не болѣе $\frac{1}{3}$ хозяевъ употребляютъ привозной покупной *) сапогъ, т. е. около 90 паръ; остальные 350—360 паръ приходится сдѣлать тремъ постояннымъ мастерамъ, изъ которыхъ одинъ работаетъ всего 3—4 мѣсяца въ году и при томъ одинъ, безъ подручныхъ, т. е. выпускаетъ не болѣе 50—60 паръ. Если посчитать, что, кромѣ сапогъ, жителямъ нужно еще известное количество черевиковъ, то окажется, что паличные мастера имѣютъ работы предостаточно, но пришлымъ нечѣмъ здѣсь поживиться; поэтому пришлые здѣсь и не задерживаются долго.

Производительность труда такова: лучший мастеръ Ткаченко, когда становился у хозяина (на заводѣ), самъ, безъ мальчика, по условію, долженъ былъ дѣлать 120 паръ въ годъ; теперь онъ самъ сдѣлаетъ за недѣлю хорошихъ заказныхъ сапогъ не болѣе 4 паръ (другіе мастера не болѣе 3 паръ, съ мальчикомъ—5 паръ; базарныхъ сапогъ онъ выпуститъ 5—6 паръ, съ мальчикомъ—7 или 8 паръ. Рабочее время—12 часовъ въ сутки и больше (зимою при „свѣтлѣ“ и утромъ, и вечеромъ), а „якъ спѣхъ“, то и цѣлыя сутки.

Одинъ Ткаченко не ограничивается работою по заказамъ, но продаетъ также паръ 10—20 на базарѣ. Его симпатіи клонятся къ послѣднему способу работы, и онъ говоритъ, что если-бы у него нашлось свободныхъ рублей 200, онъ держалъ-бы 2—3 подмастерьевъ и работалъ для базара: „на базарномъ сапогѣ деньги на лицо, а на заказномъ—въ долгъ и въ разрочку: никогда не видишь денегъ! А на базарѣ 25—30 паръ сразу продашь!“ Этому-же Ткаченко приходится за годъ изготовить паръ 15—20 городской обуви для мѣстной аристократіи. Въ виду всего этого, Ткаченко приходится, примѣрно для третьей части всего изготовляемаго имъ количества сапогъ, товаръ покупать самому; въ остальныхъ случаяхъ и у другихъ сапожниковъ товаръ получается отъ заказчиковъ. Сапожный товаръ почти всѣми заказчиками покупается у заводчика Дусевицкаго или на дому у него, или въ лавкахъ его-же. Увѣряютъ, что у себя на дому заводчикъ „править“ дороже, чѣмъ на базарѣ, копѣекъ на 5 на пару,—въ виду того, что на базарѣ все-же можетъ встрѣтиться какая-нибудь конкуренція. Впро-

*) „Базарная работа известна, говорятъ мастера,—на одинъ день“!

чемъ „если и въ городѣ въ лавкѣ купишь, то въ его-же лавкѣ: всё у него, одно слово“! Открытіе завода, какъ жалуются обыватели, ничуть не удешевило сапожный товаръ въ общемъ; если и бываютъ колебанія въ цѣнахъ, то въ зависимости отъ времени года и спроса: лѣтомъ товаръ дешевле, къ зимѣ дороже.

На сапогъ „простякъ“ идетъ товару на 3 р.—3 р. 25 коп., а на городской—рублей 5 или 6. За работу на простомъ сапогѣ получаютъ 1 р., наибольше 1 р. 50 коп., на городскомъ—1 р. 50 к., случается и до 2 руб., если изъ своего товара, „только въ рѣдкость“. Швейная машина имѣется только у одного портного, который и строчить „если легкое что-нибудь“, а если хорошая работа, то Ткаченко отправляется строчить въ Лохвицу, гдѣ и платитъ отъ 7 до 10 и 15 коп. за пару, смотря по сапогамъ.

Ту небольшую часть сапоговъ (около $\frac{1}{3}$ всего потребленія дер. Хрулей), которую приобрѣтаютъ помимо мѣстныхъ сапожниковъ, жители покупаютъ обыкновенно на ярмаркахъ—въ Сенчѣ, Лохвицѣ, Пескахъ и (мало) въ Комышиѣ. На этихъ ярмаркахъ бываетъ много привознаго сапога—изъ Зѣнькова, Миргорода, Гадяча, Лубенъ и Ромень (изъ Ромень и Дусевидкѣй навозитъ много). Въ самихъ Хруляхъ ни ярмарокъ, ни базаровъ не бываетъ.

Такимъ образомъ, Хрули почти всецѣло входятъ въ районъ операцій мѣстнаго кожевеннаго завода.

Б. Сапожники въ с. Бодаквѣ.

Бодаква значительно больше Хрулей (около 600 дворовъ), но и она находится въ сильной зависимости отъ завода Дусевидкаго. Ежегодную потребность каждаго двора въ обуви на опросѣ въ Бодаквѣ опредѣляли въ 4 пары сапогъ и 1 пару черевикъ; значить, на всю Бодакву надо 2400 паръ сапогъ и 600 паръ черевикъ. А средства удовлетворенія этой потребности заключаются въ слѣдующемъ. Во 1-хъ, въ Бодаквѣ имѣется „самый главный сапожникъ“ Иванъ Филь (онъ-же Филенко), выходець изъ Лохвицы, имѣющій здѣсь уже около 5 лѣтъ свою „мастерскую“, въ которой работаютъ 2—3 подручныхъ; за годъ онъ выпускаетъ паръ 250, въ сутки по 2 пары („въ прошлую Филипповку дѣлать паръ по 3 и по 4 даже“). Затѣмъ, по заказамъ работаютъ еще душъ 10,—изъ нихъ двое также лохвичане: одинъ живетъ лѣтъ 5, другой поселился на квартирѣ только недавно. Эти десять мастеровъ работаютъ безъ подручныхъ, изрѣдка лишь подучивая кого-либо изъ своей семьи или изъ семьи пріятели. Работаютъ они 4 мѣсяца въ году: два мѣсяца шьютъ сапоги, мѣсяць черевики, а еще

мѣсяць въ теченіе года набѣжить на починки *). Одинъ изъ этихъ мастеровъ говорилъ намъ, что за указанный рабочій сезонъ онъ успѣваетъ сдѣлать паръ 30 сапогъ и паръ 10 черевиковъ; слѣдовательно, всѣ 10 сдѣлаютъ 300 паръ сапогъ и 100 паръ черевикъ или немного больше. Мальчики въ учени долго не засиживаются, а какъ только немного подучится, такъ сейчасъ-же принимается самостоятельно что-нибудь ковырять. Ежегодно, говорятъ, такъ подучиваются душъ 7. Изъ нихъ образовалось теперь еще душъ 50 сапожниковъ, которыхъ никто посторонній для работы не рискнетъ пригласить, но которые свою семью обшиваютъ уже сами. Эти, по приведенному выше разсчету, сдѣлаютъ 200 паръ сапогъ и 50 паръ черевиковъ. Наконецъ, въ Бодаквѣ переворачиваются еще такъ называемые „захожалі ремесныкі“—преимущественно изъ Ромень и Лохвицы. Появляясь по одиночкѣ, незамѣтно („иде собі зъ торбою и каже: давай, буду шить!“), они не привлекаютъ къ себѣ особаго вниманія, а какъ посчитаешь, говорятъ мѣстные сапожники, то ихъ, можетъ быть, и 20 наберется за годъ „наши еще на полѣ, даже сейчасъ (11 октября), а онъ уже давно, мѣсяца съ 1¹/₂, сидитъ и работаетъ,—можетъ, уже паръ 50 сдѣлалъ; возьметъ себѣ цѣлую кожу, да самъ вытяжку и робить. Познакомится да каждый годъ и заходитъ—на недѣлю, на двѣ, на мѣсяць, а то и больше, снимая квартиру у мужиковъ. „Захожалый“, говорятъ, имѣетъ больше работы, чѣмъ свой (конечно, потому что онъ „свободенъ“ отъ полевыхъ работъ): за 3 мѣсяца работы, съ декабря по мартъ, онъ сдѣлаетъ „среднимъ положеніемъ“ паръ 100 чоботъ. Слѣдуетъ, впрочемъ, думать, что это „среднее положеніе“ нѣсколько преувеличено, потому что, дѣлая 4 пары въ недѣлю (а это максимумъ для одного рабочаго), за 3 мѣсяца можно успѣть сдѣлать лишь около 50 паръ. Если всѣ 20 сдѣлаютъ по 25 паръ, то это составитъ всего 500 паръ **). Такимъ образомъ, на мѣстѣ постоянными и захожими мастерами производится не болѣе 1200 паръ сапогъ и 150 паръ черевиковъ; остальные 1200 паръ сапогъ и 450 паръ черевиковъ пріобрѣтаются покупкою. Откуда-же идетъ покупной сапогъ? Называютъ и Лубны, и Прилуки, и Конотопъ, и Смѣлое, и Пирятинъ, но больше всего указываютъ на Хрули и Ромны, откуда доставляютъ готовые сапоги все тотъ-же Дусевицкій; говорятъ, что не менѣе $\frac{1}{3}$ части или даже $\frac{1}{2}$ привозного сапога идетъ именно отъ него („вінъ у ярмолокъ ятокъ 3 загородить,—ото всі его приказчики“).

*) Одинъ говорилъ, что онъ работаетъ $\frac{1}{2}$ года. Въ общемъ Бодаквѣ производятъ впечатлѣніе чисто земледѣльческаго поселенія, и вслѣдствіе вѣроятно, что здѣшніе мастера работаютъ лишь въ свободное отъ полевыхъ занятій время.

**) Къ тому-же появленіе „захожалыхъ“ мастеровъ не всегда регулярно: бываютъ годы, когда они почти не появляются.

На обиліе привозного сапога мѣстные сапожники не жалуются: „кто расчетъ ведетъ, чтобы хорошіе сапоги носить, тотъ на базаръ не поидеть,—за то и носить будетъ вдвое, а дѣлать базарные сапоги мѣстные мастера „не возмуться, невыгодно,—на нихъ меньшій заработокъ“. Очевидно, мастера еще свободно могутъ довольствоваться заказами, не боясь конкуренціи и перепроизводства и, не имѣя нужды въ базарномъ сбытѣ. Это служить косвеннымъ доказательствомъ сравнительнаго земельного благополучія с. Бодаквы или, лучше сказать, объясняется большею привычкою населенія къ земледѣльческому, чѣмъ къ промысловому труду. Такъ, изъ 10 постоянныхъ сапожниковъ чуть не всѣ уходятъ или посылаютъ членовъ своихъ семей на дальніе заработки; своей земли они имѣютъ не болѣе, чѣмъ по 3 дес., а есть и такіе, что имѣютъ по „упругу“ и по $\frac{1}{2}$ десятины.

Вліяніе близости заводчика Дусевицкаго сказывается, однако, не столько въ количествѣ поставляемаго имъ для Бодаквы готоваго сапога, сколько въ количествѣ сапожнаго товара. О готовыхъ сапогахъ Дусевицкаго въ Бодаквѣ не высокаго мнѣнія: „товаръ кладе ветхій, а сдѣлае чисто,—станъ носить, скоро пропадаетъ“. Такъ какъ это общее повсемѣстное мнѣніе о базарномъ сапогѣ вообще, то заподозривать и въ данномъ случаѣ профессиональное безпристрастіе мастеровъ нѣтъ основанія. Дусевицкій доставляетъ на базары въ Бодакву (еженедѣльно по средамъ бывають) паръ по 50—100 готовыхъ сапогъ. Такъ какъ базары эти служатъ и для окрестныхъ селеній вереть на 12 (Песочки, Пески, Бодаковка, х. Куть и др.), то привезенная партія и расходится по рукамъ. Здѣсь Дусевицкій является единственнымъ торговцемъ—„лучшаго надъ нимъ нѣтъ“. Онъ по многимъ селамъ возитъ сапоги: въ Пески, по-за Лохвицею, въ Жабки—„скрозь іздытъ“. Сапожнаго-же товара Дусевицкій далеко по селамъ не посылаетъ, а продаетъ или прямо съ завода въ Хруляхъ, или въ лохвицкихъ лавкахъ, которыхъ онъ тамъ имѣетъ 2 или 3; иногда завозитъ въ Бодакву на базары.

Закупаютъ товаръ обыкновенно не сапожники, а сами хозяева—заказчики. Самъ главный сапожникъ Филь не болѣе $\frac{1}{10}$ части всего количества выпускаемыхъ имъ сапогъ (250:10=25 паръ) дѣлаетъ изъ покупаемаго имъ самимъ товара, да еще кое-кто изъ временно „захожалыхъ“ сапожниковъ привозитъ съ собой одну или нѣсколько цѣлыхъ кожъ, которыя и передѣлываетъ. Остальные всѣ получаютъ товаръ отъ заказчиковъ. Заказчики-же берутъ товаръ или у себя, въ Бодаквѣ, на базарѣ, привезенный изъ Хрулей, съ завода, или ѣдутъ за ними въ Сенчу, Лохвицу, Пески, даже въ Комышну. На хрулевскомъ заводѣ товаръ выдѣлывается простой: „попадается разный,—нельзя сказать, что плохой, но нельзя сказать, что очень хорошій. На каждыи базаръ

привозить рублей на 100 и больше, но не все продаетъ. Доходъ имѣеть хорошій, потому что онъ одинъ только сюда и ѣздитъ. Если дальше поѣдешь, то дешевле возьмешь, а здѣсь копѣекъ 10 переплатишь на своемъ базарѣ, потому что онъ здѣсь одинъ. Онъ везетъ и на голенища, и на подошву; у него-же и весь приборъ къ сапогу“. Берутъ больше вытяжками, цѣлыми кожами мало. На мужской большой сапогъ надо товару на 3 р. 50 к.—4 р. съ докладомъ („весь докладъ тутъ буде на хороші чоботы“), на женскій сапогъ—на 3 р. и на 3 р. 50 к. съ приборомъ; дешевле нельзя; какъ на 3 руб. На пару черевикъ матеріалу надо на 1 р. или на 1 р. 20 к. (переды и подошвы, а приборъ уже дома находится у каждаго хозяина). Все это обувь простая, городской въ Бодаквѣ—„никоторой“ нѣтъ. Если надобится строчка, обращаются къ портнымъ, платя по 15 к. (машины имѣются у 5 портныхъ). За работу мужскаго и женскаго сапога платятъ по 80, 90 коп. до 1 рубля, дороже не бываетъ. За черевикъ—не дороже 30 коп. за пару. Такимъ образомъ, одинъ мастеръ за рабочую недѣлю вырабатываетъ до 3—4 руб., съ подручнымъ—до 5 руб. Мальчикъ, подучившійся въ теченіе 2 зимъ, можетъ сдѣлать самъ до 2 паръ въ недѣлю, а меньшіе требуютъ много присмотра.

Договоры съ подручными словесные. Въ первую зиму они ничего не получаютъ, на вторую—по 8 или 10 коп. отъ пары, не больше. Кормится подручный идти домой, одежда у него своя. На третій годъ обыкновенно подручный уже начинаетъ промыслять самостоятельно.

Численность промысла возрастаетъ, хотя не очень замѣтно: „той вывчится, а той умре“!

На вопросъ, признаютъ-ли мастера желательнымъ устройство земскаго кожевеннаго завода въ Бодаквѣ, намъ отвѣчали довольно вяло: да, желательно; можетъ быть, лучший товаръ былъ-бы, а гдѣ лучший товаръ, тамъ и „сходъ“ (сбытъ) лучший; а еврей (Дусевицкій) почему хочетъ, столько и беретъ, и везетъ сюда наихудшій товаръ... И тутъ-же добавляли: сюда никто товара не возить, развѣ изъ Сенчи кто-либо одинъ разъ въ 3 года пріѣдетъ; постоитъ, постоитъ—да больше его и не заманишь сюда. Эти, мало согласованныя между собою, заявленія говорятъ прежде всего о томъ, что сами мастера, работающіе почти исключительно по заказамъ, въ удешевленіи сапожнаго товара заинтересованы мало,—такъ-же, какъ и въ его качествахъ. Скорѣе это интересъ всего населенія—заказчиковъ. Но и для послѣднихъ не столько важно, чтобы въ Бодаквѣ или по близости былъ земскій заводъ, сколько то, чтобы была конкуренція Дусевицкому въ доставкѣ товара, а такую конкуренцію могъ-бы создать хотя-бы тотъ-же земскій складъ въ Лохвицѣ. То предположеніе, что лучший товаръ вызвалъ-бы болѣе широ-

шій сбытъ, является въ устахъ сапожниковъ с. Бодаквы чисто теоретическимъ, такъ какъ только одинъ изъ нихъ, и то изрѣдка, имѣтъ возможность работать для базара и, вѣроятно, не работаетъ: на практикѣ всѣ мастера предпочитаютъ работать по заказамъ. Искусственно-же создавать условія для возникновенія класса отпарщиковъ, работающихъ для базара, разъ вблизи есть такіе переполненные сапожниками пункты, какъ Ромны съ Засульемъ и Лохвица, врядъ-ли желательна.

Б. Сапожный промыселъ

Другимъ крупнымъ поселеніемъ, захваченнымъ операціями Хрулевскаго завода Дусевицкаго, являются Пески, имѣющіе около 750 дворовъ. Здѣсь промыселъ численно нѣсколько болѣе развитъ, но организація его все та-же—преимущественно, почти исключительно работа по заказамъ. Близость крупныхъ сапожныхъ центровъ (Ромень и Лохвица), поставляющихъ готовые сапоги, не даетъ здѣсь сапожничеству обратиться въ кустарный промыселъ: потребители побѣдише довольствуются привознымъ сапогомъ, хозяева позажиточнѣе требуютъ хорошаго сапога, нарочито сшитаго по заказу.

Въ Пескахъ намъ прежде всего указали на двухъ роменцевъ, живущихъ уже съ годъ на квартирахъ и шьющихъ лучшую обувь. Одинъ изъ нихъ Иванъ Демид. Гайдара устроился хорошо, работы имѣтъ много, благодаря знакомствамъ получаетъ заказы даже изъ Гадяча; другой еще колебался, не прослѣдовать-ли ему дальше—на Таврію. Оба они больше „по нѣмецкой части“ (название заимствовано изъ Ромень, гдѣ сапожный цехъ раздѣляется на „просте-шевскій“ и „нѣмецко-шевскій“) и дѣлаютъ „интеллигентный сапогъ“. Прочіе исключительно заняты „простякомъ“. Работающихъ на людей считаютъ до 50 челов. Наконецъ, есть по обыкновенію и такіе, которые только сами для себя или для своей семьи не сошьютъ, а „слѣпятъ“ сапоги. Между мѣстными сапожниками безземельныхъ вовсе нѣтъ, но громадное большинство—малоземельны, имѣя отъ 1½ до 3 дес. Болѣе 5 дес., говорятъ, никто не имѣтъ. Хлѣбъ приходится прикупать всѣмъ, хотя стараются заработать и на чужой землѣ—за сношъ. Къ другимъ ремесламъ не переходятъ, какъ это бываетъ, напр., въ Смѣломъ при перепроизводствѣ.

Гайдара держитъ постоянного подмастерья и ученика, изъ прочихъ лишь немногіе (около 10 чел.) работаютъ съ сыновьями; мастера обыкновенно не принимаютъ подручныхъ, такъ какъ, съ одной стороны, отцы предпочитаютъ посылать дѣтей въ пастухи или на дальніе заработки, съ другой—сами хозяева не считаютъ выгоднымъ держать хорошо обученныхъ подмастерьевъ (на третій годъ выучки каждый стремится стать

самъ себѣ хозяиномъ), а съ учениками возиться не хотятъ. Вообще тяга идетъ больше въ сторону земледѣлія, чѣмъ къ промыслу.

Тотъ-же Гайдара, какъ дѣлающій „интеллигентные сапоги“, имѣетъ и швейную машину для строчки; приобрѣлъ онъ ее, уже поселившись въ Пескахъ, отъ развѣздного роменскаго агента въ разерочку на 1¹/₂ года, съ уплатою 4 р. 17 коп. каждый мѣсяць (въ городѣ, гдѣ агентъ постоянно живетъ, обыкновенно требуютъ въ уплату за машину по 1 руб. въ недѣлю). Машины имѣются еще у двухъ мѣстныхъ портныхъ. Если кому приходится дѣлать сапоги изъ елецкаго товара, то строчить идутъ къ Гайдару или портнымъ, платя отъ пары по 10, 15 и 20 коп.

Рабочій сезонъ начинается съ 15 августа или 1 сентября и продолжается до 1 марта или 1 апрѣля, когда начинаютъ дѣлать черевики. Особенно много работы передъ Рождествомъ, когда заказываются лучшіе сапоги, не для обычной ежедневной носки. Зимой при работѣ и утромъ, и вечеромъ „палятъ свѣтло“; иной разъ сидятъ до прихода поѣзда (мѣстное обозначеніе времени—около полуночи), а наибольше до 10 часовъ. Хорошо посидѣвши, лучшій мастеръ могъ-бы и до 6-ти паръ сдѣлать въ недѣлю, но обыкновенно никто своихъ силъ такъ не напрягаетъ, а дѣлаетъ по 3, много по 4 пары въ недѣлю. Гайдара съ 2 подручными успѣваетъ сдѣлать за недѣлю до 10 паръ.

Гайдара, шьющій сапоги для мѣстной интеллигенціи, обыкновенно самъ и товаръ закупаетъ для изготовляемой обуви; ему приходится не болѣе 1—2 паръ въ мѣсяць дѣлать изъ матеріала, приносимаго заказчиками. Другой роменскій мастеръ Силка уже сравнительно мало покупаетъ товара; что-же касается остальныхъ 50, то изъ нихъ развѣ только тремъ или четверемъ придется купить за весь рабочій сезонъ товару паръ на 10 сапогъ и паръ на 15 черевиковъ. Такимъ образомъ, всѣ эти мастера и ¹/₁₀ части сапогъ не дѣлаютъ изъ покушнаго товара, а все изъ приносимаго заказчиками.

Въ виду того, что заводъ Дусевицкаго выпускаетъ только простой товаръ, такіе сапожники, какъ Гайдара, покупаютъ не болѣе, чѣмъ на 2 пары въ мѣсяць, товара этой выдѣлки, подходящаго къ елецкому. Лучшій товаръ они берутъ въ Ромнахъ. За то остальные сапожники и почти всѣ хозяева только у Дусевицкаго и покупаютъ; если они даже и на ярмаркахъ купятъ, то у него-же. Каждый сапожникъ для своей семьи купить за годъ на 10—15 р., не болѣе 25 руб.; также и каждый хозяинъ не-сапожникъ. О Дусевицкомъ говорятъ, что онъ „зараблываетъ добре,—большъ ніжъ усі шевці“; подъ осень на базарь, какъ вывезетъ товару рублей на 500, такъ все почти и распродаетъ. И это потому, что больше негдѣ взять. Приѣзжали какъ-то раньше изъ Лохвицы дру-

гіе еврей, по потомъ познакомились, вошли въ соглашеніе съ Дусевицкимъ и перестали ѣздить. Въ Лохвицу ѣздить за товаромъ развѣ одинъ только изъ ста. Самъ Дусевицкій закупаетъ товаръ въ Ромнахъ и Кременчугѣ и перепродаетъ на базарахъ вытяжку, подошвенный товаръ, бараній, елецкій и др.; на его заводѣ кожи чинятся хорошо (процессъ вычинки—около 6 мѣсяцевъ) и, будто-бы, расцѣниваются дороже, чѣмъ покупныя. Заводскія кожи расходятся очень хорошо: видѣли, какъ съ завода шло по пяти подводъ съ кожами (на возъ кладутъ кожъ по 50 и больше; въ сухой кожѣ вѣсу отъ 20 до 30 фун.).

Правда, въ Пескахъ есть двѣ лавочки—Шкловскаго и Жарова, въ которыхъ наряду съ бакалеей и краснымъ товаромъ можно найти немного и сапожнаго товара—у Шкловскаго, говорятъ, рублей на 50, а у Жарова и того меньше. Свой сапожный товаръ они сбываютъ въ небазарные дни, когда нѣтъ подвоза изъ Хрулей и, такимъ образомъ, собираютъ лишь крупныя, падающія со стола Дусевицкаго. Шкловскій получаетъ свой товаръ изъ Ромень, а Жаровъ держитъ только подошвенный товаръ, покупаемый имъ въ Кременчугѣ; агентами Дусевицкаго они не состоятъ, но и сколько-нибудь серьезной конкуренціи ему не представляютъ.

Старые сапожники увѣряютъ, что, съ появленіемъ хрулевскаго кожевеннаго завода, цѣны на сапожный товаръ не понизились, а даже наоборотъ: кожи его выдѣлки дороже болховскаго и слободскаго товара, потому, будто-бы, что его товаръ „лучше для простонародья,—не такъ боится мокроты“. Дороговизна товара—это слабое мѣсто мѣстныхъ хозяевъ и къ мысли объ устройствѣ земскаго завода или, по крайней мѣрѣ, склада, они отнеслись съ живѣйшимъ вниманіемъ именно съ этой стороны, надѣясь на возможное удешевленіе кожъ. Обыкновенно въ одинъ разъ хозяева покупаютъ товаръ небольшими количествами—на 10, 15, 25 или 35 р., смотря по состоянію.

На простые юхтовые новые сапоги нужно товару на 3 р. 50 к.—4 руб. по слѣдующему расчету: подошва—40 или 50 к., голенища—2 р. 50 к., переда—70 коп., стельки и задники минимумъ 25 коп. За работу платятъ не дороже 1 руб. На хорошіе елецкіе сапоги надо товару на 5 руб., а за работу отъ 1 р. 50 к. до 2 руб. Въ парѣ черевикъ товару на 1 р.—1 р. 10 к., а за работу платятъ отъ 40 до 50 к. Если не цѣльные сапоги шьются, а только пришивныя головки, то за работу берутъ 50—60 коп.

Для учета мѣстнаго производства и потребленія намъ сообщили слѣд. данныя: каждый человекъ, говорили намъ, изнашиваетъ ежегодно пару сапогъ и пару черевикъ; въ среднемъ на дворъ потребуется за годъ 4 пары сапогъ и 2 пары черевикъ. Считаая 750 дворовъ въ Пескахъ,

потребуется 3000 сапогъ и 1500 черевиковъ. Мѣстные 50 мастеровъ сдѣлають въ среднемъ за годъ каждый по 50 паръ сапогъ и 20 паръ черев. (въ ихъ числѣ одинъ Гайдара изъ своей мастерской выпускаеть не менѣе 200—250 паръ сапогъ и ботинокъ. Остальные 500 паръ сапогъ и 500 паръ черев. покупаются у Дусевицкаго. Собственно черезъ Песковскіе базары проходитъ гораздо больше всякой обуви, сбываемой Дусевицкимъ,—болѣе 1000 паръ сапогъ и 1000 паръ черевикъ, какъ говорятъ песчане, но въ самихъ Пескахъ задерживается меньшая половина продаваемого на базарѣ товара, остальное-же расходуется по соседнимъ селамъ, гдѣ вообще носятъ больше покупной обуви, чѣмъ въ Пескахъ. На каждомъ хорошемъ базарѣ Дусевицкій продаетъ паръ 50; въ косовицу продажа падаетъ до 2—3 паръ. Черевики вообще идутъ больше покупные, чѣмъ заказные.

На конкуренцію со стороны привознаго базарнаго сапога мастера и здѣсь не жалуются: когда нѣтъ спроса на работу у сапожниковъ, тогда не идетъ и привозной сапогъ, а осенью всякому „по горло“ работы, хотя въ это время и привозной сапогъ идетъ больше всего. „У насъ безъ работы не сидимъ: если сапога нѣтъ, за цѣпъ беремъ“. Работать по заказамъ, конечно, всѣ признають болѣе выгоднымъ, чѣмъ на базарѣ, да на базарѣ, кромѣ Гайдара, почти никто и не дѣлаеть. „Дорогой товаръ!—говорять: за одинъ товаръ отдашь 3 р. 50 коп., а тебѣ на базарѣ за него больше 3 р. 50 к. не дадутъ,—вонъ и пропала работа; да еще если плохо сдѣлаешь, то онъ (покупатель) тебя и прибереть, случается; а жиду онъ ничего не сдѣлаеть,—жидъ скажетъ: хибя я робивъ“?

Гайдара говоритъ, что ему приходится работать для продажи обыкновенно послѣ Рождества, въ мертвый сезонъ,—паръ 20 или 30, преимущественно ботинокъ, а сапога мало. На мѣстѣ у него берутъ мало, приходится отвозить лавочникамъ въ Ромны; тамъ приѣмка безостановочная, хотя и платятъ за то 30—40, не болѣе 50 коп. за работу—„только чтобъ корма покрыть; мы въ это время (послѣ Рождества) только на корма работаемъ“.

Принимая приведенный выше расчетъ производительности труда средняго сапожника (50 паръ сапогъ и 20 паръ черев.), мастера опредѣляли свой средній годовой заработокъ въ 50—60 руб., а роменскій мастеръ Гайдара уговаривалъ ихъ, что они и до 100 руб. заработають каждый. Принявъ во вниманіе, что въ Пескахъ сапожники не отрываются отъ земли („ще насъ земля держитъ!“), слѣдуетъ склониться къ первому мнѣнію.

Итакъ Пески на вывозъ не работаютъ, если не считать Гайдары; другимъ, если и случается сдѣлать иногда лишнюю пару или двѣ чере-

викъ, то они тутъ-же на базарѣ ихъ и продадутъ. Мы даже видѣли, что довольно значителенъ ввозъ обуви въ Пески. Мало того, въ Пескахъ отъ времени до времени появляются, временно или на всегда, выходцы изъ другихъ мѣстъ. О двухъ роменцахъ (Гайдарѣ и Силкѣ) мы уже говорили, но былъ случай въ прошломъ году, когда даже изъ м. Семеновки Черниговской губ. заѣхали два мастера: наняли квартиру и мѣсяца 1½ хорошо работали, пока не появился какой-то лохвичанинъ, работа котораго до того пришлась по вкусу молодежи, что ему платили на 50 коп. дороже, чѣмъ семеновцамъ. Тѣ „подгадили“ было мѣстнымъ мастерамъ, но скоро убралась.

Число сапожниковъ въ Пескахъ параллельно съ ростомъ населенія увеличивается: учениковъ „настоящихъ“ нѣтъ, но самоучкою постепенно многіе пріучаются. Лѣтъ 40 назадъ, говорятъ, было не больше десятка сапожниковъ: „тогда до завити шили по 7½ коп. головки“. Относительно потребителей „городской“ обуви Гайдара сдѣлалъ наблюдение, что раньше всѣ евреи носили машинную обувь, а теперь ее носить едва 1/3 часть; объясняетъ онъ это тѣмъ, что теперь появились уже повсюду хорошіе мастера, шьющіе по заказу какую угодно обувь.

На дальніе заработки сапожники-хозяева не уходятъ, но молодежь свою посылаютъ: „хлопцы поприходили, теперь сапогами занимаются“. На земледѣльческіе заработки своихъ дѣтей отцы смотрятъ такъ: „зъ того богатый не будешь и сытый не будешь,—абы сидячого татаре не зылы; коженъ день гривенникъ буде“!

Г. Сенчанскіе сапожники.

Въ Сенчѣ и Сенчанскомъ Засульи непосредственное вліяніе Хрулевскаго завода уже мало ощущается; жители этихъ поселеній тяготеютъ къ г. Лохвицѣ, съ которымъ находятся въ постоянномъ сообщеніи, а здѣсь уже кромѣ лавокъ Дусевицкаго есть и другія лавки сапожнаго товара. За то вліяніе крупныхъ сапожныхъ центровъ, снабжающихъ и мастерами-выходцами, и привознымъ готовымъ сапогомъ, сказывается очень сильно и мѣшаетъ мѣстному сапожничеству принять форму кустарнаго производства, о чемъ жалѣютъ многіе изъ мастеровъ, значительно потерявшіе связь съ землею и нуждающіеся въ непрерывномъ заработкѣ.

Въ Сенчѣ 672 двора (по податной тетради 1898 г.). Хорошихъ мастеровъ насчитываютъ здѣсь около 10, у которыхъ столько-же подручныхъ работаютъ (больше чѣмъ по одному подручному не держатъ); эти мастера могутъ дѣлать и городскую обувь, и простую,—первой имъ приходится сдѣлать за годъ не болѣе, чѣмъ паръ по 10—15. Въ числѣ

этихъ мастеровъ есть 6 пріѣзжихъ изъ Лохвицы и одинъ изъ Ромень; всѣ пришлые купили уже себѣ грунты (кромѣ одного, который за 15 лѣтъ проживанія ни какъ не могъ собраться купить грунтъ и мыкается по квартирамъ, платя въ годъ отъ 12 до 15 руб. за хату съ огородикомъ). Кое-кто изъ нихъ имѣлъ грунтъ на родинѣ, но уже попродавали ихъ и оселились въ Сенчѣ прочно.

Мѣстныхъ сапожниковъ, дѣлающихъ исключительно „простякъ“, считаютъ свыше 50; двѣ трети изъ нихъ земли совсѣмъ не имѣютъ, остальная треть малоземельна. Обладаніе 3 десятинами земли представляется имъ такимъ обстоятельствомъ, которое можетъ заставить каждаго сапожника предаться исключительно земледѣлію, „забывая“ о промыслѣ. Тѣмъ не менѣе всѣ сапожники, — и малоземельные, и безземельные, — пользуются всякимъ случаемъ заработать за снопъ: душъ 10 безземельныхъ уходятъ на дальніе заработки, даже у троихъ, забывшихъ уже, какъ жнуть и косять, ихъ жены работаютъ за снопъ (у Петра Перебійноса, Филимона и Лещенка). Двое малоземельныхъ, имѣющихъ всего по 1 дес., ухитряются даже зарабатывать столько, что имъ на весь годъ хватаетъ непокупного хлѣба (Никиф. Галушка и Наз. Савенко). Названные здѣсь мастера являются лучшими сапожниками и на городскую, и на простую обувь; всѣ они имѣютъ подручныхъ; швейныхъ машинъ ни у кого нѣтъ (за машинами обращаются къ портнымъ, которыхъ считаютъ до сотни, имѣющихъ машины). Рабочій день считаютъ въ 14 часовъ. Рабочій сезонъ находится въ зависимости отъ разной степени прикосновенности мастеровъ къ земледѣлію.

Сапожный товаръ для городской обуви (елецкій, бельгійскій, заготовка для ботинокъ и туфель) сапожники берутъ въ Лохвицѣ, — „здѣсь не достанешь“; простой-же товаръ хозяева больше всего берутъ на базарѣ, у становящихся на площади пріѣзжихъ торговцевъ изъ Лохвицы. Базаръ бываетъ одинъ разъ въ недѣлю; на каждомъ базарѣ бываетъ 5—6, а осенью 8—10, подъ плохую-же погоду 1—2 торговца сапожнымъ товаромъ. Постоянныхъ-же лавокъ нѣтъ. Въмѣсто того есть въ Сенчѣ два зажиточныя хлѣбопашца С. и Д. Линники (29 и 24 дес. земли), которые держатъ у себя товаръ на дому. Отсутствіе лавокъ объясняютъ незначительностью спроса на товаръ и близостью Лохвицы. О попыткѣ земства держать кожи при складѣ сапожники слышали; неудачу этой операціи они объясняютъ просто: „не было тамъ умного чоловіка, щобъ умівъ продавать“. Въ складѣ, будто-бы, расцѣнили разный товаръ одинаково: напр., подошву расцѣнили по 73 к.; спину продали, а полы никто не покупалъ, а между тѣмъ, спину можно было оцѣнить копѣекъ въ 80, а полы по 40 коп. За то въ земскомъ складѣ было хорошо то, что товаръ всегда былъ въ одной цѣнѣ, а еврей-

лавочники если замѣтятъ, что какого-нибудь сорта не хватаетъ, сейчасъ-же поднимають цѣну; напр., за фунтовую подошву въ 80 коп. берутъ 85—90 коп. Для сапожниковъ, говорятъ, было-бы хорошо, если-бы былъ складъ да изъ разнаго товара, а то и въ Лохвицѣ нѣтъ никакого выбора: на малую сумму торгуютъ, разъ въ 2 мѣсяца покупають товаръ. Важно только, чтобы складомъ завѣдывалъ опытный торговецъ или сапожникъ. Всѣ эти замѣчания о складѣ оставляемъ на отвѣтственности говорившихъ.

О кожахъ Хрулевскаго завода Дусевицкаго мастера отзываются также не очень одобрительно (надо замѣтить, что всѣ эти замѣчания дѣлали мастера „городской“ обуви): „тамъ товаръ простячина, неподходящій для насъ; качества плохого, грубый,—его мало (?) и берутъ не только на городскую, но и на простую обувь; оттого заводъ и сдаетъ кожи преимущественно въ лавки, а лавочники сдаютъ юхту сапожникамъ для передѣлки въ базарный сапогъ“. Такую операцію продѣлываютъ лавочники въ Лохвицѣ. Къ сожалѣнью, мы не изслѣдовали сапожнаго промысла въ Лохвицѣ и упустили возможность выяснить все значеніе этого крупнаго и оригинальнаго центра сапожнаго производства: перепроизводство и уходъ мастеровъ на сторону, организація отпарничества и особенности торговли сапожнымъ товаромъ—это главные задачи для будущаго изслѣдователя Лохвицкаго сапожничества.

Что касается Сенчи, то здѣсь для базарной продажи совсѣмъ не работаютъ: „чтобы дѣлать на базаръ, надо имѣть капитала рублей 500,—накупить простой юхты и всякаго прибора, работать лѣтомъ, а продавать зимою; такихъ хозяевъ даже и въ Лохвицѣ мало: паръ 5 или 10 сдѣлаеть и вынесеть; на базарѣ сапоги продашь не всегда, а ѣсть всегда надо,—да и дешевле базарный сапогъ, едва товаръ окупаетъ“. Такъ разсуждаютъ лучшіе мастера, а сапожники попроче вздыхаютъ: „еслибъ кто лавку открылъ да сталъ безостановочно принимать, для насъ лучше было-бы: весь годъ работали-бы“!

Сапожный товаръ покупается почти всегда заказчиками; лишь изрѣдка, и то больше у дѣлающихъ городскую обувь, заказчикъ полагается на выборъ мастера. Покупать товаръ сообща между хозяевами нѣтъ обычая; каждый идетъ самъ и беретъ на 2—3 пары, т. е. максимумъ на 15 руб. На пару городскихъ сапогъ идетъ товара на 4 р.—4 р. 50 к. и до 5 руб. средняго сорта, на маленькіе сапоги или изъ товара худшаго сорта—на 3 р. 50 к. Это цѣна всего прибора: пары вытяжекъ, подошвъ, стелекъ, подклеекъ, поднаряда на подборы и подналубниковъ. На „простякъ“ матеріала требуется на 3—3¹/₂—4 руб. Таковы цѣны на мѣстномъ базарѣ, но и въ Лохвицѣ цѣны тѣ-же; туда ѣдутъ не для дешевизны, а потому что здѣсь иногда нельзя достать

нужнаго товара. Если покупать цѣлыми кожами, то изъ средней кожи выйдетъ 3 пары: одна въ 2 р. 50 коп., другая въ 3 р., и третья въ 2 р. 25 к., да приборъ будетъ стоить на каждую пару 1 р. 50 коп., самый плохой 1 руб. Вырѣзанная непосредственно изъ кожи вытяжка еще не будетъ готова: ее надо еще вытянуть и это обойдется въ 25 к. на пару. Сами мастера не могутъ сдѣлать вытяжку такъ хорошо, какъ на заводѣ; по этому не было-бы никакого расчета для мастеровъ городской обуви покупать товаръ цѣлыми кожами. Если-же кожу рѣзать на простякъ, то на пару прикройныхъ сапогъ вышло-бы товару на 3 р. 50 к. и 4 руб., т. е. на всей кожѣ осталось-бы мастеру пользы не болѣе, какъ на 1 рубль, и то изъ стоимости остатковъ, которые можно было-бы утилизировать.

За работу городского сапога изъ хорошаго матеріала берутъ отъ Покрова до Рождества по 1 р. 50 к., 1 р. 75 к. и до 2 руб., если 3 дня его дѣлаешь; чаще всего 1 р. 50 коп.; послѣ Рождества—не болѣе 1 р. Простой сапогъ новый и цѣльный дѣлаютъ не менѣе 1 р., чаще всего 1 р. 25 коп., доходить до 1 р. 50 к., а послѣ Рождества берутся и дешевле рубля: „75 коп. беремо, щобъ не гулять“. Тѣ-же цѣны и для женскаго сапога. За работу черевика чаще всего платятъ по 50 коп., иногда „уважишь 10—15 коп.“, но ихъ невыгодно дѣлать и по 60 коп.; дѣлаютъ ихъ лишь оттого, что въ это время другой работы нѣтъ. Въ сутки приходится 40—50 коп.

Лучшій мастеръ за недѣлю сдѣлаетъ 5—6 паръ „пришовъ“, по 60 коп. за пару, новыхъ максимумъ 4 пары, съ мальчикомъ—4 или 5 паръ новыхъ. Годовую производительность труда и на городской, и на простой обуви мастера опредѣляютъ въ 100 паръ, съ мальчикомъ или подручнымъ—150 паръ; тѣ, которые много отвлекаются на земледѣліе, дѣлаютъ не болѣе 60—70 паръ. Работы много въ теченіе 4 мѣсяцевъ: сентябрь—декабрь. Годовой заработокъ считаютъ въ 100—120 руб.

Сенчанскіе сапожники увѣряютъ, что они обшивають едва третью часть мѣстныхъ жителей, остальные пользуются привознымъ сапогомъ. Везутъ изъ Роменъ, Лубенъ, Лохвицы и особенно изъ Конотопа: „Конотопъ чисто заѣлъ лохвицкихъ и сенчанскихъ сапожниковъ; работа у нихъ подходящая, а главное, что самый лучший сапогъ у нихъ стоитъ 4 р.—4 р. 50 коп. Имъ товаръ достается дешевле, чѣмъ намъ: у насъ одна наборка безъ работы обойдется въ 4—5 р. Даже лымари и овчинники черниговскіе навозятъ много сапогъ съ собою; покупають цѣлыми бочками“. То небольшое число заказовъ, которое поступаетъ въ Сенчу изъ окрестныхъ хуторовъ, и въ ничтожной долѣ не можетъ уравновѣсить числа поступающихъ привозныхъ сапоговъ.

Число сапожниковъ въ Сенчѣ растетъ. Еще лѣтъ 20 назадъ ихъ было не болѣе 20, а теперь болѣе 60. Ежегодно не менѣе 10 мальчиковъ поступаютъ въ ученики и многіе еще „преднамѣриваются“. Нѣкоторые отдають учиться въ городъ, а они потомъ сюда идутъ работать. Кромѣ того, число сапожниковъ пополняется и выходящими изъ Роменъ и Лохвицы *); черниговскіе пока не заходили.

Съ подручными (т. е. прошедшими уже 2 года ученья) письменныхъ договоровъ не заключаютъ: „якъ не захочетъ, силою не вдержишь!“ Получаютъ подручные 15—20 р.; побудеть 1½—2 года и идетъ домой латки латать: „мнѣ невыгодно держать его за 30 р., а онъ говоритъ, что за лѣто на черной работѣ заработаетъ рублей 25; развѣ только какой-либо безпріютный сирота побудеть 3—4 года“.

На дальніе заработки уходитъ добрая треть сенчанскихъ сапожниковъ, но не на сапожную работу, а на земледѣльческую.

Д. Сапожники въ Сенчанскомъ Засульи.

Остается сказать нѣсколько словъ о сапожникахъ въ Засульи, чтобы покончить съ этимъ уголкомъ уѣзда. Находясь подъ самую Сенчею, Засулье не можетъ, конечно, представить какія-либо особыя черты сапожнаго промысла. Находясь подъ вліяніемъ ближайшихъ сапожныхъ центровъ, Засулье имѣетъ и освѣвшихъ въ немъ выходцевъ, и получаетъ массу привозного сапога, и такъ-же, какъ и другія села, не можетъ организовать у себя чисто кустарнаго производства. На 500 дворовъ въ Засульи намъ насчитали только 7 сапожниковъ и опредѣлили годовое производство ихъ всѣхъ въ 700 паръ сапогъ и 300 паръ черевиковъ, тогда какъ годовую потребность въ новой обуви довольно скромно посчитали въ 1500 паръ сапогъ и 500 черевиковъ. Такимъ образомъ, привозится сапога въ Засулье значительно больше, чѣмъ дѣлается на мѣстѣ. Ввозъ идетъ изъ Роменъ и Роменскаго Засулья, очень много изъ Смѣлага, изъ Зѣнькова „здорово идетъ простой сапогъ,—тамъ на скупщиковъ многіе отпарно работаютъ“; наконецъ, везутъ еще и изъ „Росѣи“, т. е. изъ Черниговской и Курской губерній. Такъ какъ заказную работу предпочитаетъ всякій, кто можетъ („нашъ сапогъ лучше привозного,—только намъ некогда шить, нашъ стоитъ 7 руб., а привозной 5 руб., за то нашъ вдвое носится“), то жаловаться на недостатокъ работы сапожники здѣсь не могутъ: „еслибъ сюда сапоговъ не возили, то, извѣстно, мы брали-бы за работу и 2, и 2½ рубля, а все-же не передѣляли-бы всѣхъ заказовъ“.

*) Говорятъ, что Лохвица высылаетъ своихъ мастеровъ на сапожную работу не только по окрестнымъ селамъ, но и въ Ростовъ, Крымъ, на Донъ.

Сапожный товар покупают и въ Сенчѣ, и въ Лохвицѣ—въ послѣдней больше, такъ какъ больше выборъ—6 лавокъ; въ Сенчу-же придешь, такъ еврей думаетъ, что негдѣ больше купить, и беретъ дороже. Изъ сапожниковъ приходится покупать товаръ одному лишь Филимону Пант. Дорошенку, выходцу изъ Лохвицы и лучшему сапожнику, какъ на городскую, такъ и на простую обувь. Большая семья (8 душъ) мѣшаетъ Дорошенку обзавестись собственнымъ грунтомъ и хатою и онъ въ теченіе 17 лѣтъ скитается по квартирамъ, платя по 6 руб. въ годъ. Онъ изъ бывшихъ дворовыхъ, работаетъ одинъ (мальчика посылаетъ въ школу). Вдвоемъ съ другимъ хорошимъ мастеромъ Автономомъ Охинько (2 десятины) они славятся своею усердною работою. Товарищи говорятъ о Дорошенкѣ съ симпатіей и сожалѣніемъ, что ему часто приходится спать надъ сапогомъ; высчитывая подробно и обстоятельно его рабочіе часы въ теченіе сутокъ, опредѣляютъ ихъ въ 16 и 17 часовъ (лѣтомъ): „хуже, чѣмъ на фабрикѣ,—тамъ зналъ-бы свои положенные часы“! Прочіе мастера работаютъ „не такъ нагально, хладнокровнѣе“—часовъ по 10 въ сутки. Рабочій періодъ въ теченіе года растягивается на 8 мѣсяцевъ—съ августа и до Пасхи. Дорошенко за недѣлю сдѣлаетъ не болѣе 3 паръ хорошихъ сапоговъ; если праздникъ подвернется, то и 2, а „худшенькихъ“—и 4. Охинько можетъ и 6 паръ сдѣлать, но то мастеръ „замѣчательный“. Остальные мастера въ среднемъ выпускаютъ еженедѣльно по 2¹/₂—3 пары.

Мѣстные цѣны таковы: самый лучший сапогъ стоитъ 7 руб., на немъ если останется „пользы 1 р. 25 коп., то и добре, а якъ трохи грѣха наберешься, то и 1 р. 50 коп. заработишь; въ рѣдкости случай бываетъ, что и 2 руб. нарвешь“. Средній заработокъ на 7-рублевомъ сапогѣ составляетъ 1 р. 50 к., но такихъ за годъ случится не болѣе 10 паръ. Въ 6-рублевомъ заработокъ колеблется отъ 1 р. до 1 р. 50 к., ередній 1 р. 25 коп. Въ 5-рублевомъ женскомъ въ среднемъ больше 1 рубля не останется. Итакъ, наилучшій мастеръ, при наибольшемъ напряженіи рабочей силы, въ самую рабочую пору, когда есть безостановочные заказы, можетъ выработать за недѣлю максимумъ 6 р., въ среднемъ 4 р. 50 к., т. е. отъ 75 коп. до 1 руб. за 12—14 часовую работу. У остальныхъ мастеровъ заработокъ на парѣ составляетъ отъ 60 коп. до 1 руб., въ среднемъ 80 коп. при цѣнѣ простого сапога въ 4—5 руб. (рѣдко 3 р. 50 к.).

Вліяніе Хрулевскаго завода сказывается лишь при посредствѣ лохвицкихъ лавокъ. Мастера знакомы и съ кожами другихъ заводовъ—въ Березоточи и Смѣломъ, но считаютъ ихъ плохими. Лучшимъ товаромъ на „городскую“ обувь считаютъ елецкій и болховскій, фабрики Серафимова.

Постепенно число сапожниковъ увеличивается, хотя учениковъ и не берутъ: „приде, подывиться и саморучно, самоглядно вывчиться робить“.

Такимъ образомъ, насколько намъ удалось выяснитъ условія сапожнаго промысла въ Сенчанской и Песковской волостяхъ, мы пришли къ заключенію, что здѣсь преобладающая форма производства—работа по заказамъ; слѣдовательно, существуетъ значительный спросъ на кожу и вообще сапожный товаръ сравнительно высокаго качества. Потребитель хорошихъ сортовъ товара имѣется въ лицѣ болѣе зажиточной части населенія, пренебрегающей базарнымъ сапогомъ. Удовлетворенію этой потребности могли-бы служить потребителскія лавки въ болѣе крупныхъ поселеніяхъ или, при отсутствіи ихъ, хотя-бы земскій складъ въ Лохвицѣ. Если и теперь мастера и хозяева не затрудняются ходить въ Лохвицу за товаромъ на 2—3 пары сапогъ, то, съ упорядоченіемъ этого дѣла при помощи земскаго склада, посѣщенія эти должны быть еще чаще. Такимъ путемъ, скорѣе, чѣмъ созданіемъ кожевеннаго завода въ одномъ изъ поселеній этихъ волостей, могъ-бы быть созданъ противовѣсъ дѣятельности Хрулевскаго и ему подобныхъ частныхъ заводовъ, монополизировавшихъ торговлю сапожнымъ товаромъ. Опытъ Смѣлянскаго кожевеннаго земскаго завода, который Лохвицкая управа хотѣла повторить въ Бодаевѣ, показываетъ, какъ трудно совмѣститъ цѣли обученія съ цѣлями коммерческими; но если-бы даже Лохвицкое земство оставило въ сторонѣ цѣли учебныя, а задалось цѣлью устроить заводъ для выдѣлки хорошихъ сортовъ кожи, все-же это задача гораздо болѣе трудная и сложная, чѣмъ потребителскія операціи съ покупнымъ сапожнымъ товаромъ. А главное—мы не нашли на мѣстахъ тѣхъ мелкихъ кожевниковъ, которые могли-бы явиться объектами воздѣйствія проектируемой учебной мастерской. Пришлось-бы насаждать новый промыселъ,—и, хотя въ принципѣ противъ этого ничего нельзя возразить, но на практикѣ это было-бы нелегкою задачею—нелегкою по обилію цѣлей, которыя пришлось-бы земству преслѣдовать.

Что касается потребителей привознаго сапога, то урегулированіе продажи сапожнаго товара могло-бы нѣкоторую часть изъ нихъ привлечь къ заказному сапогу; впрочемъ, здѣсь уже сказываются вліянія иного характера—размѣръ покупательной способности хозяйствъ и т. п. Во всякомъ случаѣ создавать искусственно классъ сапожниковъ-кустарей, которые снабжали-бы односельчанъ базарнымъ сапогомъ, врядъ-ли представлялось-бы благодарной задачею при существованіи вблизи описываемаго района крупныхъ центровъ кустарнаго сапожничества. Какое

крупное значеніе для всего Лохвицкаго уѣзда, а не только для описываемой нами части его, имѣеть привозной сапогъ, видно изъ весьма любопытныхъ данныхъ о ярмарочной торговлѣ (собираемыхъ, если не ошибаемся, одной только Лохвицкой управой): „Въ теченіе 1896 года были подсчитаны 14 ярмарокъ, причемъ оборотъ торговли на нихъ коженнымъ (и сапожнымъ) товаромъ выразился суммою въ 348,350 руб. На отдѣльныя значительныя ярмарки, какъ, напр., Лохвицкую и Варвинскую, привозъ коженнаго товара (и сапогъ) простирается до 30,000 руб.—главнымъ образомъ изъ Прилукъ, Пирятина, Смѣлаго, Глинска, Миргорода, Зѣнькова, а также Ични, Конотопа и Коропа Черниговской губ. Такимъ образомъ,—замѣчаетъ управа, мѣстное производство почти совсѣмъ вытѣняется привозными товарами“. Сапоги—одинъ изъ необходимѣйшихъ предметовъ народнаго потребленія, этимъ обусловливается и необыкновенная живучесть сапожнаго промысла, получившая свое выраженіе въ изслѣдованныхъ нами селеніяхъ въ томъ, что вездѣ имѣются свои мастера, работающіе по заказамъ для болѣе зажиточной части населенія. Поднять численность этой привилегированной группы—значило-бы поднять и промыселъ въ данной мѣстности. Къ сожалѣнію, эта задача уже выходитъ изъ предѣловъ тѣсныхъ рамокъ земскаго содѣйствія собственно кустарнымъ промысламъ.

XI. Кузнечный промыселъ въ г. Лохвицѣ.

Въ Лохвицкой земской управѣ мнѣ, между прочимъ, совѣтовали обратить вниманіе на кузнечный промыселъ въ самой Лохвицѣ. Это побудило меня обойти кузницы, а затѣмъ пригласить къ себѣ въ гостиницу кузнецовъ для подробнаго опроса. Ко мнѣ пришли 7 кузнецовъ— все евреи. На мое предупрежденіе, что я произвожу свой опросъ не съ фискальными цѣлями, они замѣтили: „А что-жъ такое? Хотя-бы и для налога!“ Потомъ они говорили мнѣ, что къ распросамъ они уже привыкли, такъ какъ ихъ не разъ уже звали въ полицію (?) и требовали показаній о томъ, сколько они передѣлываютъ въ годъ желѣза и сколько имѣютъ заработка. Такимъ образомъ, показанія даны были мнѣ очень сознательно, а насколько они отъ того выиграли въ искренности—судить не мнѣ; съ своей стороны могу сказать, что они показали мнѣ вполне правдоподобными.

Промыселъ существуетъ въ Лохвицѣ съ незапамятныхъ временъ, но численное свое развитіе онъ получилъ только недавно. Старики помнятъ, что лѣтъ 30 назадъ во всей Лохвицѣ было 5 кузницъ, а по селамъ почти не было; теперь каждое село имѣетъ своего кузнеца, а иногда и нѣсколькихъ, въ Лохвицѣ-же осенью 1898 года было 14 кузницъ: на Ярмарочной площади 9, возлѣ полиціи въ городѣ 2 и на выѣздѣ къ Млинамъ 3. Кромѣ одного цыгана и двухъ русскихъ, остальные евреи, и въ ихъ числѣ лишь двое, болѣе или менѣе постоянно работающихъ для базарной продажи, т. е. кустарей*). Изъ евреевъ только двое имѣютъ свои хаты и кое-какіе грунты, прочіе живутъ на квартирахъ, платя отъ 25 до 36 руб. въ годъ за квартиру, состоящую изъ одной хаты, которая играетъ роль и кухни, и дѣтской, и спальни, и гостиной одновременно. Двое русскихъ и цыганъ имѣютъ хаты и грунты. Кузницы у всѣхъ собственныя, построенныя на городской землѣ; только два еврея арендуютъ кузницы у частныхъ лицъ. Каждый кузнецъ—самостоятельный хозяинъ въ своей кузницѣ; общихъ или артельныхъ кузницъ нѣтъ—„неудобно, говорятъ: одинъ на базаръ что-нибудь дѣлаетъ, а другой мужикамъ колеса обтягиваетъ; тотъ хочетъ работать,

*) Вѣроятно, тѣмъ, что подворная перепись 1888 г. не регистрировала ремесленниковъ, объясняется слѣдующее: въ спискѣ кузнецовъ въ Лохвицкой волости, указано только 2, въ томъ числѣ 1 занимающійся и 1 не занимающійся земледѣіемъ. Впрочемъ, и въ книгѣ „Кустари и ремесленники Полтавской губ.“ указанъ только 1 кузнецъ, земледѣіемъ не занимающійся.

а этотъ хочетъ гулять,—каждый хочетъ притѣснить другого“! Досчатая постройка кузницы стоитъ отъ 80 до 100 руб. Горень. если поставить хорошей, обойдется рублей въ 20; такихъ горновъ на всю Лохвицу только 4,—остальные-же стоятъ „по 25 коп.,—просто ящикъ насыпаемъ землею и готово“! Кузнечные мѣха стоятъ отъ 8 до 12 руб.,—только у одного изъ кузнецовъ есть хорошей мѣхъ, стойвшій когда-то 25 руб. и доставшійся ему по случаю за 10 руб. Обошедши кузницы на Ярмарочной площади, я былъ удивленъ ихъ неуютностью и пустою: по стѣнамъ не были развѣшены всякіе инструменты, какъ мнѣ приходилось видѣть у хорошихъ сельскихъ кузнецовъ въ Срібномъ (Прилукскаго уѣзда). Кузнецы говорятъ, что только 3 или 4 кузницы сравнительно полно снабжены кузнечнымъ инструментомъ; другимъ, по роду работы, полный наборъ и не требуется. Приспособленія для нарѣзки винтовъ (нарѣзныя доски), стоящія въ покупкѣ отъ 3 до 5 р., у трехъ кузнецовъ, напр., совсѣмъ отсутствуютъ; у одного ихъ есть 3 штуки, еще у двоихъ по 2, у остальныхъ по одной. Наковальня хорошая въ 35 р. имѣется только у одного Коробова, у всѣхъ остальныхъ такія, что стоили отъ 8 до 12 руб., многія изъ нихъ уже потеряли цѣнность и стоятъ рубля по 3.

Каждый изъ кузнецовъ имѣетъ по одному мальчику-подмастерью лѣтъ до 16, а у кого свои сыны, то и они работаютъ; больше чѣмъ по одному мальчику стараются не держать, такъ какъ не изъ чего оплачивать ихъ содержанье. Обыкновенно мальчики-ученики получаютъ по 15, 20, 25 р. въ годъ жалованья, а хорошему подмастерью пришлось-бы платить рублей по 5 въ мѣсяць. Лучшій кузнецъ старикъ Сигаль помнитъ время, лѣтъ 15 назадъ, когда онъ вырабатывалъ 20—25 руб. въ недѣлю, до 70 руб. въ мѣсяць, и держалъ на жалованьи мастера за 120 р. въ годъ, но теперь онъ едва 200 р. зарабатываетъ въ годъ и нанимать мастеровъ уже не можетъ. Трое изъ теперешнихъ кузнецовъ—его бывшіе ученики. Такимъ образомъ, весь персоналъ кузнецовъ въ Лохвицѣ съ подмастерьями и сыновьями достигаетъ 30 человекъ. Мальчики съ 13 лѣтъ поддуваютъ мѣха; съ 14—15 лѣтъ, смотря по силѣ, начинаютъ бить молотомъ. Русскіе кузнецы оба неграмотны, а изъ евреевъ половина знаетъ русскую грамоту и всѣ знаютъ грамоту еврейскую. Никто изъ кузнецовъ въ ремесленныхъ мастерскихъ или училищахъ не обучался. Подмастерья живутъ у хозяина, на его харчахъ; обѣдаютъ всѣ вмѣстѣ. Одежда своя, инструментъ хозяйскій.

Всѣ кузнецы только своимъ промысломъ и занимаются, не переходя ни къ какимъ другимъ занятіямъ. Число рабочихъ дней въ году они считаютъ 285, выключая 52 субботы, 2 большихъ праздника по

8 дней, 4 дня поста и еще дней 8 на разные мелкіе праздники. Больше всего работы бываетъ весною, во время паханья земли и передъ жнивами, когда всякому хозяину необходимо держать въ исправности свой инвентарь. Въ возовицу уже работы мало. Зимой также работа оскудѣваетъ—развѣ въ гололедицу коней куютъ. Рабочее время въ теченіе дня измѣняется солнцемъ: работаютъ, пока свѣтло; при вечернемъ освѣщеніи никогда не работаютъ. Частенько приходится много времени терять и днемъ, когда не подворачивается никакой работы. Нѣтъ мужика, нѣтъ и работы, а мужикъ „клятый“: онъ нарочно выжидаетъ времени, когда работы бываетъ мало, и тогда уже, чтобы не выпустить заказчика изъ кузни, кузнецъ соглашается работать по самой низкой цѣнѣ. Нѣкоторые изъ кузнецовъ утилизируютъ свои невольные зимніе досуги тѣмъ, что дѣлаютъ кое-что для продажи на базарахъ или ярмаркахъ.

Спеціализаціи по роду издѣлій между лохвицкими кузнецами нѣтъ; всѣ дѣлаютъ одно и то-же. Разница лишь въ томъ, что одни работаютъ только по заказамъ проѣзжающихъ крестьянъ, другіе—для продажи на ярмаркахъ и базарахъ. Плуговъ никто не дѣлаетъ—не потому, чтобы эта работа была имъ не по силамъ; нѣкоторые изъ нихъ видѣли плуги, изготовляемые на заводѣ Шимая въ Ряскахъ Прилуцкаго уѣзда и увѣрены, что, будь у нихъ оборотный капиталъ и сбытъ, они могли-бы и сами дѣлать такіе-же плужки. Лемехи и чересла на простые плуги они изрѣдка дѣлаютъ, но чѣмъ дальше, тѣмъ больше распространяются плужки земскимъ складомъ въ Лохвицѣ; да и не только плужки, но и многія другія желѣзныя издѣлія распространяются складомъ, что сильно сокращаетъ спросъ на ихъ работу. У кузнецовъ были попытки завязать отношенія съ складомъ: одному изъ нихъ, старому и когда-то славившемуся работой кузнецу Сигалу, складъ заказалъ дѣлать подоски — „не хватило выписныхъ, что-ли; Сигаль сдѣлалъ ихъ пудовъ 12, получилъ по 20 коп. отъ пуда за работу, на томъ дѣло и кончилось“,— говорили съ сожалѣніемъ кузнецы. Если-бы земскій складъ оказалъ имъ кредитъ углемъ и желѣзомъ, то они въ зимнюю безработицу готовили-бы что-нибудь и для продажи; теперь-же, не имѣя никакихъ оборотныхъ средствъ, они не могутъ работать въ запасъ и наугадъ, да и вообще работать для комисіонной продажи, если-бы даже складъ и согласился принимать на комисію ихъ издѣлія (въ чемъ они вовсе не увѣрены), кузнецы, по ихъ словамъ, не были-бы въ состояніи,—имъ оборотъ нуженъ сейчасъ-же.

Повидимому, были и другія какія-то попытки соглашеній съ земскимъ складомъ, но намъ удалось выяснитъ лишь слѣдующее. Нѣкоторые кузнецы предлагали земскому складу дѣлать зубья для боронъ и

экстирпаторовъ, подоски, приборы для дверей, топоры, долота и пр., но не сошлись въ цѣнѣ, такъ какъ складъ получилъ болѣе выгодныя предложенія отъ гадячскихъ мастеровъ, а тѣ могли взяться дешевле, будто-бы, потому, что у нихъ есть возможность гдѣ-то дешевле покупать желѣзо—отъ паровыхъ котловъ по 80 коп.—1 р. 20 к. за пудъ. Давать-же имъ для переработки свое желѣзо складъ не хочетъ: „не вѣрять и на 2 копѣйки“ ни въ земскомъ складѣ, ни въ лавкѣ купца Каганера.

Поэтому въ настоящее время кузнецы дѣлятся на двѣ неравныя группы: къ одной принадлежатъ два мастера, постоянно работающіе для базарной продажи, и еще нѣсколько душъ, лишь изрѣдка дѣлающіе нѣсколько издѣлій въ свободное время, къ другой—всѣ остальные кузнецы, работающіе на проѣзжаго мужика и вообще заказчика. Первые дѣлаютъ преимущественно дверные приборы; вторые оковываютъ колеса, подковываютъ лошадей, починяютъ возы, накладываютъ лемеша и чересла, дѣлаютъ второстепенныя починки въ фаятонахъ (для каретной работы—столярной и обойной—есть въ Лохвицѣ особый каретникъ; есть еще и большое слесарное заведеніе), дѣлаютъ свердлы, топоры, зубья для боронъ и экстирпаторовъ (изрѣдка 3, 4, 5 зубьевъ мужикъ закажетъ, а больше готовое покупаетъ) и т. п.

Такъ какъ большинство кузнецовъ работаютъ по заказамъ крестьянъ, то имъ приходится перерабатывать матеріалъ заказчиковъ—желѣзо; большею частью это всякое старье, если-же приходится покупать желѣзо (самимъ-ли крестьяниномъ или кузнецомъ), то они обращаются или въ земскій складъ (собственно сельско-хозяйственнаго общества), или въ лавку Каганера. Въ продажѣ имѣются разные сорта: стрепильное, четырехгранное, въ $\frac{5}{8}$ ", круглое и т. д. Для зубьевъ берутъ четырехгранное, для дверныхъ приборовъ круглое полудюймовое, а также и плоское, и синее (скатное) и т. д. Цѣны желѣза: 2 р. 20 к., 2 р. 30 к. и 2 р. 40 коп. Лѣтъ 5 назадъ, до открытія склада, цѣны, будто-бы, были ниже: то, что теперь 2 р. 20 к., стоило 2 р. 12 к.; то, что 2 р. 30 к., прежде 2 р. 15 к. и т. д. Кузнецы, работающіе для базарнаго сбыта, здѣсь желѣза не покупаютъ, а предпочитаютъ брать въ Ромнахъ—по 1 р. 90 к., съ доставкой по 2 р. пудъ. Само сельско-хозяйственное общество беретъ желѣзо также въ Ромнахъ и притомъ въ кредитъ, благодаря чему ему, будто-бы, отпускаютъ дрянъ, и общество на желѣзѣ чуть-ли даже не несетъ убытки.

Кузнечный каменный уголь весь уѣздъ беретъ или въ томъ-же складѣ сельско-хозяйственнаго общества, или у купца Дунаевского—по 23, 25 коп. за пудъ; изрѣдка въ плохую погоду, когда дороги портятся, цѣна поднимается и до 30 коп. Въ общемъ роста цѣнъ на уголь

за послѣднія 5 лѣтъ не замѣчаютъ. И складъ, и Дунаевскій покупаютъ уголь вагонами. Кузнецы берутъ по мелочамъ—по $\frac{1}{2}$ пуда (случается 2 раза въ день бѣгать за углемъ въ лавку и брать по $\frac{1}{2}$ пуда), не болѣе 3 пуд. въ одинъ разъ. Полупуда часто хватаетъ на день, максимумъ выходитъ 1 пудъ; за всѣ 285 рабочихъ дней каждый кузнецъ спалить около 200 пудовъ угля. Кузнецамъ складъ кредита не оказываетъ, такъ какъ „не интересуется ими“, какъ мелкими потребителями; по экономіямъ-же уголь отпускается въ кредитъ и болѣе или менѣе крупными партіями, причемъ, по словамъ кузнецовъ, уплата долговъ за уголь часто слишкомъ затягивается, отчего складъ не въ большихъ барышахъ и на этой операціи. Передаемъ лишь то, что слышали.

Тѣ двое, что работаютъ для базара, за годъ передѣлываютъ желѣза не менѣе, чѣмъ по 100 пуд. Когда былъ заказъ для монополіи, то въ 3 мѣсяца 300 пуд. передѣляли. Угару считаютъ 1 фун. на пудъ.

Цѣны на работы таковы: подковать лошадь хозяйскою подковою стоитъ отъ 4 до 7 коп., подковою мастера—отъ 15 до 20 коп.; натянуть шину 15 к., бываетъ и 10 к., а раньше платили и по 30 коп. („стараясь не выпустить изъ кузницы заказчика: что стоитъ рубль, дѣлаемъ за 30 коп.“). Зубья дѣлаютъ въ лавки по 25 коп. отъ пуда (а иногда приходится и по 15 к.); за дверные приборы—по 30 к. отъ пуда; за накладку лемеша 30—35 коп., а раньше брали 50—75 коп. Лавочники, принимая издѣлія вмѣсто желѣза, отсчитываютъ тотъ недостающій фунтъ, который получается отъ угару.

Чтобы выяснитъ суточный заработокъ кузнеца, я просилъ всѣхъ семерыхъ собравшихся мастеровъ сказать, сколько они выработали за сегодняшній день (опросъ происходилъ вечеромъ, послѣ работы. Они предупредили меня, что время, въ которое я опрашиваю ихъ (29 сентября 1898 г.), вообще считается не бойкимъ; зимою еще хуже, за то въ гололедицу, весною и въ началѣ лѣта они зарабатываютъ гораздо больше. Затѣмъ они сообщили мнѣ, каждый о себѣ, слѣдующее: *первый* натянулъ 3 колеса по 15 к. и 4 ноги подковалъ по 4 к., всего на 61 коп.; *второй*—наложилъ 2 лемеша съ череслами за 50 коп. и натянулъ 1 колесо за 15 коп., всего 65 коп.; *третій*—12 крючковъ сдѣлалъ для шпугъ (для дверей) по 4 коп.—на 48 коп.; *четвертый*—подковалъ 9 ногъ по 7 к.—на 63 коп.; *пятый*—пару колесъ натянулъ за 35 коп.; *шестой*—сдѣлалъ сѣкиру за 40 коп., и *седьмой*—починялъ бричку, еще не кончилъ (за работу выйдетъ около 1 руб. въ день). Среднее для всѣхъ 7 мастеровъ получается около 60 коп. Сами-же мастера принимали средній заработокъ за всѣ 285 руб. около 70 коп., максимумъ въ 2 руб. Одинъ сказалъ: „чтобы прожить, надо заработать 20 руб. въ мѣсяцъ“. Я полагаю, что можно принять средній ежеднев-

ный заработокъ каждого въ 1 рубль безъ преувеличенія или, по крайней мѣрѣ, 240 руб. въ годъ.

Сколько зарабатываютъ тѣ, что работаютъ для базара *), намъ не могли подсчитать. Говорятъ, что, когда они снаряжаютъ своихъ женъ на ярмарку или базаръ, то даютъ ей издѣлій на 25—50 р. максимумъ, но это расходуется далеко не сразу. На иную ярмарку пропадаетъ дней 6—8, и часто приходится на это время закрывать кузницу, если мастеръ торгуетъ самъ; чаще всего уходитъ 2—3 дня. Издѣлія продаются на базарѣ въ самой Лохвицѣ, а по ярмаркамъ—въ окружности на 30 или 40 верстъ. Самыя лучшія ярмарки: въ Лохвицѣ на Переплавную среду, въ Чернухахъ, Пескахъ, Сенчѣ и Юсковцахъ. На далекія ярмарки кузнецы забираются не болѣе 2 разъ въ году—„не съ чѣмъ ѣздить на большія ярмарки“. О заработкахъ этихъ двухъ мастеровъ прочіе не высокаго мнѣнія: одинъ изъ нихъ взялъ за женою приданное и пока еще изворачивается, но недолго продержится: другой-же весь вѣкъ этимъ занимается и зарабатываетъ не больше простого кузнеца. Если вспомнить, что вообще работа по заказамъ вездѣ считается болѣе выгодной, чѣмъ работа для рынка, то послѣднему утвержденію кузнецовъ о заработкѣ кузнеца-кустаря легко вѣрить.

Главную конкуренцію себѣ лохвицкіе кузнецы видятъ въ гадячскихъ кузнецахъ, которые сами разѣзжаютъ со своимъ товаромъ на далекія ярмарки и продаютъ его и оптомъ, и въ розницу. Гадячане плуговъ также не дѣлаютъ, а всякую мелочь: топоры, долота, лемиши (лемишей продаютъ „въ разъ“ по 20—25 пуд. въ лавки и навозятъ сюда) и пр. Затѣмъ въ лохвицкія лавки навозятъ разныя издѣлія изъ Коропа, Кременчуга и Нѣжина; эти на ярмарки и базары не ѣздятъ.

Количество работы у лохвицкихъ кузнецовъ изъ года въ годъ не уменьшается: дешевъ-ли, дорогъ-ли хлѣбъ, мужику надо сдѣлать необходимую въ земледѣльческомъ хозяйствѣ вещь; когда хлѣбъ дешевъ, кузнецу лучше, такъ какъ ему всегда приходится его покупать. Замѣна крупныхъ помѣщиковъ крестьянами не радость кузнецовъ: при панахъ и намъ лучше, а мужику, хоть и 800 дес. имѣеть,—„просто хамъ“! Причина такого нерасположенія къ мужику, въ томъ, что многое для своего хозяйства онъ и самъ себѣ можетъ сдѣлать.

Хотя кузнецы и увѣряютъ, что, по ихъ наблюденіямъ, промыселъ понемногу подвигается въ сторону работы для базарнаго сбыта, однако этотъ процессъ, повидимому, двигается пока очень медленно. Это явленіе имѣетъ двѣ причины: во-первыхъ, промыселъ находится подъ нѣкоторымъ давленіемъ конкуренціи со стороны фабричныхъ и заводскихъ издѣлій и даже издѣлій такихъ, сравнительно болѣе развитыхъ, кустарно-

*) Имена ихъ: Зуевъ, Ливерць и Эля Портной.

промышленныхъ пунктовъ, какъ, напр., Гадячъ,—а во-вторыхъ, повидимому, кузнецы имѣютъ еще довольно заказовъ отъ проѣзжающихъ мимо нихъ крестьянъ и не очень нуждаются въ выступленіи на рынокъ.

Во всякомъ случаѣ, тѣмъ кузнецамъ, которые имѣютъ достаточно незанятаго рабочаго времени зимою, слѣдовало-бы, можетъ быть, помочь путемъ отпуски въ кредитъ, какъ желѣза, такъ и угля изъ земскаго склада, а также и нѣкоторымъ содѣйствіемъ въ коммисіонной продажѣ готовыхъ издѣлій; впрочемъ, въ практичность этой второй мѣры содѣйствія сами кузнецы пока вѣрятъ мало.

Лавочниковъ-благодѣтелей, которые ссужали-бы мастеровъ матеріаломъ въ долгъ съ обязательствомъ сдавать имъ наготовленные издѣлія, въ Лохвицѣ нѣтъ, какъ нѣтъ и вообще кругомъ скупщиковъ желѣзныхъ издѣлій. Артели между кузнецами нѣтъ, но мы вынесли такое впечатлѣніе, что, будь крупныя заказы, кузнецы съ успѣхомъ могли-бы объединиться для ихъ выполненія за круговой поручкой.

XII. Плетеніе волосяныхъ ситъ въ Харсикахъ Чернухской волости.

Промыселъ плетенья или, по мѣстному, тканья волосяныхъ ситъ въ Харсикахъ незапамятнаго происхожденія. Одинъ изъ стариковъ показывалъ намъ станочекъ (верстать), на которомъ, по его словамъ, работалъ еще его прадѣдъ. Говорятъ, промыселъ былъ раньше болѣе распространенъ, чѣмъ теперь: нѣкоторые помнятъ время, когда работали дворахъ въ 30; во время-же нашего опроса намъ считали только 12 дворовъ, въ которыхъ работало человекъ 15, и указывали еще душъ 10 изъ подростковъ въ другихъ дворахъ, которые подучиваются плетенію. Такимъ образомъ, во всемъ селѣ, состоящемъ болѣе чѣмъ изъ 300 дворовъ, описываемый промыселъ не составляетъ очень замѣтнаго явленія. Увѣреніямъ о сокращеніи промысла (вслѣдствіи конкуренціи), повидимому, можно довѣрять; по крайней мѣрѣ, еще въ основномъ статистическомъ изслѣдованіи 1888 года въ Харсикахъ было показано 19 мастеровъ-ситниковъ, въ томъ числѣ 5 не занимавшихся землепашествомъ, а это изслѣдованіе грѣшило скорѣе въ сторону уменьшенія, чѣмъ въ сторону увеличенія числа мастеровъ*). Конкуренція идетъ изъ Прилукъ, Ромень, Золотоноши, Нѣжина и другихъ мѣстъ, но въ предѣлахъ собственно Лохвицкаго уѣзда, по категорическому утверженію мастеровъ—ситниковъ больше нѣтъ, если не считать 1—2 мастеровъ въ Чернухахъ; но вѣдь Харсика въ сущности составляютъ предмѣстье Чернухъ. Казалось-бы, что съ такими далекими конкуррентами Харсика могли-бы и не считаться серьезно, но дѣло въ томъ, что сита—предметъ сравнительно мало требуемый въ небогатыхъ хозяйствахъ, къ тому-же легко перевозимый на далекія разстоянія. Наконецъ, важно и то, что ситникамъ приходится покупать, какъ самый волосъ, такъ особенно деревянные „обічки“ (цилиндрическая боковая поверхность сита); конкуррентамъ-же, повидимому, матеріалъ достается легче.

Какъ извѣстно, сито представляетъ собою волосяное „полотенце“, натянутое на обручикъ, образующійся изъ срѣзаннаго края „обічки“

*) Въ книгѣ „Кустари и ремесленники Полтавской губ.“ мы находимъ совсѣмъ уменьшенное число ситниковъ—всего 4. Лохвицкая управа въ своемъ „Очеркѣ мѣропріятій“ говоритъ, что въ Харсикахъ и Чернухахъ болѣе 20 кустарей.

(или „обичайки“), и прикрѣпленное дратвою къ обічкѣ. Обічки привозятся обыкновенно на ярмарки „литвинками“ (изъ Черниговской губ.) и продаются по мелочамъ на десятки. Есть, однако, въ Харсикахъ болѣе зажиточные люди,—какъ Дмитрій Гапоненко, Иванъ Сагура и Кондрать Сагура,—которые покупаютъ обічки копами—по 10, 15, 20 копъ сразу, какъ позволить капиталъ. Въ копѣ считается 3 кружка, а въ каждомъ кружкѣ по 20 штукъ обічекъ. Имъ копа обходится въ 3 руб., а при распродажѣ ея мастерамъ враздробъ вмѣсто 3 р. выручаютъ 4 руб. и 4 р. 50 коп.). Сидѣвшіе тутъ-же Сагуры возражали говорившимъ, что раздробительно выходитъ дороже оттого, что мелкіе покупатели берутъ обічки на выборъ).

Волось употребляется и изъ хвостовъ (косица), и изъ гривъ; первый длиннѣе, второй тоньше и употребляется больше на двойную ткань; длинный выше цѣнится. Кто хочетъ покупать волось значительными количествами, ѣдетъ въ Рашевку или выписываетъ оттуда отъ тамошнихъ купцовъ, которые, въ свою очередь, получаютъ его отъ бродячихъ по селамъ „щетинниковъ“ (мелкихъ разносчиковъ-торговцевъ). Такой-же купецъ—Каленникъ Усковъ—имѣется на постоянномъ жительствѣ и въ Чернухахъ (прасоль или скупщикъ); онъ также держитъ наемныхъ рабочихъ, которыхъ посылаетъ по селамъ. У рашевскихъ купцовъ и у Ускова волось покупаютъ фунтами. Лѣтъ 10 назадъ фунтъ стоилъ 40—50 коп., теперь-же отъ 50 до 60 коп. и даже 70 коп. *). Иногда покупаютъ у евреевъ-рѣзниковъ—хвостами и на фунтъ. Предпочитаютъ, конечно, покупки у себя на базарѣ, если вынесетъ „дядько“ (крестьянинъ) продавать на пачку; въ такихъ случаяхъ фунтъ обойдется на 10—15 коп. дешевле, смотря по удачѣ. Бываютъ и случайные продавцы: „якъ нема соли у хозяина, такъ и одчепить хвѣсть у свой або чужій шкапыны“. По ярмаркамъ продаютъ волось еврей—тѣ, что кожи скупаютъ. Въ пачкахъ волось обыкновенно не подобранъ по длинѣ; попадаетъ и бракъ, т. е. волосья менѣе $\frac{1}{2}$ арш. длиною (въ $\frac{1}{2}$ арш. еще годится на края сита).

Въ послѣднее время два зажиточныхъ хозяина И. и К. Сагуры стали выписывать готовые „полотенца“, для ситъ—откуда-то „изъ Польши“, скрывая, откуда именно. При нашемъ опросѣ они также сидѣли, храня угрюмое молчаніе **). Мастера очень заинтересованы этимъ секретомъ и подозрѣваютъ въ немъ какую-то выгодную аферу, но эти выгоды очень сомнительны. Если-бы Сагуры просто опериро-

*) Въ монографіи о щетинникахъ В. И. Василенко говорить, что рашевцы сбываютъ ежегодно около 1000 пудовъ косицы и гривы, по 17 руб. за пудъ, что составляетъ $42\frac{1}{2}$ коп. за фунтъ (стр. 9) Его изслѣдованіе относится къ 1884 г.

**) У того-же В. И. Василенка находимъ указаніе на то, что рашевцы получаютъ волосыя сита изъ Българя Лублинской губ. Возможно, что и Сагуры узнали объ этомъ отъ рашевцевъ.

вали капиталомъ, закупили готовыя сита и овладѣли рынками сбыта,—выгоды могли-бы быть; но они, выписавъ полотенца и, слѣдовательно, оплативъ трудъ тканья ихъ, сами занимаются прикрѣпленіемъ полотенецъ къ обичайкамъ. Правда, они успѣваютъ, такимъ образомъ, сбывать по 1000 ситъ, тогда какъ рядовой мастеръ, все дѣлающій собственными руками, не сдѣлаеть болѣе 300—400, но выигрыша большого, очевидно, здѣсь быть не можетъ.

Сита различаются по величинѣ и по густотѣ ткани. Самое густое—въ 25 пасомъ, затѣмъ въ 18, 14 и, наконецъ, самое рѣдкое въ 13 пасомъ; въ пасмѣ 30 нитей. Сито въ 25 пасомъ дѣлають обыкновенно изъ лошадиной гривы,—такъ тонка должна быть нить: сдѣлать такое „полотенце“ двойнымъ, т. е. пустить въ потканье (утокъ) два волоса вмѣсто одного,—нельзя. Немногіе уже и дѣлають въ 25 пасомъ, и такое сито съ работою обходится въ 1 р. 20—1 р. 30 коп. Сито въ 18 пасомъ стоитъ 80 коп. Сито въ 14 и 13 пасомъ бываетъ и одинарное, и двойное; двойнымъ называется тогда, если въ основу кладется два волоса, а въ потканье три; въ одинарномъ-же ситѣ основа состоитъ изъ одного волоса, потканье изъ двухъ. Одинарное сито въ 14 пасомъ стоитъ 20—25 коп., двойное—35 коп., а если еще при этомъ діаметръ равенъ 9 вершкамъ, то стоимость поднимается до 45 коп. Одинарное сито въ 13 пасомъ стоитъ 20 коп., двойное 30 коп. Діаметръ сита можетъ имѣть и 9, и 8 вершковъ, и еще меньше; больше 9 вершковъ онъ не можетъ быть, такъ какъ понадобился-бы слишкомъ длинный волосъ,—вѣдь каждый волосъ при дѣланіи сита (при завязываніи основы на станкѣ) сокращается на $1\frac{1}{2}$ вершка съ каждой стороны. На каждое сито идетъ отъ $\frac{1}{6}$ до $\frac{1}{5}$ фунта волоса, т. е. примѣрно на 10 коп., а при экономной покупкѣ волосъ изъ первыхъ рукъ—дешевле копѣйки на 2; обічка обойдется копѣекъ въ 7 изъ вторыхъ рукъ. Все сито обойдется мастеру въ 15—17 коп., а продасть онъ такое сито за 25 коп., т. е. выручить за работу отъ 8 до 10 к. Это расчетъ одинарнаго сита. Въ двойномъ волоса идетъ больше: основы въ 2 раза, потканья въ $1\frac{1}{2}$ раза, т. е. на сито пойдетъ волоса примѣрно на 17 коп.; выручка въ такомъ случаѣ составитъ 11—12 к., такъ какъ такое сито будетъ продано за 35 коп.

Большинство мастеровъ покупають волосъ небольшими количествами—по 2 или 3 фунта въ одинъ разъ; часто трое поручають одному купить сразу фунтовъ 10 (въ Рашевкѣ нѣсколько лѣтъ назадъ брали и по $\frac{1}{2}$ пуда), а затѣмъ дѣлать покупку пропорціонально взносамъ каждаго. Удачная покупка волоса имѣеть большое значеніе для мастеровъ; она можетъ повысить доходъ мастера на нѣсколько копѣекъ на каждомъ издѣліи и, быть можетъ, было-бы дѣломъ не бесполезнымъ, съ

затратою нѣсколькихъ сотъ рублей всего, организовать правильную доставку кустарямъ конского волоса. Если считать всѣхъ мастеровъ 15 и годовое производство каждаго даже въ 400 ситъ, то и тогда для всѣхъ за годъ потребуется волоса не болѣе, чѣмъ на 500 руб. (при вѣсѣ сита въ $\frac{1}{6}$ фунта и при цѣнѣ фунта волоса въ 50 коп.).

Обзаведеніе мастеровъ инструментами стоитъ недорого: почти всѣ инструменты самодѣльные. Станокъ для тканья „полотенца“ сита въ главныхъ чертахъ напоминаетъ обычный ткацкій „верстатъ“; называется онъ „кросенками“; передній и задній навои называются „ципочекъ“ и „бильце“. Челнокъ—„похлястеръ“. Блятокъ—тотъ-же блять или батанъ. Затѣмъ есть начинье и ключечка для набирания начинья и, наконецъ, глица *), исполняющая роль ремизокъ при тканьи. Способъ изготовленія всякихъ ситъ одинъ и тотъ-же. Лучшими мастерами намъ назвали Прок. Булду, Дмитр. Гапоненка **), Емел. Харсику и Якова Харсику, но большой разницы между ними нѣтъ. Выдѣлка сита у хорошаго мастера, говорятъ, занимаетъ около 2 часовъ: направить станокъ около $\frac{3}{4}$ часа, а выткать полотенце 1 часъ; менѣе опытному мастеру понадобится и 3 часа. Напряженность работы зависитъ отъ рабочаго сезона и отъ того, не мѣшаютъ-ли полевья работы. Рабочій сезонъ обычный: отъ конца жнивья до Пасхи, т. е. около 8 мѣсяцевъ, хотя сами мастера насчитываютъ въ этомъ промежуткѣ времени всего 5—6 мѣсяцевъ. Повидимому, они нѣсколько склонны къ преуменьшеніямъ. Тоже подозрѣніе является и по отношенію къ исчисленію продолжительности рабочаго дня: лѣтомъ, говорятъ они, въ самые длинные дни работать приходится не болѣе 10 часовъ, зимою 6. Ссылаются на то, что при вечернемъ освѣщеніи „погано“ ткать, не стоитъ и „свѣтло палить“; между тѣмъ, какъ другіе говорятъ, что если не ткать, то поровнять и подшить полотенце къ обѣдкѣ вполне удобно и вечеромъ. Мастера дѣлали такой подсчетъ своему годовому производству: въ 6 мѣсяцахъ, говорили они, примѣрно 120 рабочихъ дней; если дней 20 отбросить на сбытъ издѣлій, то для производства останется 100 дней, въ теченіе которыхъ, за вычетомъ всякихъ мелкихъ дѣлъ по хозяйству, каждый мастеръ „слободно“ выпуститъ 300 ситъ (одинъ мастеръ поправилъ: 400). Но не всѣ имѣютъ возможность непрерывно заниматься: не хватаетъ матеріала. Поэтому, будто-бы, половина мастеровъ (душъ 8) выпускаетъ всего по 150 штукъ; четвертая часть по 100,

*) Сейчас мы уже не представляемъ отчетливо всѣхъ подробностей тканья волосяныхъ полотенецъ. В. П. Васяленко описываетъ глицю такъ: это есть „яглообразная деревянная пластинка съ отверстиемъ на концѣ, въ которое владывается волосъ утка и проводится по ширинѣ основы“. („Опытъ Толковаго словаря народной технич. терминологіи“, стр. 16), но это описаніе больше подходитъ къ челноку.

**) Булда и Гапоненко на Кременчугской выставкѣ 1896 г., Прилукской 1898 г. и Роменской 1899 г. получили денежные награды за выставленные ими сита.

остальные по 50. Тутъ-же, однако, ввсена была поправка; что одинъ изъ Сагуръ выпустить самъ болѣе 1000 штукъ изъ покушныхъ полотенецъ. По этому подсчету годовое производство ситъ въ Харсикахъ не многимъ болѣе 3000 штукъ, но это, повидимому, расчетъ минимальный *). Такъ, одинъ изъ мастеровъ говорилъ, что онъ и 5 штукъ за день дѣлаетъ; другой замѣчалъ, что онъ за годъ рублей 30 зарабатываетъ, и если принять, какъ мы видѣли выше, что средній заработокъ на одной штукѣ составляетъ около 10 коп., то заработать 30 руб. можно при производствѣ въ 300 штукъ. Дневной заработокъ мастера считаютъ въ 25—30 коп. Разница въ цѣнахъ осенью и весною бываетъ около 5 коп. на штукѣ; осенью цѣна выше. Пессимисты показываютъ, что заработка на каждомъ ситѣ имѣютъ по пятачку.

Слишкомъ скромныя показанія мастеровъ какъ-то мало вяжутся съ ихъ-же показаніями о широкомъ районѣ сбыта, захваченномъ ихъ издѣліями (правда, не безъ конкуренціи и со стороны привозныхъ ситъ). Прежде всего слѣдуетъ отмѣтить, что производство ситъ въ Полтавской губ. пока констатировано только въ слѣдующихъ пунктахъ (см. книгу „Кустари и ремесленники Полтавской губ.“): въ Полтавѣ 7 мастеровъ, въ м. Барышевкѣ Переяславскаго уѣзда 4 мастера и въ г. Зѣньковѣ (см. Василенка „Опытъ толковаго словаря“, стр. 16). Есть намеки и на Золотоношу **). Продають свои сита харсичане въ Чернухахъ на базарѣ, затѣмъ больше всего везутъ въ Пирятинъ; на ярмаркахъ и базарахъ сбываютъ въ Лохвицѣ, Лубнахъ и Варвѣ; изрѣдка въ Сенчѣ; въ Вороньки, Куриньку, Городище и др. сбываютъ по 1—1½ десятокъ. Такимъ образомъ, районъ сбыта для харсикскихъ ситъ не можетъ считаться малымъ. Какъ на неблагоприятное явленіе, мастера указываютъ на то, что много ситъ навозятъ на мѣстные ярмарки, изъ Прилукъ, Ромна, Золотоноши и Нѣжина, но самая отдаленность этихъ пунктовъ должна ослаблять конкуренцію. На обыкновенныхъ базарахъ привоза чужихъ ситъ не бываетъ, но на „красныхъ“ базарахъ, передъ святами, они появляются. Въ Лохвицу „на всеядній“ (ярмаркѣ) „якъ увалять“!.. Говорять, будто-бы на каждой ярмаркѣ бываетъ съ ситами подводъ по 10, и уже на каждомъ возѣ не по 100 штукъ, какъ раньше бывало, а по 1000. Сравнивая свои издѣлія съ

*) Лохвицкая управа считаетъ, что каждый изъ 20 мастеровъ изготовляетъ отъ 400 до 500 ситъ цѣною отъ 20 коп. до 1 рубля за штуку, и что общій годовой оборотъ этого производства достигастъ 3000 рублей.

**) У г. Забѣлло, въ описаніи Лубенской Покровекой ярмарки 1891 г., находимъ, что на эту ярмарку сита были доставлены изъ Чернухъ (15 штукъ) и Золотоноши (600 штукъ), причемъ сказано, что оба эти торговца „покупаютъ полотно и сами натягиваютъ на лукошко“, но такъ какъ далѣе говорится о нѣкѣ рѣшетѣ и ситѣ (50—60 коп. за штуку) отдѣльно, то остается неясно, сита или рѣшета были привезены изъ Золотоноши. Неясность усиливается тѣмъ, что тутъ-же говорится и о скупщикѣ этихъ самыхъ издѣлій, живущемъ въ Лубнахъ (стр. 13).

привозными, харсичане говорятъ: „іхня работа чистійша, але наша мицнійшъ: вінъ тільки 4 раза пристебне нахрестъ, та й годі“! Не малая часть заработка остается въ рукахъ скупщиковъ: „онъ возьметъ у насъ 14-тку за 25 коп., а на ярмаркѣ съ воза продасть за 35 коп.“. Не имѣющіе своихъ подводъ мастера носятъ свой товаръ на себѣ: „за тітромъ бѣльшъ не потянешъ якъ 20 або 25 штукъ. На плечи начепишь, да верстовъ 30 и лупишь за два карбованціи; да ще місто-вого заплаты 50 коп.,—якъ не заплотышь, то було таке, що й сажали... Іноді штукъ 5 тягнешъ за 30 верстъ, якъ треба волосу“.

По заказамъ работаютъ мало: одинъ говоритъ, что приходится сдѣлать штукъ 50, другой—что 30, вообще ничтожную часть всего производства,—„хйба якъ хазяинъ відчепить у свой коняки хвістъ, да стару обічайку принесе, то тоді зъ его гривенника й візьмешъ“. Настоящихъ-же „подрядчиковъ“, т. е. скупщиковъ, на которыхъ мастера работали-бы постоянно, нѣтъ.

Какъ на обстоятельство, способствующее уменьшенію сбыта ситъ, мастера указываютъ также на то, что евреи вездѣ поставили олейницы. Въ отходъ по своему промыслу ситники не уходятъ. Одинъ рассказывалъ, что пошелъ разъ на островъ Тендру (на Черномъ морѣ) рыбачить въ неурожайный годъ, когда спроса на сита не было, захвативши съ собою 8 фунтовъ готоваго волоса. Тамъ онъ въ свободное время сдѣлалъ 80 штукъ ситъ, свернулъ полотенца въ трубку и принесъ домой, потому что тамъ обічекъ не могъ найти. На земледѣльческіе заработки также никто изъ мастеровъ не уходитъ. Наемныхъ рабочихъ не держатъ. Вообще промыселъ имѣетъ значеніе подсобное къ земледѣлію, такъ какъ всѣ мастера занимаются хлѣбопашествомъ на своей или на чужой землѣ, становясь на работу за 5-ый или 6-ой снопъ и зарабатывая при этомъ копу или двѣ жита. Изъ мастеровъ есть хозяевъ 5 такихъ, что весь годъ хлѣба не прикупаютъ; безъ полевой земли только 2 хозяина.

Содѣйствіе промыслу могло-бы выразиться въ болѣе правильной закупкѣ волоса.

№ п/п	Видъ волоса	Количество	Цена за единицу	Итого
1	Ситъ	80
2	Хлѣбъ
3	Жито
4	Копы
5	Житы

XIII. Гончары въ м. Городищѣ Вороньковской волости.

Гончарство въ Городищѣ, по словамъ самихъ мастеровъ, существуетъ „съ прадрѣдовъ“, но не развивается замѣтно: гончары „не размножаются,—бо не дуже заработна рѣчь“; и лѣтъ 20 назадъ, будто-бы, ихъ было почти столько-же, сколько и теперь. Это показаніе гончаровъ находитъ себѣ подтвержденіе въ другихъ данныхъ: В. И. Василенко насчитывалъ въ 1884 г. въ Городищѣ 20 хозяйствъ гончаровъ *), П. А. Зарѣцкій въ 1893 г. считалъ ихъ 27, намъ волость дала списокъ 26 хозяевъ, а сами гончары насчитали 33, и, наконецъ, статистическое бюро въ 1900 г. въ книгѣ „кустари и ремесленники“ устанавливаетъ число 27. Если мы даже примемъ наивысшую цифру 33, данную самими кустарями и очевидно основывающуюся на процессѣ естественнаго раздѣленія семей гончаровъ, то все-же ростъ числа гончарныхъ хозяйствъ за отмѣченные 17 лѣтъ не можетъ считаться замѣтнымъ. Ниже намъ станутъ ясны и причины этого факта, заключающіяся, какъ въ плохомъ качествѣ мѣстной глины, такъ и въ низкой техникѣ промысла.

О размѣрахъ землевладѣнія гончаровъ мы имѣемъ нѣсколько показаній, приблизительно совпадающихъ между собою даже на протяженіи времени отъ изслѣдованія г. Зарѣцкаго до 1900 г., что также свидѣтельствуетъ о маломъ измѣненіи въ судьбахъ промысла. Повидимому, промыселъ придаетъ извѣстную устойчивость чисто земледѣльческой сторонѣ хозяйства гончаровъ, и послѣднее терпитъ измѣненія лишь въ связи съ естественнымъ дробленіемъ семьи.

Данныя, относящіяся сюда, таковы:

Размѣры землевладѣнія гончаровъ въ 1893—1900 г.	Только грунты		Поля до 1 дес.		Отъ 1 до 3 дес.		Отъ 3 до 6 дес.		Свыше 6 дес.		Итого.	
	Число хозяйствъ.	Число хозяйствъ, у нихъ земли.	Число хозяйствъ, у нихъ земли.	Число хозяйствъ, у нихъ земли.	Число хозяйствъ, у нихъ земли.	Число хозяйствъ, у нихъ земли.	Число хозяйствъ, у нихъ земли.	Число хозяйствъ, у нихъ земли.	Число хозяйствъ, у нихъ земли.	Число хозяйствъ, у нихъ земли.	Число хозяйствъ, у нихъ земли.	
По даннымъ Зарѣцкаго 1893 г. . .	3	1	8	—	13	—	2	—	27	79,0	—	—
По списку волости въ 1898 г. . .	—	1 1,0	10	21,9	14	52,3	1	9,0	26	84,2	—	—
По словамъ гончаровъ въ 1898 г. . .	4	20 хоз.		5	—	4	—	—	—	—	—	—
По даннымъ стат. бюро 1900 г. . .	1	3	8	—	14	—	1	—	27	—	—	—
Данныя стат. бюро въ %-ахъ . .	3,7 ⁰ / ₀	11,1 ⁰ / ₀	—	29,6 ⁰ / ₀	—	51,8 ⁰ / ₀	—	3,7 ⁰ / ₀	—	100 ⁰ / ₀	—	—

*) Въ основномъ статистич. описаніи уѣзда 1889 г. дана только общая цифра гончаровъ во всей Вороньковской волости—безъ указанія, сколько ихъ отдѣльно въ Поставмукахъ, Городищѣ и Лѣс.-Слободѣ.—В. И. Василенко, приводя цифры о хозяйственномъ положеніи гончаровъ, даетъ ихъ также въ слитномъ видѣ для всѣхъ селеній.

Списокъ волости за 1898 г. и данныя стат. бюро за 1900 г. почти совпадаютъ, вѣроятно, вслѣдствіи одинаковости способа полученія этихъ цифръ. Свѣдѣнія, данныя намъ при опросѣ самими кустарями, нѣсколько разнятся: такъ какъ эти свѣдѣнія даны на память, а не по опредѣленному списку, то они могутъ погрѣшать въ смыслѣ правильности распредѣленія хозяйствъ по группамъ землевладѣнія; за то самое число всѣхъ вообще хозяевъ—гончаровъ повидимому болѣе точно, чѣмъ списокъ волости, и объясняется это тѣмъ, что волость составила лишь списокъ полныхъ хозяевъ, а гончары включили и отдѣлившихся сыновей. Во всякомъ случаѣ разница невелика. Мы лично принимаемъ, какъ болѣе вѣроятное, общее число гончаровъ 33, а распредѣленіе по группамъ землевладѣнія (въ процентныхъ отношеніяхъ)—то, которое дано статистическимъ бюро за 1900 г.

Итакъ, общее количество земли у гончаровъ почти не измѣнилось (за 7 лѣтъ съ 79 дес. до 84,2 дес.); распредѣленіе ихъ по группамъ землевладѣнія—также, но все-же, повидимому, значеніе земледѣлія въ хозяйствѣ гончаровъ по сравненію съ промысломъ, въ общемъ падаетъ. Въ 1893 г. П. А. Зарѣцкій дѣлалъ такую характеристику промысла: „въ Городищѣ гончарство имѣетъ значеніе подспорнаго занятія при главномъ лѣтнемъ занятіи хлѣбопашествомъ и гончарствомъ здѣсь занимаются преимущественно зимой, а лѣтомъ ему посвящается времени весьма мало (стр. 106)“. Въ то-же время г. Зарѣцкій указывалъ 8 хозяйствъ безъ собственнаго посѣва (изъ 27). Въ 1900-мъ году статистич. бюро считало изъ тѣхъ же 27 хозяевъ цѣлыхъ 12 хоз., не занимавшихся земледѣліемъ. Знатокъ мѣстной жизни священникъ Мишта говоритъ, что въ Городищѣ „гончарный промыселъ почти постояненъ и лишь меньшая часть гончаровъ занимается земледѣліемъ“. Сами гончары говорили намъ, что для большинства изъ нихъ гончарство является главнымъ занятіемъ и лишь для немногихъ подсобнымъ. Имѣютъ свой хлѣбъ въ теченіи всего года лишь Иванъ Бовкунъ (5¹/₄ дес.), Петръ Малеванный (4³/₄ дес.), два Котляренка (отъ 3 до 4¹/₂ дес. у каждаго), Мойсей Бовкунъ (9 дес.) и нѣкоторые другіе, которые, кромѣ своей земли, прихватываютъ еще гдѣ-нибудь и чужой. Арендовать, впрочемъ, землю рѣдко кому удается—не у кого; экономія Горвицевъ отдаетъ лишь очень мало и очень плохой земли. За снопъ зарабатывать также негдѣ: экономіи не даютъ, а такихъ мужиковъ, которые давали-бы за снопъ, также нѣтъ. Малоземельные обыкновенно нанимаютъ за деньги выорать и посѣять или сдаютъ съ ¹/₂, а убираютъ сами. Не занимаются полевыми работами только тѣ, кто совсѣмъ не имѣетъ земли.

Промыселъ настолько занимаетъ гончаровъ, что на земледѣльческіе заработки на югъ изъ нихъ уходятъ немногіе и очень рѣдко—разъ въ

4 или 5 лѣтъ. По ихъ подсчету, на гончарную работу у нихъ за годъ уходитъ 200 рабочихъ дней *), не считая того времени, дней 15 примѣрно, которое нужно для копки 20 возовъ глины (средняя годовая пропорція глины, перерабатываемая однимъ мастеромъ). Въ теченіи дня работаютъ около 10 часовъ, и при вечернемъ освѣщеніи почти не работаютъ, кромѣ болѣе здоровыхъ мастеровъ и кромѣ случаевъ, слѣшной работы; правда, мастера здѣсь плохо считаютъ на часы, но вѣроятіе ихъ утвержденіямъ даетъ то, что въ Городищѣ гончарное производство не интенсивно: по мнѣнію и покупателей, и самихъ гончаровъ, издѣлія ихъ оставляютъ желать много лучшаго.

Наемныхъ рабочихъ никто изъ гончаровъ не держитъ,—какъ потому, что гончарная работа требуетъ такихъ спеціальныхъ навыковъ, что обладающій ими предпочтетъ самъ быть хозяиномъ, такъ еще и потому, какъ говорятъ сами гончары, что ихъ производство не вынесло-бы оплаты наемнаго труда; самимъ гончарамъ приходится иногда отрываться на другія занятія,—не то, чтобы заводить у себя наймытовъ. Учениковъ также не принимаютъ, и корреспондентъ Хоменко даже увѣряетъ, что мастера сердятся, если къ нимъ кто-нибудь приходитъ подучиться, изъ опасенія конкуренціи (это, впрочемъ, больше относится къ плетенію кошелей). Такимъ образомъ медленный, едва замѣтный ростъ числа гончаровъ объясняется тѣмъ, что въ гончары идутъ лишь дѣти гончаровъ-же, да и то не все, (повидимому въ Городищѣ многихъ соблазнила успѣшность сбыта кошелей изъ рогаза).

Въ Городищѣ есть своя „Гончарівка“,—такъ называется улица на краю мѣстечка, подъ горою; вдоль этой улицы вытянулись все 33 двора гончаровъ. Отсюда имъ недалеко до глиницъ, покопанныхъ въ горѣ—съ той стороны, гдѣ находится Лѣсовая-Слободка. Работаютъ гончары въ жилыхъ хатахъ и только немногіе (Бовкуны—Иванъ и Мойсей) имѣютъ для этого старыя, нежилыя хаты. Производство сопровождается обычною для гончарнаго дѣла сыростью, особенно зимою. Въ лучшемъ случаѣ хата выдерживаетъ сырость 40—50 лѣтъ, обычно же истлѣваетъ лѣтъ за 20; одинъ хозяинъ жаловался, что у него дубовыя лутки погнили за 11 лѣтъ. На нашъ вопросъ, считаютъ-ли гончары практичною затѣею строить общія мастерскія, на нѣсколько человекъ сразу, для того, чтобы имѣть извѣстные удобства въ работѣ и сушкѣ издѣлій и сберечь жилыя хаты отъ сырости,—гончары отвѣчали, что считаютъ это дѣло неподходящимъ для себя. Мастерская на

*) Стат. бюро сообщаетъ, что большинство гончаровъ м. Городища (около 20) работаютъ круглый годъ, остальные—въ свободное отъ земледѣльческихъ работъ время (куст. и ремесл., стр. 92). Свящ. Мишта говоритъ, что „гончары занимаются своимъ промысломъ тоже круглый годъ; перерывы бываютъ во время полевыхъ работъ, и то очень короткіе, ибо большинство не имѣетъ земли или имѣетъ очень мало“.

4 мастера обойдется рублей въ 500, да отоплять ее надо,—не хватить состоянія; сомнѣваются, чтобы 4 мастера могли и за 10 лѣтъ окупить стоимость такой постройки. Разумѣется, это только отговорки, а главная помѣха устройству общихъ мастерскихъ—неумѣніе спѣться, вести общее дѣло и, наконецъ, нежеланіе отрываться отъ рабочей обстановки своей хаты и семьи.

Священникъ Мишта свидѣтельствуеть, что гончары не соединяются ни для совмѣстныхъ работъ, ни для продажи издѣлій; товарищество между ними проявляется только въ томъ, что нѣкоторые изъ нихъ пользуются общими горнами. Намъ насчитали на всѣхъ 33 хозяевъ (36 работавшихъ) только 13 горновъ, причемъ только въ 2 горнахъ обжигало свои издѣлія по одному хозяину; въ 3 горнахъ обжигали издѣлія по 3 мастера въ каждомъ; четыре горна были на 2 хозяина каждый; 3 горна—на 4 человѣка каждый и, наконецъ, еще одинъ „компаньонскій„ горень—на 5 хозяевъ. Общіе горны (изъ 13 намъ указали 6 общихъ или артельныхъ) устраиваются на общій счетъ всѣхъ участниковъ, по равной части *). Пользованіе—по очереди; недоразумѣнія рѣдки—развѣ передъ праздниками и передъ большими ярмарками, когда каждый гончаръ спѣшитъ обжечь свои издѣлія. При спорахъ, какъ водится, уступаютъ тому, кто посилнѣе: „Иванъ якъ накричитъ на насъ, то мы и згожумось“.

Устройство горновъ обычное, усовершенствованій не знаютъ; отличіе отъ горновъ въ Поставмукахъ въ томъ, что, во 1-хъ, въ Городищѣ горны болѣе закрыты, представляя собою конусообразную яму, тогда какъ въ Поставмукахъ широкій открытый зѣвъ, и во 2-хъ, въ устройствѣ dna горна: оно не представляетъ собою правильной рѣшетки, какъ въ Поставмукахъ, а состоитъ на половину изъ рѣшетки и наполовину изъ дыры, ведущей въ нижнюю печь. Объясняютъ это тѣмъ, что въ Поставмукахъ издѣлія обжигаются дважды (безъ поливы и потомъ съ поливой) и тамъ нельзя сразу пустить сильное пламя, въ Городищѣ же весь горень снизу до верху долженъ быть обожженъ въ одинъ разъ **).

Печи для пережиганія свинца по своему цѣлесообразному устрой-

*) П. А. Зарѣцкій относительно 27 хозяевъ далъ такія цифры: своими горнами пользуются 12 хоз., артельными 14 и чужимъ 1; сколько было горновъ, онъ не говоритъ. «Въ Городищѣ, говоритъ онъ, горны устроены на общественной землѣ, въ дворовъ; строятся они гуртомъ въ 4 и 5 человѣкъ, а также и пользованіе ими гуртовое» (стр. 106).

**) О типѣ горна въ Городищѣ нѣкоторой свѣдѣнія имѣются у г. Зарѣцкаго—стр. 18, 21 и 24. Онъ не видитъ разницы между горномъ въ Поставмукахъ и Городищѣ; вся особенность горновъ въ Городищѣ, по его мнѣнію, въ томъ, что они устраиваются на покатыхъ склонахъ горы. То, что говоримъ мы о разницѣ въ устройствѣ горновъ, взято нами со словъ мастеровъ; на ихъ отвѣтственности оставляемъ объясненіе этой разницы.

ству заслуживаютъ особаго вниманія, какъ говоритъ г. Зарѣцкій; въ прочихъ-же приспособленіяхъ и инструментахъ, въ томъ числѣ и въ гончарномъ кругѣ, на которомъ дѣлается все—даже гончарныя трубы, никакихъ особенностей нами не замѣчено.

Главный матеріалъ гончарнаго производства—глина со временъ изслѣдованія г. Зарѣцкаго и по настоящее время достается гончарамъ даромъ, съ общественнаго глинища на горѣ, за селомъ, къ Лѣсовой-Слободкѣ, гдѣ эта глина (по мѣстному „глей“) залегаетъ на глубинѣ $\frac{3}{4}$ аршина и составляетъ пластъ толщиною также не болѣе $\frac{3}{4}$ арш. Благодаря близости глины, добываніе ея легко: набрать возъ глины требуетъ менѣе одного рабочаго дня. Каждый копаетъ отдѣльно, хотя и въ одной ямѣ, общей для всѣхъ гончаровъ. По качеству глина, по выраженію самихъ гончаровъ,—„слабая“. Г. Зарѣцкій считаетъ ее также одной изъ худшихъ глинъ позднѣйшаго образованія и характеризуетъ такъ: „глина эта такъ-же разсыпчата, какъ и въ Поставмукахъ, и, какъ въ сыромъ, такъ и въ сухомъ видѣ имѣетъ съ первою почти одинаковый цвѣтъ. Прикрывающій и подстилающій ее слои содержатъ множество мелкихъ валунчиковъ различныхъ горныхъ породъ; особенно много ихъ въ нижнемъ слоѣ; валунчики эти нерѣдко попадаютъ и въ самыя издѣлія. Глина эта въ замѣшенномъ видѣ не очень пластична, но довольно нѣжна; послѣ обжига она становится крайне хрупкою; цвѣтъ ея тогда превращается въ коричнево-красный съ сѣдоватымъ оттѣнкомъ“ (стр. 14). Сами гончары говорятъ, что ихъ горшки—„якъ поставишь у пічь, за 2—3 дня пропадае, а иноді й сразу: поставишь, та бѣльшъ вже не вытягнешъ!“ За то хороши тѣ издѣлія, которыя не ставятся въ печь,—тыквы, кувшины; въ чайникъ если налить горячей воды изъ самовара или чугуна, будетъ хорошо держать, а кипятить въ немъ воду на огнѣ нельзя—разлѣзется. „Наши Городисскіе горшки усякъ знае,—вони вже здавна оконфужені: це, каже, паршиві Городисскіе горшки“!...

Сплошь поливанной посуды въ Городицѣ почти не дѣлають, и потому свища употребляютъ сравнительно мало. Побѣла совсѣмъ не употребляютъ. Издѣлія обыкновенно смазываются дегтемъ и „притрушуются“ сухимъ свинцомъ, а затѣмъ обжигаются въ одинъ разъ. Свинецъ берутъ въ одной мѣстной лавчонкѣ („пуда 3 привезе, а мы й разберемо“), причемъ лавчоникъ беретъ $\frac{1}{2}$ коп. „пользы“ на фунтѣ, сравнительно съ той цѣной, какую платятъ гончары въ Лохвицѣ, Лубнахъ или Пирятинѣ, гдѣ они сбываютъ свои горшки и, пользуясь случаемъ, покупаютъ по 10—20 фунтовъ свинца. Въ томъ и другомъ случаѣ фунтъ свинца обходится недешевле $7\frac{1}{2}$ и не дороже $8\frac{1}{2}$ коп. за фунтъ (пудъ свинца въ большихъ городахъ стоитъ 2 р. 30—2 р. 40 коп. и выше).

Другихъ составовъ не употребляютъ; орнаментика заключается не въ раскрашиваніи издѣлій, а въ томъ, что „посуду синячь окуромъ и камешкомъ пишуть на шероховатой глинѣ блестящій сѣтчатыи узоръ“ (Зарѣцкій, стр. 57).

Относительно топлива свѣдѣнія нѣсколько расходятся. Зарѣцкій въ 1893 г. писалъ, что въ Городищѣ старые плетни и старыя постройки на словъ „предпочитаются свѣжимъ хворостянымъ дровамъ (здѣсь *косковыхъ*, полѣнныхъ нѣтъ), а изъ послѣднихъ дровъ считаются лучшими грушевыя и дубовыя“ (стр. 71). Статистическое бюро въ книгѣ „кустари и ремесленники“ сообщаетъ, что „для обжига гончарныхъ издѣлій полѣнныя дрова здѣсь почти не требуются; употребляются исключительно *хмызовыя* дрова и во всякомъ видѣ—сухомъ и сыромъ“ (стр. 92). Намъ мастера, говорили, наоборотъ, что у нихъ издавна существовала, между прочимъ, покупка дровъ на сажень: Лѣтъ 10 назадъ за сажень платили рублей 7, а теперь цѣна доходитъ до 10 р.; впрочемъ, по цѣлой сажени почти не покупаютъ, а не болѣе $\frac{1}{2}$ саж. въ одинъ разъ *). Сажень забираютъ на 8—9 подводъ при плохой дорогѣ, на 6—при хорошей. Соответственно этому обходится и доставка: въ грязь до 2 р., въ хорошую погоду до 1 р. 50 коп. за сажень. Берутъ преимущественно дубъ, грушу и грабъ,—все въ одной цѣнѣ—10 руб. Покупаются дрова и на мѣстѣ, въ Городищѣ, и по казеннымъ лѣсамъ, а также въ Сухоносовкѣ и Слободкѣ. Для обжиганія горна издѣлій требуется дровъ на 1 р.—1 р. 50 к., даже, будто-бы, до 2 руб. Покупаютъ и „глазоміромъ“—на возъ, не дешвле 1 р. за возъ. Иногда случается купить и старую постройку. Управляющій экономіею г-жи Горвиць, г. Дохманъ сообщалъ намъ, будто-бы гончары пользуются дровами изъ экономическаго лѣса, не платя за нихъ, и будто-бы даже плохое качество посуды объясняется тѣмъ, что гончары, благодаря особому способу добыванья топлива, впопыхахъ обжигаютъ издѣлія и портятъ ихъ; но, разумѣется, разобраться въ этихъ обвиненіяхъ трудно, тѣмъ болѣе, что между экономіей и мѣстными жителями во время нашего посѣщенія господствовали весьма натянутыя отношенія изъ за Горвицевской плотины, подтапливавшей Городище.

Городищенскими гончарами изготовляются такія издѣлія: 1) горшки разной величины,—изъ нихъ самыя большіе „плоскіе“ употребляются тогда, когда нужно во время свадьбы или на поминкахъ по умершему наготовить „стравы“ на $\frac{1}{2}$ ведра; средній сортъ—„стовбуновые“—

*) Слѣдуетъ замѣтить, что вездѣ въ Полтавской губ. саженью дровъ называютъ не кубическую сажень, а особую: большую часть въ сажень укладываются не одинаковыя по толщинѣ стволы, а такіе, которые въ нижнемъ діаметрѣ отрѣза гораздо шире, чѣмъ въ верхнемъ, т. е. верхушки деревъ; толстые концы укладываются такъ, что получается съ лица видъ квадратный сажени, за то сзади тонкіе концы едва составляютъ $\frac{1}{2}$ сажени.

вмѣстимостью въ $2\frac{1}{2}$ кварты; меньшіе—„укладъ“—на $1\frac{1}{2}$ кварты и, наконецъ, самые малые—„маленчата“—въ $\frac{1}{2}$ кварты; цѣны на нихъ при продажѣ въ разбивку таковы: плоскіе по 10 коп., стовбуновые по 7 коп., укладъ по 5 коп. и маленчата по 3, 2 и $1\frac{1}{2}$ коп. за штуку. Крышки къ горшкамъ идутъ по копѣйкѣ.

2) Кувшины: самые большіе—„гладуши“—дѣлаются больше по заказу, для молока, вмѣстимостью въ 5 квартъ, стоятъ по 10 коп., средніе—въ $2\frac{1}{2}$ кварты—идутъ по 6 или 7 коп.; самые малые—„козинцы“—отъ 3 до 5 коп. за штуку;

3) тыквы—самыя большія („плоскія“)—въ $\frac{1}{2}$ ведра; среднія—въ $\frac{1}{4}$ ведра; стовбуновыя—въ 2 кварты;

4) макитры: плосковыя—ведра въ $1\frac{1}{2}$, стовбуновыя—въ 1 ведро, вкладъ—въ $\frac{1}{2}$ ведра.

5) чашечки двухъ размѣровъ—на $2\frac{1}{2}$ осмины и дѣтскія, маленькія—на 1 осмину.

6) небольшіе чайники—въ 1 или $1\frac{1}{2}$ кварты, по заказу дѣлаютъ и большіхъ размѣровъ.

Наконецъ, дѣлаются еще разныя „риночки“ и пр. Свистулекъ и кониковъ здѣсь не дѣлаютъ; формовки нѣтъ.

Въ 1893 г. для техники гончарныхъ издѣлій въ Городищѣ г. Зарѣцкій предвидѣлъ лучшее будущее; онъ говорилъ (стр. 124):— „въ Городищѣ незавидное гончарство обѣщаетъ въ недалекомъ будущемъ расширить свое производство путемъ приготовленія издѣлій лучшихъ образцовъ, благодаря одному гончару, недавно еще живущему здѣсь и производящему, кромѣ плохихъ по качеству, но красивыхъ по виду кухонныхъ горшковъ, еще горшки цвѣточныя, украшенные частью безвкусницами, дѣтскія игрушки, именуемая сливой, грушей, маковкой, гарбузомъ и пр. и, въ особенности, цвѣточныя горшки гладкіе, безъ украшеній. Этимъ послѣднимъ горшкамъ можно пожелать хорошей будущности, такъ какъ, просмотрѣвъ при изслѣдованіи сотню тысячъ гончарныхъ издѣлій, лучшихъ цвѣточныхъ горшковъ намъ не пришлось встрѣчать. Они имѣютъ простую, но красивую форму; стѣнки ихъ ровны и гладки, а по чистотѣ и тщательности выработки они кажутся не отъ руки сдѣланными, а сформованными; къ тому же глина здѣшняя чрезвычайно красива и гигроскопична, а послѣднее качество особенно важно для растеній. Въ Зѣньковского уѣзда подобныхъ издѣлій не встрѣчается больше нигдѣ“. Упоминаемый здѣсь мастеръ есть, очевидно, Емельянъ Охрименко (по прозванію Бѣлоусъ), который сравнительно недавно переселился въ Городище изъ Поставамукъ и знаетъ всѣ тамошніе, „секреты“ составленія поливы, хранимые имъ въ тайнѣ отъ сосѣдей. При насъ онъ уже о цвѣточныхъ горшкахъ не упоминалъ,

а говорилъ о поливанныхъ дымовыхъ трубахъ, которыя онъ одинъ и умѣетъ дѣлать (поливу для этихъ трубъ онъ также держитъ въ секретѣ). Его знанія для мѣстныхъ гончаровъ остаются безплодными, да и онъ самъ, по слабости здоровья, не можетъ ихъ использовать въ полной мѣрѣ: такъ, по его словамъ, онъ не въ силахъ сдѣлать трубу шире 5—6 вершковъ въ діаметрѣ, хотя есть потребность въ ширинѣ 7—8 вершк. Трубы эти Охрименко дѣлаетъ на простомъ гончарномъ кругѣ, ручнымъ способомъ, безъ всякихъ иныхъ приспособленій. На этомъ примѣрѣ оправдывается мысль, что обученіе усовершенствованнымъ приѣмамъ техники отдѣльныхъ мастеровъ, выхваченныхъ изъ массы, не можетъ еще само по себѣ гарантировать распространеніе въ данномъ районѣ такихъ усовершенствованныхъ приѣмовъ; наоборотъ, отдѣльные мастера постараются какъ можно дольше выдѣляться своими знаніями изъ массы, и единственнымъ надежнымъ способомъ распространенія полезныхъ знаній является устройство земской или общественной учебной мастерской, равно доступной для всѣхъ *).

Городищенская посуда въ оптовой продажѣ считается на сотни, причемъ въ каждой „сотнѣ“ лишь немного больше 100 издѣлій т. е. прибавка (или укладъ) здѣсь незначительна или же и совсѣмъ не дается. Составъ самой дешевой сотни, въ 2 рубля, примѣрно таковъ: 10 плоскихъ горшковъ, 40 стовбуновыхъ, 25 укладу и 25 маленькихъ. Въ двухрублевой сотнѣ кувшиновъ: самыхъ большихъ полуведерныхъ обыкновенно не дается, втораго по величинѣ калибра даютъ штукъ 25, среднихъ 50 и маленькихъ 25. Если вся сотня должна состоять изъ $\frac{1}{2}$ —ведровыхъ кувшиновъ, то за такую сотню берутъ и по 5 руб. Обыкновенно въ составъ сотни входитъ 10 или 15 плоскихъ горшковъ, 20—40 стовбуновыхъ, укладу штукъ 25, добавляютъ 10—20 тыквъ или кувшиновъ; макитръ большихъ кладутъ штукъ 5, среднихъ съ десятокъ, маленькихъ штукъ 15. Смотря по величинѣ вошедшихъ въ составъ сотни издѣлій, цѣна сотни колеблется отъ 2 руб. (на мѣстѣ) до 3 р. и до 5 р. за самыя большія *).

Производительность труда гончаровъ и размѣры производства во

*) Въ книгѣ „Кустари и ремесленники Полт. губ.“ (стр. 92) читаемъ: „изъ зѣвшихъ кустарей-гончаровъ только одинъ приготовляетъ посуду прочно и красиво, употребляетъ разноцвѣтную поливу и примѣняетъ Поставиукейскій способъ обжиганія глины, т. е. употребляетъ лучшія (полѣнные) дрова. Примѣръ, подаваемый этимъ ремесленникомъ (?) гончарамъ не находятъ, впрочемъ, подражанія: зѣшіе гончары находятъ выгоднымъ для себя обжигать глину по прежнему хворостомъ, производить посуду непрочную и дешевую, и никакихъ улучшеній вводить не желаютъ“.

**) Г. Зарѣцкій даетъ слѣдующій составъ Городищенской сотни: плоскихъ 10, стовбуновъ 30, укладныхъ (кашниковъ) 50, пидворотнивъ 10, макитеръ 5, покрышекъ 5, итого 110 штукъ,—стр. 94. Такая сотня горшковъ въ его время продавалась по 2 р.,—стр. 110. Свящ. Мишта приводитъ слишкомъ ужъ низкія цѣны: будто-бы случается гончарамъ продавать сотню (какихъ издѣлій?) отъ 50 коп. до 1 руб. 50 коп.

всемъ Городищѣ могутъ быть выяснены изъ слѣдующаго. Одинъ мастеръ, за день работы на кругу, можетъ сдѣлать или 20—25 самыхъ большихъ горшковъ, или штукъ 40 стовбуновыхъ, или штукъ 50 третьяго по величинѣ сорта, или 60—70 „малечи“, или, наконецъ, штукъ 80—100 покрышекъ и всякой мелочи. Полную сотню издѣлій стоимостью въ 2 рубля можно сдѣлать за 2 дня; трехрублевую сотню сдѣлають дня за 4. Говорять, что посуды можно сдѣлать примѣрно на 1 рубль въ день, но на подготовительныя операціи и на обжигъ требуется особое время. Гончары считали, что для выпуска горна издѣлій, считая вмѣстимость горна въ 2—2¹/₂ сотни, со всѣми подготовительными операціями (добываніе и приготовленіе глины и пр.) и съ обжиганьемъ, требуется 2 недѣли времени. Въ горнъ вкладывается обыкновенно 240—250 издѣлій, изъ которыхъ, за вычетомъ лома, выходитъ цѣлыхъ 2 сотни; болѣе мелкихъ издѣлій вкладываютъ до 300 штукъ. Самый лучший мастеръ, говорятъ, въ теченіи года можетъ обжечь до 15 горновъ издѣлій, средній—около 10,—„это вже вполнѣ можно надѣяться, що 10 виробить“. (Г. Зарѣцкій считаетъ, что въ Городищѣ одинъ гончаръ сдѣлаетъ въ день отъ 60 до 80 горшковъ; среднюю вмѣстимость горна онъ принимаетъ въ 2,⁹⁷ сотни; считаетъ, что въ среднемъ каждый хозяинъ за годъ выпускаетъ 5,⁸⁹ горновъ издѣлій, а всѣ 27 гончаровъ 159 горновъ). Если считать рабочихъ дней *) въ году 215, а на выпускъ горна издѣлій 14 дней, то выйдетъ, что максимальное число горновъ, которое можетъ выпустить одинъ мастеръ за годъ, не можетъ быть болѣе 15. Изъ присутствовавшихъ на опросѣ гончаровъ только одинъ однако заявлялъ, что въ иной годъ обожжетъ и до 15 горновъ, а въ иной не больше десяти; всѣ же прочіе гончары соглашались признать, какъ среднюю цифру для всѣхъ, 10 горновъ. Этотъ счетъ почти вдвое превышаетъ счетъ г. Зарѣцкаго (у него почти 6 горновъ) и, въ виду того, что у г. Зарѣцкаго **) посчитано отдѣльно производство каждаго хозяина, наша же средняя цифра получена изъ голословнаго утвержденія гончаровъ, мы готовы допустить въ приведенныхъ нами расчетахъ гончаровъ нѣкоторое преувеличеніе. Возможно однако и то, что за истекшія 5 лѣтъ производительность труда гончаровъ въ Городищѣ нѣсколько возросла. Размѣры производства во всемъ поселеніи гончары вычисляли такъ: 36 гончаровъ выпускають по 10 горновъ, т. е. 360 горновъ; стоимость горна посуды—отъ 6 до 7 руб.; слѣдовательно, горшковъ и пр. производится за годъ на сумму отъ 2160 руб. до 2520 руб. Изъ этой суммы, по словамъ гончаровъ,

*) „Чоловік не камінь и не анголь,—и заснуть треба“.

***) У Зарѣцкаго средняя производительность одного гончарнаго хозяйства—6 горновъ, высшая—17 горновъ, 6 горнамъ соотвѣтствуетъ 17¹/₂ сотенъ, семнадцать горнамъ—50 сотенъ.

почти половина уходит на оплату топлива, доставки глины, свинца и другие расходы производства, остальная половина составляет вознаграждение за труд. Слѣдуетъ замѣтить, что расходы по поѣздкамъ сюда не входятъ, такъ какъ цѣна въ 2—3 р. за сотню или въ 6—7 р. за горнѣ—это цѣна на мѣстѣ; при поѣздкахъ же издѣлія даютъ 7—8 р. за сотню при оптовой продажѣ и еще гораздо больше при продажѣ враздробъ, по мелочамъ. Такимъ образомъ, изъ расходовъ производства можетъ считаться единственно серьезнымъ расходъ на топливо, но и оно нѣкоторымъ достается даромъ; слѣдовательно, изъ 60—70 р. средняго валоваго дохода или изъ 90—105 руб. наибольшаго дохода (15 горновъ по 7 руб.) три четверти можно считать оплатою труда, (т. е. отъ 45 до 75 руб.), и лишь одну четверть этихъ суммъ расходуютъ на топливо и матеріалъ. Г. Зарѣцкій считаетъ, что на горнѣ въ 3 сотни надо дровъ на 4 р., 3 фунта свинца на 30 к. и 2 воза глины на 30 к. Если продать такой горнѣ посуды за 6—8 руб., то за свой 14-дневный трудъ гончаръ получить, по этому расчету, отъ 1 руб. 40 до 3 р. 40 коп. или отъ 10 до 24 коп. въ день. Дѣйствительный заработокъ долженъ быть выше, такъ какъ дрова достаются дешевле и, кромѣ того, издѣлія въ разбивку могутъ быть проданы дороже.

Способы сбыта издѣлій Городищенскихъ гончаровъ существуютъ разные: продаютъ и пріѣзжимъ скупщикамъ, и своимъ мѣстнымъ горшковозамъ, и отвозятъ перекупкамъ въ ближайшіе города, и, наконецъ, распродаютъ сами враздробъ. Сами возятъ чаще всего въ Лохвицу, затѣмъ въ Лубны и Пирятинъ, наконецъ въ Чернухи, Сенчу и Варву, а иногда въ Тепловку, Пирятинъ уѣзда. Предпочитаютъ ѣздить на ярмарки, въ окружности верстъ на 70; изъ нихъ Лубенская Преображенская хотя и считается главною, но гончары увѣряютъ, что принуждены избѣгать ея, такъ какъ здѣсь берутъ съ нихъ „містоваго“ по 1 рублю. На базары вывозятся горшки только передъ Рождествомъ и Пасхою. Во всѣхъ этихъ поселеніяхъ издѣлія большею частью продаются оптомъ „перекупкамъ“. Въ незначительныхъ размѣрахъ продаютъ горшки „въ рѣзницу“ и на мѣстныхъ субботнихъ базарахъ, которые имѣютъ гораздо большее значеніе, особенно подъ осень, чѣмъ единственная мѣстная однодневная ярмарка 1-го августа „на Маковія“. Иногда являются въ Городище скупщики изъ-за Пирятина, Драбова, Тепловки; пріѣздъ ихъ очень неравномѣренъ—„иноді частенько надокучаютъ, а оце два годы й зовсімъ не прііздыли“. Есть и два мѣстные горшковозы—гончары (Бовкунъ Тимофей и Рудичъ Евдокимъ), которые „якъ время дозволяе“, скупаютъ у сосѣдей горшки по 1 руб. 70—1 р. 80 коп. или по 2 р. за сотню и сами развозятъ по ярмаркамъ, выручая рубля по 3, а то и дороже, если враздробъ (размѣры

своей выручки они скрываютъ, какъ жалуются на нихъ гончары). Очевидно, въ той или иной формѣ, но посредничество въ сбытѣ играетъ существенную роль. Зарѣцкій считалъ, что изъ 27 хозяевъ лишь 12 обходятся безъ посредничества скупщиковъ, (но и изъ нихъ, вѣроятно, многіе сбывали издѣлія оптомъ перекупкамъ, по пріѣздѣ въ болѣе крупныя города), а статистич. бюро отмѣчаетъ, что въ 1900 г. изъ тѣхъ-же 27 хозяевъ 11 сбываютъ скупщикамъ, 10 потребителямъ и 6 и тѣмъ и другимъ. Крупнаго скупщичества въ Городищѣ нѣтъ,—такого, напр., какъ въ сосѣднихъ Поставмукахъ, гдѣ въ теченіи нѣсколькихъ лѣтъ сряду скупщикъ Демченко закупаетъ громадныя партіи мисокъ. Это и вполне понятно, почему крупному скупщичеству здѣсь нѣтъ работы: издѣлія невысокаго качества, расширить спросъ на нихъ трудно; сами гончары знаютъ своихъ потребителей и на нихъ главнымъ образомъ работаютъ, не надѣясь на расширение рынка. Вообще гончарное производство въ Городищѣ производитъ такое впечатлѣніе, что оно, хотя и упрочилось въ извѣстныхъ размѣрахъ, но при этомъ какъ-то застыло въ привычныхъ, разъ отлившихся формахъ. Болѣе прочныя отношенія со скупщиками не завязываются: пріѣзжаетъ скупщикъ, посчитается за наличныя и уѣзжаетъ. Емел. Охрименко жаловался, что онъ однажды попытался отпустить скупщику издѣлій на 2 р. въ долгъ и не вернулъ своихъ денегъ,—съ тѣхъ поръ только на наличныя и считается.

Благодаря плохому качеству мѣстной глины, чуть не большая половина хозяекъ въ Городищѣ запасается, горшками не мѣстнаго производства, а привозными; даже жены гончаровъ покупаютъ привозныя горшки. Только кувшины, макитры и тыквы у всѣхъ мѣстнаго изготовленія. Привозители посуды (не гончары, а барышники) являются изъ Поставмукъ (на каждый базарь), Комышны, Хомутца и Поповки; ни изъ Опошни, ни изъ роменскаго Глинска посуда сюда не заходитъ.

Священникъ Мишта полагаетъ, что для улучшенія способовъ обработки глины и обученія болѣе изящной глазировкѣ издѣлій желательно было-бы командированіе въ Городище ученаго мастера, слѣдствіемъ чего могло-бы быть поднятіе доходности промысла; сами гончары, однако, повидимому, никакого самостоятельнаго интереса къ улучшеніямъ не проявляютъ и держатся пассивно. Въ общемъ промыселъ не падаетъ и не развивается.

XIV. Колесный промыселъ въ Харсикахъ Чернухской волости.

Въ матеріалахъ Лохвицкой управы мы нашли, между прочимъ, указанія на колесный промыселъ въ Харсикахъ; поэтому, заѣхавъ въ Харсики, собственно для ознакомленія съ изготовленіемъ волосяныхъ ситъ, мы распросили и колесниковъ. Оказалось, что собственно Харсики особо важнымъ пунктомъ колеснаго производства не могутъ быть названы, потому что колесники по-немногу разбросаны по всей волости. Еще въ основномъ статистическомъ изслѣдованіи 1888 г. въ Чернухской волости указанъ 21 колесникъ (въ томъ числѣ трое, отставшихъ отъ земледѣлія) и одинъ дѣлающій возы и сани. По свѣдѣніямъ бюро за 1900 годъ („Кустари и ремесленники“, стр. 99—100), число колесниковъ поднялось до 32, въ томъ числѣ 22 чистыхъ кустаря и изъ нихъ 11, кромѣ того, занимающихся изготовленіемъ возовъ и саней. Эти 22 мастера (стр. 54—56) размѣстились такъ: въ Чернухахъ 1, въ Сухоносевкѣ 6, въ Харсикахъ 4, въ Козловкѣ 2, въ Чевновой 5, въ Нехристовкѣ 3 и въ Коваляхъ 1. Въ дѣйствительности цифры нѣсколько больше: въ Чернухахъ намъ указали двухъ колесниковъ (одинъ имѣетъ свою парню), въ Харсикахъ ихъ оказалось не 4, а 8; кромѣ того, указывали, что въ х. Чернечьемъ есть хорошіе мастера и три парни. При этомъ жители м. Чернухъ, при необходимости имѣтъ колеса, преимущественно обращаются именно къ издѣліямъ Чернечяго, а не Харсикъ. Въ виду того, что въ обоихъ названныхъ поселеніяхъ (Харсикахъ и Чевновой или Чернечей) указаны одинаково по 3 парни, мы сочли возможнымъ ограничиться опросомъ однихъ харсикскихъ колесниковъ.

Въ Харсикахъ промыселъ существуетъ издавна. Лѣтъ 10 назадъ было тамъ тоже число мастеровъ, что и теперь, т. е. 8; молодежь въ мастера почти не переходитъ, потому что главнымъ занятіемъ мѣстныхъ колесниковъ является все-же земля, а промыселъ имѣетъ лишь подсобное значеніе. Изъ этихъ 8 двое также дѣлаютъ сани и колеса. Земля есть у всѣхъ, хотя и немного *). Ради промысла никто изъ нихъ

*) Относительно 4 колесниковъ, отмѣченныхъ статистич. бюро въ 1900 г. въ Харсикахъ, извѣстно, что одинъ изъ нихъ имѣетъ болѣе 6 дес., двое—отъ 3 до 6 дес. и одинъ принадлежитъ къ разряду имѣющихъ отъ 1 до 3 дес.

не бросить полевой работы, но времени, свободного отъ землепашества, въ теченіе года у нихъ все-же наберется до 8 мѣсяцевъ, преимущественно зимою, когда заготавливаются спицы (колодокъ, говорятъ, зимою не дѣлаютъ, такъ какъ до лѣта онѣ успѣли-бы высохнуть и лопнуть). Всѣ мастера одинаково дѣлаютъ простыя крестьянскія колеса, кромѣ одного старика Емельяна Барсука, который уже „плохенько робить — мало выгоня“. Рабочихъ ни у кого нѣтъ, помогаютъ свои сыновья. Во время гнутья ободьевъ приходится прибѣгать къ посторонней помощи, такъ какъ эта операція требуетъ одновременнаго участія двухъ 4—5. Въ такихъ случаяхъ обходятся или помощью сосѣдей, обязываясь въ свою очередь отплатить имъ за услугу починкой колеса и т. п., или иногда даже и деньгами платятъ—копѣекъ по 20 въ день. Раньше частенько дѣлалось это за угощеніе горілкою, но теперь этотъ обычай выводится.

На всѣхъ 8 мастеровъ имѣются лишь 3 парни (огневья), причемъ только Пав. Никит. Соляникъ работаетъ одинъ въ своей собственной парнѣ; другая парня служитъ на двоихъ, а третья даже на 4 колесниковъ. Только дѣдъ Ем. Барсукъ не имѣетъ опредѣленнаго пристанища для своихъ ободьевъ—„куда попроситься“. Общія парни устроены на общій счетъ участниковъ. Распариванья ободьевъ паромъ никто не знаетъ; говорятъ, ближе Калайдинцевъ никто не имѣетъ паровой парни.

Работаютъ почти исключительно для ярмарочной продажи, по заказамъ рѣдко; да по заказамъ, будто-бы, и менѣе выгодно работать: „онъ (заказчикъ) все наровитъ всучить какое-нибудь старье и требуетъ, чтобы изъ него сдѣлать ему хорошее колесо“. Лѣсъ на колеса покупается обыкновенно такимъ образомъ. Кто-нибудь изъ мѣстныхъ „капитальныхъ“ крестьянъ не безъ затрудненія выискиваетъ гдѣ-нибудь у пана („уже й паны распродали все“—Савицкой и др.), дѣлянку лѣса, которую и приобрѣтаетъ за 150—180 р. до 300 руб.,—пользуется самъ и распродаетъ другимъ по мелочамъ, причемъ на этой операціи „ползуется добре“! Колесники въ одинъ разъ закупаютъ лѣса не болѣе, чѣмъ на 5—10 руб. За весь годъ, такимъ образомъ, колесникъ переберетъ лѣса на 20—30 р. до 40 руб.—„большъ ніжъ на 40 р. одинъ не переробишь, якъ не разъ у разъ робишь“. Лѣсъ сильно поднимается въ цѣнѣ: за послѣднія 10 лѣтъ, по словамъ колесниковъ, примѣрно, процентовъ на 25.

На колодки идетъ береза и берестъ; если покупаютъ колодками, то каждая обходится отъ 9 до 15 коп.; изъ дерева цѣною въ 1 рубль выходитъ около 10 колодокъ. Ободъ—исключительно берестовый; на пару колесъ обходится въ 30—40 коп., доходитъ и до 50 коп. На спицы идетъ дубина и ясень. Самое плохое колесо стоитъ около 65

коп., по расчетамъ мастеровъ; въ этомъ числѣ: за работу 30 коп.; колодка обходится въ 10, 12, 15 коп.; спицы, по 1 коп. за штуку— на 10 коп., и ободъ отъ 15 до 20 коп. Такимъ образомъ, станъ плохенькихъ колесъ стоитъ отъ 2 до 2 р. 50 коп., причемъ заработка на немъ „упадае“ рубль. Средній станъ стоитъ 3—4 р., лучший 5 р.; въ этомъ послѣднемъ за работу приходится 2 р. 50 коп., въ четырехрублевомъ—2 рубля.

Не считая времени, уходящаго на поиски матеріала: поѣздку въ лѣсъ, къ пану и т. д.,—самое производство требуетъ слѣдующаго количества времени: чтобы наколоть, обтесать и погнуть 30 штукъ ободьевъ (больше 30 штукъ въ парню не закладываютъ—какъ по размѣрамъ парни, такъ и изъ опасенія испортить ободья) надо 2 дня совмѣстной работы; затѣмъ обтесать спицы и колодки и пригнать къ нимъ ободъ требуетъ въ сложности не менѣе 3 дней для худшаго сорта колесъ, а для пятирублеваго стана—4 дней.

Средній годовой размѣръ производства намъ посчитали въ 25 становъ (100 колесъ) на каждого мастера, причемъ есть и такіе, что не дѣлаютъ болѣе 15—20 становъ, но есть и „молодшіе“ (напр., Моцунь), которые больше 25 выгоняютъ. При опросѣ мы получили впечатлѣніе, что если мастера нѣсколько и уменьшаютъ размѣры своего производства, то все-же немного. Годовой свой заработокъ, за покрытіемъ стоимости матеріала, считаютъ въ 50 руб. и говорятъ, что всѣ денежные потребности своего хозяйства (уплата податей, покупка сапогъ и т. д.) они покрываютъ заработкомъ отъ своего промысла.

Потребность своего села Харсикъ въ колесахъ мастера, по ихъ словамъ, удовлетворяютъ своею работою едва въ размѣрѣ одной десятой части. Здѣшніе хозяева покупаютъ колеса и въ Чернухахъ, и по другимъ мѣстамъ. Сами харсичане колесники и на сторону сбываютъ колеса—на базарахъ и ярмаркахъ въ Лохвицѣ, Пирятинѣ, Варвѣ, Воронькахъ. Въ Лубны не возятъ, такъ какъ тамъ есть сильные конкуренты. Сколько помнятъ колесники, имъ всегда приходилось работать почти исключительно для ярмарочной продажи, по заказамъ рѣдко.

Промыселъ не развивается и, вѣроятно, не имѣетъ будущаго вслѣдствіи оскуднѣнія мѣстности лѣсами и вздорожанія лѣснаго матеріала.

Таблицы распределенія хозяйствъ с. Поставмукъ по землевладѣнiю и промысламъ (по даннымъ 1903 г.).

Сверхъ тѣхъ данныхъ за 1898 и 1900 гг., которыми мы пользовались при обзорѣ промысловой жизни с. Поставмукъ, намъ удалось получить отъ С. А. Кореновой позднѣйшiя данныя, относящiеся къ началу 1903 года, болѣе полныя, чѣмъ данныя статистическаго бюро за 1900 годъ, и любопытныя въ томъ отношенiи, что они свидѣтельствуютъ о численномъ развитiи промысловъ. Данныя эти мы сгруппировали въ 3 таблицы.

Т а б л и ц а № 1-й.

Группы по землевладѣнiю.	Распределенiе по занятiямъ жителей.	Безлошадные.			Съ 1 лошадыю.			Съ 2 лошадыми.			Съ 3 лошадыми.			И Т О Г О.			
		У нихъ:			У нихъ:			У нихъ:			У нихъ:			У нихъ:			
		Число хозяйствъ.	Усадьбы.	Поля.	Число хозяйствъ.	Усадьбы.	Поля.	Число хозяйствъ.	Усадьбы.	Поля.	Число хозяйствъ.	Усадьбы.	Поля.	Число хозяйствъ.	Усадьбы.	Поля.	Лошадей.
I. Съ одной усадебной землей.	Только хлѣбопашество	—	—	—	1	0,04	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	1
	Только промыселъ . . .	7	1,21	—	5	0,50	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	5
	Хлѣбон. + промыселъ . . .	—	—	—	1	0,08	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	1
	Итого . . .	7	1,21	—	7	0,62	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	7
II. Съ усадебой и полемъ до 1 десят.	Только хлѣбопашество	3	0,28	3,00	1	0,08	0,75	—	—	—	—	—	—	—	—	—	1
	Только промыселъ . . .	1	0,24	0,50	1	0,08	1,00	—	—	—	—	—	—	—	—	—	1
	Хлѣбон. + промыселъ . . .	2	0,16	2,00	2	0,32	2,00	1	0,08	1,00	—	—	—	—	—	—	4
	Итого . . .	6	0,68	5,50	4	0,48	3,75	1	0,08	1,00	—	—	—	—	—	—	6
III. Съ полевой землей отъ 1 до 2 дес.	Только хлѣбопашество	—	—	—	—	—	—	1	0,08	1,75	—	—	—	—	—	—	2
	Только промыселъ . . .	2	0,08	3,00	3	0,36	5,00	1	0,12	2,00	—	—	—	—	—	—	5
	Хлѣбон. + промыселъ . . .	11	0,96	19,25	22	2,91	35,50	2	0,32	3,50	—	—	—	—	—	—	26
	Итого . . .	13	1,04	22,25	25	3,27	40,50	4	0,52	7,25	—	—	—	—	—	—	33

Группы по землевл- дѣнію.	Распредѣленіе по занятіямъ жителей.	Безлошадные.			Съ 1 лошадыю.			Съ 2 лошадыми.			Съ 3 лошадыми			И Т О Г О.						
		У нихъ:			У нихъ:			У нихъ:			У нихъ:			У нихъ:						
		Число хозяйств.	Усадьбы.	Поля.	Число хозяйств.	Усадьбы.	Поля.	Число хозяйств.	Усадьбы.	Поля.	Число хозяйств.	Усадьбы.	Поля.	Число хозяйств.	Усадьбы.	Поля.	Лошадей.			
IV. Отъ 2 до 3 десят.	Только хлѣбопашество	—	—	—	1	0,08	3,00	—	—	—	—	—	—	—	—	—	1	0,08	3,00	1
	Только промыселъ . .	2	0,16	5,00	4	0,83	11,25	1	0,04	2,25	—	—	—	—	—	—	7	1,03	18,50	6
	Хлѣбоп. + промыселъ .	4	0,46	11,25	20	3,46	53,75	4	0,54	12,00	—	—	—	—	—	—	28	4,46	77,00	28
	Итого . .	6	0,62	16,25	25	4,37	68,00	5	0,58	14,25	—	—	—	—	—	—	36	5,37	98,50	35
V. Отъ 3 до 4 десят.	Только хлѣбопашество	1	0,08	3,25	—	—	—	2	0,37	8,00	—	—	—	—	—	—	3	0,45	11,25	4
	Только промыселъ . .	—	—	—	3	0,28	10,75	1	0,08	4,00	—	—	—	—	—	—	4	0,36	14,75	5
	Хлѣбоп. + промыселъ .	3	0,50	10,75	6	0,72	21,75	2	0,42	7,75	—	—	—	—	—	—	11	1,64	40,25	10
	Итого . .	4	0,58	14,00	9	1,00	32,50	5	0,87	19,75	—	—	—	—	—	—	18	2,45	66,25	19
VI. Отъ 4 до 5 десят.	Только хлѣбопашество	1	0,13	4,00	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	1	0,13	4,00	—
	Только промыселъ . .	1	0,12	4,25	1	0,13	5,00	—	—	—	—	—	—	—	—	—	2	0,25	9,25	1
	Хлѣбоп. + промыселъ .	—	—	—	8	1,42	38,75	1	0,13	4,50	—	—	—	—	—	—	9	1,55	43,25	10
	Итого . .	2	0,25	8,25	9	1,55	43,75	1	0,13	4,50	—	—	—	—	—	—	12	1,93	56,50	11
VII. Отъ 5 до 6 десят.	Только хлѣбопашество	3	0,37	17,50	1	0,12	5,75	—	—	—	—	—	—	—	—	—	4	0,50	23,25	1
	Только промыселъ . .	2	0,33	12,00	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	2	0,33	12,00	—
	Хлѣбоп. + промыселъ .	2	0,30	10,50	3	0,33	16,75	3	1,50	17,50	—	—	—	—	—	—	8	2,13	44,75	9
	Итого . .	7	1,00	40,00	4	0,45	22,50	3	1,50	17,50	—	—	—	—	—	—	14	2,96	80,00	10
VIII. Свыше 6 десят.	Только хлѣбопашество	1	0,25	8,25	2	0,50	13,50	1	0,25	7,00	2	1,00	26,75	6	2,00	55,50	10	—	—	—
	Только промыселъ . .	3	0,37	22,75	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	3	0,37	22,75	—
	Хлѣбоп. + промыселъ .	3	0,54	22,75	6	1,92	45,75	12	4,16	134,25	—	—	—	—	—	—	21	6,62	202,75	30
	Итого . .	7	1,16	53,75	8	2,42	59,25	13	4,41	141,25	2	1,00	26,75	30	9,00	281,00	40	—	—	—
Итого во всѣхъ группахъ.	Только хлѣбопашество	9	1,11	36,00	6	0,82	23,00	4	0,70	16,75	2	1,00	26,75	21	3,64	102,50	20	—	—	—
	Только промыселъ . .	18	2,51	47,50	17	2,18	33,00	3	0,24	8,25	—	—	—	38	4,93	88,75	23	—	—	—
	Хлѣбоп. + промыселъ .	25	2,92	76,50	68	11,16	214,25	25	7,16	180,50	—	—	—	118	21,23	471,25	118	—	—	—
	Итого . .	52	6,54	160,00	91	14,16	270,25	32	8,10	205,50	2	1,00	26,75	177	29,80	662,50	161	—	—	—

Въ понятіе „промыселъ“ включены, всѣ промыслы, зарегистрированные въ с. Поставмукахъ. Въ числѣ 38 хозяйствъ, живущихъ только отъ промысла, заключается 26 гончарскихъ хозяйствъ; точно также въ числѣ 118 хозяйствъ, соединяющихъ земледѣліе съ промысломъ, заключаются 93 хозяйства, совмѣщающихъ земледѣліе съ гончарствомъ. Такимъ образомъ, въ томъ или иномъ видѣ (т. е. въ чистомъ или смѣшанномъ съ земледѣліемъ) промыслы встрѣчаются въ 156 хозяйствахъ изъ общаго ихъ числа 177, т. е. въ 90%, а собственно гончарный промыселъ отмѣченъ въ 119 хозяйствахъ или въ 67% общаго числа хозяйствъ. Если мы разобьемъ промысловые дворы по важнѣйшимъ группамъ землевладѣнія, то получимъ слѣдующее:

Въ томъ числѣ:

	Общее число хозяйствъ въ Поставмукахъ.	число земледѣльческихъ.	промысловыхъ съ земледѣліемъ.	гончарскихъ съ земледѣліемъ.
I. Безземельныхъ (съ усадьбами) .	14 или 7,90%	1 или 4,80%	13 или 8,30%	6 или 5,00%
II. Съ полемъ до 3 десятинъ . . .	89 „ 50,0	6 „ 28,6	83 „ 53,2	66 „ 55,4
III. „ „ отъ 3 до 6 десятинъ . . .	44 „ 25,0	8 „ 38,0	36 „ 23,1	27 „ 22,7
IV. „ „ свыше 6 десятинъ . . .	30 „ 17,1	5 „ 28,6	24 „ 15,4	20 „ 16,9
Итого	177 „ 100%	21 „ 100%	156 „ 100%	119 „ 100%

Мы видимъ, что промыслы гнѣздятся главнымъ образомъ въ двухъ первыхъ группахъ по землевладѣнію: 61½% ихъ находится въ хозяйствахъ, имѣющихъ лишь до 3 десятинъ земли. Тотъ-же выводъ въ частности приложимъ и къ гончарству. Въ виду того крупнаго значенія, которое имѣетъ гончарный промыселъ въ жизни с. Поставмукъ, мы сочли нужнымъ разсмотрѣть особо гончарныя хозяйства по основнымъ ихъ элементамъ: размѣрамъ землевладѣнія, количеству лошадей и количеству рабочихъ рукъ въ семьѣ, занятыхъ специально гончарствомъ.

Т а б л и ц а № 2-й.

Группировка по земле- владѣнію и по значенію промысла въ хозяйствѣ.	Безлошадные.				Съ 1 лошадыю.				Съ 2 лошадыми.				И т о г о .					
	Число хозяйствъ.	Въ нихъ:			Число хозяйствъ.	Въ нихъ:			Число хозяйствъ.	Въ нихъ.			Число хозяйствъ.	Въ нихъ:				
		Рабочихъ гончаровъ.	Земл.			Рабочихъ гончаровъ.	земл.			Рабочихъ гончаровъ.	Земл.			Рабочихъ гончаровъ.	Земл.		Лошадей.	
			Усадьбы.	Поля.			Усадьбы.	Поля.			Усадьбы.	Поля.			Усадьбы.	Поля.		
I. Съ одной усадьбы	Только гончарство .	4	5	0,38	—	2	2	0,25	—	—	—	—	6	7	0,63	—	2	
	Гончарство + хлѣбощ. .	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	
И т о г о . .		4	5	0,38	—	2	2	0,25	—	—	—	—	6	7	0,63	—	2	
II. Съ полемъ до 1 дес.	Только гончарство .	1	2	0,08	1,00	—	—	—	—	—	—	—	1	2	0,08	1,00	—	
	Гончарство + хлѣбощ. .	1	1	0,12	1,00	2	4	0,33	2,00	—	—	—	3	5	0,43	3,00	2	
И т о г о . .		2	3	0,20	2,00	2	4	0,33	2,00	—	—	—	4	7	0,53	4,00	2	
III. Отъ 1 до 2 дес.	Только гончарство .	2	2	0,17	3,00	3	4	0,38	5,00	1	1	0,13	2,00	6	7	0,67	10,00	5
	Гончарство + хлѣбощ. .	6	7	0,50	10,25	20	37	2,70	35,50	1	1	0,25	2,00	27	45	3,45	47,75	22
И т о г о . .		8	9	0,67	13,25	23	41	3,08	40,50	2	2	0,38	4,00	33	52	4,12	57,75	27
IV. Отъ 2 до 3 дес.	Только гончарство .	1	2	0,08	2,25	3	3	0,71	8,75	1	1	0,04	2,25	5	6	0,83	13,25	5
	Гончарство + хлѣбощ. .	3	4	0,33	8,25	17	24	3,08	45,25	4	9	0,54	12,00	24	37	3,96	65,50	25
И т о г о . .		4	6	0,41	10,50	20	27	3,79	54,00	5	10	0,58	14,25	29	43	4,79	78,75	30
V. Отъ 3 до 4 дес.	Только гончарство .	—	—	—	—	2	2	0,21	7,25	1	1	0,08	4,00	3	3	0,29	11,25	4
	Гончарство + хлѣбощ. .	1	1	0,12	3,25	5	8	0,58	17,75	1	2	0,17	3,75	7	11	0,88	24,75	7
И т о г о . .		1	1	0,12	3,25	7	10	0,79	25,00	2	3	0,25	7,75	10	14	1,17	36,00	11
VI. Отъ 4 до 5 дес.	Только гончарство .	1	1	0,12	4,25	—	—	—	—	—	—	—	—	1	1	0,12	4,25	—
	Гончарство + хлѣбощ. .	—	—	—	—	6	10	1,17	29,25	—	—	—	—	6	10	1,17	29,25	6
И т о г о . .		1	1	0,12	4,25	6	10	1,17	29,25	—	—	—	—	7	11	1,29	33,50	6
VII. Отъ 5 до 6 дес.	Только гончарство .	2	2	0,25	12,00	—	—	—	—	—	—	—	—	2	2	0,25	12,00	—
	Гончарство + хлѣбощ. .	2	2	0,29	10,50	3	6	0,33	16,75	3	6	1,50	17,50	8	14	2,12	44,75	9
И т о г о . .		4	4	0,54	22,50	3	6	0,33	16,75	3	6	1,50	17,50	10	16	2,37	56,75	9
VIII. Свыше 6 дес.	Только гончарство .	2	2	0,25	16,00	—	—	—	—	—	—	—	—	2	2	0,25	16,00	—
	Гончарство + хлѣбощ. .	1	2	0,12	6,25	6	14	1,50	45,75	11	22	3,91	126,25	18	38	5,54	178,25	28
И т о г о . .		3	4	0,37	22,25	6	14	1,50	45,75	11	22	3,91	126,25	20	40	5,79	194,25	28
Во всѣхъ груп- пахъ.	Только гончарство .	13	16	1,33	38,50	10	11	1,54	20,50	3	3	0,25	8,25	26	30	3,12	67,25	16
	Гончарство + хлѣбощ. .	14	17	1,50	39,50	59	103	9,69	192,75	20	40	6,38	161,50	93	160	17,57	393,75	99
И т о г о . .		27	33	2,83	78,00	69	114	11,23	213,25	23	43	6,63	169,75	119	190	20,69	461,00	115

Для сравненія и провѣрки этихъ данныхъ мы имѣемъ цифры статистическаго бюро Полтавскаго земства за 1900 годъ. Скорѣе, благодаря большей точности нашихъ данныхъ, (полученныхъ путемъ личнаго опроса кустарей С. А. Кореневою), чѣмъ вслѣдствіи естественнаго прироста, число гончаровъ въ началѣ 1903 года (въ 119 хозяйствахъ 190 лицъ, занятыхъ гончарствомъ) превышаетъ число ихъ въ 1900 г. (когда было 108 хозяйствъ со 149 гончарами). Вѣроятно, впрочемъ, и то, что, подъ вліяніемъ открытія въ Поставмукахъ гончарной мастерской, большее число дѣтей было привлечено къ гончарному промыслу. Распредѣленіе гончаровъ по размѣрамъ землевладѣнія приблизительно одинаково въ рассматриваемый періодъ, что видно изъ слѣдующаго:

	Въ 1900 году.		Въ 1903 году.	
	Число хозяйствъ.	Въ ‰ ахъ.	Число хозяйствъ.	Въ ‰-ахъ.
I. Безземельные	4	3,7 ⁰ / ₀	6	5,0 ⁰ / ₀
II. Земли до 1 дес.	2	1,8	4	3,4
III. Отъ 1 до 3 дес.	48	44,4	62	52,1
IV. „ 3 „ 6 „	36	33,3	27	22,7
V. Свыше 6 дес.	18	16,7	20	16,8
Итого	108	100 ⁰ / ₀	119	100 ⁰ / ₀

Комбинируя количество земли у гончаровъ съ числомъ лошадей, получаемъ, что безлошадные имѣли въ среднемъ на 1 хозяйство 3 десятины усадебной и полевой земли (въ 27 хоз. 80,83 дес.), хозяйства съ 1 лошадию имѣли по 3,25 десят. и, наконецъ, хозяйства съ 2 лошадьми имѣли по 7,67 дес. Параллельно съ этимъ: хозяйства безземельныя имѣли всего $\frac{1}{3}$ лошади на дворъ, хозяйства съ землею до 3 дес. имѣли на дворъ по 0,89 лошади; хозяйства съ землею отъ 3 до 6 дес. имѣли уже почти по цѣлой лошади (0,96 лош.), и, наконецъ, въ хозяйствахъ свыше 6 дес. было по 1,4 лошади. Слѣдуетъ замѣтить при этомъ, что гончары сами почти не развозятъ посуды для продажи; слѣдовательно, лошади въ ихъ хозяйствахъ почти исключительно употребляются для нуждъ земледѣлія, а попутно для возки глины.

Что касается числа лицъ въ каждой семьѣ, занимающихся гончарствомъ, то по группамъ оно варьируется такъ: хозяйства безземельныя и съ землей до 1 дес. имѣютъ по 1,4 гончара, на каждый дворъ, хозяйства съ землей до 3 дес. имѣютъ по 1,5 гончара, хозяйства отъ 3 до 6 десят. также по 1,5 гончара и, наконецъ, хозяйства свыше 6 дес. имѣютъ по 2 гончара. Отмѣченная маленькая тенденція къ увеличенію числа гончаровъ въ лучше обеспеченныхъ землею дворахъ, вѣроятно, находитъ себѣ объясненіе въ томъ, что такіе дворы вообще болѣе многочлены и даютъ извѣстный излишекъ рабочихъ рукъ для промысла.

Такимъ образомъ, хозяйства, располагающія большимъ количествомъ земли, вмѣстѣ съ тѣмъ имѣютъ больше и рабочихъ рукъ, занятыхъ гончарствомъ, и лошадей. Можетъ быть, правильнѣе было-бы сказать, что тамъ, гдѣ больше рабочихъ рукъ, хозяйство болѣе обезпечено и земледѣльческими, и промысловыми заработками. Возможно, конечно, и такое положеніе: гдѣ большее число рукъ занято гончарнымъ промысломъ, тамъ больше скопляется сбереженій, обращаемыхъ на расширеніе земледѣльческаго хозяйства. Какому фактору ни придавать наибольшее значеніе—землѣ, рабочей силѣ или промыслу, во всякомъ случаѣ факторы эти тянутъ за собою другъ друга, вызываютъ, обуславливаютъ другъ друга.

Что касается другого, распространеннаго въ Поставмукахъ, промысла—плетенія кошелей изъ рогоза, то мы имѣемъ слѣдующія данныя, чтобы отвѣтить на вопросъ, въ какихъ именно (по размѣрамъ землевладѣнія) хозяйствахъ занимаются этимъ промысломъ. Въ доставленномъ намъ спискѣ указано, что только въ одномъ хозяйствѣ плетеніе кошелей составляетъ главное и, повидимому, единственное занятіе главы семьи и его двухъ сыновей; у этого хозяина лишь усадьба въ 100 кв. саж. и лошадь, поля нѣтъ. Затѣмъ, еще въ двухъ хозяйствахъ гончаровъ, не занимающихся хлѣбопашествомъ, отмѣчено также и плетеніе кошелей (одинъ изъ этихъ гончаровъ имѣетъ лишь усадьбу въ 300 саж., а другой усадьбу въ 200 саж. и 1¹/₂ дес. поля).—Въ 8 хозяйствахъ, почти не занимающихся земледѣльствомъ, главнымъ промысломъ является гончарство, а плетеніе кошелей занимаетъ небольшую часть рабочей силы. Остальные 15 хозяйствъ, въ которыхъ встрѣчается плетеніе кошелей, принадлежатъ къ числу хозяйствъ земледѣльческихъ. Всѣ 26 хозяйствъ по размѣрамъ распредѣляются такъ:

Группы по размѣрамъ землевладѣнія.	Безлошадные.			Съ 1 лошадыю.			Съ 2 лошадыми.			Итого								
	Число хозяйствъ.	въ нихъ:		Число хозяйствъ.	въ нихъ:		Число хозяйствъ.	въ нихъ:		Число хозяйствъ.	въ нихъ:							
		Рабочихъ.	Усадьбы.		Поля.	Рабочихъ.		Усадьбы.	Поля.		Рабочихъ.	Усадьбы.	Поля.	РАБОЧИХЪ.		ЗЕМЛН.		
														Муж.	Жен.	Усадьбы.	Поля.	Лошадей.
I. Съ одной усадебной землей.	—	—	—	1	1	0,08	—	—	—	—	1	—	1	0,08	—	1		
II. Съ полями до 1 дес.	1	1	0,08	1,00	—	—	—	1	1	0,08	1,00	2	2	—	0,16	2,00	2	
III. Отъ 1 до 3 дес.	5	5	0,42	10,25	6	—	0,93	12,25	—	—	—	11	9	3	1,35	22,50	6	
IV. Отъ 3 до 6 дес.	4	5	0,63	16,00	1	1	0,12	4,00	2	4	0,37	8,50	7	3	7	1,12	28,50	5
V. Свыше 6 дес.	2	2	0,41	16,50	—	—	—	—	—	—	—	2	2	—	0,41	16,50	—	
Итого	12	13	1,54	43,75	8	2	1,13	16,25	3	5	0,45	9,50	23	16	11	3,12	69,50	14
Занимаются только кошелями	—	—	—	—	1	3	0,04	—	—	—	—	—	1	3	—	0,04	—	1
У гончаровъ-хозяевъ заним. кошел.	1	1	0,08	1,50	1	1	0,12	—	—	—	—	2	2	—	0,20	1,50	1	

Существенной разницы въ размѣрахъ землевладѣнія за 3 года (1900 и 1903 г.г.) произойти не могло, и потому различіе цифръ, полученныхъ нами отъ С. А. Кореневой, съ цифрами бюро за 1900 г. скорѣе объясняется нѣкоторымъ несходствомъ въ принятой системѣ группировки. Сравненіе этихъ данныхъ даетъ слѣд. результаты:

Г р у п п ы	Ч и с л о х о з я и с т в ѣ :			
	1900 г.		1903 г.	
	абсол.	%	абсол.	%
I. Безземельные	7	33,3	3	11,5
II. До 1 дес.	—	—	2	7,7
III. Отъ 1 до 3 дес.	4	19,0	12	46,2
IV. Отъ 3 до 6 дес.	7	33,3	7	26,9
V. Свыше 6 дес.	3	14,4	2	7,7
Итого	21 хоз.	100 ⁰ / ₀	26	100 ⁰ / ₀

По нашимъ даннымъ гораздо рѣзче подчеркивается тотъ фактъ, что промыселъ плетенія кошелей встрѣчается въ хозяйствахъ, весьма мало обезпеченныхъ землею. Слѣдуетъ замѣтить, что, по даннымъ 1900 г., только $\frac{2}{7}$ всего числа хозяйствъ, въ которыхъ встрѣчается плетеніе кошелей, занимаются земледѣіемъ правильно, остальные $\frac{5}{7}$ имъ почти не занимаются. Видѣть въ этомъ какое-либо особое вліяніе промысла плетенія кошелей нельзя, такъ какъ, во 1-хъ, доходность промысла весьма невелика и не можетъ отрывать людей отъ земли, у кого таковая есть, а во вторыхъ,—какъ мы видѣли изъ таблицы № 1-й, вообще въ Поставмукахъ хозяйства безземельныя и съ количествомъ земли до 3 дес. составляютъ почти 58⁰/₀ общаго числа.

Г р у п п ы	1900 г.		1903 г.	
	абсол.	%	абсол.	%
I. Безземельные	7	33,3	3	11,5
II. До 1 дес.	—	—	2	7,7
III. Отъ 1 до 3 дес.	4	19,0	12	46,2
IV. Отъ 3 до 6 дес.	7	33,3	7	26,9
V. Свыше 6 дес.	3	14,4	2	7,7
Итого	21 хоз.	100 ⁰ / ₀	26	100 ⁰ / ₀

11/08

1/2

Б302252-3

1000
(for 2)

1350
18